M 51/59
T. 1 1866

СКАЗАНІЯ
О
СВЯТЫХЪ
ХРИСТІАНСКИХЪ,

ЧТИМЫХЪ

ПРАВОСЛАВНОЮ КАѲОЛИЧЕСКОЮ ЦЕРКОВІЮ.

(ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1866.

ГИМН. * РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЯ * БИБЛІО-ТЕКА

Дадите славу Богови: на Израиля велелѣпота Его, и сила Его на облацѣхъ. Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ: Богъ Израилевъ, той дастъ силу и державу людемъ своимъ. Благословенъ Богъ.. Токмо съ мужемъ благоговѣйнымъ присно буди, егоже аще познаеши соблюдающа заповѣди Господня: иже душею своею по души твоей, и аще согрѣшитъ, сподолитъ съ тобою. И совѣтъ сердца устави, ибо ти вѣрнѣе его: душа бо мужа возвѣщати нѣкогда болѣе обыче, нежели седмь блюстители высоцѣ сѣдящіи на стражи. И о всѣхъ сихъ помолися Вышнему, да управитъ во истинѣ путь твой. Начатокъ всякаго дѣла слово, и прежде всякаго дѣланія совѣтъ. Псал. 67, 35. 36. Сирах. 37, 15—20.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ «Православному Собесѣднику».

Дозволено цензурою 20 января 1866 г.

2007065176

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По слову духоноснаго апостола Павла, и прежде всегда оправдывавшемуся и доселѣ всегда продолжающему оправдываться на дѣлѣ, достоинство писанія богодухновеннаго состоитъ между прочимъ въ томъ, что писаніе это полезно и для наученія, и для обличенія, и для исправленія, и для наставленія (2 Тим. 3, 16). Поэтому и достоинство письменности о предметахъ духовныхъ или короче — письменности духовной опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ письменность эта отображаетъ въ себѣ указанное свойство писанія богодухновеннаго, т. е. насколько соотвѣтствуетъ она, по своему содержанію, настроенію и направленію, тѣмъ великимъ цѣлямъ, для достиженія которыхъ полезно откровеніе Божіе, иначе сказать — насколько она содержитъ въ себѣ залоговъ къ тому, чтобы совершенъ былъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ (2 Тим. 3, 17). Достиженіе этой великой цѣли можетъ совершаться, конечно, прежде всего, чрезъ точное и правильное представленіе тѣхъ предметовъ, общая совокупность которыхъ составляетъ истину христіанскую. Но представленіе положительнаго ученія

исповѣдуемой нами св. Вѣры, изложеніе предлагаемыхъ ею истинъ вѣрованія и дѣятельности, сообразной съ духомъ перваго, составляетъ только одну сторону въ общей задачѣ письменности духовной, хотя и самую главную и важную, потому что ею обнимается самая св. Вѣра, какъ св. Вѣра, — какъ совокупность богооткровенныхъ истинъ, долженствующихъ быть принятыми вѣрою и исповѣдуемыми на дѣлѣ человѣкомъ. Рядомъ съ этою стороною стоитъ еще другая сторона, неменѣе важная, именно та, какъ данную Богомъ, откровенную, истину привить къ человѣку, какъ сдѣлать ее личнымъ достояніемъ того или другаго человѣка. Въ области знанія человѣческаго истина составляетъ еще нѣчто искомое, требующее посильной дѣятельности ищущаго ее человѣка; истина найденная и принятая, какъ произведеніе ума человѣческаго, человѣчна и удобопонимаема человѣкомъ. Въ области вѣры эта истина дана, открыта Богомъ; образуется необходимость выяснить отношеніе этой богодарованной истины къ человѣку, требуется умѣнье подвести человѣка со всѣмъ, ему сроднымъ, содержаніемъ подъ высокое вліяніе этой истины, нимало не стѣсняя его свободы, такъ чтобы и истина св. Вѣры сохранила свою жизненность и подчинившійся ей человѣкъ оставался живымъ человѣкомъ. Далѣе, привитая къ человѣку, усвоенная имъ божественная истина можетъ отразиться въ душѣ человѣка, но, отразившись, она можетъ и преломиться и принять неправильное направленіе. Такимъ образомъ, задача духовной письменности состоитъ не только въ правильномъ наставленіи самымъ истинамъ св. Вѣры,

но и въ руководствѣ человѣка, принявшаго эти истины: она обязана не только наставлять, но и воспитывать, а отсюда и достоинство ея не только въ томъ, чтобы она поучала, но и въ томъ, чтобы она назидала, — въ томъ и другомъ случаѣ согласно съ духомъ истины богодарованной.

Нужно сознаться, что это достоинство духовной письменности сколько желаемо и вожделѣнно, столько же трудно и не всегда осуществляется. Не смотря на видимое разнообразіе въ нашей духовной письменности такъ называемаго назидательнаго чтенія, рѣшенія въ ней сложныхъ вопросовъ духовной жизни христіанина далеко не отвѣчаютъ всѣмъ многоразличнымъ требованіямъ спасающейся о Господѣ и живущей о Немъ на землѣ христіанской души. Этотъ недостатокъ, подмѣченный въ послѣднее время нѣкоторыми изъ духовныхъ повременныхъ изданій, тѣмъ ощутительнѣе, что мы мало имѣемъ такого рода письменности въ духовномъ наслѣдіи своихъ предковъ. Сочиненій, подобныхъ твореніямъ святителя Тихона задонскаго, полныхъ глубоко-благочестиваго духа, знанія сердца человѣческаго, теплоты и задушевности чувства, у насъ очень немного. Духовно-назидательнымъ чтеніемъ были у насъ большею частію или школьныя произведенія старой учености, которыя вмѣсто живаго начертанія путей и развитія духовно-христіанской жизни представляли искусственныя изображенія духовнаго развитія человѣка и потому мало говорили уму, а еще менѣе сердцу, или переводныя сочиненія, иногда нечуждыя назиданія, но невсегда чуждыя направленія тѣхъ школъ,

въ средѣ которыхъ явились подлинники, или наконецъ слабыя попытки дѣйствительнаго углубленія въ жизнь духовную, съ желаніемъ наставленія, проявившіяся въ собраніи словъ, бесѣдъ, поученій, размышленій. Только съ тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка, со времени изданія, при кіевской академіи, журнала „Воскресное чтеніе“, началось движеніе; появленіе этого журнала, потомъ переводъ свято-отеческихъ твореній, изданіе твореній подвижническихъ — все это расширило кругъ назидательнаго чтенія. Время новое и новѣйшее положило и полагаетъ свою посильную лепту въ общій складъ назидательной письменности, и истинно благочестивому сердцу остается удовлетворять своей духовной жаждѣ цѣлымъ собраніемъ такого рода письменности, насколько она можетъ отвѣчать его потребностямъ.

Конечно, ищущіе назиданія всегда могли находить въ этихъ посильныхъ опытахъ немало нравственно-руководственныхъ наставленій. Между тѣмъ Церковь, первая, главная и наилучшая руководительница наша въ дѣлѣ спасенія, всегда владѣла сокровищемъ, которое наслѣдовано ею отъ собственной исторіи и которое въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ служило и служитъ для нея средствомъ къ духовному руководству и воспитанію ея чадъ. Еще св. апостолъ Павелъ письменно указывалъ нѣкогда христіанамъ образецъ назиданія въ подражаніи, — въ живомъ наблюденіи и осуществленіи въ собственной жизни подвиговъ вѣры и благочестія другихъ (Евр. 13, 7). Итакъ какъ въ Церкви всегда были люди, по своимъ подвигамъ достойные

служить предметомъ подражанія, то Церковь, держась заповѣди апостольской, и сама свято помнила этихъ людей и всегда учила чадъ своихъ поминать ихъ, призывая тѣмъ самымъ къ подражанію: этою цѣлію объясняется высокая мысль Церкви, посвятившей каждый день въ году памяти тѣхъ или другихъ святыхъ, ею чтимыхъ. Опыты составленія письменныхъ памятниковъ заключавшихъ въ себѣ жизнь и дѣянія этихъ лихъ, являются въ Церкви очень рано; такъ извѣстно, что въ самые первые вѣка Христіанства вѣрующіе уже назидались чтеніемъ жизни и страданій святыхъ Поликарпа, Перпетуи и Филикитаты (1), а Евсевій, записавшій подвиги довольно многихъ лицъ, прославившихся въ Церкви своею жизнію, замѣчаетъ, что онъ въ этомъ случаѣ руководится общимъ желаніемъ вѣрующихъ, всегда хранящихъ память о нихъ въ своемъ сердцѣ (2). Когда водворился въ Церкви миръ, образцами назиданія остались въ ней преимущественно нравственные борцы съ міромъ, грѣхомъ и плотію; эти лица, удивившія міръ своими подвигами, не могли быть забыты, и вотъ является, какъ говорится въ предисловіи къ Четь-минеямъ святителя Димитрія ростовскаго, „другой родъ исторій и повѣстей о житіяхъ угодниковъ Божіихъ, которыя славніи и достовѣрніи писатели оставили намъ“ (3). Великіе мужи Церкви, большая часть кото-

---

(1) *Ruinart.* Epist. eccl. Smyrn de martyr. S. Polykarpi. n. XXI. XXIV. *August.* Serm. 280: opp. t. V. p. 2134.

(2) *Евсев.* Церк. ист. кн. VII, гл. II. Слич. акт. св. Анастасія, одобр. VII всел. соборомъ.

(3) Св. *Дим. рост.* Чет-мин. сентябрь: пред. л. 8 наобор.

рыхъ сами прославились святостію, напр. Кипріанъ, Діонисій александрійскій, Аѳанасій великій, Василій великій, Григорій богословъ, Григорій нисскій, Амвросій медіоланскій, Іеронимъ, Григорій двоесловъ, Іоаннъ дамаскинъ и другіе, оставили въ своихъ твореніяхъ немало памятниковъ, знакомящихъ читателей ихъ съ жизнію и подвигами святыхъ, украсившихъ Христову Церковь. Эти и другія разбросанныя сказанія собирались вмѣстѣ; а лучшими собирателями ихъ были въ Церкви греческой — Сумеонъ Метафрастъ, въ Церкви римской — Анастасій библіотекарь; есть и позднѣйшіе сборники сказаній о святыхъ, напр. Момбриція, Липоманна, Сурія и др. Такъ составилось и лучшее въ своемъ родѣ изданіе сказаній о святыхъ, находящееся въ извѣстномъ трудѣ Болландистовъ (1). Въ Церкви русской также съ давнихъ поръ существовали переводныя сказанія о святыхъ (2); предки наши любили заниматься собираніемъ этихъ памятниковъ, которые были почти единственнымъ источникомъ ихъ духовнаго образованія. Но болѣе полнымъ сборникомъ у насъ служатъ „Четьи-минеи“ митрополита Макарія, а изъ позднѣйшихъ лучшее твореніе принадлежитъ святителю Димитрію ростовскому (3).

---

(1) *Fabric.* Biblioth. graec. t. IX. p. 33—44. 48—152. Hamburg. 1737.

(2) Журн. министр. нар. просв. 1843. ч. 19. стр. 195.

(3) Истор. свѣдѣнія объ этомъ изданіи смотр. въ сочиненіи «Св. Дим. рост. Москва. 1849 г.» въ предисл. къ сент. Чет-мин. Дух. бесѣд. 1858. IV. 456—7.

Указанные нами опыты составленія житій святыхъ, хотя основывались на древнихъ памятникахъ церковной письменности, не могли исчерпать всю полноту свѣдѣній, находящихся въ этихъ памятникахъ и служившихъ основою къ составленію жизнеописанія того или другаго святаго. Эти опыты имѣли къ явленію своему въ свѣтъ частныя побужденія, современную возможность удовлетворить имъ и особенную цѣль. Вслѣдствіе этого составители жизнеописаній тѣхъ волею или неволею должны были ограничиваться въ этихъ жизнеописаніяхъ такимъ или инымъ воспроизведеніемъ внѣшней (фактической) стороны дѣла. Но у насъ, предпринявшихъ изданіе „сказаній о святыхъ“, въ русскомъ переводѣ, имѣется въ виду иное. Въ предисловіи къ изданію „Сказаній о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церквію“, мы заявили, что вовсе не намѣрены представить такъ или иначе болѣе или менѣе краткія или полныя описанія *жизни* ихъ, лично нами составленныя (¹). Тоже самое заявляемъ и теперь, полагая начало изданію, въ русскомъ переводѣ, „Сказаній о святыхъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію“. Кто хочетъ ознакомиться съ жизнеописаніями святыхъ, составленными у насъ въ прежнія времена такъ или иначе, тѣмъ или другимъ лицемъ, по извѣстнымъ побужденіямъ, сообразно съ современностію и съ своеобразною цѣлію, тотъ можетъ обратиться и къ выше указаннымъ нами опытамъ, къ

(¹) Сказан. о мучен. христ., чтим. прав. каѳол. Церк. т. I. стр. 146. Казань. 1865 г.

описаніямъ жизни нѣкоторыхъ святыхъ, разсѣяннымъ въ нашихъ духовныхъ повременныхъ изданіяхъ, и къ частнымъ отдѣльнымъ изданіямъ, которыми на этотъ разъ, къ прискорбію (1), не бѣдна наша, скудная въ другихъ отношеніяхъ, письменность о предметахъ духовныхъ. Задача нашего изданія не въ томъ, чтобы представить нами составленное или сочиненное жизнеописаніе того или иного святаго, но въ томъ, чтобы предложить, въ русскомъ переводѣ, тѣ памятники духовной письменности, на основаніи и въ духѣ которыхъ надѣемся видѣть на русскомъ языкѣ, если только доживемъ до того времени, жизнеописанія святыхъ, или древнія записи, замѣтки, слова и проч., въ которыхъ сохранились болѣе или менѣе обстоятельныя указанія на тѣ или другія черты въ жизни того или иного святаго, находящіяся въ разныхъ памятникахъ древней христіанской письменности. Полное, обстоятельное, всестороннее описаніе жизни того или другаго святаго, чтимаго православною каѳолическою Церковію, будетъ составлять въ нашемъ изданіи еще нѣчто искомое, надлежащее и своевременное изображеніе котораго предстоитъ пока впослѣдствіи, какъ совокупность, болѣе или менѣе обширная, но разумная, тѣхъ частныхъ указаній, которыя представлены будутъ нами какъ надлежащее данное для того, что̀ или можетъ или должно, смотря по обстоятельствамъ, войти въ полныя жизнеописанія. Съ этой точки зрѣнія значеніе нашего изданія.

---

(1) Причина этого прискорбія уразумѣется изъ сказаннаго ниже.

какъ по крайней мѣрѣ мы думаемъ, имѣетъ достоинство и руководительное и въ тоже время знательное, научное.

Истина всегда и вездѣ дорога для человѣка. Тѣмъ болѣе должна она составлять неотъемлемую принадлежность въ такомъ святомъ дѣлѣ, каково составленіе житій святыхъ. „Да не будетъ ми лгати на святаго", говоритъ святитель Димитрій ростовскій въ своемъ предисловіи къ составленнымъ имъ Четь-минеямъ. Это благочестивое опасеніе святаго святителя долженъ имѣть въ виду каждый составитель житій святыхъ (1). Между тѣмъ въ дѣйствительности невсегда соблюдалось достохвальное опасеніе святителя Димитрія. Въ описаніи или составленіи житій святыхъ иные руководятся не столько дѣломъ, сколько личнымъ увлеченіемъ, даютъ болѣе мѣста своимъ, невсегда вѣрнымъ соображеніямъ, нежели сложившимся въ древности тѣмъ или инымъ воззрѣніямъ. Святая жизнь не нуждается въ прикрасахъ пылкаго воображенія; чѣмъ предлежательнѣе ея описаніе, чѣмъ точнѣе воспроизводятся черты ея, тѣмъ очевиднѣе высота святости, тѣмъ свѣтлѣе образъ святаго. Неменѣе прискорбно явленіе иного рода, примѣчаемое въ нашей духовной письменности. Мы не можемъ жаловаться на *количество* издаваемыхъ у насъ сказаній о жизни святыхъ (2); но, съ другой стороны,

(1) Его и имѣлъ въ виду составитель книги: «Русскіе святые, чтимые всею Церковію, или мѣстно» (Черниговъ 1862 г.), преосвященный Филаретъ, предпринявшій изданіе ея въ виду прежняго опыта о русскихъ святыхъ, принадлежащаго г. Муравьеву, который почему-то не взялъ во вниманіе означеннаго опасенія святителя Димитрія ростовскаго.

(2) Это можно видѣть изъ библіографическихъ обозрѣній богословской письменности нашей.

знакомые съ сказаніями этими не могутъ утѣшаться ихъ *качествомъ*. Подмѣтивъ, что сознаніе вѣрующаго народа жаждетъ не голословнаго, тѣмъ болѣе пустаго, а еще хуже — нечестиваго, содержанія въ назиданіи, но живаго примѣра и проявленія истины, нѣкоторые рѣшились поставить для себя задачею сочинять жизнеописанія святыхъ, движимые въ этомъ случаѣ не столько истиннымъ проникновеніемъ святымъ дѣломъ, сколько небезукоризненнымъ, корыстолюбивымъ, побужденіемъ (1). Если близость къ Четь-минеямъ святителя Димитрія ростовскаго и предохраняетъ подобнаго рода составителей отъ грубыхъ вольностей и сопряженныхъ съ ними ошибокъ, за то подобнаго рода дѣятельность, при всей своей производительности, не представляетъ ничего, кромѣ повторенія того, что находится въ Четь-минеяхъ тѣхъ (2), съ дополненіемъ развѣ словесныхъ украшеній, только вредящихъ святому дѣлу; надлежащихъ основаній, по которымъ слагался составъ житія того или другаго святаго, здѣсь нельзя ожидать; цѣль назиданія вытѣсняетъ отсюда вѣрность и основательность. Очевидно, что такого рода пріемъ настолько

---

(1) Для иныхъ сочиненіе житій святыхъ обратилось въ ремесло, которымъ занимаются преимущественно, если не исключительно, нѣкоторые московскіе книгопродавцы - издатели. Распространяя изданія означенныхъ сочиненій, они, для пользы своей, не щадятъ святаго дѣла; ихъ грязныя, иногда малограмотныя, изданія расходятся тысячами и одни почти питаютъ благочестіе нашего грамотнаго простаго народа.

(2) Вотъ отъ чего, полагаемъ, Четь-минеи святителя Димитрія ростовскаго распространены у насъ не въ такомъ обиліи, въ какомъ слѣдовало бы ожидать распространенія ихъ между жаждущими истинно-назидательнаго чтенія: на ихъ счетъ болѣе или менѣе поживаются у насъ люди посторонніе и притомъ во вредъ святому дѣлу.

односторонень. что не можетъ быть оправданъ ради своего одного назидательнаго свойства и содержанія. Восполнить этотъ недостатокъ, укрѣпить назидательное повѣствованіе на подлинныхъ памятникахъ, сообщить дѣлу духовнаго назиданія истинность и надлежащій видъ, предполагается достигнуть чрезъ предпринятое нами изданіе „Сказаній о святыхъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію".

Такимъ образомъ, съ одной стороны, ощущеніе неполноты духовно-назидательнаго чтенія въ современной письменности, съ другой—справедливое признаніе благотворнаго вліянія жизни святыхъ на христіанское воспитаніе и образованіе, и, наконецъ, необходимость точнаго и прочнаго основанія для такого или иного составленія самыхъ житій святыхъ,—вотъ что руководитъ въ настоящемъ случаѣ желаніемъ нашимъ представить благочестивымъ читателямъ рядъ памятниковъ, въ которыхъ сохранились сказанія о святыхъ угодникахъ Божіихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію.

Что жизнь и подвиги святыхъ должны составлять образецъ истинно-христіанской жизни, что сказанія объ этой жизни и подвигахъ могутъ имѣть глубоко назидательное значеніе для души христіанской, это очевидно. Еще въ ветхомъ завѣтѣ мудрецъ израилевъ подмѣтилъ нравственно-руководственное значеніе жизни святыхъ для прочихъ людей и сказалъ, что *путіе праведныхъ подобно свѣту свѣтятся, предходятъ и просвѣщаютъ* (Притч. 4, 18). Во времена новозавѣтныя, когда истинныхъ праведниковъ содѣлываетъ благодатная сила искупленія, у пріобщившихся которой достиженіе правед-

пости и святости истины (Ефес. 4, 24) о Христѣ должно быть насущнымъ хлѣбомъ для души и тѣла, знаменательное значеніе путей праведныхъ для человѣка, ищущаго спасенія о Христѣ, безъ сомнѣнія, возрасло гораздо болѣе. И свѣтлы путіе праведныхъ новозавѣтныхъ прежде всего конечно сами въ себѣ какъ освѣщенные свѣтильникомъ закона Христова и божественнымъ свѣтомъ благодати; но вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтому они предходятъ и просвѣщаютъ людямъ, „которые по ихъ слѣдамъ, чрезъ очищеніе себя исполненіемъ святыхъ заповѣдей удобнѣе могутъ восходить ко духовному просвѣщенію и чрезъ сіе достигать блаженнаго съ Богомъ единенія" (¹). Итакъ, общее значеніе сказаній о святыхъ просто и понятно само собою. Какъ въ жизни обыкновенной примѣръ и живое дѣйствіе гораздо сильнѣе производятъ на насъ впечатлѣніе, нежели отвлеченная мысль, такъ и въ жизни духовной живое проявленіе добродѣтели въ извѣстномъ лицѣ краснорѣчивѣе всякаго слова могутъ подѣйствовать на душу. Слово вообще скорѣе вызываетъ любознательность; оно служитъ самымъ вѣрнымъ средствомъ дѣйствовать на воображеніе и увлекать, и люди умѣютъ пользоваться этимъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей... Поэтому и сказанія о жизни святыхъ могутъ служить лучшимъ проводникомъ истинъ вѣры и благочестія, такъ что сердце, если оно не совсѣмъ испорчено, не можетъ не находить здѣсь источникъ наслажденія, не

(¹) Митр. *Филаретъ* въ «житіи преп. Сергія радонежскаго». Москва. 1835 г.

можетъ не извлекать отсюда урокъ не только отдѣльныхъ добродѣтелей, но и всего строя духовно-христіанской жизни. Но простымъ признаніемъ за сказаніями о святыхъ общаго нравственно-руководственнаго значенія нельзя ограничивать пользы ихъ. Слышится требованіе — выяснить, въ чемъ именно заключается сущность того духовнаго сокровища, которымъ сказанія о святыхъ могутъ обогатить душу, ищущую назиданія? Въ чемъ заключается тотъ общій духъ, который вѣетъ въ нихъ? Въ чемъ именно состоитъ то настроеніе, которое они образуютъ въ читателѣ? Эти вопросы тѣмъ болѣе настоятельны, что умственное знаніе съ предубѣжденіемъ относится къ тому внутреннему содержанію, которымъ полны сказанія о святыхъ и которымъ отличаются онѣ отъ сказаній о всякихъ другихъ предметахъ. Слабыя души смущаются тѣми великими образцами, которыя начертаны въ этихъ сказаніяхъ; слышится мнѣніе, будто онѣ призываютъ человѣка къ подвигамъ слишкомъ своеобразнымъ, исключительнымъ, неприложимымъ къ общей жизни; здѣсь образцы святости, говорятъ иные, — недоступные, а населяя въ душу образы, невыполнимые въ дѣйствительности, сказанія о святыхъ могутъ будтобы производить въ душѣ только болѣзненное чувство, болѣзненную настроенность, и такимъ образомъ вмѣсто благотворнаго вліянія производить совершенно обратное впечатлѣніе. Подобныя возраженія очевидно возможны даже тогда, когда признается дѣйствительность нравственнаго вліянія на душу сказаній о святыхъ. Слѣдовательно является потребность и необходимость выяснить общій

характеръ тѣхъ представителей святости, которыхъ чтитъ Церковь, тотъ общій обликъ, который свойственъ одинаково всѣмъ святымъ Божіимъ. Это съ одной стороны. Съ другой — возникаетъ вопросъ, неменѣе важный; онъ относится къ внутреннему основанію высокаго явленія въ человѣкѣ — святости. Церковь указываетъ на святыхъ своихъ какъ на образцы духовной жизни, призывающей къ подражанію. Но что такое святость, какъ свойство истинно благоугодившихъ Богу, какими чертами опредѣлить ея существо, какъ она возможна и дѣйствительна въ человѣкѣ, существѣ ограниченномъ и конечномъ? Прежній вопросъ предлагается такъ сказать сердцемъ, пріемлющимъ въ сказаніяхъ о святыхъ слово назиданія; этотъ возникаетъ въ умѣ, начинающемъ знательно относиться къ этимъ предметамъ и стремящемся уяснить существо назидательнаго впечатлѣнія. Обходить этотъ вопросъ, слѣдовательно, значитъ оставить безъ объясненія самый предметъ, благотворныя дѣйствія котораго думаемъ указать; даже болѣе: самое значеніе и важность сказаній о святыхъ Божіихъ условливается именно рѣшеніемъ этого вопроса. Сказанія о святыхъ представляютъ не только рядъ опытныхъ уроковъ благочестія и руководство къ дѣятельности жизни, но и богатую трапезу многихъ отрадныхъ и спасительныхъ истинъ, отъ которой съ духовною пользою и чистымъ наслажденіемъ можетъ питаться душа вѣрующаго; не одна жажда сердца можетъ утолиться тутъ источникомъ живой воды, текущей въ животъ вѣчный, но можетъ назидаться высокими уроками умъ, стремящійся къ чистой истинѣ. Зна-

ченіе сказаній о святыхъ съ этой-то стороны собственно и важно; имъ условливается и опредѣляется и то частное значеніе, которое имѣютъ эти сказанія въ дѣлѣ нравственнаго развитія и жизни человѣка. Переходимъ прежде всего къ этому предмету.

Что такое святость сама по себѣ? Говоря вообще, это — духовно-нравственное совершенство, посредствомъ котораго человѣкъ дѣлается благоугоднымъ Богу. Высшая степень этого совершенства возможна только Существу высочайшему; какъ, по слову Господа, никто не благъ, какъ только одинъ Богъ (Мато. 19, 17), такъ и святъ только тотъ же Господь Богъ нашъ (Псал. 98, 9). Но святая Вѣра учитъ насъ, что въ мірѣ духовномъ святый Богъ есть источникъ, средоточіе и первообразъ святости, что именно потому, что Богъ святъ, можетъ и долженъ быть святъ человѣкъ, какъ созданный по Его образу, какъ отблескъ святости Божіей. Такъ говорило еще законодательство синайское (Лев. 11, 45); такъ учитъ и Евангеліе (Матѳ. 5, 48. 1 Петр. 2, 9. 2 Петр. 1, 4). Какъ въ мірѣ вещественномъ Творецъ въ стройности и красотѣ природы проявляетъ свою славу: такъ въ мірѣ нравственномъ Онъ проявляетъ свою святость въ свободно-нравственномъ достоинствѣ разумныхъ существъ, въ силу котораго они способны къ духовному совершенству. Такъ учитъ Вѣра, а нравственное сознаніе доразумѣваетъ, что въ этомъ-то постепенномъ приближеніи къ Богу, въ этой-то возможности поступательнаго возрастанія „отъ силы въ силу“ и заключается наше преимущество, которое особенно возвышаетъ насъ надъ животными и которое со-

ставляетъ отличительную черту человѣка, какъ созданія по образу Божію. Слѣдовательно и по ученію Вѣры и по собственному нашему сознанію, святость, свойственная и присущая только Божеству, какъ высочайшая степень духовно-нравственнаго совершенства, возможна въ извѣстной мѣрѣ и человѣку, какъ существу свободно-духовному, въ самомъ себѣ, въ своей природѣ носящему печать отображенія, отблеска святости божественной.

Но, заложенная у человѣка въ самой его природѣ, эта возможность постепеннаго духовнаго совершенствованія, можетъ правильно развиваться и переходить въ дѣйствительность только въ благодатномъ царствѣ Христовомъ. Внѣ христіанства для человѣка невозможно получить спасеніе, и именно потому, что внѣ Христовой Вѣры и Церкви невозможно ни истинное освященіе, ни нравственное совершенство — святость. Язычникъ и понятія не имѣлъ о томъ состояніи, которое христіанинъ называетъ святостію; нравственное сознаніе язычника, вращавшееся въ области бытія природнаго, которое по своей сущности недуховно и несвободно, не могло и возвыситься до чисто-духовнаго пониманія нравственнаго развитія и дѣятельности; язычникъ могъ понимать и дѣйствительно признавалъ и допускалъ постепенность нравственнаго развитія, его усовершимость; но самымъ содержаніемъ и сущностію этого развитія, совершенствованія, по его сознанію, было не духовное и нравственно-свободное совершенство, а только естественное развитіе и притомъ страдательно совершающееся; завершеніемъ и вѣнцомъ такого рода

развитія могли быть или простая естественная твердость и мочь, или только относительное величіе духа, вообще тѣ свойства, которыя въ нашемъ катихизисѣ названы „добродѣтелями древнихъ“. Въ мірѣ христіанскомъ не то. Св. Вѣра научила насъ имѣть точное понятіе о силѣ грѣха, его исторической наслѣдственности и дѣйственности въ человѣкѣ, но съ другой стороны открыла, что чрезъ искупленіе, совершенное Спасителемъ, человѣкъ сталъ свободенъ отъ этого грѣха, и въ силу этой-то, благодатію дарованной ему, свободы получилъ полную возможность дѣйствовать самостоятельно и лично достигать положенной для него высшей цѣли. Самый образъ достиженія этой цѣли въ христіанствѣ указывается новый, неизвѣстный язычнику: для христіанина „Богъ есть духъ“ (Іоан. 4, 24), слѣдовательно и стремленіе христіанина къ Божеству и нравственная его жизнь должны совершаться въ духѣ и истинѣ; отсюда — исходомъ, основоположеніемъ и завершеніемъ жизни христіанина должно быть свободное и притомъ духовное совершенство. Посему для христіанина область нравственнаго совершенства не имѣетъ предѣловъ и его свобода никогда не встрѣтитъ ограниченія, а съ другой стороны эта область — чисто духовная; нравственное совершенство для христіанина состоитъ въ свободно достигнутомъ и духовномъ благѣ, которое уже и граничитъ съ святостію. Но св. Вѣра не только указываетъ намъ область нравственнаго совершенства, не только руководитъ насъ на истинный путь, которымъ достигается это совершенство, но дѣйствительно содѣлываетъ насъ причастными этому благу, дѣлаетъ

его достояніемъ нашимъ чрезъ вѣру въ благодатную силу искупленія. Чрезъ Христа и во Христѣ человѣкъ пріобрѣлъ то, чего не разумѣвалъ язычникъ, стяжалъ сокровище, скрытое и недоступное для дохристіанскаго человѣка. Слово Божіе открываетъ, что благодатная сила искупленія служитъ для насъ *освященіемъ* (1 Сол. 4, 3. 7. Рим. 6, 19. 1 Тим. 2, 15. Евр. 12, 14), дѣйствія христіанскія называетъ *святынею* (2 Кор. 7, 1), самихъ христіанъ *святыми* (Кол. 1, 22) и все общество христіанское, Церковь, *святою* (Ефес. 5, 27). Въ силу вѣры въ это благодатное освященіе христіанинъ и имѣетъ возможность достигать того, о чемъ говоритъ апостолъ: „да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“ (2 Тим. 3, 17). Чрезъ Христа и искупленіе, Имъ совершенное, царство зла разрушено, грѣхъ побѣжденъ и вмѣсто сего водворилось то благодатное *царство Божіе*, о которомъ такъ часто говорилъ Спаситель, *тайны* котораго раскрывалъ Онъ своимъ ученикамъ (Дѣян. 1, 3) и о скорѣйшемъ водвореніи котораго на землѣ научилъ Онъ насъ молиться (Матѳ. 6, 10). Желать наступленія и водворенія этого царства значитъ желать освященія и сообразнаго съ нимъ духовно-нравственнаго совершенства, быть членомъ этого царства значитъ пріобщиться святынѣ, быть святымъ. Итакъ, въ благодатномъ царствѣ Христовомъ, и только въ немъ одномъ, истинно духовное совершенство или святость не только возможно, но и дѣйствительно; освященный и облагодатствованный человѣкъ силою Божіею *святится въ истину Божію* (Іоан. 17, 19), о чемъ молился нѣкогда самъ *Святый*

святыхъ (Евр. 2, 11) къ Отцу своему, дабы получили возможность освящаться всѣ, которыхъ Онъ далъ Ему отъ міра (Іоан. 17, 6).

Какія же дальнѣйшія явленія возникаютъ въ жизни человѣка, нравственно совершенствующагося по руководству христіанской Вѣры? Чѣмъ становится человѣкъ, когда онъ долго будетъ восходить по ступенямъ своего развитія, указуемаго тоюже Вѣрою? Христіанство освятило человѣка, сдѣлало для него возможность быть святымъ, но, очевидно, это плодъ благодати, даръ Божій; каковъ человѣкъ долженъ быть самъ по себѣ, которому дарована возможность стяжать себѣ святость? Какъ достояніе человѣка, святость является въ немъ слѣдствіемъ, особенно сложившагося въ немъ настроенія его духа, плодомъ обособленія его собственной личности по духу Вѣры; а внутреннее содержаніе святости, возможной для человѣка, опредѣляется всею нравственною исторіею человѣка. Нѣкогда человѣкъ былъ невиненъ и въ этомъ состояніи стоялъ около святости, былъ близокъ къ ней; но невинный человѣкъ не былъ святъ, состояніе блаженной невинности его было благодатнымъ даромъ Божіимъ, а не свободнымъ и самостоятельнымъ расположеніемъ; состояніе, которое получилъ первый человѣкъ, было такимъ для него безъ его собственнаго вѣдома, безъ его воли, а не по его личному предусмотрѣнію и избранію: это было дѣтски несознательное состояніе, незнавшее еще праваго и лѣваго, добра и зла. Очевидно, человѣкъ не могъ оставаться въ такомъ состояніи навсегда; призваніе человѣка, какъ разумно-свободнаго существа, должно со-

стоять въ сознательно-свободномъ отношеніи къ добру и злу, въ сознательно-свободной любви и вѣрности по отношенію къ Богу; невинность его была дѣйствительнымъ состояніемъ, а высшею цѣлію, предметомъ желаній и стремленій его было иное, — именно святость. Переходъ изъ невиннаго состоянія къ осуществленію этой цѣли могъ проявиться не грѣхопаденіемъ, а укрѣпленіемъ духа чрезъ исполненіе творческой заповѣди. Но дѣйствительная нравственная исторія человѣка, записанная въ словѣ Божіемъ, открываетъ, что переходъ отъ невинности къ святости разрѣшился въ первомъ человѣкѣ грѣхомъ; это горькое событіе извратило правильное достиженіе человѣкомъ положенной цѣли и начертало для человѣка иной путь къ достиженію святости. Святость, какъ цѣль, осталась по прежнему доступною человѣку; но достиженіе ея усложнилось, сдѣлалось крайне труднымъ. И стремленіе и дѣйствительное пріобрѣтеніе ея сдѣлались для человѣка подвигомъ, потребовали усиленнаго напряженія нравственныхъ силъ; человѣкъ теперь долженъ пріучать себя дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи среди враждебной обстановки, побороть за добро, встрѣчаясь въ этой борьбѣ съ тысячами препятствій. И только неослабное стремленіе устремлять дѣйствованіе воли именно въ одну добрую сторону, всегдашняя борьба съ искушеніями, непрестанная собранность всѣхъ духовныхъ силъ, только такія свойства могутъ служить для человѣка средствами въ дѣлѣ достиженія имъ духовнаго совершенства. Въ жизни обыкновенной такого рода дѣятельность, такое неуклонное преслѣдованіе предположенной цѣли возможно

при особенной твердости, выдержанности нравственнаго характера человѣка и въ дальнѣйшемъ своемъ проявленіи само въ свою очередь вліяетъ на образованіе характера. Въ жизни духовной, въ дѣятельности по духу Вѣры, бываетъ тожественное явленіе: постоянное стояніе на стражѣ собственной души, непрестанное вниманіе къ себѣ, всегдашняя борьба съ грѣхомъ и его движеніями, пламенное стремленіе къ Богу, небу, вѣчности — вотъ какія качества требуются отъ всякаго, кто хочетъ быть воиномъ Христовымъ: и только пріобрѣтшій навыкъ и опытность въ духовной жизни, духовно развитый человѣкъ, можетъ хранить постоянную собранность духовныхъ силъ, только при этихъ условіяхъ возможно *совершенство духа, души и тѣла,* потребное въ святомъ человѣкѣ (1 Сол. 5, 23). Въ христіанинѣ, какъ живущемъ по духу Христовой Вѣры, безъ сомнѣнія и самый характеръ носитъ печать духа этой Вѣры; этотъ христіанскій или такъ сказать христіанственный характеръ какъ обособившееся настроеніе духа съ строго христіанскимъ свойствомъ, эта твердость духа съ христіански настроеннымъ направленіемъ воли, эта способность и умѣнье быть вѣрнымъ духу св. Вѣры во всѣхъ случаяхъ жизни — вотъ что составляетъ залогъ того блаженнаго состоянія, которое называется святостію!

Отсюда понятно, что святость не есть свойство одного какого нибудь отдѣльнаго дѣйствованія; это послѣднее, отдѣльно и единично взятое, можетъ быть высоко-нравственнымъ само по себѣ, но еще не даетъ возможности и права быть святымъ человѣку, которому

принадлежитъ оно; доброе, святое дѣйствованіе, отдѣльно взятое, можетъ иногда являться и въ порочномъ человѣкѣ, какъ одинокое явленіе, какъ минутное настроеніе, слѣдовательно оно далеко не можетъ свидѣтельствовать о цѣлостномъ характерѣ человѣка. Святость есть совокупность святыхъ расположеній къ добру, послѣдовательно являющихся, жизненно связанныхъ, притомъ совокупность такихъ расположеній цѣлостнаго человѣка (*). Не отдѣльное проявленіе ума, свято мыслящаго, не единичное проявленіе воли и сердца, свято желающаго и чувствующаго, святы и освящаютъ человѣка: о святости человѣка свидѣтельствуютъ согласное дѣйствованіе этихъ силъ, дѣйствованіе святое. Въ святомъ человѣкѣ всѣ его силы и способности дѣйствуютъ согласно и правильное развитіе одной условливаетъ правильное развитіе всѣхъ другихъ силъ; вотъ почему св. Церковь только въ святыхъ мужахъ видитъ и признаетъ цѣлостность и правильность духовной мысли, и обратно — въ великихъ учителяхъ церковныхъ Церковь всегда обрѣтала высокіе образцы благочестія и святости. Въ

(*) «Богъ требуетъ не только явленія дѣлъ, но свободной воли и непорочныхъ чувствованій. Такой человѣкъ, хотя бы и согрѣшилъ когда по обстоятельствамъ, скоро исправится. Даже хотя бы онъ и укоснѣлъ въ порокѣ, не будетъ презрѣнъ; напротивъ всевѣдущій Богъ скоро вспомнитъ о немъ. А равно человѣкъ развращенный, хотя бы сдѣлалъ что нибудь повидимому доброе, погибнетъ; потому что дѣлаетъ то съ худымъ расположеніемъ. Давидъ, ставъ убійцею и прелюбодѣемъ, скоро загладилъ свои преступленія; потому что увлеченъ былъ обстоятельствами, и сдѣлалъ оныя не по привязанности къ пороку. А фарисей, не учинившій никакого злодѣянія, напротивъ хвалившійся добрыми дѣлами, все испортилъ злою волею». Св. *Златоуст.* Толков. на посл. къ римлян. стр. 411—412. Москва. 1855.

святомъ человѣкѣ святы всѣ его силы и только въ святомъ дѣлѣ находятъ онѣ свое проявленіе, только въ святомъ дѣйствіи святой человѣкъ обрѣтаетъ свое блаженство, свою жизнь. Добрыя, святыя дѣйствія здѣсь, очевидно, являются необходимыми, какъ добрый плодъ является необходимымъ отъ добраго дерева. Поэтому не столько самое дѣйствованіе или совокупность такихъ дѣйствованій даетъ человѣку право святости; не отправленія воли, не чувствованія сердца имѣютъ здѣсь силу, а самая воля, какъ свято дѣйствующая сила, самое сердце, какъ свято настроенное; не дѣйствія человѣка, а самъ человѣкъ, его личность съ опредѣленнымъ складомъ и направленіемъ становятся залогомъ святости, образуемой благодатію. Святость не есть безгрѣховность, просто неимѣніе грѣховъ; святой человѣкъ можетъ подвергаться грѣху, потому что, по свидѣтельству слова Божія, никто не можетъ не грѣшить (1 Іоан. 1, 8). Но въ томъ-то и состоитъ святость человѣка, если онъ стоитъ выше грѣха, если образовалъ въ себѣ настроенность, при которой грѣхъ возможенъ для него или какъ временное искушеніе и паденіе, или какъ неизбѣжное слѣдствіе общаго человѣчеству нравственнаго поврежденія. Что въ порочномъ человѣкѣ — добродѣтель, то въ добродѣтельномъ — порокъ; какъ единичное доброе дѣйствіе не измѣняетъ въ порочномъ общей наклонности и тяготѣнія къ грѣху, такъ грѣхъ въ святомъ человѣкѣ не измѣняетъ общей святой его настроенности; грѣхъ возможенъ въ святомъ, но его святое сердце, сердце чистое не любитъ грѣха, не услаждается имъ, напротивъ въ этомъ состояніи святое

сердце начинаетъ скорбѣть и тужить и чѣмъ сильнѣе сознаетъ жалость грѣховную, всю болѣзненность грѣховнаго состоянія, тѣмъ сильнѣе возбуждается пламенною ревностію къ добру, тѣмъ сильнѣе познаетъ оно блаженство добродѣтели: слѣдовательно святое сердце и въ грѣхѣ сохраняетъ свое свойство святости. Даже болѣе: въ томъ-то именно и состоитъ свойство человѣческой святости, чтобы укрѣпляться человѣку въ добрѣ въ ущербъ злу, коренящемуся въ человѣкѣ и окружающему его, чтобы на развалинахъ царства грѣха созидать и укрѣплять царство Божіе.—царство мира, правды и добра. Святость не тамъ, гдѣ нѣтъ грѣха, а тамъ, гдѣ грѣхъ думаетъ царствовать и побѣждается; въ этомъ состоитъ свойство человѣческой святости, которымъ она отличается отъ святости божественной. Въ Богѣ святость составляетъ принадлежность Его существа, святость человѣка составляетъ прежде всего нравственно пріобрѣтенное благо; тамъ она существуетъ, здѣсь ищется; тамъ она присуща Божеству, здѣсь она—плодъ благодати, которою даруется и при содѣйствіи которой усволяется; въ Богѣ святость есть совершенное согласіе Его свойствъ съ Его вѣчнымъ нравственнымъ закономъ, въ человѣкѣ она—плодъ усиленнаго желанія и напряженнаго дѣйствованія, согласнаго съ этимъ закономъ. Святость, доступная человѣку, есть достояніе укрѣпившейся въ добрѣ воли, нравственный плодъ, нравственно осуществленная сила. Человѣкъ, который стоитъ подъ непрестаннымъ искушеніемъ отъ грѣха и который между тѣмъ стяжалъ навыкъ побѣждать и отражать его дѣйствія, успѣлъ поставить свою волю вы-

ніе страстныхъ состояній, человѣкъ, который въ борьбѣ съ грѣхомъ укрѣпился, отвердѣлъ, образовалъ въ себѣ нравственно-добрый характеръ, человѣкъ, который чистотою души сдѣлался какъ-бы равноангельнымъ (Лук. 20, 36) — вотъ святой человѣкъ!

Итакъ, когда образуется въ человѣкѣ святая настроенность, когда путемъ долгаго опыта, усилія и борьбы укрѣпятся въ человѣкѣ всѣ его духовныя силы, когда весь человѣкъ со всѣмъ своимъ складомъ жизни устроится въ домъ духовный, священство святое (1 Петр. 2, 5), тогда вся жизнь человѣка, всѣ ея частныя и частнѣйшія проявленія являются святыми. Свята жизнь человѣка, когда она сокровена въ Богѣ съ Христомъ и его дѣйствія являются только по волѣ Божіей, ради славы Божіей, силою Божіею; свята жизнь человѣка, когда она отрѣшена отъ чувственности, когда человѣкъ ищетъ только горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога (Кол. 3, 1); свята жизнь человѣка, когда онъ самоотверженъ, когда ради угожденія Богу съ непріязнію отвергается своей воли и ея требованія и движенія подчиняются въ немъ волѣ Божіей; свята жизнь человѣка, когда онъ стоитъ на стражѣ собственнаго сердца, принимаетъ къ сердцу влеченія добрыя, устраняетъ прираженія грѣха, когда онъ трезвится, бодрствуетъ, вникаетъ въ себя (1 Петр. 5, 8. 2 Тим. 4, 16) и этою трезвенностію и бодрствованіемъ предупреждаетъ возможность возгнѣздиться грѣху въ потаенномъ человѣкѣ, очищаетъ всѣ скверны грѣха, закравшіяся въ сокровенные изгибы сердца; свята бываетъ жизнь человѣка, когда онъ, помня слово Господа, что мы должны под-

визаться внити сквозь тѣсныя врата, возгарается огнемъ благочестивой ревности и, преуспѣвая въ дѣлѣ Господнемъ всегда (1 Кор. 15, 58), забываетъ заднее и простирается впередъ (Фил. 3, 13), преобразуясь отъ славы въ славу, и такимъ образомъ приходитъ въ мѣру полнаго возраста Христова (Ефес. 4, 13); свята бываетъ жизнь человѣка, когда она сильна Богомъ и потому многоплодна и самоуничижена, когда христіанинъ имѣетъ дерзновеніе сказать съ апостоломъ: „все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ“ (Фил. 4, 13) и вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдуетъ: „что я имѣю, чего бы не получилъ“ (1 Кор. 4, 7), и при обиліи духовныхъ дѣлъ ищетъ своего оправданія и ожидаетъ его только отъ единаго Христа. Слово Божіе учитъ, что люди, украшенные такими высокими качествами истинно христіанской жизни, избираются еще прежде созданія міра (Ефес. 1, 4), а по исполненіи временъ являются созданными во Христѣ Іисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ имъ исполнять (Ефес. 2, 10). Кто возобразитъ въ себѣ этотъ высокій образъ христіанской жизни, чтобы соединить по возможности въ своемъ лицѣ всѣ эти черты, тотъ получаетъ упованіе, что жизнь его благоугодна Богу, что онъ образовалъ изъ души своей сосудъ въ честь, а святая Церковь такихъ подвижниковъ за вѣру и Христа, этихъ избранниковъ Божіихъ еще прежде созданія міра, созданныхъ во Христѣ Іисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ имъ исполнять, ходящихъ въ обновленіи жизни (Рим. 5, 4), этихъ ревнителей къ добрымъ дѣламъ (Тит. 2, 14), достойно чествуетъ святыми. Какъ

корень святъ, такъ и привитое къ нему свято (1 Петр. 1, 16). Поэтому благоугодившіе Богу въ совокупности составятъ родъ избранный, царственное священство, народъ святый (1 Петр. 2, 9); всѣ они устрояются въ домъ духовный, священство святое (1 Петр. 2, 5), созидаются въ жилище Божіе духомъ, въ Церковь святую о Господѣ (Ефес. 2, 21).

Мы указывали доселѣ, что существо святости преимущественно заключается во внутреннемъ настроеніи духа, въ душевной чистотѣ,—не столько въ количествѣ дѣйствій и вообще нравственныхъ проявленій, сколько въ духѣ и характерѣ собственно самого лица, христіанскинравственно дѣйствующаго. Въ этомъ состоитъ отличительное свойство христіанской жизни. *Благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое, и злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Лук. 6, 45). Богъ требуетъ отъ насъ прежде всего *сердца* (Притч. 23, 26), чтобы оно содѣлалось исходищемъ добра, такъ какъ сердце есть начало и корень всѣхъ нашихъ дѣяній (¹). Очищеніе и возвышеніе сердца возможно для человѣка только путемъ долгаго опыта, требуетъ усилія и подвиговъ; вотъ почему св. подвижники достигали святости путемъ продолжительныхъ подвиговъ. Но милосердіе Божіе одинаково отверзаетъ свои объятія и *пришедшему во единонадесятый часъ*. Евангельская исторія показываетъ намъ, что жена-грѣшница услышала слово оправданія отъ

(¹) Прекраное раскрытіе и объясненіе этой мысли, очень важной въ дѣлѣ ученія о христіанской жизни, см. у св. *Тихон.* т. IV. о сердц. челов. § 33.

Спасителя за то только, что помазала елеемъ ноги Его; но въ этомъ—повидимому—скромномъ дѣйствіи она высказала богатство *любви*,—добраго сердечнаго расположенія; таже евангельская исторія повѣствуетъ, что и разбойникъ за одно исповѣданіе распятаго Богочеловѣка, за краткое молитвенное обращеніе къ Нему, услышалъ отрадное утѣшеніе, что онъ будетъ въ раю. Въ сказаніяхъ о святыхъ подобные примѣры не рѣдки.—Возможность такого рода благоугожденія Богу, такого рода достиженія святости понятна сама собою. Нравственная жизнь человѣка, какъ нравственная, не есть рядъ мертвыхъ (механическихъ) и необходимыхъ стремленій; воля человѣка можетъ быть загромождена грѣховною тяжестію, ослаблена бременемъ грѣха, но не уничтожена; воздѣйствіе всегда возможно въ живомъ дѣлѣ. Если въ жизни обыкновенной несчастія или вообще крупныя обстоятельства жизни дѣлаютъ переломъ въ нашемъ характерѣ, иногда надламываютъ человѣка, иногда воскрешаютъ его; то въ жизни духовной та или другая совокупность важныхъ нравственныхъ обстоятельствъ можетъ совершить переломъ въ нашемъ нравственномъ строѣ; путь этого обращенія, самый образъ нравственныхъ переворотовъ и образъ отношенія къ намъ великаго нравственнаго Судіи-Бога указаны ясно Спасителемъ въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ. Для насъ дорога въ настоящемъ случаѣ эта возможность такого нравственнаго явленія, а слѣдовательно и дѣйствительность; она открываетъ намъ въ общемъ понятіи святости новую черту, столько назидательную, какъ и прежнія: она предостерегаетъ насъ

отъ соблазновъ и ложныхъ толкованій, когда сказанія о святыхъ познакомятъ насъ съ такими явленіями въ жизни святыхъ, которыя—взятыя сами по себѣ—противорѣчатъ, повидимому, святости.

Безъ сомнѣнія, полное осуществленіе высокаго духовно-христіанскаго совершенства, полное проявленіе святости на землѣ невозможно. Мы вѣруемъ, что есть жизнь будущаго вѣка, что для человѣка продолжится жизнь и послѣ тѣлесной смерти его, а жизнь есть дѣятельность, почему мы вѣруемъ, что духовное развитіе человѣка продолжится тамъ—на землѣ живыхъ (Мато. 5, 5) и что праведные собственно тамъ получатъ надлежащее совершенство, тамъ облекутся въ праведность святыхъ (Апок. 19, 8). А здѣсь на землѣ, въ Церкви воинствующей, благодать освященія возможна какъ зачало, какъ предначинательное дѣйствіе. И вотъ Церковь Христова воспитала и воспитываетъ въ средѣ своей этихъ избранниковъ Божіихъ и въ этомъ отношеніи представляетъ собою какъ-бы богатую ниву съ полными колосьями; начиная отъ плотскаго сосуда пресвятой Святости, Маріи Богоматери, и ея праведныхъ родителей, въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ въ Церкви явился многочисленный ликъ святыхъ Божіихъ, которые воплотили въ себѣ возможную для человѣка полноту дарованій, своими жизнію и дѣлами возвысились надъ уровнемъ грѣшнаго міра и потому справедливо чествуются Церковію какъ други Божіи, какъ молитвенники за родъ человѣческій, какъ вѣрные слуги Господа, дивнаго въ святыхъ своихъ (Псал. 67, 36).

И если въ жизни естественной мы отдаемъ предпочтеніе дарованіямъ и заслугамъ, если тѣ, которые возвышаются предъ другими своимъ просвѣщеніемъ, полезною дѣятельностію, безкорыстіемъ и самоотверженіемъ на пользу ближнихъ, справедливо вызываютъ въ насъ любовь и уваженіе; то какого великаго чувства любви, почтенія и благоговѣнія достойны тѣ, которые явили въ себѣ особенные знаки присутствія въ нихъ благодати Божіей и которые высотою жизни, своими духовными дарованіями сдѣлались равными ангеламъ? Эту-то именно цѣль имѣетъ въ виду Церковь, когда празднованію святыхъ посвящаетъ особенные дни, совершаетъ въ честь ихъ службы, составляетъ хвалебныя пѣсни и молитвы, воздвигаетъ храмы, внушаетъ благочестно почитать самые ихъ останки и, для живѣйшаго напоминанія о нихъ и возбужденія насъ къ подражанію имъ, издревле употребляетъ и почитаетъ ихъ священныя изображенія. И сладостны священныя празднества, посвященныя памяти святыхъ; поучительны для насъ священныя ихъ изображенія; великій залогъ любви Божіей къ людямъ представляютъ намъ многоцѣлебные останки ихъ; высокіе помыслы, глубокое воодушевленіе къ добродѣтели, сладкія надежды, умилительныя чувствованія возбуждаютъ въ насъ разнообразныя чудотворенія, предстательства, молитвы и другія безчисленныя благодѣянія къ намъ святыхъ!

Въ чемъ же заключается сила такого знаменательнаго отношенія къ намъ памяти святыхъ? Чѣмъ условливается неотразимое дѣйствіе такого воспоминанія о нихъ на нашу мысль, на наше чувство? Источникъ всего

этого—въ нихъ самихъ, въ ихъ жизни, въ ихъ подвигахъ; потому и назидательны ихъ празднества, потому и поучительны ихъ изображенія, священны ихъ останки, что поучительна и назидательна собственно жизнь святыхъ, возбуждаютъ благоговѣйное уваженіе ихъ подвиги, рядомъ которыхъ ознаменована жизнь каждаго святаго. И это вліяніе ощущается непосредственно каждымъ вѣрующимъ сердцемъ и слѣдовательно оно составляетъ дѣло сознанія каждаго.

Явленіе это, т. е. непосредственное ощущеніе какого-то неотразимаго вліянія общаго представленія о лицѣ святаго на вѣрующее сердце, достойно особеннаго примѣчанія. Оно говоритъ намъ прежде всего, что жизнь святыхъ Божіихъ вообще составляетъ нѣчто такое, что носитъ внутри себя великое и возвышенное. Не богатство простаго назиданія, въ ней заключающагося, останавливаетъ собственно на себѣ вниманіе христіанина, не примѣненіе этого назидающаго содержанія къ частной жизни, а самое это назидающее содержаніе, безотносительно еще взятое, вызываетъ благоговѣніе. Не та или другая частная жизнь святаго, даже не собраніе болѣе или менѣе разнообразное такихъ жизней, какъ болѣе разнообразныя наставленія, важны, прежде всего, для вѣрующаго сердца. Нѣтъ; для насъ прежде всего дорога общая мысль о святомъ Божіемъ человѣкѣ, такъ сказать, идеальная сторона, общая всѣмъ святымъ, но представителемъ которой является каждое лице святаго, та внутренняя сила, которая освящаетъ необходимость подражательнаго отношенія къ святому и которою условливается самая высота назиданія. Это

самая главная, по нашему мнѣнію, и самая важная сторона. Памятники, содержаніемъ которыхъ служатъ дѣянія святыхъ, драгоцѣнные своимъ, безъ сомнѣнія, высоко-назидательнымъ достоинствомъ, драгоцѣнны по своему внутреннему предлежательному достоинству. Вспомнимъ первыя времена христіанства. Первенствующіе христіане питали къ доблестнымъ страдальцамъ за Христа благоговѣйную любовь и уваженіе, и, поставляя ихъ для себя образцами вѣры и жизни, свидѣтельствовали свое священное уваженіе къ нимъ тщательнымъ записываніемъ всего, что имъ извѣстно было о мученикахъ. Такъ. Но въ основѣ самаго уваженія и желанія памятованія о мученикахъ лежало не одно простое желаніе подражательнаго отношенія къ нимъ: огонь святой ревности горѣлъ и безъ того въ сердцахъ христіанъ. Первенствующіе христіане въ своихъ мученикахъ видѣли воплощеніе того общаго, внутренняго духа, которымъ дышало вѣрующее общество и который отличалъ его какъ царство Божіе отъ остальнаго міра и человѣчества (*). Такъ и въ позднѣйшей исторіи Церкви. Являются памятники дѣяній святыхъ; что они назидательны были для каждаго изъ вѣрующихъ, это несомнѣнно. Но Церковь усматривала въ этихъ памятникахъ и другую важнѣйшую сторону; она видѣла въ нихъ наглядное свидѣтельство о томъ богатомъ содержаніи, которое является плодомъ только христіанской Вѣры, той самой, которую исповѣдуетъ сама Церковь;

(*) Подтвержденіе этой мысли можно видѣть въ сочиненіи преподобнаго Іеронима «противъ Вигиланція».

въ подвигахъ святыхъ она открывала своимъ чадамъ наглядное проявленіе всѣхъ своихъ собственныхъ стремленій, желаній, надеждъ, т. е. всего того, что составляло внутреннюю основу ея жизни, чѣмъ жизненна она была въ враждебной себѣ средѣ и что составляло отличіе ея отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ обществъ и учрежденій. Въ этомъ-то именно отношеніи и дороги памятники, въ которыхъ сохранились для насъ такія или иныя записи о жизни и подвигахъ христіанъ, прославившихся святостію. Если изученіе событій и происшествій въ исторіи христіанской Церкви можетъ познакомить насъ только съ дѣйствительностію, съ тѣмъ, что случалось и являлось; то изученіе жизни и дѣяній святыхъ, украсившихъ Христову Церковь, дастъ способъ и разумѣвать то, что въ ней являлось и совершалось, и проразумѣвать то, что ею желалось, ожидалось, требовалось, въ силу высшаго ея назначенія, ея конечной цѣли существованія. Святый въ жизни Церкви служитъ образцовымъ выраженіемъ Вѣры, точно также какъ остальные вѣрующіе служатъ въ ней выраженіемъ дѣйствительнаго состоянія вѣрующаго общества; слѣдовательно въ лицѣ святаго заключается выраженіе общаго духа, одушевляющаго Церковь, внутренняго склада, ей присущаго. Какъ въ обыкновенной исторіи человѣчества существо историческаго движенія заключается собственно въ такъ называемыхъ великихъ или историческихъ лицахъ, потому что въ нихъ собственно бьется пульсъ исторической жизни; такъ въ исторіи Церкви духъ и содержаніе церковной жизни проявлены въ лицѣ святыхъ. Святость возможна, какъ прежде мы видѣли,

только въ христіанствѣ; святой — особенное выраженіе сущности христіанской жизни; въ исторіи святыхъ— сущность христіанской церковной исторіи, въ сказаніяхъ о святыхъ — все отличіе церковной исторіи отъ всѣхъ возможныхъ другихъ исторій. Вотъ почему мы говоримъ, что памятники о святыхъ важны, прежде всего, для Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ такихъ великихъ подвижниковъ, какъ святые въ христіанствѣ, Церковь имѣла утѣшеніе представить міру свидѣтельство своего торжества надъ міромъ, образъ того вліянія, которое производила на человѣка христіанская Вѣра; въ лицѣ святыхъ Церковь указала человѣчеству богатство собственнаго содержанія. Если бы Цельсъ и Юліанъ ближе всмотрѣлись въ это богатство, то конечно не посмѣли бы такъ грубо клеветать на христіанскую Церковь, будто она служитъ представительницею тупаго суевѣрія, будто христіанство можетъ быть только достояніемъ толпы и не можетъ производить достойнаго уваженія. Въ Церкви христіанской есть ликъ святыхъ, — и это уже показываетъ, что Евангеліе можетъ произвесть и производитъ цѣлый переворотъ въ всемірной исторіи. Древній міръ, какъ на свидѣтельство своего значенія, указывалъ юной Церкви Христовой на своихъ представителей; но вотъ Вѣра и Церковь могли указать теперь на то, что они могли сдѣлать. „Дерево узнается по плоду“ (Мато. 12, 33), говоритъ божественный Учитель; плодомъ великаго древа— христіанской Церкви—была именно святость человѣка, невозможная нигдѣ, кромѣ этой самой Церкви. Въ лицѣ святыхъ своихъ Церковь сказала человѣчеству, что

исповѣдуемая ею святая Вѣра не есть собраніе какихъ нибудь отвлеченныхъ понятій ума, не сектантская своеобразность мысли, но что Христово Евангеліе есть духъ, сила, жизнь, что его вліяніе на людей не знательное, а нравственное. Оно должно было совершить коренный переворотъ въ жизни въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія, т. е. преобразовать весь строй нравственнаго сознанія въ человѣчествѣ, указать ему новый путь нравственной дѣятельности. Представители христіанства, истинные послѣдователи Евангелія, должны быть, прежде всего, нравственными дѣятелями, духовными борцами, нравственно-совершенными, святыми людьми. И вотъ дѣйствительно Церковь, насажденная Христомъ, воздѣланная руками апостольскими, напоенная мучениками, спѣшно растетъ, цвѣтетъ, зеленѣетъ и приноситъ обильный плодъ: въ ней являются мужи святые, мужи вѣры и подвига, которые своею жизнію становятся предметомъ удивленія нехристіанскаго міра, на землѣ дѣлаютъ небо, какъ выражались самые враги ихъ, возбуждаютъ надежду на возвращеніе золотаго вѣка въ исторіи. И если веселилась въ мірѣ ветхозавѣтномъ раждающая, прежде неплодная жена, если веселилась нѣкогда о чадахъ своихъ Рахиль; то какое обиліе духовнаго веселія было для Церкви Христовой, когда являющіеся въ ея нѣдрахъ святые Божіи были ея чадами, плоть отъ плоти ея, кость отъ костей ея? Вотъ почему память святыхъ дорога была для вѣрующаго общества, вотъ почему христіане съ такою благодарною любовію и уваженіемъ чествовали прославленныхъ Богомъ подвижниковъ вѣры и благочестія. И замѣчательно: благого-

вѣйное отношеніе христіанъ къ святымъ, ведущее начало свое отъ глубокой древности христіанской, состояло не въ одномъ молитвенно-ходатайственномъ призываніи ихъ, но и, главнымъ образомъ, въ свидѣтельствѣ общаго торжества Церкви,—было пиромъ вѣры, праздникомъ исповѣданія: первенствующіе христіане съ радостію спѣшили на мѣста погребенія своихъ мучениковъ и тамъ воспоминали ихъ кончину, но это воспоминаніе для нихъ было нѣкимъ праздникомъ: они праздновали кончинами мученическими запечатлѣнное общее торжество Христовой Церкви!

Таковымъ же является во времена послѣдующія и чествованіе святыхъ. По смыслу церковному, какъ и по смыслу христіанства, въ лицѣ святаго нужно усматривать не личное только проявленіе высокаго духовнаго содержанія, но полноту сокровища и благодати, содержащуюся во святой Вѣрѣ и изъ нея уже изливающуюся на отдѣльную личность. Въ этомъ состоитъ отличительное свойство великихъ людей христіанства. Въ средѣ язычества дѣятель являлся представителемъ личныхъ доблестей; такъ какъ языческое нравственное сознаніе въ своемъ развитіи и образованіи выходило изъ мысли о бытіи недѣлимомъ, ограниченномъ, только личномъ, то и языческій дѣятель былъ только какъ отдѣльная, въ себѣ замкнутая, личность; оттого-то великіе люди языческой древности были представителями личныхъ стремленій, часто небезукоризненныхъ, а во всякомъ случаѣ свидѣтельствовавшихъ только о ихъ личномъ достоинствѣ. Въ области Вѣры христіанской иначе. Здѣсь духовное совершенство въ христіанинѣ яв-

ляется не личнымъ прежде всего плодомъ, свойственнымъ отдѣльной особи, но преимущественно благодатнымъ достояніемъ. Мы смотримъ на святаго прежде всего какъ на сосудъ благодати Божіей, освятившей человѣка, и въ силу этого освященія вызывается чествованіе его личнаго достоянія, личнаго совершенства, уготовившаго себя къ пріумноженію въ немъ благодати. А благодать возможна только въ Церкви и чрезъ Церковь; слѣдовательно и святость человѣка возможна только въ Церкви; духовно-нравственное совершенство, по христіанскому смыслу, не есть только простое облагороженіе нравственныхъ силъ, не есть рядъ дѣйствій, согласныхъ съ нравственнымъ закономъ; духовное совершенство христіанское должно состоять изъ всецѣлой преданности человѣка церковному руководству, совершенствованіемъ въ духѣ и смыслѣ Церкви и при ея непосредственномъ участіи; протестантство, отрицающее чествованіе святыхъ, является послѣдовательнымъ само себѣ, такъ какъ оно измѣнило понятіе о Церкви, и все его правоученіе, весь строй христіанской жизни нравственной измѣнились, низведены въ область простыхъ, дѣятельныхъ истинъ, часто очень замѣчательныхъ, но чуждыхъ истиннаго духа Вѣры, слѣдовательно чуждыхъ истинно христіанскаго смысла; вотъ почему общество протестанское не признаетъ чествованія святыхъ: оно не можетъ быть въ немъ, потому что общество это не Церковь. Въ нѣдрахъ Церкви православной нравственное совершенствованіе человѣка условливается благодатнымъ содѣйствіемъ Церкви, ея воспитаніемъ и руководствомъ; истинные чада всегда воз-

можны у нея, но они являются и точнымъ отображеніемъ духа Церкви. Слѣдовательно жизнь истиннаго христіанина, воспитаннаго Церковію, жизнь святаго, прославляемаго Церковію, вводитъ насъ не только въ духъ и жизнь Церкви, но знакомитъ насъ и съ тѣми богатыми сокровищами, которыми владѣетъ Церковь; многочисленный сонмъ святыхъ со всѣмъ ихъ частнымъ достояніемъ, такъ разнообразнымъ, говоритъ намъ, какія великія блага можетъ изливать Церковь на вѣрныхъ сыновъ своихъ, какое высокое нравственно-воспитательное средство заключается въ рукахъ Церкви, какой возвышенный духъ вѣетъ въ ней, раздѣляя всѣмъ разнообразныя дарованія! Итакъ, изученіемъ жизни святыхъ утверждается наша вѣра, подкрѣпляется надежда, утѣшается сердце, созидается любовь; этимъ изученіемъ познается существо истиннаго христіанства, такъ какъ мы видѣли, что святость есть только христіанству свойственный плодъ, а древо узнается по плоду.

Чтобы яснѣе представить себѣ эту истину, обратимся къ примѣру. Доколѣ латины были въ единеніи съ Церковію Христовою, дотолѣ они воспитывали въ своихъ нѣдрахъ истинно благоугодившихъ Богу. Расторгши единеніе это, латины стали жить иною жизнію, чуждою духа истинно-христіанскаго, въ обществѣ ихъ началъ развиваться характеръ, чуждый Церкви Христовой. И кто надлежащимъ образомъ станетъ знакомиться съ жизнію святыхъ, признанныхъ латинами по расторженіи союза того, кто станетъ вдумываться въ дѣянія ихъ, тотъ примѣтитъ, что жизнь этихъ святыхъ есть полное выраженіе внутренняго строя латинской

именно церкви, выраженіе того земнаго и оземленившагося характера, какимъ запечатлѣна церковь латинская: современный епископъ римскій спѣшитъ возводить на степень святыхъ такія лица, которыя были полны не внутренняго духа благочестія, но изувѣрнаго усердія къ служенію земнымъ выгодамъ римской іерархіи (¹). Чистое, искренно благочестивое сердце, жаждущее назиданія души, не можетъ удовлетвориться тѣми образами, подъ которыми проявлялась мнимо-богоугодная жизнь латинскаго святаго; такъ напротивъ въ сказаніяхъ о святыхъ, чтимыхъ Церковію православною, всякій обрѣтетъ истинное назиданіе. Простота знанія и жизни, но при простотѣ твердость вѣры, умѣнье сочетать высшее призваніе съ обязанностями земнаго гражданина, глубокое проникновеніе духовною истиною, пламенное стремленіе къ чистотѣ собственнаго духа— вотъ отличительныя качества святаго человѣка Божія, чтимаго православною Церковію! И глубоко ложится на сердце образъ сей, окрыляетъ душу и возноситъ сердце отъ земли къ небу, отъ міра къ Богу, отъ времени къ вѣчности.

Усвоеніе общаго церковнаго духа, вѣющаго въ сказаніяхъ о православныхъ святыхъ, знакомство въ нихъ и чрезъ нихъ съ общимъ характеромъ, свойственнымъ христіанской Церкви, естественно ведетъ за собою новыя частныя и частнѣйшія послѣдствія. Какъ живущая въ человѣческомъ обществѣ, Церковь, неизмѣнно сохраняя единство вѣры и тожество благочестія,

(¹) Такова современная канонизація папою японскихъ мучениковъ и Кунцевича.

вмѣстѣ съ человѣчествомъ переживаетъ разнообразныя состоянія, имѣетъ свою исторію. Общій характеръ этой исторіи, какъ мы замѣчали, состоитъ въ томъ своеобразномъ содержаніи, которое проявилось въ святости ея достославныхъ дѣятелей; задача церковной исторіи слѣдовательно состоитъ въ томъ, чтобы подмѣтить послѣдовательно проявлявшееся и развивавшееся въ жизни это своеобразное содержаніе, выяснить преемственно совершавшіяся видоизмѣненія этого содержанія, прослѣдить постепенное накопленіе того нравственнаго богатства, которое теперь заключено въ святыхъ, являвшихся въ Церкви въ теченіи восемнадцати вѣковъ жизни ея. Мы видимъ, что на разныхъ ступеняхъ исторической жизни Церковь являетъ разнообразные виды своего внутренняго содержанія. Въ вѣкъ гоненій выступаютъ напередъ мученики, запечатлѣвшіе любовь къ Вѣрѣ и Христу кровію своею; въ вѣкъ мира внѣшняго, но за то нравственнаго озлобленія, выдаются подвижники, преподобные, столпники, затворники, молчальники; это тѣже мученики, свободные страдальцы, подъявшіе на себя подвигъ крестнаго пути христіанскаго, которые превратили пустыни въ жилища, сдѣлали изъ земли небо, изъ людей ангеловъ. Были и иныя обстоятельства времени; защитники Вѣры должны были сражаться съ современными непріязненными Церкви лицами и даже цѣлыми обществами не только жизнію и примѣромъ, но и словомъ и истиною,—и вотъ красуется ликъ пастырей и учителей вселенскихъ, словесами которыхъ до сихъ поръ напояются вѣрные и жизнь которыхъ краснорѣчивѣе всякаго слова свидѣтельствовала

правоту истины. Въ дальнѣйшей жизни Церковь раждала новыхъ чадъ по роду и по подобію своему, прославившихся новыми подвигами. Со всѣми этими явленіями могутъ познакомить насъ памятники, содержащіе свѣдѣнія о святыхъ, и чрезъ это знакомство съ разнообразными проявленіями святости питается вѣра, обогащается наука. Здѣсь открывается разнообразіе путей спасенія, открытыхъ для христіанина, указываются разные способы поднятія ига Христова; всѣ эти мужи въ дому Отца небеснаго, хотя въ разныхъ Его обителяхъ, всѣ они — представители Церкви, хотя разныхъ ея пользъ, всѣ они прославлены Богомъ, хотя за разные подвиги. Но сказанія о нихъ, назидательныя для сердца, предлагаютъ богатую пищу и уму, ищущему знанія. Памятники о святыхъ, явившихся въ то или другое время, вводятъ насъ въ самую глубь историческаго движенія, совершавшагося въ это время, открываютъ всѣ малѣйшіе оттѣнки его; а потомъ далеко немаловажна и внѣшняя сторона ихъ: они знакомятъ съ мѣстомъ, гдѣ было христіанство, свидѣтельствуютъ объ общемъ уровнѣ вѣры и благочестія, описываютъ обычаи, нравы, отношенія; во всемъ этомъ можетъ находить одинаковое пособіе для своихъ изслѣдованій и церковный историкъ и археологъ и географъ. Далѣе, въ памятникахъ этихъ предлагаются сказанія о святыхъ не одной какой-либо страны, а всѣхъ странъ древняго и новаго міра, гдѣ только существовало христіанство, слѣдовательно предлагаются сказанія о христіанствѣ не одной какой-либо помѣстной, но всей вселенской Церкви, а чрезъ это открывается возможность

подмѣтить общее содержаніе священнаго преданія, преемственно передаваемаго отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ одного мѣста въ другое. Вотъ новое значеніе этихъ памятниковъ и для богослова. Наконецъ, всѣ эти памятники, знакомя съ духомъ отдѣльныхъ историческихъ движеній церковной жизни, описывая разныя времена, дѣйствія разныхъ лицъ, служатъ прекраснымъ свидѣтельствомъ того, что съ развитіемъ церковной жизни, при преемственно переходившихъ временахъ въ исторіи, Церковь оставалась всегда вѣрною самой себѣ, что средства спасаемаго человѣка, при внѣшнемъ разнообразіи, оставались тожественными, запечатлѣнными однимъ и тѣмъ же христіанскимъ духомъ, что духъ временъ никогда не могъ наложить святотатственной руки на всю Церковь и что въ длинномъ рядѣ смѣнившихъ другъ друга періодовъ своей исторіи, послѣ разнообразныхъ событій, потрясавшихъ ее въ самомъ корнѣ, она сохранила вѣрность своему знамени, соблюла въ цѣлости наслѣдіе, данное ей отъ Господа и апостоловъ, и пребываетъ апостольскою и свято-отеческою Церковію.

Но указанное доселѣ благотворное значеніе памятниковъ, содержащихъ свѣдѣнія о святыхъ, основывается на общемъ знакомствѣ съ ними, построивается какъ заключеніе изъ обозрѣнія цѣлостнаго ихъ содержанія; это значеніе вытекаетъ изъ общей мысли этихъ памятниковъ, изъ ихъ внутренней идеи. Переходимъ теперь къ частному ихъ содержанію, къ ближайшей и непосредственной ихъ сторонѣ, къ практически-назидательному значенію этихъ памятниковъ, къ назиданію, которое могутъ оказывать они на нашу жизнь, на на-

шу дѣятельность. Въ этомъ отношеніи они дороги тѣмъ, что представляютъ собою рядъ опытныхъ уроковъ важнѣйшей стороны нашей Вѣры,—той, которая учитъ насъ, какъ мы можемъ и должны служить Богу, благоугождать Ему, чтобы быть истинными христіанами и чрезъ то наслѣдовать вѣчное спасеніе.

Въ тотъ вѣкъ, который мы переживаемъ, когда христіанскій духъ вѣры и благочестія слабѣетъ въ человѣчествѣ, когда оскудѣваетъ преподобный, когда оскудѣніе духа преподобія является плодомъ превратнаго отношенія къ христіанской истинѣ или даже невѣжественнаго незнанія ея, въ вѣкъ, когда такъ называемая свѣтская письменность извращенными, но привлекательными, нелѣпыми, но занимательными, представленіями и образами хочетъ давать человѣку уроки „новой“ жизни, а общественная мысль съ жадностію кидается на эту приманку, въ этотъ, говоримъ, вѣкъ не безполезно ли выставить картину жизни, можетъ быть, не столько легкой и заманчивой для чувства, но за то такой, которая хочетъ устроить человѣку счастіе не временное и не выдуманными представленіями досужаго воображенія, но можетъ научить жизни истинно блаженной, требуемой Богомъ, христіанствомъ, совѣстію?

Первое, чѣмъ собственно дороги памятники съ сказаніями о святыхъ по отношенію къ назиданію, заключается въ самомъ образѣ изложенія духовныхъ истинъ, въ наглядности и жизненности представленія, въ общедоступности. Опыты обыденной жизни показываютъ, какую огромную важность и силу имѣетъ примѣръ въ дѣлѣ вліянія на человѣка; извѣстно также, какое глу-

бокое впечатлѣніе могутъ производить на душу описанія великихъ подвиговъ. „Я зналъ двухъ почтенныхъ мужей, говоритъ блаж. Августинъ въ своей «Исповѣди», которыхъ молодость была очень небезукоризненною; но когда они прочитали жизнь св. Антонія великаго, то только тутъ узнали, какъ великъ можетъ становиться человѣкъ, только тутъ познали суету и крушеніе духа, наполнившія ихъ жизнь, и въ нихъ явилось сильное желаніе быть монахами" (1). Подобные примѣры не рѣдки въ сказаніяхъ о святыхъ и подвижническая жизнь многихъ изъ нихъ начиналась именно послѣ знакомства съ великими образцами, чрезъ увлеченіе ихъ примѣромъ. Это и естественно; таково должно быть дѣйствіе и вліяніе примѣра вообще, а особенно въ дѣлѣ духовно-нравственнаго воспитанія. Духовно-нравственная жизнь, какъ жизнь вообще, слишкомъ сложна и разнообразна; ея основанія въ глубинѣ души, ея проявленія въ дѣйствіи, которое какъ внѣшнее обнаруженіе можетъ безконечно разнообразиться, смотря потому, каковы внутреннія движенія души; умѣть воспитать въ себѣ навыкъ владѣть этими внутреннями движеніями, умѣть подмѣчать колебанія нравственнаго достоинства своихъ дѣйствій, въ разнообразіи дѣйствій, вызываемыхъ различными обстоятельствами жизни, случаями совѣсти, сохранить вѣрность христіанскому духу—это конечно удобно только духовному опыту и окрѣпшему нравственному разумѣнію. Вотъ почему изученіе духов-

(1) *August.* Confess. 1, 8. c. 5. Извѣстный историкъ *Флери* (tom. XX. l. 97. n. 2) разсказываетъ, что житіе св. Маріи египетской обращало на путь истины самыхъ закоснѣлыхъ въ порокѣ людей.

ной жизни составляетъ предметъ особенной трудности. вотъ почему, какъ говорили еще древніе греческіе любомудры, научить человѣка жить добродѣтельно есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ. Какъ словомъ человѣческимъ невозможно обнять всю глубину дѣйствительной жизни, и это слово все таки будетъ только описывать эту жизнь, а не творить дѣйствительность: такъ богатство духовной жизни, все содержаніе духовныхъ проявленій и движеній въ человѣкѣ, не возможно заключить въ мертвую букву, въ книжную мудрость. Всякое воспитаніе можетъ совершаться гораздо успѣшнѣе, если воспитатель, вмѣсто отвлеченныхъ наставленій, въ собственномъ лицѣ будетъ представлять образецъ своему воспитываемому дитяти. Небесный Учитель есть лучшій, безъ сомнѣнія, образецъ воспитателя и наставителя. И что же? Тѣмъ-то живо и дѣйственно было слово Господа нашего, что Онъ самъ въ себѣ былъ *образомъ*, по стопамъ котораго могли и должны были идти Его послѣдователи; всѣ Его наставленія—назиданія изъ событій, выводъ изъ дѣйствительности, указаніе на примѣръ; учитъ ли Онъ милосердію, говоритъ притчу о самарянинѣ и потомъ говоритъ желавшему слышать слово назиданія: „иди, и ты поступай такжe“ (Лук. 10, 37); поучаетъ ли смиренію въ молитвѣ, говоритъ притчу о мытарѣ и фарисеѣ; учитъ ли простотѣ жизни, незлобію въ сердцѣ, беретъ дитя, поставляетъ его въ кругу слушателей и говоритъ, что только тотъ войдетъ въ царство небесное, кто будетъ подобенъ дитяти (Матѳ. 18, 3). И этотъ образъ ученія глубоко напечатлѣвался въ сердцахъ научаемыхъ, ясно раскрывалъ имъ предла-

гаемую мысль и привлекалъ къ Господу множество учениковъ.

Примѣчаемъ еще черту назиданія въ сказаніяхъ о святыхъ. Святый Григорій богословъ замѣчаетъ между прочимъ, что „дѣяніе есть восхожденіе къ созерцанію“ (πρᾶξις ἐπίβασις θεωρίας), и это замѣчаніе вселенскаго учителя глубоко справедливо. Святые Божіи, дѣятельно восходившіе по пути духовнаго совершенства, тѣмъ самымъ возвышали и очищали свой умъ, восходили на высоту духовнаго разумѣнія, которой удивлялись люди высокаго ума и образованія. Понять это явленіе не трудно для всякаго, кто самъ пріобрѣлъ опытъ духовной жизни; но для насъ въ настоящемъ случаѣ важно то, что дѣятельное упражненіе въ подвигахъ служитъ именно началомъ и источникомъ даже знательнаго развитія, что благочестивая именно жизнь ведетъ за собою возможность разумѣванія въ области знанія. Не всякому дается Духомъ даръ мудрости и даръ знанія (1 Кор. 12, 8); а между тѣмъ отъ всякаго требуется познаніе святой воли Божіей, дабы человѣкъ жилъ достойно Бога, во всемъ угождая Ему (Кол. 1, 10). Гдѣ же лучше всего можно находить и руководство къ этому познанію и самый его источникъ, какъ не въ сказаніяхъ о святыхъ, у которыхъ вся жизнь была рядомъ „дѣяній“, требуемыхъ святою волею Божіею, достойныхъ Бога и угодныхъ Ему? Ищущему назиданія предстоятъ здѣсь—не напряженное вниманіе мысли, не трудныя разысканія и изслѣдованія. „Пойди и посмотри“ (Іоан. 1, 46), и, посмотрѣвъ, „иди и поступай такжe“. Чрезъ подражаніе святымъ трудное дѣло усовершенія

въ духовной жизни будетъ облегчено: дѣятельное упражненіе въ благочестіи подастъ залогъ и умѣнье жить,— примѣтитъ самые первые, коренные законы жизни и направитъ всю жизнь къ истинной цѣли; „дѣяніе“ послужитъ лѣствицею восхожденія къ „созерцанію“, къ духовному просвѣтлѣнію и облагороженію разума. Эта связь дѣянія и созерцанія достойна особаго примѣчанія. Гордое своимъ просвѣщеніемъ знаніе нашего вѣка, стремящееся развить созерцаніе въ ущербъ дѣянію, думающее условливать послѣднее первымъ и даже сливать съ нимъ, безъ сомнѣнія много выиесло бы себѣ полезнаго, если бы глубже вдумалось въ этотъ законъ духовнаго образованія человѣка, примѣченный св. отцами Церкви. Народные воспитатели безъ сомнѣнія скорѣе достигли бы высокой цѣли облагороженія человѣчества, если бы въ основѣ воспитанія полагали камень, такъ часто находящійся въ небреженіи у зиждущихъ, если бы помнили опытныя изреченія ветхозавѣтнаго мудреца, что въ злохудожную душу не войдетъ премудрость и что только доброе сердце есть залогъ чистаго ума. И что же лучше можетъ указать самый образъ дѣянія, какъ не жизнь святыхъ, которые возвышались до блаженнаго единенія съ Богомъ и духовнаго просвѣтлѣнія именно путемъ подвига, рядомъ дѣятельныхъ совершенствъ?

Подробно указывать частные уроки добродѣтели, удобоизвлекаемые изъ сказаній о святыхъ, почитаемъ лишнимъ бременемъ для тѣхъ, кому рѣшились мы предложить сказанія эти. Если св. апостолъ сознавался, что ему не достало бы времени повѣствовать о подвигахъ

нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ дѣятелей, прославившихся въ скромной исторіи народа Божія; то на повѣствованіе о томъ, какими добродѣтелями украшенъ ликъ святыхъ, прославившихся въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, пережитыхъ христіанскою Церковію, разсѣянною по всему лицу земному, еще менѣе бы достало времени. Какъ насѣкомое, ползая по вѣтвямъ и листьямъ растеній, вдыхая въ себя ихъ запахъ, питается ими: такъ и душа наша можетъ напитаться въ достаткѣ благовоніемъ святыхъ, а источникъ питанія, какъ нѣкогда мука въ чванцѣ Елиссеевомъ, никогда не изсякаетъ. Обращаемся къ тому предубѣжденному мнѣнію, которое находитъ въ святыхъ образецъ жизни слишкомъ высокой и не ко всѣмъ удобоприложимой. Говорятъ: „подвижничество, печать котораго лежитъ на жизни святыхъ, есть исключительное состояніе только нѣкоторыхъ избранныхъ и необщеобязательно для всѣхъ; какъ же ожидать, чтобы примѣры подвижничества могли произвести благотворное вліяніе, когда человѣкъ не признаетъ для себя обязательнымъ существо тѣхъ подвиговъ, которыхъ святые служатъ примѣрами“?

Нужно согласиться, что въ царствѣ Христовомъ не диво слышать такую рѣчь. Въ отношеніи къ нему, какъ извѣстно, много званныхъ, а мало избранныхъ (Матѳ. 22, 14), относить къ послѣднимъ тѣхъ, которые заявляютъ рѣчь ту, очевидно, никакъ нельзя. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что внутреннее существо Христіанства носитъ на себѣ печать подвижничества, что по нему чѣмъ выше подвигъ человѣка, чѣмъ напряженнѣе дѣйствуютъ его нравственныя силы, тѣмъ

дѣйствія человѣка совершеннѣе, выше по нравственному достоинству. Кто думаетъ, что подвижничество было только порожденіемъ вѣка, благочестивымъ увлеченіемъ немногихъ, тѣ не хотятъ проникнуть въ глубь нравственной жизни, требуемой христіанскою Вѣрою. Господь требуетъ отъ своихъ послѣдователей самоотверженія, взятія на себя креста своего (Лук. 9, 23), а этимъ развѣ не указывается подвижничество для всѣхъ христіанъ? Слишкомъ высоки подвиги? Но кто заботится о спасеніи, тотъ развѣ затруднится какими нибудь препятствіями? А у кого нѣтъ такой заботы, къ тому неприложимо никакое назиданіе. Святые Божіи въ дѣлѣ подвига дѣйствовали на основаніи влеченія собственнаго сердца, водимые пламенною любовію къ спасенію; общій духъ, воодушевлявшій ихъ, былъ именно духъ ревности о спасеніи себя и всякаго человѣка. Нужно умѣть читать эту книгу дѣлъ, эти живыя наставленія, и ревнующій о спасеніи сквозь внѣшнюю букву дойдетъ до духа ихъ и по духу ревности своей, его снѣдающей, войдетъ въ подобонастроеніе съ самими дѣятелями и сочувствіе ко всѣмъ тѣмъ расположеніямъ, которыя наполняли ихъ сердце, отъ него проникли въ волю и явились содержаніемъ ихъ дѣятельности. Дѣйствія же ищущихъ спасенія, расположенія, служащія началомъ этихъ дѣйствій, конечно, должны быть одинаковы у всѣхъ христіанъ. „Одинъ Господь, одна Вѣра“ (Ефес. 4, 5.). Какъ объяснить явленіе, что и міряне, ревнующіе о спасеніи, не могутъ начитаться отеческихъ подвижническихъ твореній Ефрема сирина, Макарія великаго, Исаака сиріанина, Іоанна лѣствичника, св. До-

роѳея. „Добротолюбія" и проч.? И о тѣхъ, кто чуждается этихъ наставленій, кто думаетъ, что подобныя сочиненія составлены не для него, нельзя ли сказать словомъ апостольскимъ: „духа Христова не имѣютъ"? Для христіанина не одно наставленіе, составленное отшельникомъ и для отшельниковъ, должно быть сладостнымъ духовнымъ брашномъ, но и высокія дѣла подвижниковъ должны служить духовною пищею: если онъ христіанинъ не по имени только, то и тамъ и здѣсь съумѣетъ найдти нужное себѣ и приложить къ своему быту, если даже встрѣтится съ подвигами, нѣсколько несовмѣстными съ самоизбраннымъ порядкомъ его жизни.

Пусть каждый самъ разсудитъ. Жизнь святыхъ есть рядъ благочестивыхъ опытовъ, какъ побѣждать страсти, очищать сердце, насаждать въ себѣ доброе расположеніе, какъ молиться, благоустроять свои мысли, хранить неразслабленнымъ свое вниманіе; все это не должно ли быть предметомъ самой тщательной заботы всякаго христіанина? Господь неоднократно говорилъ: „бодрствуйте и молитесь (Мато. 26, 41), бодрствуйте на всякое время" (Лук. 21, 36); развѣ нѣтъ заповѣди, или она не общеобязательна, о вниманіи къ себѣ, о постоянномъ трезвленіи (1 Петр. 5, 8)? Когда говорится въ Писаніи, что въ животъ вѣчный ведутъ тѣсныя врата и тѣсный путь (Мато, 7, 13), то очевидно дается знать, что эти врата и путь тѣсны для всѣхъ, заботящихся войти въ животъ вѣчный. Когда, опять, тоже Писаніе заявляетъ, что подвизающійся о спасеніи воздерживается отъ всего (1 Кор. 9, 25), что надобно умертвить земные члены (Кол. 3, 5), помышлять о горнемъ, а не

о земномъ (Кол. 3, 2), непрестанно молиться, (1 Сол. 5, 17), то этими заявленіями не вмѣняется ли въ обязанность всѣмъ, безъ изъятія, христіанамъ подвижничество, умерщвленіе плоти, отрѣшеніе отъ земнаго, непрестанная молитва, погруженіе въ Бога? А эти-то черты жизни и составляютъ части общаго духа, которымъ дышетъ жизнь святыхъ. Христіанское сознаніе говоритъ намъ, что не законъ Божій нужно подклонять подъ ярмо нашихъ грѣшныхъ и измѣнчивыхъ склонностей, но нашу выю—подъ бремя святаго и неизмѣннаго закона Божія. Господь не налагаетъ на насъ обязанностей, превышающихъ наши силы, а поблажка ведетъ къ распущенности. Кто хочетъ быть спасеннымъ, тотъ долженъ идти въ слѣдъ Спасителя, а идти въ слѣдъ Его нельзя иначе, какъ со крестомъ и подъ крестомъ (Марк. 8, 34. 35).

Правда, нельзя отрицать совершенно, что въ жизни святыхъ читатель встрѣтитъ подвиги и чрезвычайно высокіе, которые покажутся неудобоподражаемыми, доступными только людямъ, отрѣшившимся отъ общественной жизни и всецѣло посвятившимъ себя созерцанію, молитвѣ и дѣламъ благочестія. Между тѣмъ Спаситель говорилъ о высокихъ обѣтахъ не какъ общеобязательныхъ для всѣхъ послѣдователей Его: „кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“, говорилъ Онъ о дѣвственномъ состояніи (Мато. 19, 12). И апостолъ говорилъ: „каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ“ (1 Кор. 7, 20). Итакъ, и по слову Господа и по ученію апостола, никто собственно не принуждается ради высшаго послѣдованія Іисусу Христу не-

премѣнно оставлять свое званіе, въ которомъ поставленъ Промысломъ, и въ каждомъ званіи можно болѣе и болѣе преуспѣвать въ духовной жизни, подражая примѣру и ревности святыхъ Божіихъ. Въ исторіи святыхъ есть благовѣрные цари и царицы, князья и княгини, святители и вельможи, которые сохранили и знатность сана и гражданство земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣли и благоугодить Богу и сдѣлаться прекрасными гражданами на небѣ. Въ исторіи святыхъ есть богачи; но богатство не увлекло ихъ въ страну далече и не воспрепятствовало имъ быть богатыми вѣрою и добрыми дѣлами. Для истинныхъ учениковъ Христовыхъ иго Господне благо, бремя Его легко (Мато. 11, 30); потому что въ своихъ подвигахъ они могутъ находить для себя отраду и наслажденіе. Припомнимъ прежнія замѣчанія: святость есть плодъ благодати, а благодати все возможно, потому что невозможное человѣкамъ возможно Богу (Лук. 18, 27). Какъ въ обыкновенной жизни совершенство достигается постепенно и только мало помалу люди приходятъ въ состояніе совершать дѣла важныя: такъ и въ жизни духовной благоразумно подвизающіеся не вдругъ приступаютъ къ великимъ и труднымъ подвигамъ, но постепенно восходятъ къ нимъ посредствомъ бдѣнія надъ собою, посредствомъ непрерывнаго упражненія въ добродѣтеляхъ, менѣе трудныхъ, и по мѣрѣ постоянства и усердія къ подвигамъ благочестія пріумножается въ душахъ подвижниковъ благодать Христова, производящая все во всѣхъ (1 Кор. 12, 6). Великіе свѣтильники пустынь египетскихъ и оивандскихъ въ началѣ своего подвижничества не были

такими, но ихъ ревность къ благочестію и добродѣтели постепенно привлекала на нихъ обиліе благодати Божіей, постепенно ихъ усовершала и содѣлывала великими носителями духовныхъ даровъ. „Если же, скажемъ каждый отъ себя словами блаженнаго Августина, если люди подобные мнѣ, съ такою же плотію и кровію могли достигать такихъ совершенствъ, то почему же не могу достигнуть тогоже и я"? Подобная сила благоразумной увѣренности должна одушевлять всякаго, кто знакомится съ высокими примѣрами благочестія.

Но можетъ открыться сторона и обратная. Въ житіяхъ святыхъ можно встрѣтить такія дѣйствія, которыя могутъ показаться маловажными, какъ-бы только усложняющими духовную жизнь и тѣмъ затрудняющими ея правильное отправленіе и развитіе. Но и это не должно ослаблять нашего благоговѣйнаго отношенія къ жизни святыхъ. Въ евангеліи читаемъ, что Іисусъ Христосъ и за чашу холодной воды, поданной во имя Его, обѣщалъ вѣрнымъ награду (Марк. 9, 41), и двѣ лепты вдовицы, по усердію отъ скудости положенныя въ сокровищницу храма, предпочтены были большимъ вкладамъ отъ избытка (Марк. 12, 42—44). Что совершаетъ человѣкъ изъ любви къ Богу и ради спасенія души, то не можетъ быть маловажнымъ. Притомъ, образъ человѣческой жизни многоразличенъ, слѣдовательно и дѣла человѣческія многоразличны по различнымъ состояніямъ людей. Жизнь древнихъ подвижниковъ была проста и естественна; образу этой жизни соотвѣтствовали и самыя дѣла. Но простота ихъ дѣлъ была свята

и высока; ибо освящалась и возвышалась силою вѣры и ревностію по Богѣ.

При чтеніи сказаній о святыхъ можетъ остановить на себѣ вниманіе читателя еще одно явленіе. Онъ увидитъ, что и святые люди, имѣющіе одинаковую съ нами природу, не были иногда чужды слабостей и немощей человѣческихъ. Да не соблазнится этимъ благочестивое сердце. Седмижды въ день можетъ падать праведникъ, но онъ тотчасъ и встаетъ по паденіи. Мы замѣчали прежде, что понятіе о праведности далеко не отвергаетъ возможности грѣха; искушается грѣхомъ святый, но свое паденіе врачуетъ глубокимъ покаяніемъ: палъ нѣкогда Давидъ, но мы знаемъ и образъ его покаянія; палъ нѣкогда преподобный Іаковъ постникъ (март. 4), но покаянію его почудились подвижники; пала нѣкогда Марія египетская (апр. 1), но покаяніемъ своимъ удивила естество ангельское. Тутъ для насъ даже новый урокъ: „кто думаетъ, что онъ стоитъ, тотъ берегись, чтобы не упасть“ (1 Кор. 10, 12). Если падали высокіе столпы Церкви; то кто же можетъ поручиться за себя изъ насъ, которые слабы какъ трость? Покаяніе низводило на падавшихъ милосердіе Божіе: не будемъ же отчаяваться въ своемъ спасеніи; будемъ надѣяться на силу покаянія, могущаго примирить человѣка съ правосудіемъ Божіимъ.

Итакъ, „да будетъ въ душахъ нашихъ столько ревности противъ діавола и его приставниковъ, сколько имѣли маккавеи, и святые пророки, и апостолы, и мученики, и преподобные, и праведные, которые установили божественные законы и духовныя заповѣди въ странахъ

страшныхъ при искушеніяхъ самыхъ трудныхъ, и міръ и тѣло повергли позади себя, и устояли въ правдѣ своей, не уступивъ надъ собою побѣды опасностямъ, которыя вмѣстѣ съ ихъ душами окружали и тѣла, но побѣдивъ ихъ мужествомъ. Имена ихъ написаны въ книгѣ живыхъ даже до пришествія Христова, и ученіе ихъ, по Божію повелѣнію, соблюдается для нашего наставленія и укрѣпленія, какъ свидѣтельствуетъ апостолъ (Рим. 15, 4), чтобы мы стали мудрыми, и познали пути Божіи, и имѣли у себя предъ очами сказанія о нихъ и житія ихъ, какъ одушевленные и живые образы, ихъ брали себѣ за образецъ, шествовали ихъ путемъ, и имъ уподоблялись. О, какъ сладостны божественныя словеса душѣ благомысленной! Они тоже для души, что для тѣла пища, поддерживающая его. Сказанія же о праведныхъ также вожделѣнны слуху кроткихъ, какъ и постоянное орошеніе недавно насажденному растенію" (¹). Такое отношеніе къ предположеннымъ нами къ изданію въ переводѣ на русскій языкъ сказаніямъ о святыхъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію, сдѣлаетъ насъ исполнителями заключающагося въ нихъ высокаго слова назиданія во спасеніе о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, въ какомъ бы званіи, состояніи и положеніи ни находился кто изъ насъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ избавитъ насъ предъ судомъ даже собственной совѣсти отъ приложенія къ себѣ слѣдующаго, всегда долженствующаго быть предъ очами всякаго изъ желающихъ наслѣдовать царство небесное,

---

(¹) Св. *Иоан. сиріян.* слов. 6. стр. 39. Москва. 1854.

сравненія апостольскаго: „кто слушаетъ слово и не исполняетъ, тотъ подобенъ человѣку, разсматривающему природныя черты лица своего въ зеркалѣ: онъ посмотрѣлъ на себя, отошелъ, и тотчасъ забылъ, каковъ онъ" (Іак. 1, 23. 24).

Самъ же Богъ, дивный во святыхъ своихъ, многомощными молитвами ихъ (Іак. 5. 16) да освятитъ насъ во всей полнотѣ. и нашъ духъ и душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится, безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа (1 Сол. 5, 23)! (*).

(*) Что касается подробностей способа предпринятаго нами изданія Сказаній о святыхъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію; то онѣ—тѣже самыя, какія заявлены нами въ предисловіи къ начатому уже нами изданію Сказаній о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію (т. I. стр. 143—150).

СКАЗАНІЯ

О СВЯТЫХЪ ПРАВЕДНЫХЪ БОГООТЦАХЪ ІОАКИМѢ И АННѢ [1].

Память ихъ — 9 сентября.

I.

Святаго Андрея, архіепископа († 690 г.) критскаго [2].

Искупитель рода человѣческаго, восхотѣвъ возродить и возсоздать человѣка, подобно какъ при первомъ сотвореніи, взявши персть изъ дѣвственной земли,

---

([2]) Изъ слова его на рождество пресвятыя Богородицы. Patrolog. curs. compl. t. XCVII. p. 814—818. Paris. 1860.

([1]) Источникомъ, откуда древніе почерпали нѣкоторыя свѣдѣнія о святыхъ праведныхъ богоотцахъ Іоакимѣ и Аннѣ, служило между прочимъ древнее сочиненіе, имѣющее и такое заглавіе: «Рожденіе святой Богородицы и преславной Матери Іисуса Христа Маріи». Въ концѣ сочиненія этого читается: «Я Іаковъ, написавшій исторію сію въ Іерусалимѣ», и проч. Поэтому, между прочимъ, упомянутое сочиненіе усвоялось въ прежнія времена св. Іакову, брату Господню, первому епископу іерусалимскому, подъ именемъ котораго приводилъ извлеченія изъ сочиненія того и святитель нашъ Димитрій ростовскій (Четь-мин. 9 сентября), но въ послѣднее время знатоками древностей христіанскихъ признано, что сочиненіе то написано неизвѣстнымъ мужемъ, но имени Іаковомъ, жившимъ въ вѣкъ апостольскій. *Тило* Codex apocryph. Nov. Testam. tom. I. proleg. § 4. Lipsiae 1832. Въ немъ такъ говорится о святыхъ праведныхъ богоотцахъ Іоакимѣ и Аннѣ (приводимъ извлеченіе изъ него по списку, принятому за основный у Тило, не касаясь разностей въ чтеніи по другимъ спискамъ, потому что съ разностями этими встрѣтимся далѣе):

„Въ исторіяхъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ былъ Іоакимъ, человѣкъ весьма богатый; онъ приносилъ обыкновенно сугубые дары Богу, говоря: «избытокъ мой пусть будетъ всему народу, а что въ прощеніе мое, то пусть будетъ Господу Богу моему въ умилостивленіе мнѣ». Насталъ великій день Господень: сыны израилевы приносили дары свои, но Іоакиму противусталъ нѣкто Рувимъ, говоря: «непозволительно, чтобы ты принесъ дары свои; потому что ты не

образовалъ перваго Адама, такъ и теперь, устроя свое воплощеніе на землѣ, вмѣсто земной, такъ сказать, персти избираетъ изъ всего творенія чистую и прене-

произвелъ племени въ Израилѣ». Іоакимъ весьма опечалился, пошелъ домой и обратился къ родословію двѣнадцати колѣнъ народа, говоря: «посмотрю, одинъ ли я не возставилъ племени въ Израилѣ. И развѣдалъ онъ и нашелъ, что всѣ праведные возставили племя въ Израилѣ. И вспомнилъ онъ о патріархѣ Авраамѣ, что Богъ уже въ послѣдніе дни его далъ ему сына Исаака. Іоакимъ весьма опечалился, и не показался женѣ своей, но ушелъ въ пустыню (на гору), и водрузилъ тамъ шатеръ свой и постился сорокъ дней и сорокъ ночей, говоря про себя: «не сойду отсюда ни ѣсть, ни пить до тѣхъ поръ, пока призритъ на меня Господь, но пусть будетъ мнѣ пищею и питіемъ молитва».

Жена же его Анна плакала сугубымъ плачемъ и рыдала сугубымъ рыданіемъ, говоря: «буду оплакивать вдовство свое, буду оплакивать и безчадіе свое. Между тѣмъ насталъ великій день Господень. Іудиѳь, служанка ея, сказала: «доколѣ наконецъ будешь удручать душу свою скорбію? Вотъ насталъ великій день Господень, и тебѣ не должно плакать, но возьми эту головную повязку, которую дала мнѣ госпожа за работу; мнѣ неприлично повязываться сю, ибо я служанка, а она имѣетъ знакъ царственный». Анна сказала: «отойди отъ меня, я не сдѣлаю этого; Господь весьма смирилъ меня. Не лукавый ли внушилъ тебѣ это, и ты пришла сдѣлать меня участницею своего грѣха»? Служанка ея Іудиѳь сказала ей: «что мнѣ упрашивать тебя, когда ты не хочешь слушать голоса моего? Не стану болѣе упрашивать тебя, ибо Господь Богъ заключилъ утробу твою, чтобы не дать тебѣ плода въ Израилѣ». Анна весьма опечалилась, но печальныя одежды свои сняла, украсила голову свою, одѣлась въ брачныя одежды свои и около девятаго часа вышла въ садъ свой погулять, и, увидавъ лавровое дерево, сѣла подъ нимъ, и стала молить Владыку, говоря: «Боже отцевъ моихъ! благослови меня и услышь молитву мою, какъ услышилъ и благословилъ Ты утробу Сарры и далъ ей сына Исаака».

И, возведши очи на небо, Анна увидѣла на лавровомъ деревѣ воробьиное гнѣздо, и заплакала въ себѣ, говоря: «Горе мнѣ, горе мнѣ, кто родилъ меня? Какая утроба произвела меня? Я сдѣлалась проклятіемъ предъ сынами Израиля, подверглась поношенію и съ осмѣяніемъ отринута отъ храма Господа Бога моего. Горе мнѣ, кому я уподобилась? Не уподобилась я птицамъ небеснымъ, ибо и птицы небесныя плодородны у Тебя, Господи. Горе мнѣ, кому я уподобилась? Не уподобилась я звѣрямъ земнымъ, ибо и звѣри земные плодородны у Тебя, Господи. Горе мнѣ, кому я уподобилась? Не уподобилась я этимъ водамъ, ибо и воды плодородны у Тебя, Господи.

порочную Дѣву, и, возсоздавая человѣчество въ избранной изъ среды человѣковъ, содѣлывается новымъ Адамомъ, чтобы спасти древняго.

Горе мнѣ, кому я уподобилась? Не уподобилась я и землѣ, ибо и земля приноситъ во время плоды свои и благословляетъ Тебя, Господи».

И вотъ предсталъ ангелъ Господень и говоритъ ей: «Анна, Анна! Господь Богъ услышалъ молитву твою: ты зачнешь и родишь, и о сѣмени твоемъ будутъ говорить во всей вселенной». Анна сказала: «живъ Господь Богъ мой: если я рожу дитя мужескаго или женскаго пола; то принесу его въ даръ Господу Богу моему, и пусть оно служитъ Ему во всѣ дни жизни своей». И вотъ пришли два вѣстника и говорятъ ей: «вотъ идетъ мужъ твой Іоакимъ съ своими стадами, ибо къ нему явился ангелъ Господень и сказалъ: «Іоакимъ, Іоакимъ! Господь Богъ услышалъ молитву твою: сойди отсюда; ибо вотъ жена твоя Анна зачнетъ во чревѣ». Іоакимъ сошелъ и, призвавъ пастуховъ своихъ, сказалъ: «приведите мнѣ сюда десять чистыхъ и непорочныхъ агницъ, для жертвы Господу Богу моему; приведите мнѣ еще двѣнадцать чистыхъ тельцовъ, и будутъ они священникамъ и старѣйшинамъ; приведите мнѣ и сто козловъ, и будутъ козлы эти для всего народа». И вотъ Іоакимъ пришелъ съ стадами своими; Анна стояла у воротъ дома своего, увидѣла Іоакима идущаго съ стадами своими, и, подбѣжавъ, бросилась на шею его, говоря: «теперь знаю, что Господь Богъ щедро благословилъ меня; ибо вотъ я, вдова, уже не вдова, и безчадная зачну во чревѣ»! И успокоился Іоакимъ первый день въ домѣ своемъ.

На утро же онъ приносилъ дары свои, говоря про себя: «если Господь Богъ умилосердился надо мною: то дщица священника (*) покажетъ мнѣ это». И принесъ Іоакимъ дары свои, и, приступивъ къ жертвеннику Господню, внимательно смотрѣлъ на дщицу священника и не видѣлъ грѣха въ себѣ. И сказалъ Іоакимъ: «теперь знаю, что Господь Богъ умилостивился надо мною и отпустилъ всѣ грѣхи мои». И вышелъ онъ изъ храма Господня оправданнымъ и пошелъ въ домъ свой, радуясь и прославляя Бога. Между тѣмъ исполнились мѣсяцы Анны, и въ девятый мѣсяцъ она родила, и спросила бабку: «что я родила»? Та отвѣчала: «дочь». И сказала Анна: «возвеличилась душа моя въ этотъ день»,—и положила ее. По исполненіи же дней, Анна оправилась, сама стала кормить отроковицу и нарекла имя ей: Марія.

(*) Имѣвшая надпись: «святыня Господу» и возлагавшаяся на переднюю сторону кидара (митры).

Кто же эта Дѣва? Отъ какихъ она произошла родителей? Скажемъ объ этомъ кратко, воспомянувъ повозможности повѣствуемое о ней. Марія, слава всѣхъ,

---

Отроковица со дня на день укрѣплялась, а когда исполнилось ей шесть мѣсяцевъ, ея мать поставила ее на землю, чтобы испытать, не можетъ ли она стоять, и она, сдѣлавъ семь шаговъ, возвратилась въ объятія матери своей. Анна же сказала: «живъ Господь Богъ мой, ты не будешь ходить по этой землѣ, доколѣ я не введу тебя въ храмъ Господень». И устроила святое мѣсто въ спальнѣ ея, и постаралась удалить ради ея все мірское и нечистое. И созвала непорочныхъ дочерей еврейскихъ, и онѣ ходили за нею. Отроковицѣ исполнился первый годъ. Іоакимъ сдѣлалъ большой пиръ, созвалъ священниковъ, книжниковъ, старѣйшинъ и весь народъ израильскій. И поднесъ Іоакимъ отроковицу священникамъ; священники благословили ее, говоря: «Боже отцевъ нашихъ! благослови отроковицу эту и дай ей имя славное, вѣчное во всѣхъ родахъ». Весь народъ сказалъ: «да будетъ, да будетъ, аминь». Потомъ Іоакимъ поднесъ отроковицу къ архіереямъ, и они благословили ее, говоря: «Боже всевышній! благослови отроковицу эту и дай ей такое благословеніе, которое не имѣетъ преемства». Потомъ мать отроковицы взяла ее въ святое мѣсто спальни ея и сама стала кормить ее. И составила Анна пѣснь Господу Богу, говоря: «Воспою пѣснь Господу Богу моему, ибо Онъ призрѣлъ на меня, снялъ съ меня поношеніе враговъ моихъ, и далъ мнѣ плодъ правды своей, единственный, многоцѣнный предъ Нимъ. Кто возвѣститъ сынамъ Рувима, что Анна кормитъ дитя свое». И успокоила мать отроковицу въ священной спальнѣ ея, и потомъ вышла и служила гостямъ. По окончаніи пира, гости разошлись, радуясь и прославляя Бога Израилева.

Отроковицѣ прилагались мѣсяцы, и она стала двухъ лѣтъ. Іоакимъ сказалъ (женѣ своей Аннѣ): «отведемъ ее въ храмъ Господень, чтобы исполнить обѣтъ, который мы обѣщали, дабы Господь Богъ не отвергъ какъ нибудь насъ, и даръ нашъ не остался не принятымъ». Анна сказала: «подождемъ до третьяго года, чтобы отроковица не взыскалась отца или матери». И сказалъ Іоакимъ: «аминь, да будетъ». Когда же отровица достигла трехъ лѣтъ, Іоакимъ сказалъ: «позовемъ непорочныхъ дочерей еврейскихъ, и пусть онѣ возьмутъ по свѣтильнику, и пусть стоятъ съ ними, возженными, чтобы отроковица не обратилась назадъ, и чтобы сердце ея плѣнилось храмомъ Господнимъ». И сдѣлали такъ, пока пришли въ храмъ Господень. И принялъ отроковицу священникъ, и, облобызавъ, благословилъ ее и сказалъ: «возвеличилъ Господь Богъ имя твое во всѣхъ родахъ на землѣ: въ послѣдніе дни Господь Богъ покажетъ на тебѣ сынамъ израильскимъ искупленіе свое». И посадилъ онъ отроковицу

родилась отъ племени Давидова, имѣя родителей Іоакима и Анну. Іоакимъ былъ мужъ кроткій, смиренный и воспитанный въ законѣ Божіемъ. Живя цѣломудренно и ходя предъ Богомъ, онъ впрочемъ былъ бездѣтенъ до старости: цвѣтущія лѣта его не произвели плода чревнаго. Равно и Анна была жена боголюбивая, трезвенная, любящая мужа своего; но она оставалась безплодною и безчадною. Почитая первымъ и единственнымъ долгомъ своимъ чтить заповѣди Господни, она ежедневно уязвлялась однако жаломъ безчадства, и претерпѣвала то, что обыкновенно бываетъ удѣломъ неплодныхъ,—печалилась, скорбѣла, сокрушалась, пося поношеніе безчадія. Такъ, Іоакимъ и жена его сѣтовали о томъ, что не имѣли преемника рода своего; впрочемъ искра надежды еще не погасала въ нихъ совершенно: оба они возсылали молитвы къ Богу о дарованіи имъ чада для продолженія сѣмени ихъ. Оба, подражая услышанной молитвѣ Анны (1 Цар. 1, 10), не отходили отъ храма, усердно прося Бога, разрѣшить неплодство и даровать плодъ безчаднымъ; что̀ на самомъ дѣлѣ и исполнилось. Даръ упованія ихъ, пріятнѣйшій Богу, не оставленъ безъ воздаянія Подателемъ даровъ. Не умедляющая сила скоро предстала на помощь къ изливавшимъ умиленныя и горькія слезы предъ Богомъ, и состарѣвшуюся чету сдѣлала спо-

---

на третьей ступени жертвенника, и осѣнилъ ее Господь Богъ благодатію, и она отъ радости прыгала на ногахъ своихъ, и возлюбилъ ее весь домъ Израилевъ.

И возвратились родители ея, дивясь и хваля Бога за то, что отроковица не обратилась назадъ".

собною къ произращенію плода. Такимъ образомъ отъ неплодныхъ родителей, какъ отъ отцвѣтшихъ древъ, произросъ для насъ преславный плодъ—пренепорочная Дѣва. Узы неплодства разрѣшились: молитва чудно произрастила плодъ; безчадная родила чадо; бездѣтная сдѣлалась счастливѣйшею матеріо. Иоелику же произрастившая изъ утробы своей класъ нетлѣнія произошла отъ неплодной матери: то родители, въ первомъ цвѣтѣ ея возраста, привели ее въ храмъ и посвятили Богу. Священникъ, совершавшій тогда чреду служенія, узрѣвъ лики предшествовавшихъ ей дѣвъ, возрадовался и возвеселился, видя какъ-бы дѣйствительное уже исполненіе божественныхъ обѣтованій. Онъ, какъ нѣкую благопріятнѣйшую жертву, посвятитъ ее Богу, и какъ великую сокровищницу спасенія, укрылъ ее во внутренности храма...

Люди Божіи, языкъ святый, собраніе священное! Почтимъ память богоотцевъ: возвеличимъ силу таинства. Каждый изъ насъ, по мѣрѣ данной ему благодати, да принесетъ достойный даръ настоящему торжеству: отцы —попеченіе объ истинномъ благодѣяніи рода своего, матери — благочадіе, неплодныя — неплодство грѣха, дѣвы — сугубое цѣломудріе, т. е. души и тѣла, брачныя — похвальное воздержаніе. Если кто изъ васъ отецъ, пусть подражаетъ отцу святыя Дѣвы. Если кто бездѣтенъ, пусть пожинаетъ плодотворную молитву, возрастающую изъ богоугодной жизни. Мать, воспитывающая чадъ своихъ, пусть радуется радостію Анны, воспитавшей чадо, дарованное ей въ неплодствѣ за теплую молитву. Неплодная, нерождающая, лишенная

благословенія чадородія, пусть приходитъ съ вѣрою къ отрасли, прозябшей отъ Анны, и вѣтвь неплодія оплодотворится. Дѣва, непорочно живущая, пусть украшается непорочностію слова, для благолѣпія души. Брачная пусть приноситъ умную жертву отъ плодовъ молитвы. Богатый, равно какъ и нищій, юноши и дѣвицы, старцы и отроки (Псал. 48, 3, 148, 12), священники и левиты, цари и царицы, всѣ вкупѣ поспѣшимъ въ преддверіе храма, присоединимся къ лику спослѣдствующихъ дѣвъ; войдемъ въ святое святыхъ. Тамъ зрѣетъ благоуханнѣйшій цвѣтъ; тамъ воспитательный чертогъ Отроковицы, уготованный Богомъ, дабы она сохранилась въ немъ для Бога. Посему-то дѣвы, ближнія ея, ликовствуютъ, предустрояя будущее. Посему-то дщери сіоновы идутъ за нею, какъ за царицею, привлекаемыя благовоніемъ ея мура. Храмъ отверзъ свои священныя врата, дабы воспріять всецарственную славу; святое святыхъ открылось, дабы заключить въ свои недоступныя нѣдра пресвятую Матерь Всесвятаго.

II.

Святаго Германа, патріарха (+ 740 г.) константинопольскаго (1).

Вотъ опять другое торжество и радостный праздникъ Матери Господа; вотъ выходъ непорочной невѣсты; вотъ первое торжественное шествіе Царицы; вотъ вѣрный знакъ имѣющей окружать ее славы; вотъ на-

(1) Изъ похвальнаго слова его святой Богородицѣ, когда родители ея принесли ее, трехлѣтнюю, въ храмъ. Patrolog. curs. compl. t. XCVIII. p. 309—315. Paris. 1860.

чатки имѣющей осѣнить ее божественной благодати: ротъ яснѣйшій признакъ преимущественной чистоты ея. Ибо куда не часто, но однажды въ каждый годъ входилъ священникъ для совершенія таинственнаго служенія, туда она приводится родителями своими для непрестаннаго пребыванія въ неприступномъ святилищѣ благодати. Кто знаетъ, что бы когда нибудь было что либо такое? Кто изъ современниковъ или изъ предковъ видѣлъ или слышалъ, что бы лице женскаго пола введено было внутрь святаго святыхъ и жило и воспитывалось тамъ, когда доступъ туда едва позволенъ былъ даже мужескому полу? Не очевидное ли это доказательство, не явный ли признакъ, не поразительное ли указаніе на высокія и новыя дѣла, имѣвшія совершиться надъ нею?

Дерзающіе говорить противъ нея и видящіе какъ не видящіе пусть покажутъ намъ, гдѣ они видѣли когда либо что нибудь такое? Гдѣ они видѣли, чтобы дѣвица обѣтованная и притомъ трехлѣтняя принесена была за третью завѣсу храма, какъ непорочный даръ, для непрестаннаго обитанія тамъ, чтобы ее умолили богатые изъ народа (Псал. 44, 13), торжественно сопровождали дѣвы, вели въ храмъ съ свѣтильниками, принимали согбенными руками священники и пророки? Какъ же это не захотѣли они уразумѣть сего? Какъ, видя первое, не повѣрили послѣднему? Какъ, видѣвъ прежде на ней новое и необычайное, стали отвергать совершившееся впослѣдствіи?

Но предоставимъ мудрствующимъ иначе идти путемъ погибели и впадать въ яму, которую сами вырыли

себѣ. Мы же, особенный народъ Божій, священники и начальники, міряне и иноки, рабы и свободные, ремесленники и земледѣльцы, садовники и рыбари, молодые и старые, мужи и жены, придемъ, поспѣшно приступимъ къ Богородицѣ и посмотримъ на божественныя тайны, предначатыя на ней Промысломъ Божіимъ: какъ всесвятая приводится нынѣ родителями въ храмъ Бога чрезъ Его священниковъ; какъ одушевленный храмъ Господень помѣщается въ храмѣ неодушевленномъ; какъ пророкъ принимаетъ ее на руки свои и вноситъ въ недоступное святилище, безъ всякаго негодованія, и не говоря родителямъ ея: „не сдѣлаю этого, совершенно новаго, дѣла, и не введу отроковицу въ святое святыхъ, чтобы она осталась и постоянно обитала тамъ, куда мнѣ самому узаконено входить только однажды въ годъ“. Пророкъ ничего не сказалъ такого; но, какъ предвидящій будущее,—ибо онъ былъ пророкъ,—безъ сомнѣнія ожидалъ ее, и, дождавшись, поспѣшно принимаетъ ее, какъ послѣ него Симеонъ принялъ ея Сына.

Потомъ, обнявъ отроковицу и держа ее въ рукахъ, онъ обратился къ матери ея какъ-бы съ такими словами: „откуда ты, жена, родомъ? Какой ведешь ты образъ жизни и съ какою цѣлію поступаешь ты такъ? Какъ ты, не имѣя примѣра, первая рѣшилась на это новое и неслыханное дѣло — ввести Отроковицу въ недоступное святилище, чтобы она и оставалась тамъ? Скажи, какое у тебя намѣреніе, и какое твое имя“?

Анна, имѣющая имя отъ благодати (1), отвѣчала пророку: „я произошла отъ рода священническаго, отъ ко-

(1) Анна, еврейское слово, значитъ: благодать.

лѣна Ларонова, отъ племени пророческаго и царскаго; ибо я—отрасль Давида и Соломона и послѣдующихъ царей; но я же и родственница жены твоей Елисаветы. Потомъ, по закону Владыки, я сочеталась бракомъ, но оказалась безплодною и долго была бездѣтною. Не находя никакого средства для устраненія своего несчастія, я прибѣгла къ единому всемогущему и подателю всего Богу, и, отверзши предъ Нимъ съ усердіемъ уста свои, съ сокрушеніемъ сердца и со слезами возопила, говоря такъ: „о Господи, Господи, скоро внимающій душамъ, удручаемымъ скорбями! Зачѣмъ Ты измѣнилъ во мнѣ естество моихъ предковъ? Зачѣмъ Ты сдѣлалъ меня притчею въ родѣ моемъ и предметомъ для киванія головою въ племени моемъ? Зачѣмъ Ты подвелъ меня подъ проклятія пророковъ твоихъ, давъ мнѣ чрево неплодное и сосцы сухіе? Зачѣмъ Ты сдѣлалъ, что не принимаютъ даровъ моихъ, какъ бездѣтной? Зачѣмъ Ты предоставилъ меня знакомымъ на поруганіе, подчиненнымъ на посрамленіе, и сосѣдямъ на посмѣяніе? Призри, Господи; услышь, Владыко; умилосердись, Святый! Уподобь меня птицамъ небеснымъ, звѣрямъ земнымъ, рыбамъ морскимъ; ибо и они плодородны у Тебя, Господи! Да не явится, Всевышній, худшею безсловесныхъ та, которую создалъ Ты по образу и подобію своему“. Сказавъ это и подобное этому, я присовокупила: „Тебѣ, Владыко, я, вмѣсто благодарственнаго дара, всецѣло посвящу дитя, которое Ты дашь мнѣ, чтобы оно оставалось и пребывало въ святилищѣ твоемъ, какъ священное приношеніе и всечтимый даръ, дарованный мнѣ Тобою, всещедрымъ подателемъ совершен-

ныхъ даровъ". Такъ взывала я къ сущему на небесахъ Богу, находясь въ своемъ саду, подъ открытымъ небомъ, устремивъ очи на небеса и бія себя руками въ перси. О томъ же умолялъ Бога и мужъ мой, находясь на горѣ совершенно одинъ и постясь сорокъ дней. Наконецъ, скорый на милость и животолюбивый Господь, внявъ молитвамъ обоихъ насъ, послалъ ангела своего, возвѣстить намъ зачатіе моей отроковицы. Тогда естество мое, по повелѣнію Божію, тотчасъ понесло плодъ; ибо до божественной благодати оно не держало раждать, а какъ только она снизошла на меня, заключенное дотолѣ чрево отверзло врата свои и удержало въ себѣ полученный отъ Бога залогъ, пока зачавшееся въ немъ, по благоволенію же Божію, произошло на свѣтъ. Итакъ, поелику дитя уже отнято отъ сосцевъ, я совершаю Богу обѣты свои, которые произнесли уста мои и изрекъ языкъ мой въ тѣснотѣ моей (Псал. 65, 13. 14). Для этого я собрала сонмъ дѣвъ съ свѣтильниками, созвала священниковъ, пригласила родственниковъ, говоря всѣмъ: „радуйтесь со мною всѣ, потому что я теперь и мать и жертвоприносительница, не къ земному царю приводящая дитя свое, ибо это непристойно, но посвящающая его Царю небесному, какъ Его даръ". Прими же, пророкъ, Богомъ дарованную дочь мою; прими, и, приведши ее въ святую гору, помѣсти ее тамъ (Псал. 77, 54), въ готовомъ жилищѣ Божіемъ (Псал. 32, 14), ни о чемъ не изслѣдуя, доколѣ призвавшій ее сюда Богъ благоволитъ привести къ концу касающееся ея".

Выслушавъ эти слова, Захарія тотчасъ сказалъ Аннѣ: „благословенъ плодъ твой, всечтимая! славно чрево

твое, любящая мужа! преславно приношеніе твое, боголюбезная"! Потомъ, взявъ Отроковицу съ великою радостію, поспѣшно вноситъ ее въ святое святыхъ, говоря ей, можетъ быть, такъ: „приди, исполненіе моего пророчества; приди, совершеніе опредѣленій Господнихъ; приди, печать завѣта Господня; приди, цѣль обѣтованій Господнихъ; приди, изъясненіе тайнъ Господнихъ; приди, зерцало всѣхъ пророковъ; приди, соглашеніе несогласныхъ; приди, совокупленіе древле раздѣленныхъ; приди, подпора клонящихся долу; приди обновленіе обветшавшихъ; приди, свѣтъ во тмѣ лежащихъ; приди, новѣйшее и божественное дарованіе; приди, Владычица всѣхъ земнородныхъ; войди въ славу Господа своего, теперь пока еще земную и преходящую, но немного спустя—въ небесную и для людей недоступную".

Сказавъ такимъ образомъ Отроковицѣ столь достойныя ея слова, священникъ помѣстилъ ее внутри храма, въ приличномъ и напередъ назначенномъ мѣстѣ. Отроковица же ходила въ храмѣ Божіемъ какъ въ чертогѣ, прыгая и радуясь; ибо хотя возрастомъ была только трехъ лѣтъ, но благодатію Божіею, какъ предувидѣнная, предопредѣленная и избранная Богу и Правителю всего, была совершенна не по лѣтамъ.

III.

Святаго Іоанна дамаскина (+ 754 г.).

(1)

Святые евангелисты Матѳей и Лука ясно показали происхожденіе Іосифа отъ племени Давидова, хо-

(1) Точн. излож. прав. Вѣр. кн. 4. гл. 14. стр. 257—258. Москва. 1844.

ти Матѳей производитъ Іосифа отъ Давида чрезъ Соломона, а Лука чрезъ Наѳана. О родѣ же святой Дѣвы они оба умолчали.

Надобно знать, что ни у евреевъ, ни въ божественномъ Писаніи не было обыкновенія вести родословіе женщинъ; но былъ законъ, запрещавшій брать женъ изъ другаго колѣна (Числ. 36, 7). Потому Іосифъ, происходившій отъ колѣна Давидова, мужъ праведный, какъ о томъ свидѣтельствуетъ божественное евангеліе, не обручился бы противъ закона съ святою Дѣвою, если бы она не происходила отъ тогоже съ нимъ колѣна. Итакъ для евангелиста достаточно было показать происхожденіе одного Іосифа.

Нужно и то еще знать, что былъ законъ, по которому, если кто умретъ бездѣтнымъ, братъ его обязывался взять за себя жену умершаго, и возставить сѣмя брату своему (Втор. 25, 5). Дѣти отъ сего брака, по естеству принадлежали второму, т. е. родившему, а по закону — умершему.

Итакъ, произшедшій отъ племени Наѳана, сына Давидова, Левій родилъ Мелхія и Паноира; Паноиръ родилъ такъ называемаго Варпаноира; Варпаноиръ родилъ Іоакима; Іоакимъ родилъ святую Богородицу...

Іоакимъ сочетался бракомъ съ досточтимою и достохвальною Анною (Марк. 6, 10). Но какъ древле безплодная Анна по молитвѣ и обѣтованію родила Самуила (1 Цар. 1, 11. 17): такъ и сія по молитвѣ и обѣтованію, получаетъ отъ Бога Богородицу, не уступая и въ семъ ни одной изъ славныхъ женъ. Итакъ благодать (что̀ значитъ имя Анна) раждаетъ Госпожу (что̀

означаетъ имя Марія). Ибо Марія, ставъ матерію Творца, дѣйствительно сдѣлалась Госпожею всѣхъ тварей. Раждается же въ домѣ Іоакимовомъ, близъ овчихъ вратъ, и приводится во храмъ.

(2)

Пріидите всѣ народы, весь родъ человѣческій, всякій языкъ, всякій возрастъ и всякій чинъ,—пріидите, радостно отпразднуемъ день рожденія всемірной Радости... Да восторжествуетъ вся тварь, и да прославитъ святѣйшую Лѣторасль святой Анны! Она родила міру неотъемлемое сокровище благъ; чрезъ нее вочеловѣчившійся Творецъ привелъ всю тварь въ лучшее состояніе... Итакъ, прославимъ разрѣшеніе человѣческаго неплодія; ибо теперь для насъ рушилась преграда къ блаженству.

Но почему Дѣва-Матерь родилась отъ неплодной? Потому, что чудесами должно было предуготовить путь къ единственной новости подъ солнцемъ, главнѣйшему изъ чудесъ, и постепенно восходить отъ меньшаго къ большему. Впрочемъ, я знаю и другую причину этого, гораздо возвышеннѣйшую и божественнѣйшую, именно: природа уступаетъ благодати, и, объятая трепетомъ, остановливается, не смѣетъ идти далѣе. Итакъ, поелику Дѣва Богородица долженствовала родиться отъ Анны; то природа не дерзала предупредить сѣмени благодати, но оставалась безплодною, доколѣ благодать не произрастила плода. Ибо надлежало родиться первородной,

---

(2) Изъ слова св. Іоанна дамаскина на рождество пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи. Patrolog. curs. compl. t. XCVI. p. 662—680. Paris. 1860.

чтобы родить Первороженнаго всей твари, которымъ все стоитъ (Кол. 1, 17). О блаженная чета—Іоакимъ и Анна! Вся тварь обязана вамъ благодарностію. Чрезъ васъ она принесла Творцу даръ, драгоцѣннѣйшій всѣхъ даровъ,—чистую Матерь, единую достойную Творца. О всеблаженныя чресла Іоакима, изъ которыхъ произошло чистѣйшее сѣмя! О преславная утроба Анны, въ которой тихо начался, образовался, и изъ которой родился святѣйшій плодъ! О чрево, носившее въ себѣ одушевленное небо, пространнѣйшее всѣхъ небесъ! О земля, принесшая обиліе хлѣба животнаго, какъ самъ Христосъ сказалъ: „если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно“ (Іоан. 12, 24)! О сосцы, воздоившіе кормилицу Питателя міра! О чудеса чудесъ и удивительнѣйшее явленіе!..

Нынѣ отверзаются безплодныя врата, и являются божественныя врата дѣвическія, изъ которыхъ и чрезъ которыя, по выраженію Павла, слышателя неизреченныхъ глаголовъ, сущій надъ всѣмъ Богъ, облеченный плотію, входитъ во вселенную (Рим. 9, 5. Евр. 1, 6). Нынѣ отъ корня Іессеева прозябъ жезлъ, изъ котораго произойдетъ Богоипостастный цвѣтъ для міра. Нынѣ изъ бреннаго естества уготовилъ Себѣ на землѣ небо Тотъ, кто древле изъ водъ соткалъ и распростеръ по высотѣ твердь...

Нынѣ устроены врата на востокѣ, чрезъ которыя войдетъ и выдетъ Христосъ,—и врата эти будутъ заперты (Езек. 44, 1. 2), въ которыхъ самъ Христосъ есть дверь овцамъ (Іоан. 10, 9). Имя Ему востокъ (Зах. 6, 12): чрезъ Него мы получили доступъ къ источнику свѣта,—

Отцу. Нынѣ повѣяли тихіе вѣтры, предвѣстники всемірной радости. Да возвеселятся горѣ небеса, да возрадуется долу земля. Да восплещетъ всемірное море. Въ немъ раждается раковина, которая чрезъ вышнее божественное осіяніе зачнетъ во чревѣ и родитъ драгоцѣннѣйшую жемчужину, —Христа: изъ нея изыдетъ Царь славы, облеченный въ одежду плоти, проповѣдывать плѣнимъ освобожденіе. Да торжествуетъ природа! ибо раждается Агница, чрезъ которую Пастырь сдѣлается овцею и раздеретъ одежды древней мертвенности. Да играетъ дѣвство! ибо родилась Дѣва, которая, по словамъ Исаіи (7, 14), будетъ имѣть во чревѣ и родитъ сына, и нарекутъ имя Ему Эммануилъ, что значитъ: съ нами Богъ... Возвеселись Анна, неплодная, нераждавшая; воспой пѣснь и ликуй, не мучившаяся родами (Иса. 54, 1). Возрадуйся Іоакимъ! ибо отъ дщери твоей родилось намъ дитя и данъ намъ Сынъ, и называется имя Его Ангелъ великаго совѣта о всемірномъ спасеніи, Богъ сильный (Иса. 9, 6)..

О блаженная и непорочнѣйшая чета, Іоакимъ и Анна! Мы узнаемъ васъ по плоду чрева вашего, какъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ Господь: „по плодамъ ихъ узнасте ихъ“ (Матѳ. 7, 16). Вы проводили жизнь богоугодную и достойную родившейся отъ васъ. Живши цѣломудренно и праведно, вы произвели на свѣтъ украшеніе дѣвства, Дѣву до рождества, Дѣву въ рождествѣ, и Дѣву по рождествѣ, единую приснодѣвственную и по уму и по душѣ и по тѣлу. Ибо Дѣва должна была процвѣсти отъ непорочности, чтобы, по благоволенію Родившаго безтѣлесно, тѣлеснымъ образомъ произвести

на свѣтъ одинъ единородный Свѣтъ,—не раждающій, но всегда раждаемый, особенное личное свойство котораго есть рожденность. О, какихъ чудесъ и коликихъ благодѣяній сдѣлалась виновницею эта Отроковица! Плодъ неплодія, дѣвство раждающее, совокупленіе божества и человѣчества, страсти и безстрастія, жизни и смерти, дабы во всемъ худшее побѣждено было лучшимъ. И все это, Владыко, для моего спасенія! Ты такъ возлюбилъ меня, что содѣлалъ спасеніе мое не чрезъ ангеловъ, ни чрезъ другую какую нибудь тварь, но какъ самъ создалъ, такъ самъ же и возсоздалъ меня. Поэтому играю, пою, веселюсь, снова возвращаюсь къ источнику чудесъ, и, увлекаемый восторгомъ снова ударяю въ духовную цѣвницу и пою священную пѣснь рожденію.

О чистѣйшая чета разумныхъ горлицъ, Іоакимъ и Анна! Соблюдая предписываемую закономъ природы непорочность, вы удостоились того, что̀ выше силъ природы. Вы родили міру неискусомужную Матерь Божію. Вы, провождая въ человѣческомъ естествѣ благочестивую и праведную жизнь, родили нынѣ дщерь, высшую ангеловъ, Владычицу ангеловъ. О дщерь благолѣпнѣйшая и сладчайшая!.. О дщерь Адамова и Матерь Божія! Блаженны чресла и чрево, изъ которыхъ ты произошла; блаженны руки, носившія тебя, и уста, наслаждавшіяся твоими чистѣйшими лобзаніями,—уста однихъ только родителей, дабы ты всегда и во всемъ пребыла дѣвою. Нынѣ начало спасенія міру. Воскликни Господу вся земля, воспой, возрадуйся и вострубн!.. Нынѣ создатель всего Богъ Слово, изшедшій изъ лона Отча-

го, составилъ новый свитокъ, написанный Духомъ—языкомъ Божіимъ—какъ тростію (Псал. 44, 2)... Отъ Анны прозябла плодоносная лоза и созрѣлъ сладчайшій гроздь, источающій сладкое питіе земнороднымъ въ жизнь вѣчную. Іоакимъ и Анна посѣяли себѣ въ правду и пожали плодъ жизни; они зажгли для себя свѣтильникъ вѣдѣнія и взыскали Господа, и—явилось имъ прозябеніе правды. Веселись земля и сыны сіоновы! Радуйтись о Господѣ Богѣ своемъ! Ибо процвѣла пустыня; изнесла плодъ свой безплодная. Іоакимъ и Анна, какъ умныя горы, искапали сладость. Радуйся, блаженная Анна, что ты родила дщерь: ибо дщерь эта есть Матерь Божія, дверь свѣта, источникъ жизни, избавленіе женъ отъ осужденія. Дщерь эту будутъ умолять богатѣйшіе изъ народа; къ ней придутъ съ дарами цари народовъ и поклонятся ей (Псал, 44, 13). Ты приведешь ее къ Богу, Царю всего, облеченную благолѣпіемъ добродѣтелей какъ златотканною одеждою и украшенную благодатію Духа. Слава ея внутри (Псал. 44, 14). Всякой другой жены слава—мужъ, слѣдственно отвнѣ приходитъ; но слава Богоматери внутри,—это плодъ ея чрева. О вожделѣнная и треблаженная дщерь! Благословенна ты между женами, и благословенъ плодъ чрева твоего (Лук. 1, 42)!

Радуйся Виѳезда, священнѣйшій храмъ Божіей Матери!.. радуйся Виоезда, древле сборище овецъ Іоакимовыхъ, а нынѣ небообразная церковь словеснаго стада Христова, древле однажды въ годъ принимавшая ангела Божія, возмущавшаго воду, и только одного больнаго возвращавшая отъ обдержащей болѣзни къ

здоровью, а нынѣ вмѣщающая цѣлый сонмъ небесныхъ силъ, восхваляющихъ съ нами Богоматерь, — бездну чудесъ, источникъ всемірнаго врачеванія, — Виѳезда, принявшая не ангела — духа служебнаго, но Ангела великаго совѣта, который сошелъ какъ благодатный дождь на руно — безъ шума, и возвратилъ все страждущее, клонившееся къ истлѣнію, естество человѣческое къ здравію невредимому и къ жизни нестарѣющейся!

О священная чета, Іоакимъ и Анна! примите отъ меня слово въ честь рождества Богородицы. О дщерь Іоакима и Анны, Владычица! прими слово отъ раба грѣшнаго, но исполненнаго пламенной любви и тебя одну стяжавшаго радостную надежду, предстательницу жизни, ходатаицу у Сына твоего и несомнѣнный залогъ спасенія. Сними съ меня тяжкое бремя грѣховъ; разсѣй мрачное облако, облежащее умъ мой; смягчи земную грубость во мнѣ; останови искушенія; управь жизнь мою къ счастію; руководи меня къ небесному блаженству. Даруй миръ всему міру, и всѣмъ православнымъ жителямъ этого города совершенную радость и вѣчное спасеніе молитвами родителей твоихъ и всей Церкви. Буди, буди!..

(3)

Свѣтло торжествуетъ нынѣ тварь, принимая новое небо — Дѣву. На землѣ родилась Дѣва, одушевленный чертогъ Царя небеснаго. Произошла на свѣтъ Отро-

---

(3) Изъ Слова св. Іоанна дамаскина на рождество пресвятой владычицы нашей Богородицы. Patrolog. curs. compl. t. XCVI. p. 680—698. Paris. 1860.

ковица, сіяющая свѣтлѣе солнечныхъ лучей. Изъ безплодной возсіялъ Младенецъ,—священнѣйшій храмъ дѣвства. Кто не поспѣшитъ на торжество? Кто не принесетъ праздничныхъ даровъ, пріятныхъ Дѣвѣ? Самый лучшій даръ у ведущихъ дѣвственную жизнь есть непорочность, у супруговъ — воздержаніе, у богатыхъ — щедрость, у бѣдныхъ—благодарность, у начальниковъ—кротость, у царей—правосудіе, у священниковъ—благоговѣніе, у всѣхъ — справедливость во всемъ. А когда принесены такіе дары и съ ними соединено празднованіе; то пріидите, взыграемъ отъ радости, воспоемъ благодарственныя пѣсни, вмѣстѣ съ Давидомъ возрадуемся Господу, воскликнемъ Богу Спасителю нашему (Псал. 94, 1). Творцу всего устроенъ храмъ для Его принятія; Создавшему все Слову приготовленъ гостепріимный домъ; для Солнца правды распростерто свѣтлое облако; Одѣвающему небо облаками сдѣлана основа боготканной одежды; Соединяющему съ временами времена и лѣта показанъ брачный чертогъ.

Ликуйте дѣвы; ибо нынѣ день рожденія Дѣвы. Взыграйте матери: ибо Дѣва эта есть плодъ матери. Будьте благодушны безплодныя жены, взирая на ту, которая прежде была безплодною, а потомъ родила божественнаго младенца. Да не оставляютъ ликованія и отроковицы, торжествуя рожденіе той, которая одна есть вѣнецъ и царица отроковицъ. Вострубите трубою на холмахъ, возгласите на высотахъ, возвѣстите въ Іерусалимѣ, какъ заповѣдуетъ намъ Богъ чрезъ Осію (5, 8)...

Теперь посмотримъ, откуда прямо произошла всегда живая Отрасль дѣвства: кто ея отецъ и кто матерь. Это—Іоакимъ и Анна, славная и всечестная чета Слова, союзъ, священнѣйшій всѣхъ супружествъ. Ибо если вѣтвь превосходитъ все; то неужели корень не будетъ весьма подобнымъ ей? Впрочемъ, столь величественное и прекрасное растеніе, имѣющее хорошіе корни, было безплодно. Чистѣйшій источникъ не изливалъ потока: бѣдствіе тяжкое и горестное; это легко понять. Что же? „Праведные воззвали, и Господь услышалъ ихъ, и избавилъ ихъ отъ всѣхъ бѣдствій ихъ“ (Псал. 33, 18). Такъ Давидъ издалека изобразилъ это по вдохновенію. „Праведные, говоритъ онъ, воззвали“. Мнѣ кажется, что эта чета представляла собою лице всего человѣчества. А потому они видѣли человѣчество чуждымъ богопознанія, видѣли міръ вдовствующимъ по причинѣ невѣрія. Ибо, по словамъ псалмопѣвца, всѣ совратились съ пути, всѣ растлились (Псал. 13, 3). Горестное разстройство, печальное безплодіе! „Праведные воззвали“. Гдѣ воззвали? Въ собственномъ саду. Почему? Потому что изъ сада произошелъ печальный грѣхъ и тамъ Богъ всѣхъ сказалъ праматери: „много умножу печали твои и стенаніе твое: въ болѣзняхъ будешь раждать дѣтей; и къ мужу твоему обращеніе твое“ (Быт. 3, 16). О чемъ же они воззвали?—О плодѣ чрева, т. е. просили о плодоносіи богопознанія и, вѣроятно, такъ молились: „Адонаи Господи Боже Саваоѳъ! Ты знаешь поношеніе безчадства, знаешь скорбь безплодія. Если Ты милостиво призришь на смиреніе рабовъ своихъ, и дашь рабамъ своимъ дитя; то мы отдадимъ его

въ даръ Тебѣ", Господь, скорый на милость и медленный на гнѣвъ, услышалъ ихъ и далъ имъ Марію, нареченную этимъ именемъ отъ Господа, столь славную и великую цѣну для искупленія Евы. Дщерь сдѣлалась врачевствомъ матери. Вотъ новое бреніе божественнаго возсозданія, всесвятый начатокъ рода нашего, корень возвѣщенной Богомъ отрасли, веселіе прародителя! О благодѣяніе! О щедродательность! Самое солнце сіяетъ нынѣ лучезарнѣе, какъ-бы чувствуя великую радость. Вся тварь какъ-бы превозносится, въ надеждѣ освобожденія отъ тлѣнія, при рожденіи той, которая безсѣменно зачнетъ Освободителя міра. Посмотри и на послѣдующее. Внимательно слушай, возлюбленный, и не лѣнись взслѣдывать. „Сбивай молоко, говоритъ Писаніе, и будетъ масло" (Притч. 30, 33). Хорошо мѣсто молитвы праведныхъ (Іоакима и Анны). Помолившись въ саду, они родили садъ, гораздо блаженнѣйшій перваго. Тамъ змій шептавшій легко обольстилъ Еву; здѣсь Гавріилъ архангелъ, возвѣстившій Маріи радостное событіе, хотя смутилъ ее, но не обольстилъ. Тамъ послушаніе, оказанное змію, пріобрѣло горестную смерть; здѣсь напротивъ повиновеніе ангелу принесло людямъ всегда радостную жизнь. Тамъ — горестный приговоръ для раждающей послѣ непослушанія; здѣсь—нашествіе Святаго Духа, радостное для той, которая, по словамъ пророка, избѣжала тяжкихъ болѣзней рожденія. Какое измѣненіе дѣлъ! Какая новость событій! „Древнее прошло, скажемъ и здѣсь, теперь все новое" (2 Кор. 5, 17)...

IV.

Невзвѣстнаго лица (1).

Стоитъ передать и исторію о святой Маріи, которую разсказываетъ нѣкто Іаковъ (2). Онъ говоритъ, что въ колѣнахъ израильскихъ былъ богатый мужъ, по имени Іоакимъ, который въ праздники приносилъ Богу даровъ вдвое больше, чѣмъ другіе, говоря такъ: „избытокъ мой пусть будетъ за весь народъ, а принесенное мною для полученія прощенія себѣ, пусть будетъ Господу Богу, чтобы умилостивился ко мнѣ“. Когда насталъ великій праздникъ Господень и когда всѣ, по обычаю, приносили дары Богу, онъ поспѣшилъ принести ихъ прежде другихъ. Но нѣкто Рувимъ возбранилъ ему приносить дары прежде другихъ, говоря, что ему не елѣдуетъ приносить дары свои прежде другихъ, потому что онъ бездѣтенъ въ Израилѣ. Опечаленный этимъ, онъ удалился въ пустыню, и, водрузивъ тамъ шатеръ, молилъ Бога, чтобы Онъ и ему далъ племя, какъ даровалъ племя Аврааму отъ его собственнаго сына; ибо зналъ, что онъ только одинъ въ Израилѣ не имѣетъ племени, а молилъ онъ Бога, пребывая въ постѣ сорокъ дней. Точно также и жена его, облекшись въ убогую одежду, просила у Бога себѣ дитя. Когда же насталъ великій день Божій, она одѣлась въ свѣт-

---

(1) Изъ «Толкованія на шестодневъ», дошедшаго до насъ подъ именемъ св. Евстаѳія, епископа антіохійскаго († ок. 345 г.). Patrol. curs. compl. tom. XVIII. pag. 771—774. Paris. 1857.

(2) Смотр. выше стр. 59 примѣч. 1.

лую одежду, потому что въ праздникъ тотъ не дозволялось одѣваться въ печальную одежду.

Около девятаго часа дня она сидѣла въ своемъ саду подъ однимъ деревомъ и молилась Богу, взывая: „Боже отцевъ нашихъ! благослови меня и услышь молитву мою, какъ благословилъ Ты утробу Сарры и далъ ей сына Исаака“. Говоря это, она взглянула на дерево, и, увидѣвъ воробья, сидящаго съ своими птенцами, горько застенала, и, рыдая, говорила: „горе мнѣ, Господи! я не подобна даже этимъ плодородным птицамъ“! Когда она взывала такъ къ Богу, ей явился ангелъ Господень и возвѣстилъ рожденіе дитяти. Она же, услышавъ это, тотчасъ дала обѣтъ посвятить Богу дитя, которое родитъ.

Тоже самое возвѣстилъ ангелъ и Іоакиму на горѣ. Іоакимъ, сошедши съ горы, принесъ Господу въ жертву десять агницъ, пожертвовалъ священникамъ двѣнадцать тельцовъ, а старѣйшинамъ и всему народу — сто козловъ. Совершивъ эти жертвоприношенія въ храмѣ Божіемъ, онъ возвращается въ домъ свой, и, познавъ жену свою, раждаетъ отъ нея дочь и называетъ ее Маріею, а когда она достигла трехъ лѣтъ, они посвятили ее Богу въ храмѣ.

V.

Іоанна, монаха и пресвитера (VIII в.) евбейскаго (1).

Хорошо теперь воспользоваться словами блаженнаго Павла и сказать: „вотъ, теперь время благопрі-

(1) Изъ Слова его на зачатіе пресвятой Богородицы. Patrolog. curs. compl tom. XCVI. pag. 1464—1494. Paris. 1860

ятное; вотъ, теперь день спасенія“ (2 Кор. 6, 2). Вотъ Іуда, сожалѣвшій объ Іосифѣ, дѣлается предметомъ сожалѣнія! Вотъ Рувимъ, сынъ Іакова, или, лучше, потомокъ Рувима причиняетъ скорбь потомку Іуды! Вотъ даръ Каина не принятый! Вотъ праведный Авель получаетъ отъ Бога свидѣтельство на дарахъ своихъ! Вотъ исполнилось прошеніе и желаніе Давида, который говоритъ: „отврати отъ мене поношеніе и посрамленіе“ (Псал. 118, 22). Вотъ Іоакимъ и Анна возносятъ молитву, а вседержитель Богъ сообщаетъ милость!

Вотъ. Создатель приготовляетъ новый ковчегъ, несравненно лучшій не только Ноева, но и Моисеева; ибо этотъ устроенъ былъ для принятія закона, а тотъ устрояется для принятія Бога. Вотъ корабль, плывущій по морю и ищущій груза, стоющаго большаго иждивенія. Іоакимъ и Анна ищутъ обыкновеннаго плода человѣческаго, а получаютъ раковину, имѣвшую безсѣменно произвести на свѣтъ небесную и драгоцѣнную жемчужину,—Христа Бога нашего. Вотъ Іоакимъ и Анна, умоляющіе Бога, тотъ съ постомъ на горѣ, а эта въ саду, получаютъ вмѣстилище Того, кто поставилъ горы и насадилъ садъ. Вотъ слышится въ саду радостное благовѣстіе о возвращеніи людямъ древняго сада. Вотъ плачъ обращается въ радость и сѣтованіе въ веселіе. Вотъ воздыханіе и слезы временныя, а радость неизглаголанная на вѣки. Вотъ поношеніе безчадія отнято, и вотъ приносится Богу неотъемлемый даръ, содержащій, во чревѣ, невмѣстимаго Бога. Вотъ Исаія предалъ забвенію деревянную пилу, Іеремія—смрадный ровъ и Даніилъ — львовъ, и забыли они о великихъ скор-

бяхъ своихъ, когда предсказанія ихъ въ точности исполнились: ибо о блаженной Аннѣ самъ Исаія восклицаетъ: „возвеселись, неплодная, нерождавшая“ (Иса. 54, 1).

Вотъ разцвѣтшій и жезлъ Ароновъ полагается въ ковчегѣ, окованномъ со всѣхъ сторонъ золотомъ. Вотъ разцвѣтаетъ другой жезлъ, нерубленный и неизъятимый, котораго никто изъ людей не можетъ носить въ пути, потому что онъ самъ понесъ Того, кто носитъ все (Евр. 1, 3), кто небо измѣряетъ пядію и чьи руки устроили сушу (Псал. 94, 5).

О чудо! Тотъ Іуда, который нѣкогда сохранилъ Іосифа отъ смерти, а отца и братьевъ избавилъ отъ жестокаго голода, теперь самъ подвергается поношенію. Но зависть братьевъ довела Іосифа до царскаго достоинства, а сѣмя Іуды, преслѣдуемое отъ сѣмени Рувимова завистію и поношеніемъ, произрастило Дѣву-Царицу и вѣчнаго Царя.

Зачѣмъ мѣшаешь, Рувимъ? Ты идешь на рожонъ. Развѣ тебѣ изрекъ Богъ чрезъ пророка слово пророческое? Не одному ли Іудѣ сказалъ Онъ: „празднуй, Іуда, праздники свои, ибо восходитъ Вдыхающій въ лице твое“ (Наум. 1, 15). Кто же это, пророкъ?—Создатель всего, вдохнувшій въ Адама духъ жизни (Быт. 1, 7), дунувшій на святыхъ учениковъ и апостоловъ своихъ и сказавшій: „пріимите Духа Святаго“ (Іоан. 20, 22).

Но возратимся къ предмету своему. Въ исторіи двѣнадцати колѣнъ израильскихъ говорится слѣдующее: „былъ Іоакимъ, человѣкъ весьма богатый; онъ прино-

силъ отъ себя сугубые дары Богу, говоря про себя: „что принесено мною излишне, то пусть будетъ всему народу, а что принесено мною, чтобы получить мнѣ прощеніе, то пусть будетъ Господу Богу моему, дабы умилостивился ко мнѣ“. Насталъ великій день Господень: сыны израилевы приносили дары свои; но Іоакиму противсталъ Рувимъ и сказалъ: не слѣдуетъ тебѣ приносить даръ свой прежде другихъ, потому что ты не произвелъ племени въ Израилѣ“.

Іоакимъ весьма опечалился. Видишь печаль ради Бога, которая, какъ сказалъ блаженный Павелъ (2 Кор. 7. 10), приводитъ къ жизни вѣчной? О величайшая кротость предка Давидова! О неподдѣльная невинность дивнаго мужа! О душа праведнаго корня, Богомъ объятая! Хотя Іоакимъ былъ богатъ и благороденъ и происходилъ отъ царскаго рода, однако не подумалъ объ отмщеніи, не причинилъ обиды, не обратился къ судилищу, не изрекъ проклятія, не погрозилъ побоями. Не сказалъ онъ: „я отъ благословеннаго колѣна, а ты отъ нечестиваго отца, осквернившаго ложе отца нашего Израиля“. Все это праведникъ могъ противопоставить Рувиму; но онъ не вступилъ съ нимъ ни въ какое преніе, а поспѣшилъ обратиться къ двѣнадцати колѣнамъ израильскимъ; не нашедши же здѣсь того, чего искалъ для облегченія скорби, удалился на гору. Что же праведникъ? Всеконечно, повторялъ стихъ Давида и говорилъ: „если бы злословилъ меня врагъ, я перенесъ бы то, и если бы много говорилъ на меня ненавидящій меня, я скрылся бы отъ него. Владыко Господи! не отврати лица своего отъ слезъ моихъ“ (Псал. 54, 13).

И конечно какъ-бы такъ разсуждалъ про себя: „если я одинъ во всемъ Израилѣ бездѣтенъ и достоинъ поношенія, то гораздо лучше мнѣ умереть отъ изнуренія голодомъ и жаждою, нежели мучительно быть поносиму какъ-бы другимъ Семеемъ, подобно Давиду“ (2 Цар. 16, 7. 8).

Что такъ гнѣваешься, первородный и неблагодарный Рувимъ? Зачѣмъ ты, чуждый благословенія, возстаешь противъ благословеннаго? Зачѣмъ ты, бѣдный, судишь царя? Развѣ Іаковъ, отецъ Рувима и Іуды, когда умиралъ, не обличилъ твоего неразумія, а Іуду не благословилъ? Вѣдь онъ сказалъ при смерти: „Іуда! тебя похвалятъ братья твои; руки твои на хребтѣ враговъ твоихъ; поклонятся тебѣ сыны отца твоего. Молодой левъ — Іуда; съ лѣторасли, сынъ мой, поднимаешься; преклонившись, ты уснулъ какъ левъ и какъ львенокъ: кто пробудитъ его? Не отымется начальникъ отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, пока придетъ Тотъ, кому принадлежитъ скипетръ, и Онъ чаяніе языковъ. Онъ привязываетъ къ виноградной лозѣ осла своего и къ финиковому дереву сына осла своего; моетъ въ винѣ одежду свою и въ крови гроздовъ одѣяніе свое. Веселы глаза его отъ вина и бѣлы зубы его какъ молоко“ (Быт. 49, 8—12). А прежде Іаковъ произнесъ укоризну на Рувима, ибо говоритъ: „Рувимъ, первенецъ мой и начатокъ дѣтей моихъ! нестерпимо своенравенъ ты, своенравенъ и упоренъ. Ты впалъ въ своеволіе какъ вода, не бушуй: ибо ты взошелъ на ложе отца своего: тогда осквернилъ ты постелю, на которую взошелъ“ (Быт. 49, 3).

Вотъ самъ Іаковъ, благословляя дѣтей своихъ, пророчествуетъ о вѣчномъ царствѣ, имѣющемъ произойти отъ Іуды, а ты прогоняешь праведника изъ храма!?—Поступокъ, по-истинѣ свойственный неразумію и зависти Рувима!

Когда праведный Іоакимъ, пересмотрѣвъ родословіе двѣнадцати колѣнъ израильскихъ, не нашелъ никого неимѣющимъ дѣтей; то со скорбію удалился на гору и тамъ началъ искренно молиться Богу. Анна оставалась дома. И молились они, отдѣльно другъ отъ друга, оба, подражая отцу своему Давиду и восклицая слѣдующее псаломское изреченіе: „въ скорби ты далъ мнѣ пространство; помилуй меня и услышь молитву мою“ (Псал. 4, 1. 2).

Потомъ Анна, замѣтивъ, что мужъ ея не возвращается, начала рыдать тихимъ плачемъ и говорить про себя: „куда ушелъ любезный мужъ мой? или, отъ чего онъ не возвращается? Видно, случилось что нибудь недоброе. Неужели онъ доселѣ пересматриваетъ израильтянъ, отыскивая, одни ли мы не произвели плода? Но пусть бы онъ этимъ занимался, лишь бы только былъ спокоенъ и веселъ и не предавался неумѣренной печали. Силенъ Богъ, давшій Саррѣ, на старости, Исаака, Ревеккѣ—Іакова, Рахили—Іосифа, Аннѣ, женѣ Елканы, пророка Самуила, и женѣ Манои назорея Самсона,—силенъ, говорю Богъ, призрѣвшій на нихъ и услышавшій ихъ, исполнить и наше прошеніе. Но какъ я буду рыдать, если останусь не только бездѣтною, но и вдовою? Если бы была у меня отрасль, я, можетъ быть, не болѣзновала бы такъ о корнѣ; а если бы при

мнѣ находился теперь тотъ, кого любила я съ молодости, я могла бы еще ожидать отрасли. Горе мнѣ! Что мнѣ дѣлать, господинъ мой, котораго я избрала себѣ въ мужа по любви? Гдѣ ты теперь? Ужь не буду ли я оплакивать тебя, какъ мертваго? Но я не видѣла гроба твоего. Ожидать ли мнѣ тебя, какъ отправившагося на чужую дальнюю сторону? Но мнѣ никто не возвѣстилъ, что видѣлъ гдѣ нибудь господина моего. Горе мнѣ! Кто возвѣститъ мнѣ, гдѣ мой супругъ и сожитель? гдѣ правнукъ и соревнователь Авраама? гдѣ сожитель Исаака? гдѣ предреченный пророчествомъ Израиля? гдѣ корень Іессеевъ? гдѣ потомокъ Давида"?.

Итакъ, поелику Солнце правды имѣло возсіять отъ Іуды, то пророкъ издали взываетъ къ Нему: „празднуй, Іуда, праздники свои; ибо восходитъ Вдыхающій въ лице твое" (Наум. 1, 15). Кто это? скажи намъ, пророкъ.—Наклонившій небеса и сошедшій (Псал. 17, 10), отвѣчаетъ пророкъ, есть Тотъ самый, который обитаетъ на небесахъ, который горѣ со Отцемъ, а долу во чревѣ, который страшенъ для херувимовъ и кротокъ для людей, который низшелъ во врата ада и связалъ сильнаго нѣкогда, который разрушилъ царство смерти,—пастырь добрый, выводящій овецъ своихъ изъ ада, идущій передъ ними и зовущій каждую изъ нихъ по имени. „Низшедшій, говоритъ апостолъ, Онъ же есть и возшедшій" (Ефес. 4, 10).

А какіе это, пророкъ, праздники, которые, по вѣщанію твоему, долженъ праздновать Іуда? Объ этомъ говоритъ Созерцатель: „Іуда будетъ праздновать мнѣ праздники не тѣ, которые предписаны закономъ, не

субботы, не новомѣсячія, но трубы. Ибо время дѣйствовать Господу, нарушить законъ Его (1). Итакъ, когда пришла благодать, должно праздновать, говорю, десять нарочитыхъ праздниковъ. Первый изъ всѣхъ нарочитыхъ праздниковъ есть тотъ, въ который Іоакимъ и Анна получили благовѣстія о рожденіи непорочной Богородицы Маріи, а потомъ—всечестное рождество Ея: тотъ—праздникъ зачатія, а этотъ—рождества Ея (2). Затѣмъ другой всечтимый и досточтимый праздникъ тотъ, въ который Гавріилъ ступилъ не землю невещественными ногами и изрекъ Дѣвѣ: „радуйся“! Послѣ сего—спасительное для всего міра рождество Всецаря Христа Бога нашего отъ Дѣвы, потомъ—Его принесеніе въ храмъ и принятіе на руки Симеономъ, еще—свѣтоносное богоявленіе, и опять—преображеніе на горѣ Ѳаворѣ, также—живоносное страданіе, пасха приспоживаго воскресенія, и опять—вознесеніе на небеса и сѣдѣніе во плоти одесную Отца; послѣдній же и великій день праздника есть день, въ который Всесвятый Духъ сошелъ на святыхъ учениковъ и апостоловъ Господа нашего Іисуса Христа. „Празднуй, Іуда, праздники свои“! Вотъ праздники, которые, по вѣщанію пророка, долженъ праздновать Іуда!

Съ наступленіемъ извѣстнаго времени надлежало исполниться всякой правдѣ. Посему, когда Іоакимъ мо-

---

(1) Такъ выражается проповѣдникъ приспособительно къ слѣдующему изреченію изъ Псалма: *время сотворити Господеви: разорша законъ твой* (Псал. 118, 126).

(2) Въ концѣ настоящаго слова проповѣдникъ упоминаетъ еще о праздникѣ успенія Божіей Матери.

лился на горѣ, а Анна плакала дома, послѣдняя вышла изъ дома своего и вошла въ садъ свой, чтобы найти тамъ какое нибудь облегченіе своей тяжкой скорби. И вотъ предсталъ ей ангелъ Господень и говоритъ: „Анна! Анна! Господь услышалъ молитву твою: ты зачнешь и родишь и о сѣмени твоемъ будутъ говорить во всей вселенной". Не печалься Анна! плодъ твой полагаетъ конецъ печали раждающимъ въ печаляхъ, ибо онъ есть та самая, о которой предвозвѣстили всѣ пророки, ожидая спасенія чрезъ нее. Блаженны вы, Іоакимъ и Анна! Но гораздо блаженнѣе раждаемая вами. Ангелъ говоритъ къ нимъ: „празднуй, Іуда, праздники свои",—празднуй не въ ветхомъ завѣтѣ, но въ новомъ; ибо теперь (1) начало новаго завѣта, начало новаго и способнаго къ принятію Бога ковчега, устрояемаго въ утробѣ Анны, происходящаго отъ корня Іуды, Іессея и Давида. Ибо пророкъ говоритъ: „и возставлю скинію Давидову падшую, и обрушившееся въ ней исправлю" (Амос. 9, 11). Вотъ возстановляется скинія Давида въ зачатіи и рожденіи дщери его! Ибо это та самая, о которой пророчествуя, прежде всѣхъ, Іаковъ благословилъ Іуду, говоря такъ: „Іуда! тебя восхвалятъ братья твои" (Быт. 49, 8). По-истинѣ блаженны вы, Іоакимъ и Анна! Ибо вы отъ Іуды, Іессея и Давида, а Она отъ васъ, отъ Нея же Законодатель и Господь пророковъ и напослѣдокъ Исполнитель закона Христосъ Господь.

Ангелъ присовокупилъ къ благословенной четѣ, Іоакиму и Аннѣ, и слѣдующія слова: „ободритесь, ра-

(1) Т. е. въ день зачатія пресвятой Богородицы.

дуйтесь и веселитесь! Ибо наступаетъ время, возвѣщенное пророкомъ, когда изъ Виолеема и земли Іудиной явится великій Пастырь и будетъ пасти не только Израиля, но и всѣ народы". По-истинѣ блаженны и треблаженны вы, Іоакимъ и Анна! Но несравненно блаженнѣе отрасль и дщерь Давидова, происходящая отъ вашихъ чреслъ и чрева. Ибо вы земля, а Она небо; вы земные, а чрезъ Нее земляные дѣлаются небесными. По-истинѣ блажены вы; потому что красоту дщери вашей возлюбилъ тотъ Царь славы, котораго не могъ видѣть Моисей. Блажены вы, Іоакимъ и Анна, произрастившіе мысленный рай! Ибо дщерь ваша ублажается не только людьми, но и ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, потому что Она изъ пречистыхъ ложеснъ своихъ изнесла Виновника тварей и Насадителя рая.

И вотъ Анна, услышавъ отъ ангела, что зачнетъ и родитъ пренепорочную отроковицу, начала радоваться. Но ожидаемаго ею, т. е. возлюбленнаго супруга ея, еще не было.

Когда и праведный Іоакимъ получилъ благовѣстіе о зачатіи отъ чресль его; то опредѣлилъ устроить двойное и тройное учрежденіе, радуясь и веселясь самъ въ десять кратъ больше, а когда принесъ, по обычаю своему, полные дары и жертвы, безплодная зачала, и оба они ожидали плода рожденія, какой т. е. плодъ родится.

Когда приблизилось время всечестнаго рожденія пренепорочной Отроковицы и Богородицы, исполнилось пророческое слово, изреченное Исаіемъ: „возве-

селись, неплодная, нерождавшая" (Иса. 54, 1). И блаженная Анна весьма возвеселилась и возрадовалась, и спросила бабку: „что я родила"? Бабка отвѣчала: „дочь". Анна сказала: „я принесу ее въ даръ Господу Богу".

Итакъ, вотъ Марія, Анна и Іоакимъ, открыто приносящіе жертву Троицѣ! Ибо, когда родилась Отроковица и преуспѣвала возрастомъ, они привели ее не двухлѣтнюю, и не четырехлѣтнюю, но трехлѣтнюю, какъ невѣсту и нескверный чертогъ нераздѣльной Троицы. Кромѣ того, они привели ее съ взаимнаго согласія, какъ имѣвшую быть сими двумя: во-первыхъ, даромъ, принесеннымъ Богу, а во-вторыхъ — храмомъ и престоломъ Бога. Итакъ, они привели Дѣву въ храмъ Господень въ духѣ пророческомъ.

О чудо! Въ храмъ, построенный изъ камней, приносится храмъ одушевленный и престолъ херувимскій! Ибо, за нѣсколько поколѣній прежде, Давидъ предрекъ о ней говоря: „слыши, дщерь Божія, и воззри и наклони ухо свое и забудь народъ свой и домъ отца своего и возлюбитъ Царь красоту твою" (Псал. 44, 11. 12); и опять: „за нею приведутся къ Царю дѣвы" (Псал. 44, 15). Какъ приведутся? Конечно, „съ веселіемъ и ликованіемъ" (Псал. 44. 16). А Она, пророкъ, какая? Такъ какъ неприлично, чтобы въ храмъ царя приводилась царица одинокою, то и о свитѣ ея давно уже предвозвѣщено Духомъ Святымъ. „Подруги ея, говорится еще, приведутся къ тебѣ" (Псал. 44, 15). Итакъ, съ святою Дѣвою приведены и другія дѣвы: явно, что и онѣ будутъ участницами въ освященіи: ибо

кто изъ находящихся въ свитѣ царя или царицы не получаетъ отъ нихъ даровъ и наградъ?...

Поэтому и въ другомъ мѣстѣ говоритъ пророкъ, что „дщери іудейскія торжествуютъ“ (Псал. 47, 12). И это сказано о всесвятой Матери Господа нашего Іисуса Христа, какъ имѣвшей войти въ святое святыхъ въ сопровожденіи дщерей іудейскихъ. Ибо дотолѣ жены еще не видали, чтобы отроковица воспитывалась въ святомъ мѣстѣ; поэтому, когда совершалось предсказанное необычайное событіе, дщери іудейскія заторжествовали, видя, что всесвятая Отроковица Марія, какъ непорочная голубица, входитъ въ святое святыхъ, и что родители ея Іоакимъ и Анна приносятъ ее въ даръ Богу съ невзглаголанною радостію, а первосвященникъ необычнымъ образомъ отверзаетъ уста и благословляетъ ее, прочіе же священники съ старѣйшинами и со всѣмъ народомъ велегласно взываютъ и говорятъ: „да будетъ, да будетъ, аминь, да будетъ“. Видя это-то событіе, какъ сказалъ я, дщери іудейскія, согласно пророчеству, заторжествовали и воспѣли побѣдныя пѣсни.(1) „Скачите и торжествуйте не только дщери іудейскія, но и всѣ племена народовъ. Родилась Марія, и Евѣ уже не стыдно. Марія приносится въ храмъ, и новая отроковица становится новымъ храмомъ, способнымъ принять Бога, и не храмомъ только становится эта отрасль Давидова, но и престоломъ херувимскимъ“ (1), а іудейскій храмъ будетъ разрушенъ, какъ

(1) Это, полагаемъ, предполагаемая пѣснь дщерей іерусалимскихъ. Вообще же, между этою пѣснію и послѣдующею рѣчью не видно строгой связи, почему и представляется она не совсѣмъ складною.

и въ Евангеліи сказалъ Господь: „истинно говорю вамъ: не останется камня на камнѣ: все будетъ разрушено“ (Мато. 24. 2). Женскій полъ всегда и вездѣ одинъ и тотъ же, предсказываетъ ли онъ будущее, или восхваляетъ царя, или, напротивъ, порицаетъ и поноситъ; не взыщи на немъ, потому что онъ полъ слабый, ибо вотъ передо мною дѣвы, современницы Саула, которыя не боятся ярости царя, но восклицаютъ: „Сауль побѣдилъ тысячи, а Давидъ десятки тысячъ“ (1 Цар. 18, 7).

По-истинѣ возвеселилась гора Сіонъ и заторжествовали дщери іудейскія (Псал. 47, 12)! Когда это? спрашивается. Въ то время, когда храмъ Божій принесенъ Богу въ храмѣ, когда непорочная Отроковица (необычайное событіе!) быстрыми шагами шла и вводилась въ святое святыхъ, чтобы жить тамъ. Тогда торжествующія дѣвы составили съ ангелами духовный пиръ. Какимъ образомъ? Всекопечно „съ веселіемъ и ликованіемъ“ введенныя въ храмъ Царя. Гдѣ, для чего и къ кому? Конечно, къ непорочной, къ дѣвѣ Маріи; ибо она есть храмъ великаго Царя. И поелику дѣвъ этихъ, какъ неосквернепныхъ, имѣла ввести въ храмъ Царя, для почета и славы своей, сама Царица; то пророкъ и восклицаетъ, говоря: „приведутся дѣвы за нею“ (Псал. 44, 15). Тогда приведены дѣвы тѣ, а когда придетъ изъ Нея въ славѣ своей Женихъ, тогда снова приведутся другія дѣвы...

Итакъ, Богъ по намѣренію своему, твердому во вѣкъ, и по мыслямъ сердца своего, продолжающимся изъ рода въ родъ (Псал. 32, 11), не забылъ убогихъ

своихъ (Псал. 9, 33), но вспомнилъ милосердіе свое и милости свои вѣчныя (Псал. 24, 6) и избралъ колѣно Іудино (Псал. 77, 68), чтобы возстановить престолъ раба своего Давида. Ибо, прежде нежели данъ былъ законъ и предсказали пророки, Іуда освободилъ Іосифа отъ горькой смерти и за такое добро свое получилъ то безмѣрное воздаяніе, что насажденные отъ сѣмени его въ домѣ Господнемъ во дворахъ Бога (Псал. 91, 14) Іоакимъ и Анна произрастили всепѣтую Богородицу святую Марію. Веселитесь же, Іоакимъ и Анна, и славьте святое имя Его (Псал. 29. 5.)!

VI.

Св. Тарасія, патріарха († 806 г.) константинопольскаго (¹).

Іоакимъ, богатый и праведный человѣкъ изъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ, приносилъ дары свои въ честь Богу. Но такъ какъ онъ не имѣлъ племени и былъ бездѣтенъ, то священники съ оскорбленіемъ отстранили дары его изъ храма Господня, говоря: „не слѣдуетъ тебѣ приносить ихъ Богу, потому что ты не произвелъ племени въ Израилѣ“. Іоакимъ, гнетомый печалію, вышелъ изъ храма Господня съ потупленными въ землю, отъ скорби, глазами, и, удалившись на гору одинъ молиться Богу, съ сокрушеннымъ сердцемъ и болѣзненною душею взывалъ такъ: „Господи, сердцевѣдецъ, творецъ видимаго и невидимаго, простершій

(¹) Изъ Слова его на введеніе пресвятой Богородицы во храмъ. Patrolog. curs. compl. tom. XCVIII. pag. 1483—1494. Paris. 1860.

небо какъ шатеръ (Псал. 103, 2), словомъ своимъ сотворившій солнце для свѣтенія днемъ и луну съ звѣздами для свѣтенія ночью (Быт. 1. 16), повелѣвшій облакамъ орошать воздухъ, сокрывшій какъ-бы въ сокровищѣ дуновенія вѣтровъ, обуздавшій море пескомъ и наполнившій его всякаго рода рыбами, населившій землю безсловесными, звѣрями и птицами и питающій ихъ по своему намѣренію и повелѣнію, произращающій по лицу земли траву, украсившій всѣ деревья свойственными каждому цвѣтами! Услышь Ты меня, благоутробный, и даруй мнѣ дитя. Дай мнѣ залогъ плодородія, чтобы заградились льстивыя уста, говорящія противъ праведнаго беззаконіе съ гордостію и презрѣніемъ“ (Псал. 30, 19). Таковы слова праведника, таковы мольбы праотца, таковы стенанія болѣзненной души Іоакима!

Что же Анна? ибо хорошо вспомнить и ея слова. Живя съ мужемъ согласно съ цвѣтущей молодости своей почти до старости, она во все время оставалась безплодною, и такъ какъ у нея прекратилось уже обычное у женщинъ, то и признавалась безчадною по самому устройству природы. Итакъ, замѣтивъ отсутствіе мужа, она, какъ горлица, любящая уединеніе, въ своемъ саду покорнѣйшими молитвами просила Творца и Содѣтеля всего, говоря: „Господи Саваоѳъ, сѣдящій на херувимахъ (Дан. 3, 55) и прославляемый серафимами, дориносимый тьмами темъ ангеловъ, славословимый и покланяемый тысячами тысячъ воинствъ (Дан. 7, 10), образовавшій Адама рукою своею, вселившій въ него жизнь живоноснымъ повелѣніемъ своимъ и

устроившій жену изъ ребра его, по премудрому благоволенію своему сдѣлавшій ее соотвѣтственнымъ ему помощникомъ (Быт. 2, 18), и соединившій ихъ двухъ въ одно, сказавъ: „будутъ два одна плоть“ (Быт. 3, 24), даровавшій Аврааму, рабу своему и патріарху, сына Исаака на старости и при безплодіи Сарры и сдѣлавшій его отцемъ многихъ народовъ, давшій одноименной и одноплеменной мнѣ Аннѣ прекраснаго и священнаго отрока Самуила, какъ сына, даннаго Богомъ вслѣдствіе молитвы, и какъ торжество надъ ложью и ненавистію! Воззри, Всевышній, изъ святаго жилища своего, отверзи утробу мою для чадородія, отгони отъ меня печаль безплодія и расторгни узы моего безчадія, дабы я имѣющій родиться отъ рабы твоей плодъ, мужескаго ли или женскаго пола, принесла Тебѣ въ даръ, какъ благовонный оиміамъ, какъ чистое приношеніе, какъ драгоцѣнный даръ, какъ священное пожертвованіе, какъ божественное жилище, какъ непорочную агницу, какъ первороднаго агнца, какъ новаго Исаака“.

Когда оба они молились такъ, имъ явился ангелъ Господень и возвѣстилъ радостную вѣсть о зачатіи пресвятой, говоря: „Всевышній услышалъ молитву вашу; въ непродолжительномъ времени вы родите дочь, блаженную изъ всѣхъ рожденныхъ, избранную въ жилище Богу“. Послѣ того какъ ангелъ сообщилъ эту радостную вѣсть, Іоакимъ сошелъ съ горы съ радостію и веселіемъ въ сердцѣ, а безплодное чрево Анны сверхъ чаянія оказалось плодороднымъ отъ хотѣнія плоти и отъ хотѣнія мужа, по прошествіи же девяти мѣсяцевъ, когда плодъ созрѣлъ, родило всепепорочную

Дѣву и Богородицу Марію, ходатаицу за спасеніе міра..

Когда возвѣщенное ангеломъ осуществилось на дѣлѣ, когда непорочная Дѣва богоотроковица родилась отъ праведныхъ Іоакима и Анны, послѣдніе позаботились исполнить обѣтъ свой. Тогда нужно было видѣть, какъ богомудрая Анна радовалась, скакала и простосердечно говорила Дѣвѣ: „кто могъ бы сказать, дочь, что ты, явившаяся блаженною въ роды родовъ, произойдешь отъ меня? Кто, видя тебя въ объятіяхъ моихъ питающеюся молокомъ моимъ, не прославитъ Того, кто даровалъ тебя мнѣ, безплодной и бездѣтной? Кто, видя эти сосцы, никогда не источавшіе молока, источающими его, не возвеличитъ Того, кто изъ твердой скалы источилъ жаждущему народу воду? Но иди, дочь, къ Даровавшему мнѣ тебя; иди, врата божественной жизни; иди, чертогъ Слова, иди къ храму Господню. Войди въ радость Господа, радость и веселіе міра; насладись красотою Того, кого вскорѣ ты родишь, какъ человѣка. Блаженна я, что называюсь матерію такой дочери. Радуйтесь со мною племена израилевы, что послѣ безплодія я сдѣлалась матерію той, которая окажется матерію Всевышняго. Встаньте дѣвы, носящія свѣтильники, и идите впереди непорочной Дѣвы богоотроковицы; воспойте ей въ хваленіи; пойте ей на цитрѣ; воскликните ей духовною пѣснію, возвеличьте ее на десятиструнномъ псалтырѣ. И ты, богоотецъ Давидъ, хвали отроковицу, произшедшую отъ племени твоего, пѣснословь, велегласно возглашай и говори: „слыши, дщерь, и воззри, и наклони ухо твое, и за-

будь народъ свой и домъ отца своего. и возлюбитъ Царь красоту твою“ (Псал. 44, 11. 12).

Сказавъ это и подобное этому, имѣющая имя отъ благодати Анна съ радостію отвела трехлѣтнюю возрастомъ Дѣву и Богородицу, какъ сокровищницу Троицы, въ храмъ Господень, и, возсылая вмѣстѣ съ Іоакимомъ благодарственныя пѣсни и созвавъ множество дѣвъ, носящихъ свѣтильники, остановилась у входа во святое святыхъ. Здѣсь, обратившись къ Захаріи, какъ къ пророку, священнику, родственнику и служителю подзаконнаго завѣта, почтенная чета родителей съ радостію и веселіемъ призывала его, взывая: „прими, Захарія, святую, непорочную; прими, священникъ, неповрежденный ковчегъ Слова; прими, пророкъ, кадильницу невещественнаго Свѣта; прими, праведникъ, огнеобразную колесницу Всевышняго; прими, безпорочный, прекрасную вѣтвь виноградную, которая произраститъ вѣчноживущую ягоду; введи ее въ самое тайное мѣсто храма Господня; внеси ее въ мѣсто святыни, отдѣленное Всевышнимъ въ обитель себѣ; приведи ее, имѣющую носить во чревѣ Невидимаго, въ мѣсто неприступное; ублажи ее, показавшую блаженными всѣхъ смертныхъ; возвеличь ее, оказавшуюся богописанною книгою великихъ дѣлъ Божіихъ. Прими ее, избавившую насъ отъ проклятія, постигшаго праматерь Еву; обними ее, соединившую насъ съ Богомъ любовію и разрушившую плодомъ своимъ вражду змія; возми на руки ее, исхитившую насъ изъ рукъ змія. Пророчествуй о ней, оказавшейся исполненіемъ пророчествъ и приведеніемъ къ концу обѣтованій Божіихъ относительно людей. Она

трапеза божественнаго хлѣба, добровеселящее вино, неиждиваемая пища, чистая голубица, одушевленное небо, многосвѣтный свѣтильникъ, многопѣтая невѣста, многохвальная матерь, богонапоенная оливка, божественная колесница домостроительства Всевышняго, святая скинія, богокованный подсвѣчникъ, словесная агница, умилостивленіе Бога, славная сокровищница, благозвучная труба, тучная и холмистая гора (Псал. 67, 16), божественное руно, богоносимое облако, досточтимый городъ, духовная завѣса, богозажженная свѣтильня, лѣствица, чрезъ которую явится среди смертныхъ Творецъ, священный одръ, вмѣстилище благости, бездна чудесъ, источникъ благъ, не подверженное никакой опасности богатство, многоименная и многокачественная и приснодѣва Богородица. Введи ее во святое святыхъ; приведи ее къ Царю, какъ даръ многоцѣнный; восхвали ее, какъ царицу твари; убери ее, какъ дворецъ Царя всего; воспой ее, какъ безопасное хранилище всѣхъ дѣвъ; помѣсти въ рукотворенномъ храмѣ одушевленный храмъ сотворившаго все Слова".

Таковы радостныя славословія Іоакима и Анны, таковы благодарственныя пѣснословія, таковы, съ дерзновеніемъ высказанныя предъ пророкомъ Захаріею, свидѣтельства! Вслѣдствіе этого священникъ, какъ пророкъ Божій, какъ причастный Богу чрезъ обладаніе святымъ святыхъ, смотря на прекрасный взглядъ, на красивое лице, на скромность рѣчи, на благородство души, на безпорочность жизни, на величіе поступи, на безукоризненность нрава и на благоприличіе одежды Дѣвы и исполнившись Святаго Духа, воскликнулъ:

„о непорочная отроковица! о чистая дѣва! о прекраснѣйшая дѣвица! о украшеніе женъ! о красота дочерей! о святая матерь Дѣва! Ты благословенная между женами; ты препрославленная непорочностію; ты запечатлѣнная дѣвствомъ; ты разрѣшеніе проклятія Адамова; ты уплата долга Евина; ты чистѣйшее приношеніе Авеля и наилучшая изъ первородныхъ непорочная жертва; ты устроеніе Сноа (ты понесешь во чревѣ Сына Божія и родишь Его безболѣзненно); ты непостыдное упованіе Еноса на Бога; ты благоугожденіе и переселеніе Еноха въ безопасную жизнь; ты ковчегъ Ноевъ и стяжаніе втораго рожденія у Бога; ты всесвѣтлый блескъ царства и священства Мелхиседека; ты увѣренность Авраама и послушное убѣжденіе его въ чадородіи; ты новая жертва и разумное всесожженіе Исаака; ты причина вехожденія Іакова по лѣствицѣ и величественный отпечатокъ чадородія двѣнадцати колѣнъ; ты явилась дщерію Іуды по племени; ты цѣломудріе Іосифа и испроверженіе древняго Египта, т. е. синагоги іудейской; ты непреодолимое терпѣніе Іова въ искушеніяхъ, сугубое возвращеніе ему богатства и обогащающее имущество; ты богосозданная книга законодателя Моисея, въ которой вписано таинство возрожденія, и начертанный на скрижаляхъ перстами Божіими законъ какъ-бы на горѣ Синаѣ, гдѣ новый Израиль освободится отъ рабства мысленныхъ египтянъ, какъ древній народъ въ пустынѣ насыщенъ былъ манною и напоенъ водою изъ крѣпкаго камня, камень же былъ Христосъ (1 Кор. 10, 4), имѣющій выдти изъ утробы твоей, какъ женихъ выходитъ изъ брачнаго чертога

(Псал. 18, 6); ты разцвѣтшій жезлъ Аарона; ты прославила Іисуса Навина среди враговъ; ты дщерь Давида, облеченная въ испещренныя золотомъ одежды (Псал. 44, 14); ты золотый одръ Соломона, окружаемый шестидесятью сильными (Пѣсн. пѣсн. 3, 7), трубящими музыкальные звуки божественныхъ Писаній въ честь Богу; ты вознесеніе взятаго на небо Иліи и умерщвленіе мысленной Іезавели; ты благословеніе сугубой милоти Елиссея, раздѣлившаго сю воды Іордана и прошедшаго по нему какъ по сушѣ и сдѣлавшаго соленую воду годною для питья; ты спасеніе Іоны во чревѣ кита; ты раскаяніе и независтливое прощеніе ниневитянъ. Ты зерцало пророковъ и исполненіе ихъ предсказаній. Тебя пророчески назвалъ Іезекіиль запертыми вратами, чрезъ которыя никакой человѣкъ не будетъ входить никогда, но войдетъ чрезъ нихъ одинъ только Господь Богъ и сохранитъ ихъ запертыми (Іез. 44, 1—2). Тебя велегласнѣйшій Исаія пророчески изобразилъ жезломъ Іессея, отъ котораго произойдетъ цвѣтъ Христосъ и, искоренивъ плевелы зла, насадитъ поле богопознанія (Ис. 11, 1. 9). О тебѣ пророчески возгласилъ Іеремія такъ: „вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, и Я совершу съ домомъ Израилевымъ и съ домомъ Іудинымъ не такой завѣтъ, какой Я совершилъ съ отцами ихъ“ (Іер. 31, 31. 32), обозначая такимъ образомъ наступленіе рожденія Сына твоего и отовсюду призывая языческіе народы къ поклоненію Ему. Тебя и Даніилъ, мужъ желаній (Дан. 10, 11), пророчески назвалъ великою горою, отъ которой отторгнется краеугольный камень Христосъ и сокрушитъ и

разобьетъ главу многообразнаго змія (Дан. 2, 34. 35). Тебя прообразуя и проразумѣвая духомъ чаяніе Сына твоего, три вавилонскіе отрока безвредно ходили въ печи, разженной до семи разъ, и среди огня радовались какъ будто были въ чертогѣ. Тебя Аввакумъ называетъ горою Θеманъ (Авв. 3, 3) (a), изъ которой могущественно вышли скипетры царя и уничтожили святилища ефіоплянъ и кашица мадіанитянъ. Славлю тебя, непорочную агницу; воспѣваю тебя, благодатную; превозношу тебя, изъ всѣхъ родовъ преизбранную невѣсту Бога; пою тебя, имѣющую быть новымъ небомъ; ввожу тебя, какъ чистое жилище, въ храмъ Господа; величаю тебя, новый завѣтъ, написанный въ которомъ Мессія Христосъ положитъ конецъ письмени закона, призоветъ къ благодати чрезъ крещеніе, разсѣетъ тѣнь обрѣзанія, ниспошлетъ благодать Духа земнородныхъ".

Почтивъ Марію такими священными словами, пророкъ возвелъ ее на верхнія ступени жертвенника и представилъ Господу Богу. Поэтому родители Іоакимъ и Анна вышли изъ храма съ радостію въ сердцѣ, удивляясь разуму, кротости и добротѣ Дѣвы.

VII.

Георгія, митрополита († ок. 880 г.) никомидійскаго.

(1)

Величественно и блистательно торжество настоящаго праздника; но отъ ревности собравшихся на

(a) По славянской Библіи текстъ этотъ читается такъ: *Богъ отъ юга пріидетъ* и проч., а по LXX: ὁ Θεὸς ἐκ Θαιμὰν ἥξει и проч.

(1) Слово на зачатіе пресвятой Богородицы. Patrolog. curs. compl. tom. C. pag. 1335—1354. Paris. 1860.

немъ оно представляется гораздо величественнѣйшимъ. Безспорно, праздникъ этотъ и самъ по себѣ блистательно великолѣпенъ; но великолѣпіе свое онъ обнаруживаетъ по случаю обилія собравшихся. Отъ множества народа онъ и самъ принимаетъ веселый видъ и людей веселитъ блескомъ красотъ. Такое приращеніе великолѣпія своего нынѣшній праздникъ получаетъ не отъ того, будто бы мы сообщаемъ ему что нибудь; напротивъ, обильно изливая и распространяя свѣтъ свой на собравшихся, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ самъ распространяется въ блескѣ своего сіянія. Видимое нами солнце, когда и сокрыто бываетъ отъ взоровъ, само въ себѣ имѣетъ, чѣмъ блистательно освѣщать; но когда оно восходитъ и показывается изъ-за вершинъ высокихъ горъ, то разливаетъ лучи свои по прелестнымъ созданіямъ такъ, что, вслѣдствіе озаренія ихъ блескомъ и со всѣхъ сторонъ, величіе чуднаго зрѣлища возрастаетъ. Такъ точно и нынѣшній праздникъ. Безмѣрно сіяя духовнымъ свѣтомъ прелести, онъ въ самомъ себѣ имѣетъ блескъ, всегда свѣтящій; но этотъ самый блескъ онъ, соразмѣрно стеченію собравшихся и освѣщаемыхъ, чуднымъ образомъ увеличиваетъ. Итакъ, поелику праздникъ этотъ самъ испускаетъ таинственные лучи Духа, а собирающіеся на него всѣ освѣщаются, ничего не остается лучшаго, какъ желать, чтобы каждый поспѣшалъ на него съ охотою, освѣщался, просвѣщался умомъ и исполнялся тѣмъ свѣтомъ, который не затемняется скорогибнущими облаками. Таковъ именно блескъ, разливающійся въ настоящемъ праздникѣ, и такова имен-

но причина, почему онъ сообщаетъ собравшимся непрестанный и яркій свѣтъ.

Нынѣ, когда проповѣдуется распростертіе духовнаго облака, предварительно показываются въ міръ лучи свѣта незаходящаго, а господствовавшія тмы невѣрія начинаютъ уменьшаться и разсѣеваться. Нынѣ, когда возвѣщается устроеніе божественной скиніи, полагаются прочныя основанія благочестія, а укрѣпленія нечестія потрясаются совершенно. Нынѣ, когда соплетается царская багряница, предвозвѣщается пришествіе Царя всего, предначертывается примиреніе людей, бывшихъ врагами, и предвозвѣщаются трофеи надъ врагомъ. Нынѣ предвозвѣщается о корнѣ благъ, имѣющемъ вырости въ безплодной внутренности, чтобы изсушенная зломъ природа наша произрастила прозябенія благочестія. Нынѣ уставляются ни для кого изъ людей непроходимыя (Іез. 44, 2) врата Царя и предуготовляются къ непостижимому проходу Его чрезъ нихъ, а намъ онѣ предуготовляютъ проходимыя врата небесныя. Нынѣ безплодные родители, получивъ вѣсть о рожденіи виновницы многоплоднаго обилія благъ, предуготовляютъ всему роду человѣческому участіе въ этомъ богатствѣ. Какъ далеко простирается въ вѣка славная память ихъ! Какъ неотъемлемою пребываетъ слава ихъ! Сколь блаженно избраніе и достоблаженна славная добродѣтель ихъ, доставившая имъ избраніе! При посредствѣ ея превзошедши всѣхъ единоплеменниковъ своихъ величіемъ произволенія, они превзошли ихъ и величіемъ даровъ, полученныхъ отъ Бога вслѣдствіе избранія. Они предпочтены всему роду, потому

что предпочли Создателя всего существующаго. Они признаны лучшими всѣхъ, потому что почитали любовь ко Владыкѣ выше собственной жизни. Они предъизбраны въ служителей таинъ, потому что во всю жизнь старались исполнять только волю Избравшаго ихъ. Они прославлены Имъ, потому что прославляли Его своими дѣлами. Они возвеличены щедрыми дарами благодати, потому что достойно приготовили себя къ принятію ихъ. Вотъ что поставило ихъ выше всѣхъ, прежде бывшихъ, праведниковъ; вотъ что сподобило ихъ наслаждаться тѣми тайнами, которыхъ тѣ сильно желали; вотъ что доставило имъ начало исполненія предсказанныхъ пророками обѣтованій, съ великимъ нетерпѣніемъ желанныхъ. Чрезъ это они, предпочтенные всѣмъ соплеменникамъ, получили достоинство, ни съ чѣмъ несравнимое. Сохранивъ царскій родъ несмѣшанимъ, они сберегли его неповрежденнымъ и неиспорченнымъ по отношенію къ добродѣтелямъ царственнымъ. Они не унизили высокаго достоинства своего склоненіемъ къ раболѣпному наслажденію удовольствіями, но, сохраняя величіе его не униженнымъ, удостоились получить соотвѣтствующее ему прославленіе и родить Царицу всего, какъ плодъ благочестія и превосходства.

Такъ именно повѣствуетъ извѣстная исторія о нихъ (1). Она утверждаетъ, что они сохранили какъ богоподобную красоту и первобытное благообразіе, такъ и чистое благородство рода, пользовались въ колѣнахъ израильскихъ знатнѣйшими почестями, даже предпочи-

(1) Смотр. выше стр. 59 примѣч. 1.

тались всѣмъ достопочтеннымъ лицамъ, обладали большимъ богатствомъ внѣшнимъ и преисполнены были добровольной благотворительности, сдѣлали богатство, приманивающее и влекущее другихъ къ удовольствіямъ, средствомъ къ прекраснымъ дѣламъ и лѣстницею ко всходу на верхъ добродѣтелей, исполняя не только предписанія и постановленія закона, въ которыхъ означается и богатству благословеніе и приносящимъ дары надлежащій способъ раздачи, но и гораздо болѣе этого дѣлая, даже посвящая Богу всякій избытокъ, и такимъ образомъ превзошли величіемъ души, при приношеніяхъ, всѣхъ приносившихъ. „Приносилъ Іоакимъ, передаетъ исторія, дары свои сугубые, говоря: избытокъ мой пусть будетъ всему народу, а что въ прощеніе мое, то пусть будетъ Господу Богу“. О благопріятные дары! О приношеніе, положенное въ безопасныхъ сокровищницахъ! О богатство, собирающее неизчерпаемое обиліе благъ! О воля, удивляющая щедростію приносимаго! Если справедливо, говоритъ Іоакимъ, приноситъ Богу установленное въ законѣ; то справедливо и предлагать всякій избытокъ народу и нуждающимся; ибо и это чрезъ принимающихъ приносится Богу. Но какой законъ, праведный мужъ, повелѣваетъ приносить дары и начатки сугубые? какое постановленіе требуетъ давать народу всякій избытокъ? Положимъ, отвѣчаетъ онъ, что нѣтъ ни закона такого, ни постановленія такого, которые принуждали бы меня поступать такъ; но я поступаю такъ потому, что самъ сознаю, что это дѣло доброе и пріятное Богу. Онъ одарилъ меня богатствомъ: справедливо и возвращать опое Ему же; оно есть благо-

дѣяніе Его провидѣнія: въ видѣ благодѣянія же должно и давать оное единоплеменникамъ. Дарованное составляетъ изобиліе: пусть же раздастся оно обильному народу. Оно есть даръ, а не воздаяніе за дѣла: пусть же на дѣлѣ оправдается это имя и проповѣдуется человѣколюбіе Даровавшаго. Пусть заботы о богатствѣ раздѣлятся между многими, а лучше пусть удалится отъ насъ всякое безпокойство о немъ. Пусть устранится отъ чувствъ множество имѣнія, чтобы безпрепятственно воспринимать дары божественные. Пусть разсѣется помрачающее умъ облако заботъ, чтобы безстрастно устремляться къ одному чистому свѣту. Пусть полетъ мысли не спускается съ искомаго въ небесахъ заботливостію о земномъ, но пусть свободно парить къ предметамъ духовнымъ. Пусть уши душевныя, избавившись раздающагося шума суетныхъ вещей, слушаютъ голосъ празднующихъ духовно, внемлютъ сладкогласнымъ гимнамъ веселящихся на небесахъ. Такъ приношеніе праведныхъ, произшедшее изъ столь благомыслящаго духа, заслужило у Бога всего соотвѣтственное воздаяніе.

Между тѣмъ родственники, дѣлавшіе приношенія вмѣстѣ съ праведникомъ въ торжественные праздники, движимые не удивленіемъ къ его боголюбивому величію души, но завистію къ его превосходству въ немъ, представляютъ ему нѣкоторыя узаконенія, не позволяющія, чтобы дѣлалъ приношенія человѣкъ безплодный, бездѣтный, не имѣющій преемства рода. „Непозволительно, говорили они, чтобы ты принесъ дары; потому что ты не произвелъ племени въ сынахъ Израиля“. Въ не-

которыхъ спискахъ читается это такъ: „непозволительно. чтобы ты первый принесъ“.. Говорившіе такъ хотѣли совершенно запретить праведнику дѣлать приношенія. Какъ бы ни читать то, запрещеніе это есть дѣло людей завистливыхъ. Надлежало бы удивляться великимъ дарамъ праведника, должно бы рукоплескать обилію приношеній его и сочувствовать величію доброхотства его, между тѣмъ люди тѣ не только не хотятъ удостоить принять приношенія его, какъ требовала справедливость, но еще стараются устранить ихъ. Но почему ты, желающій устранить приношенія, опорочиваешь ихъ, запрещаешь дѣлать ихъ? Какую нечисть находишь ты въ дарѣ, посвящаемомъ Богу? Что недобровольнаго примѣтилъ ты въ принесенномъ? Развѣ оно несовершенно? Развѣ оно неудивительно не только по совершенству, но и по обилію? Развѣ оно не по доброй волѣ и выбрано и принесено? Ты говоришь: обычай, имѣющій силу закона, запрещаетъ бездѣтнымъ дѣлать приношенія Богу наравнѣ съ имѣющими дѣтей и раздѣлять съ ними одинаковыя почести. Но я хорошо знаю, что относительно этого не издано никакого закона, а если что новое введено обычаемъ, то съ полною увѣренностію утверждаю, что то прибавка твоего тупаго и глупаго ума. Богу пріятны жертвы и приношенія не потому, что приносящіе ихъ раждаютъ или много имѣютъ дѣтей, но потому, что изобилуютъ добродѣтелями, потому что имѣютъ добрые нравы и высокій духъ, потому что щедры не столько на приношенія, сколько на жертвы внутренняго расположенія, потому что имѣютъ смиренную душу и цѣломудренный

умъ, не почитающій никакого приношенія достойнымъ Бога. „Жертва Богу, говоритъ Писаніе, сокрушенный духъ“ (Псал. 50, 19). Пусть самъ Богъ, принимающій приношенія, засвидѣтельствуетъ, какія приношенія пріятны Ему; пусть исповѣдаютъ это также и тѣ, которые дѣлали приношенія съ наилучшимъ расположеніемъ. Божественное Писаніе сообщаетъ, что Богъ похвалилъ и принялъ много жертвъ святыхъ и праведныхъ; достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ и слава приносившихъ оныя. Такъ, дары Авеля праведнаго, перваго мученика, были похвалены и приняты не потому, что бы онъ раждалъ дѣтей, но потому, что онъ имѣлъ плодоносную волю, потому что принесъ Богу самое лучшее, потому что принесъ чистую жертву безъ низкаго образа мыслей. Напротивъ жертва, принесенная бездѣтнымъ Каиномъ, не была одобрена не потому, что бы онъ не имѣлъ дѣтей, но потому, что онъ имѣлъ безплодную волю, потому что былъ низкаго образа мыслей, потому что любилъ Бога менѣе, нежели себя, потому что раздѣлилъ не право, даже несправедливо и далеко иначе, нежели какъ говоритъ законъ о приношеніяхъ Богу. Итакъ справедливо Владыка призрѣлъ на дары, принесенные праведникомъ, и ниспослалъ свыше, какъ очевиднѣйшій знакъ того, что они пріятны Ему, огонь, который и принесенное истребилъ совершенно, и блистательно возвѣстилъ о праведности приносившаго, а кто показалъ себя несправедливымъ въ раздѣленіи даровъ Божіихъ, тотъ справедливо лишился того, что бы они были приняты. Послѣдній не только не видитъ, что бы правосуднѣйшій Богъ призрѣлъ на

пихъ, но и слышитъ, что Онъ порицаетъ и явно обличаетъ гнусный поступокъ его. Онъ говоритъ ему: „если ты принесъ право, но не право раздѣлилъ“ (Быт. 4, 7). Ты, Каинъ, говоритъ Богъ, почитая приношеніе свое достойнымъ пріятія, негодуешь, что на него не призрѣли и отвергли его; но ты и раздѣлилъ его неправильно и принесъ его неправильно. „Если ты принесъ право, но не право раздѣлилъ“. Нѣкоторые говорятъ, что это сказано о жертвахъ, подлежавшихъ всесожженію; ибо у древнихъ былъ обычай разсѣкать назначенное въ жертву и раздѣлять оное на части пополамъ, между тѣмъ Каинъ раздѣлилъ приношеніе неправильно и такимъ образомъ погрѣшилъ въ своей жертвѣ. Но такое объясненіе далеко несогласно съ истиною Писанія, которое говоритъ, что Каинъ принесъ жертву не изъ животныхъ, но начатки отъ плодовъ рукъ своихъ. „Авель былъ пастырь овецъ, а Каинъ былъ земледѣлецъ. И принесъ Каинъ отъ плодовъ земли жертву Богу; и Авель также принесъ отъ первородныхъ овецъ своихъ и отъ тука ихъ“ (Быт. 4, 2—4). Что же значитъ: „если ты принесъ право, но не право раздѣлилъ“? Вотъ что: ты могъ бы принести право, если бы напередъ раздѣлилъ право. А что значитъ „раздѣлять право“? Значитъ раздѣлять по справедливости, т. е. во время раздѣла и выбора приношеній Богу не оставлять на свою часть самое лучшее, а на часть Бога самое худшее. Ибо если и люди при раздѣлѣ какого нибудь имѣнія предпочитаютъ и выбираютъ въ посредники того, кто умѣетъ дѣлить равномѣрно, а того, кто не соблюдаетъ равномѣрности въ дѣлежѣ, оставляютъ и уда-

ляютъ; то возможно ли, что бы Богъ всего безъ всякой укоризны принялъ негоднаго и неправеднаго раздѣлителя Его собственныхъ даровъ, Каина, или призрѣлъ на его дары? „Мое, Каинъ, говоритъ Онъ, все; все—дары моего промышленія, благотворенія моихъ щедротъ. Я сдѣлалъ тебя общникомъ ихъ не въ награду за дѣла, но по одному человѣколюбію. Я принимаю начатки не потому, что нуждаюсь въ нихъ, но потому, что желаю твоего спасенія; принимаю не приказывая раздѣлять дарованное тебѣ на равныя части, но ища въ приношеніи начатковъ боголюбія твоей души. Предоставивъ тебѣ пользоваться благами моими и поставивъ тебя господиномъ при раздѣлѣ приношеній мнѣ, Я нашелъ тебя злымъ въ отношеніи къ благодѣтелю, неблагодарнымъ за обиліе благъ, лукавымъ въ раздѣлѣ начатковъ. Ибо, производя раздѣлъ, ты поступилъ въ отношеніи къ Подаятелю даровъ недостойно; ты отдѣлилъ себѣ и наибольшую и наилучшую часть даровъ, а Меня оскорбилъ низостію души въ приношеніи“. Говоримъ это не напрасно, но для того, чтобы показать, что Богъ лучше желаетъ и принимаетъ приношенія боголюбивой воли, изобилующей плодоприношеніями добродѣтелей, нежели доказательства способности къ дѣторожденію.

Не обойдемъ молчаніемъ, изъ-за желанія не быть многорѣчивыми, и того, какъ патріархъ Авраамъ, еще не родивъ дѣтей, въ отношеніи къ которымъ должны были исполниться нелживыя обѣтованія Божіи (Быт. 12, 7), построилъ жертвенникъ и потомъ получилъ повелѣніе принести славную оную жертву: „возми мнѣ

трилѣтнюю телицу и трилѣтняго барана“ и приготовить прочее подобное къ всесожженію (Быт. 15, 9). Не умолчимъ и о приношеніяхъ другихъ праведниковъ, не имѣвшихъ дѣтей. Такова жертва, принесенная на камнѣ, по повелѣнію Божію, Маноемъ, который вмѣстѣ съ женою безплодною получилъ при этомъ радостную вѣсть о разрѣшеніи безплодія и, въ доказательство вѣрности обѣтованія, увидѣлъ ангела, выходящаго изъ пламени и отлетающаго на небо (Суд. 13, 19—21). Кто ты, спорящій и отвергающій приношенія, сдѣланныя Анною пророчицею и дѣломъ и словомъ, и принятыя (1 Цар. 1, 9—19)? А можешь ли ты доказать, что выходило сѣмя изъ чресль Иліи и Елиссея? Однако эти праведники постоянно приносили Богу пріятныя Ему разумныя жертвы, а когда требовало время, то и кровавыя. Почему бы тебѣ не удалять тѣхъ, у кого нѣтъ дѣтей, и отъ молитвъ, и отъ пѣснопѣній, и отъ постоянныхъ славословій Бога? Вѣдь Богъ гораздо больше призираетъ на жертвы, приносимыя сокрушеннымъ сердцемъ, нежели на жертвы изъ животныхъ. Но ты, смеживъ очи ума, добровольно поставилъ себя въ положеніе не видѣть добра, и, пылая завистію къ праведнику, самъ изрыгаешь ядъ свой, прикрываясь установленіями закона. „Непозволительно, говоришь, чтобы ты принесъ дары“. Почему непозволительно? Потому ли, что онъ горитъ боголюбіемъ? или потому, что онъ щедръ на приношенія? или потому, что онъ приноситъ болѣе, нежели узаконено Богомъ, и великодушно благодѣтельствуетъ тебѣ? „Избытокъ мой, говоритъ онъ, пусть будетъ всему народу“. Будетъ, зна-

читъ, и на твою долю; ибо ты часть одноплеменнаго народа. Не долженъ ли ты воздать честь преизобильной любви праведника къ Создателю и охотно припять даръ, ждиваемый имъ для народа? Не долженъ ли ты преслѣдовать великодушіе его удивленіемъ и похвалами, и воздавать ему приличныя благодаренія?

Но ты, находясь подъ бременемъ множества превосходныхъ стяжаній его, а болѣе подъ бременемъ происходящей по поводу ихъ зависти, влачишься по землѣ и, наклонившись внизъ, не можешь воззрѣть на свѣтъ столь славныхъ его дѣяній. Напротивъ онъ, стоя выше твоихъ поруганій и какъ-бы летая въ воздушномъ пространствѣ, не склоняется тѣмъ къ низкимъ земнымъ помышленіямъ, не низвергается съ высоты великаго духа своего въ бездну унынія. Онъ не возстаетъ противъ поношеній, не вооружается противъ порицанія, не опровергаетъ здравыми доводами неразумное обвиненіе злой души твоей; но тѣснымъ общеніемъ своимъ съ Богомъ показываетъ какъ то, что приносимое имъ благопріятно, такъ и то, что порицанія твои несправедливы. Онъ молитвами испрашиваетъ себѣ разрѣшеніе отъ неплодія и превращаетъ поношенія твои въ прославленіе свое. Ты скоро увидишь, что онъ красуется великимъ даромъ благочадія; увидишь его великую славу между отцами, плодородіе естества, плодъ молитвъ, благословеніе человѣческаго рода, преизобильное богатство, непрерывную радость и вину истиннаго веселія.

Относясь съ такимъ величіемъ и благородствомъ къ поносителямъ, праведникъ, оставивъ все настоящее,

приготовляется къ необыкновеннымъ подвигамъ и многотрудному уединенію, не заботясь ни о возвращеніи домой, ни о совѣщаніи съ кѣмъ-либо изъ домашнихъ о своемъ намѣреніи, дабы кто нибудь, обсуждая оное, не пришелъ къ мысли и не нашелъ, что оно и странно и превышаетъ природу человѣческую, и, удивляясь его боголюбію и отчужденію отъ заботъ о прочемъ, не сталъ состязаться съ нимъ. Чего же ты, пречудный и высшій прежнихъ праведниковъ, хочешь? Какое предпріятіе намѣреваешься осуществить? Зачѣмъ удаляешься отъ домашняго очага? Зачѣмъ прерываешь супружескую и общежительную связь? Не Богъ ли соединилъ тебя съ житіемъ въ обществѣ въ одинъ совѣтъ и разумъ, какъ соединилъ тебя въ одну плоть? Не долженъ ли ты заботиться о сохраненіи этого единаго совѣта и разума неразрывнымъ точно также, какъ обязанъ ты сохранять союзъ общенія съ женою нерасторжимымъ? Не справедливо ли, чтобы ты и жену присоединилъ къ такимъ трудамъ и сдѣлалъ ее общницею какъ въ плодѣ, такъ и въ подвигахъ? Но если ты и ради этого не хочешь возвратиться домой; то надлежало бы тебѣ не ввергать жену въ большую печаль, не заставлять ее своимъ тайнымъ уходомъ скорбѣть, не причинять ей своею безвѣстною отлучкою пытку безчисленными томительными помыслами. По-истинѣ слѣдовало, чтобы ты сначала устроилъ домашнія дѣла свои, а потомъ уже отправился туда, куда стремился духъ твой. Или ты не заботишься уже о обильномъ богатствѣ, не обращаешь вниманія на имущество, будто не имѣющій никакого отношенія къ видимымъ благамъ и

такъ высокій духомъ, что можешь обойтись безъ всякаго необходимаго удовольствія? „Дѣйствительно такъ, отвѣчаетъ праведникъ. Ничто таковое не можетъ удалить меня отъ общенія съ Богомъ; ни единство естества, ни связь съ домашними, ни избытокъ богатства, ни сотоварищество друзей,—никакое видимое благо не въ состояніи отклонить меня отъ желанія благъ невидимыхъ. Я рѣшился на подвигъ трудныхъ молитвъ, требующій отъ меня наготы для борьбы. Прочь же все, что могло бы задержать мое стремленіе. Ничего мірскаго да не будетъ предо мною; ничто мірское пусть не препятствуетъ моему ревностному желанію. Дары, данные Богомъ, Ему принадлежатъ; Ему же предоставляю попеченіе о нихъ. Я знаю, что жена моя Анна, и не находясь со мною, пребудетъ одинаковыхъ со мною качествъ и одинаковаго образа мыслей. Я знаю и сильную любовь ея ко Владыкѣ, вслѣдствіе которой она и промыслу Его покоряется и мнѣ содѣйствуетъ въ подвигахъ соотвѣтствующими имъ трудами. Она не допуститъ расторгнутся ни единенію нашему въ образѣ жизни, ни привязанности, связующей насъ. Она сохранитъ и единомысліе супружеское и боголюбивое настроеніе нераздѣленными. Не находясь со мною, она болѣе поможетъ мнѣ молитвами, нежели какъ помогла бы, когда бы была при мнѣ. Ея молитвы будутъ дѣйственны; она вознесетъ ихъ съ самою пламенною вѣрою, чтобы онѣ были услышаны: ибо вознесетъ ихъ изъ души сокрушенной. Она устремитъ ихъ къ единому вышнему и превосходящему всякій умъ Благодѣтелю

съ непритворнымъ смиреніемъ, а Онъ преблагъ и внемлетъ призывающимъ Его въ истинѣ".

Таковы превосходныя преимущества праведниковъ; таково обильное богатство ихъ добродѣтелей; таково пламя ихъ вѣры; таково ближайшее отношеніе ихъ къ Богу. Вотъ почему получили они сверхъ того, чего искали. Вотъ почему возвѣщаетъ имъ небесный голосъ, что они родятъ собственное благословеніе и веселіе міра. Имъ ангелы предсказали, что рожденное отъ нихъ дитя доставитъ радость и веселіе всему міру.

Таковы твои, Богородица, похвалы и чудеса вначалѣ. О Тебѣ предвозвѣщено было, что произрастешь отъ такого стебля, и Ты явилась въ жизнь согласно предвозвѣщенію Божію. И прилично было, чтобы о Тебѣ предвозвѣстили такіе глаголы; прилично было, чтобы величія Твои предречены были такими словами; нужно было, чтобы Ты предназначенована была такими символами, нужно было, чтобы такая вѣтвь произрасла отъ такихъ плодоносящихъ родителей, нужно было, чтобы такое растеніе возникло отъ такого корня; нужно было, чтобы ты, царскій жезлъ, произошла изъ царскихъ разсадниковъ; нужно было, чтобы Ты, обильнѣйшее богатство благъ, явилась отъ избытка добродѣтелей; нужно было, чтобы Ты была дочерью такихъ родителей, а они были родителями такой дочери. Ты изъ всѣхъ тварей предъизбрана въ матерь Бога: такъ и они изъ всѣхъ родителей сподобились чести быть родителями твоими. Какъ же выше всякой славы величіе такого промышленія! Сколько выше всякихъ хваленій чудеса промысла Владыки всего! Сколь желан-

нѣе всего желаемаго блага, доставленныя чрезъ тебя! Какое блаженное наслажденіе получили сподобившіеся наслаждаться этими благами! Ибо наслажденіе это одно только и есть истинное наслажденіе; оно есть наслажденіе неиждиваемое для тѣхъ, кого удостоиваешь ты наслаждаться чудными дѣяніями твоими. Оно ведетъ насъ къ пиршеству нескончаемому; настоящею радостію о тебѣ мы предначинаемъ веселіе будущее. Есть у насъ залогъ благъ вѣчныхъ; это дары твои, доставляемые нынѣ. Въ настоящемъ славословіи тебя слышится голось веселящихся вѣчно. Ради тебя похваленіе наше нелживо, упованіе безопасно, ожидаемыя блага въ рукахъ. Посему мы алчемъ и жаждемъ какъ можно чаще и постоянно торжествовать праздники твои, чтобы всегда получать себѣ желаемое. И нынѣ торжественно совершая праздникъ твой, славимъ его не какъ вновь изобрѣтенный и причисленный къ знаменитымъ днямъ, но какъ главный и въ порядкѣ и на дѣлѣ. Мы услаждаемся проповѣданнымъ чрезъ него веселіемъ, наслаждаемся его таинственнымъ пиршествомъ, насыщаемся предвозвѣщенными въ немъ дарами; черезъ веселіе на немъ заготовляемъ себѣ благодать вѣчную; воспѣваемъ на немъ согласно съ ликомъ празднующихъ на небесахъ. Ты же, Предстательница, сподоби насъ молитвами своими быть сопричисленными къ лику тому и праздновать вмѣстѣ съ нимъ, непрестанно совершать славословіе во гласѣ радованія, въ самомъ Христѣ, Сынѣ твоемъ и Богѣ нашемъ, единой радости и веселіи любящихъ тебя; ибо Ему принадлежитъ честь, держава

и славословіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(2)

Изъ всего, что производитъ обыкновенно въ насъ чрезъ чувства настоящее повидимому удовольствіе, никакой предметъ не можетъ быть такъ пріятенъ и сладостенъ для любящихъ Бога, какъ настоящее торжество. Ибо любящіе Бога всячески заботятся не о кажущихся благахъ, но о благахъ настоящихъ и постоянныхъ, а радости нынѣшняго праздника прочны, доставляютъ то, что одно должно быть вожделѣнно, и преимущественно уважаются тѣми, кто изъ-за нихъ презираетъ всѣ прочія радости. Вы, вижу, это именно избрали и стараетесь осуществить на дѣлѣ; вы и всегда, правда, избираете наилучшее, но особенно избрали настоящее веселіе, когда предстоитъ намъ, чрезъ удовольствія его, наслажденіе благами безсмертными. Ибо удовольствія эти руководятъ къ будущимъ; совершаемое на землѣ предшествуетъ уготованному на небесахъ. Поэтому и настоящее веселіе предложено, и содержитъ оно въ себѣ все таинство любящаго людей домостроительства. Посредствомъ чудныхъ дѣлъ, которыя теперь открылись въ жизни человѣческой, открывается вѣчная слава невидимаго. Тѣми произшествіями, которыя вводятся въ мірѣ вновь, домостроительствуется премірное обновленіе человѣчества. Черезъ благоволеніе, явленное долу, устрояется перстной природѣ ра-

(2) Георгія, митрополита никомидійскаго, Похвала на зачатіе святой Анны, матери пресвятой Богородицы. Patrolog. curs. compl. tom. C. pag. 1354—1375. Paris. 1860.

дость горѣ. Посредствомъ того, что Богъ видимъ былъ на землѣ, готовится смертнымъ упокосніе на небесахъ.

Таковъ смыслъ празднуемаго нынѣ торжества; такова уготована прибыль собравшимся нынѣ сюда; такова причина и обнаруженія настоящихъ чудныхъ дѣлъ и нашего собранія по поводу ихъ. Чрезъ обнаруженіе этихъ чудныхъ дѣлъ открывается удивительнѣйшее всего таинство спасенія рода человѣческаго. Природа наша истаевала отъ повреждения; поэтому, съ одной стороны, омертвѣвшая неплодіемъ оживотворяется къ дѣторожденію, а съ другой—дѣвственная паче естества дѣлается необычно — раждающею. Примѣчай же, какъ наглядно предшествуютъ чудному домостроительству чудеса: зачатію дѣвственному — сообщеніе безплодной плодородія, непостижимымъ родамъ—рожданіе бездѣтной, превышающему понятія рожденію—неожиданное произведеніе дитяти на свѣтъ. Природа пріучается вѣрить вновь вводимому сверхъ природы на основаніи того, что совершается сверхъ ожиданія. Отъ неплодной раждается Дѣва, отъ Дѣвы—Богъ, и посредствомъ той и другой Богъ устрояетъ новое твореніе. Объ этомъ-то твореніи и благовѣствуетъ напередъ нынѣшнее веселіе; его-то и утверждаетъ напередъ чудо надъ праведниками; о немъ-то наконецъ и возвѣщаетъ напередъ неожиданный плодъ ихъ, который и полагается во главѣ неизреченныхъ таинъ и осуществленія ихъ. Итакъ, поелику нынѣшній праздникъ, по причинѣ чудесъ, заключающихся въ немъ, предшествуетъ всѣмъ славнымъ праздникамъ и, бывъ положенъ какъ-бы въ основаніе и опору ихъ. содержитъ въ себѣ. будучи какъ-бы фун-

даментомъ, все, что только разнообразно домостроительствовалось въ тайнахъ тѣхъ; то совершенно справедливо воздавать ему честь, какъ началу и причинѣ всѣхъ благъ, и предаваться во время его, какъ такого. отмѣнной радости. Да, прилично чтить начало нашего спасенія; нужно радоваться съ радующимися праведниками; должно благодарить съ ними, благодарящими; особенно же надобно всякое благодареніе, предпринятое какъ за собственныя блага, такъ и за тѣ благодѣянія, которыя одинѣ суть истинныя благодѣянія, воздавать благому Подателю ихъ; ибо благодарепія должны быть возносимы не другими, но именно нами, потому что мы напначе наслаждаемся дарами нынѣшняго праздника. Но объ этомъ довольно. Пора уже намъ, собравшимся на пиршествѣ призвавшихъ насъ праведниковъ, насытиться сладчайшими ихъ преимуществами, пора предложить то, о чемъ не было говорено въ предъидущемъ словѣ, и насладиться отмѣнною сладостію этого.

Мы представили и по возможности объяснили превосходныя преимущества Іоакима. Мы упомянули, какъ онъ завистію соплеменниковъ удаленъ былъ отъ принесенія богатыхъ даровъ при самомъ началѣ приношенія, и какъ, чтобы освободиться отъ ихъ порицаній, нашелъ единственное средство къ тому — прибѣгнуть къ Богу. Упомянули мы также, каково было на горѣ его вышечеловѣческое терпѣніе и напряженное воздержаніе, лучше же сказать — безплотность, потому что онъ, отчуждивъ себя отъ требованій плоти, и выдержавъ необычный природѣ постъ, привелъ себя почти въ такое состояніе, которое можно назвать безплот-

нымъ. Всего этого мы касались въ прежнемъ словѣ кратко и довели рѣчь свою до пророчества, бывшаго къ Іоакиму чрезъ ангела. Между тѣмъ прочее и касающееся чистой и праведной Анны осталось не разсмотрѣннымъ. Нельзя сказать, будто мы вовсе ничего не говорили о ней въ другихъ словахъ. Мы старались, по возможности, объяснить, въ разныхъ мѣстахъ, и касающееся ея; но не во время нынѣшней радости и не въ настоящемъ боголюбивомъ собраніи вашемъ. Поэтому и нужно мнѣ нынѣ сначала разсказать кратко, а потомъ раскрыть касающееся ея, остающееся для слова, въ собраніи вашемъ. Прежде мы весьма удивлялись великому духу и пламенному боголюбію Іоакима: во-первыхъ — тому, какъ онъ не противосталъ опрометчивымъ колкостямъ іудеевъ и не обуздалъ дерзкаго высокомѣрія злословящихъ, показывая тѣмъ, что онъ не нарушилъ никакого закона относительно приношеній, но что они выдумали противъ него неосновательную клевету по зависти, а во-вторыхъ — тому, какъ онъ, пренебрегши и ими и всѣмъ домашнимъ, предоставилъ дѣло одному Богу и показалъ въ пустынѣ удивительное постоянство. Тогда мы, излагая преимущества праведника, удивлялись превосходству ихъ. Такъ точно и теперь, предлагая доблестныя дѣянія жены его, подивимся равнымъ образомъ и имъ. Ибо и она одинаково терпѣлива и постоянна, даже и превосходитъ его обиліемъ славы. Это доказывается и какъ-бы передъ глаза поставляется желающимъ многими обстоятельствами. Именно: на Анну посыпались отъ одноплеменниковъ укоризны какъ за неплодіе, такъ и за неизвѣстное от-

сутствіе мужа; къ этому присоединились дерзкія колкости отъ служанки и пущенныя въ свѣтъ соплеменницами, по поводу неплодія, злорѣчія, выставленныя на видъ тоюже служанкою, которая упоминаніемъ о нихъ возвала въ праведную острыя стрѣлы. Но Анна, противопоставляя обрушивавшимся на нее оскорбленіямъ сносливость, хотя и страдала, чтобы не казаться въ отношеніи къ нимъ безчувственною, однако не низверглась, по поводу ихъ, съ высоты терпѣнія ни въ безнадежность, ни въ негодованіе. Она ничего не отвѣчаетъ поносителямъ и не возстаетъ противъ несправедливаго злорѣчія. Она говоритъ: „взводимое ими безаконіе не есть произведеніе недоброжелательнаго расположенія“, и не порицаетъ ихъ злословія, какъ изобрѣтеннаго ихъ умомъ и не находящагося въ Писаніи. Она была благороднаго происхожденія и прославилась безпорочною жизнію; однако не возстаетъ противъ нихъ смѣло и не обличаетъ ихъ дерзости и неосновательной нападки.

Далѣе, когда общникъ ея добродѣтели и всей жизни скрылся, она не ходитъ туда и сюда, разыскивая его, и не созываетъ всѣхъ знакомыхъ къ отысканію его. Не производитъ она розыска ни по горамъ, ни по мѣстамъ непредвидѣннымъ, и не производитъ большаго волненія среди одноплеменниковъ, а мужу не ставитъ отсутствія его въ большое преступленіе, какъ выдумавшему нѣчто несообразное съ общежитіемъ и брачнымъ сожитіемъ, какъ выказавшему расположеніе, нимало несогласное съ прежнею любовію, какъ расторгшему узы природы, какъ презрѣвшему постановленія закона о

бракѣ и какъ пренебрегшему всѣмъ домашнимъ. Ничто таковое не поразило неуязвимаго духа Анны. Правда, презрѣвъ поношеніями, какъ не касающимися души, она объ отсутствіи мужа скорбѣла, потому что лишилась ласкъ его. Но и въ этомъ случаѣ она думала, что отсутствіе его есть дѣло домостроительства наилучшаго Промысла. Поэтому, и сопровождая сѣтованіе молитвами, она, съ одной стороны, желаетъ открытія мужа, а съ другой—умолястъ подателя благъ Бога о дарованіи ей потомка. Въ чемъ же выразилось величіе души ея въ такихъ обстоятельствахъ, заслуживающее удивленія? Въ томъ, что она ничего мелкодушнаго не высказала противъ поношеній служанки, сдержала справедливый гнѣвъ противъ нея, и какъ противъ ея неистоваго злорѣчія не воспользовалась великою господскою властію, такъ и дерзость какъ-бы сговорившихся противъ нея соплеменницъ перенесла безъ негодованія.

Какой благовидный предлогъ имѣла рабыня—поносительница къ тому, чтобы отпускать ей дерзкія колкости? То ли, что та во время молитвы и сокрушенія сердечнаго не подражала обычаямъ людей надмѣнныхъ и гордыхъ? что простерла молитву къ Владыкѣ съ уничиженіемъ и смиреніемъ какъ въ душѣ, такъ и по наружности? что не надѣла одежды, составляющей предметъ домогательства сладострастныхъ женщинъ? что не приняла поднесенный не въ приличное время нарядъ, котораго никогда не носила во всю свою цѣломудренную жизнь? Что же это за нарядъ, что это за головная повязка, которую, какъ передаетъ исторія, отвергла Анна, когда служанка предлагала ее ей? Нѣ-

которые говорятъ, что то была великолѣпная брачная діадема, употреблявшаяся разрѣшившимися отъ бремени женщинами въ радостныхъ случаяхъ. Но Аннѣ она предложена была, вѣроятно, съ какимъ нибудь дурнымъ намѣреніемъ. Именно: люди недобрые имѣли въ виду уничтожить сильное желаніе Анны молиться, разстроить ея мысль неблаговременнымъ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вселить въ душу ея нѣчто чуждое ея чистой нравственности, вслѣдствіе чего презрѣлъ бы ее Богъ. Поэтому-то рабыня, подавая повязку ту, старается устранить подозрѣніе, говоря, что она получила ее не отъ другихъ, но отъ той, которая сама сработала ее, и что она подаетъ ее по долгу послушанія, а не съ какимъ нибудь умысломъ. Это именно видно изъ поступка госпожи. Но Анна отвергла подаваемое ей, какъ поводъ къ беззаконію, не только потому, что въ этомъ случаѣ подозрѣвался умыселъ, но и потому, что ей никогда не было любо употребленіе такихъ украшеній. „Я, говоритъ она, никогда съ самой ранней юности не надѣвала украшенія того; никогда я и въ состояніи благодушія и видимаго веселія въ жизни не любила плетеныхъ діадемъ; никогда сознаніе царской крови не воздымало меня до столь гордой мысли; никогда обиліе богатства не доводило меня до излишней заботливости о тѣлѣ“.

Замѣть также смиренномудріе Анны. Она не только не надмѣвается добрымъ дѣломъ, но и сама объявляетъ себя виновною. „Я, говоритъ она, не сдѣлаю этого; я вижу, что я наказываюсь за какіе нибудь тайные проступки, по требованію Владыки, изыскателя

таинъ, который настоящимъ уничиженіемъ призываетъ меня къ раскаянію и исправленію". Что же безразсудная служанка? Съ какими утѣшительными рѣчами обращается она къ здравомыслящей госпожѣ? Справедливость требовала, чтобы она, обращая вниманіе на всю жизнь праведной, удержалась отъ неразумнаго предпріятія и содѣйствовала ей молитвами; нужно было, чтобы она во время молитвы Анны уничижилась вмѣстѣ съ нею; надлежало, чтобы она взяла на себя часть прилежнаго моленія ея, подкрѣпила ее во время молитвы словами объ упованіи; требовалось, чтобы она, если бы упомянутый уборъ предлагали постороннія, заявила и настояла, что онъ некстати, не ко времени, неприличенъ и несвойственъ благонравію госпожи. Но она не только не хочетъ ничего этого, но и приступаетъ къ ней и безпокоитъ ее рѣчами своими, отпускаетъ праведной колкости, худшія разглагольствованія іудеями, открывая и растравляя раны безчадія и утверждая своимъ свидѣтельствомъ, что она не несправедливо служитъ для соплеменницъ трагедіею. А благороднѣйшая и великая духомъ Анна? Она не возстаетъ противъ злословящей рабыни, соотвѣтствующимъ дѣлу гнѣвомъ, не обличаетъ и не позоритъ неразумія ея, спокойно отвергаетъ и устраняетъ безразсудную и не подвергаетъ ее, какъ недостойную служанку, справедливому наказанію. Мало того. Презрѣвъ все высокимъ величіемъ духа, она уходитъ изъ дома, занимаетъ въ саду спокойное мѣсто и, получивъ здѣсь совершенную свободу отъ шума и наслаждаясь исканною тишиною,

возноситъ ко Владыкѣ всего боговдохновенныя молитвы свои.

Почему же не избрала она какой нибудь покойной комнаты, чтобы здѣсь повѣдать Богу тайны свои и принести Ему скорбную молитву свою? Потому, что въ такомъ случаѣ она не могла вполнѣ осуществить своего желанія. Въ душѣ ея было много такого, что намѣревалась она излить въ молитвѣ, между тѣмъ въ комнатѣ ей нельзя было предстать предъ Бога совершенно чистою, частію по причинѣ шума домашнихъ, а частію отъ докукъ приходящихъ соплеменниковъ. По тойже причинѣ не пошла она и въ храмъ, чтобы здѣсь вознести ко Владыкѣ молитвенные глаголы, не смотря на то, что храмъ былъ установленнымъ для всѣхъ единоплеменниковъ ея мѣстомъ молитвы. И онъ не представлялъ ей искомой ею степени уединенія, но многимъ заставлялъ предполагать, что ей помѣшаютъ тамъ. Она размышляла: „если іудеи, приносившіе прежде дары вмѣстѣ съ нами въ то время, когда я и мужъ мой дѣлали приношенія Богу и благодѣтельствовали всему народу, изъ зависти обидѣли насъ укоризною и прогнали насъ отъ храма; то какихъ колкостей не придумаютъ они противъ меня теперь, когда увидятъ, что я постоянно пребываю тамъ въ молитвѣ одна и не въ урочные часы? Препятствій къ тому, чтобы іудейское безуміе обвинило и ее, если бы она поставила себя въ такое положеніе, или въ разстройствѣ ума или въ опьяненіи, не было никакихъ. Такъ тѣ, которые должны бы повидимому превосходить прочихъ справедливостію, какъ посившіе санъ священства, съ строгостію воз-

стали противъ блаженной и пророчицы, сомѣнницы нашей Аннѣ, разумѣю—древнюю Анну, и порицали ее, называя молитву ея къ Богу состояніемъ пьянаго человѣка. Въ самомъ-то дѣлѣ Анна возсылала пламенную молитву съ горячимъ расположеніемъ и трезвеннымъ умомъ, а тѣ почли трезвенность ея опьяненіемъ, а богословіе ея пустословіемъ. Такъ издѣвались они надъ нею, опьяненные беззаконіями, хотя блаженная не издавала крика и не досаждала слушателямъ неумѣстными звуками. Она молилась про себя; но священникъ Илій заградилъ ей уста (1). „И Илій священникъ, говоритъ Писаніе, подстерегъ (ἐφύλαξε) (1) уста ея. И она говорила въ сердцѣ своемъ; только губы ея двигались, а голоса ея не было слышно. И сказалъ ей отрокъ (τὸ παιδάριον) (1) Иліевъ: доколѣ тебѣ быть пьяною? протрезвись и иди отъ лица Господня“ (1 Цар. 1, 12—14). Почему же Илій подозрѣвалъ ее въ опьяненіи, когда видѣлъ, что она молитвенно бесѣдуетъ съ Богомъ? Почему онъ съ перваго же выговора заградилъ уста ея, когда она не высказала ни одного пьянственнаго слова? Есть пьяные и упившіеся, которые прыгаютъ не-

---

(1) *Προεπεστομίσθη*. Такъ объясняетъ слово «подстерегъ» (по-славянски—смотряше) и св. Златоустъ (de Anna sermo II: opp. tom. IV. pag. 646. Paris. 1859). Но въ Библіи сказано, что Анна молилась въ сердцѣ, такъ что только губы ея двигались, а голоса ея не было слышно, и что отрокъ первосвященника Илія сказалъ ей: «доколѣ тебѣ» и проч.? По объясненію св. Златоуста, настоящее дѣло было такъ: первоначально Анна молилась тихо, но такъ, что голосъ ея былъ немного слышенъ, а потомъ, когда Илій сдѣлалъ ей выговоръ, она стала молиться про себя, такъ что голоса ея не было слышно: въ это-то время отрокъ Иліевъ, оскорбившись неотступностію ея отъ молитвы, явно уже или дерзко обличилъ ее сказаннымъ въ текстѣ образомъ.

пристойныя слова и, хотя бы другіе принуждали ихъ молчать и жестоко били ихъ, испускаютъ безстыдные звуки, близкіе къ словамъ, и представляютъ собою некрасивое зрѣлище. Какою же непристойностію выказала себя пьяною Анна? какой издала она неприличный звукъ? какое обнаружила неблагочиніе, чуждое трезвой женщины? ужели показалась она пьяною отъ того, что, получивъ приказаніе молчать, съ любовію подчинилась наказанію? ужели отъ того, что внѣшнимъ, для глазъ видимымъ, благоприличіемъ выказала внутреннее свое состояніе? ужели отъ того, что, не открывая горящаго внутри пламени молитвы, обнаруживала горячесть ея однимъ движеніемъ губъ? „Она, по Писанію, говорила въ сердцѣ своемъ; только губы ея двигались, а голоса ея не было слышно“. Не изумить ли должно было столь необычайное постоянство? Не удивленіе ли большое должны были возбудить внѣшнее, для глазъ видимое, благоприличіе молящейся, ея неумолкаемая безмолвная молитва къ Богу, непрерывное устремленіе очей къ небу, стенанія, никакимъ словомъ не высказанныя, никакимъ звукомъ не вынаруженныя изъ скорбнаго сердца? ибо она и ихъ удерживала въ себѣ, почему и говорится: „голоса ея не было слышно“. Ей запрещаютъ издавать членораздѣльные звуки или слова, а она между тѣмъ, чтобы не подать какого-либо повода къ насмѣшкамъ, удерживала въ себѣ даже не членораздѣльные звуки. Такъ, съ такимъ чуднымъ постоянствомъ возсылала она молитвы къ Богу. Что же говоритъ ей безстыдно напавшій на нее отрокъ? Вотъ что: „доколѣ быть тебѣ пьяною? протрезвись, и иди

отъ лица Господня". Въ чемъ же приказываешь ты протрезвиться? Въ пламенной любви къ Богу? въ трезвой мысли? въ постоянномъ пощеніи? въ молитвахъ, возсылаемыхъ изъ пламенной души? Зачѣмъ же ты гонишь отъ лица Божія ту, которая, презрѣвъ все, ищетъ только лица Господня, которая утвердила въ своемъ сердцѣ любовь къ Нему, которая Его только созерцаетъ слышателемъ словъ ея, которая умственными очами видитъ Его болѣе внѣ, нежели внутри скиніи?

Такъ нападчики, будто сговорившись, устремились на древнюю Анну во время молитвы. Новая же и благоразумнѣйшая всѣхъ Анна, опасаясь, чтобы не потерпѣть ей чего-либо такого, когда будетъ возносить прилежную молитву, уклоняется какъ отъ домашнихъ стѣнъ, такъ и отъ храма, и избираетъ самое уединенное, по причинѣ тишины, мѣсто въ саду, гдѣ, по мудрому предусмотрѣнію своему, могла вознести желанную молитву свою безъ всякой помѣхи. Такъ случилось, впрочемъ, не по этой только причинѣ, но и потому, чтобы самымъ дѣломъ объяснилась истина, осуществленіе которой предвозвѣстила на себѣ Анна опытомъ. Кому предписано было служить сѣни законныхъ учрежденій, тѣмъ, какъ для совершенія приношеній, такъ и для испрошенія посредствомъ молитвъ необходимаго, назначенъ былъ храмъ, въ которомъ по преимуществу они получали бы, какъ должны были вѣрить, исполненіе своихъ прошеній. Поэтому соименная благодати Анна тѣмъ, что совершаетъ предъ Богомъ молитву и духовное приношеніе не въ храмѣ, предначинаетъ то, что чувства человѣческія не должны ограничиваться мѣстомъ; ибо

благодать вездѣсущаго Бога, находящаяся во всякомъ мѣстѣ, будетъ присуща какъ вещамъ, такъ и мыслямъ вѣрующихъ, чтобы дѣйствовать свойственными ей благодѣяніями во всемъ. Тоже самое предвозвѣщаетъ и праведный Іоакимъ, уклоняющійся отъ храма и приносящій благопріятную и чудную молитву свою на горѣ, ясно показывая этимъ, что съ пришествіемъ новой благодати опустѣвшій прообразователь тѣней, храмъ, будетъ оставленъ, а по всѣмъ мѣстамъ распространятся лучи самого свѣта.

Каковы же молитвенныя слова Анны въ саду? Хорошо и ихъ представить въ словѣ и посмотрѣть на ихъ пріятную новизну. Хотя Анна имѣла обычай приносить молитвы въ другихъ и разныхъ мѣстахъ, и приносила ихъ не одинаковыя; однако отъ установленнаго на сей разъ чина она никогда не уклонялась. Между тѣмъ въ саду слышалась раздающеюся нѣкоторая новая и необычайная молитва, выходящая изъ особенно сокрушенной и смиренной души. Праведная, прилично начавъ возносить молитву, по обычаю находящагося въ крайнихъ бѣдствіяхъ присоединяетъ къ слову блаженное уничиженіе. Вслѣдствіе этого, чтобы исповѣдать, что она, какъ недостойная, лишена благодати и благословенія, полученныхъ людьми одного съ нею рода и племени, не сравниваетъ себя съ этими людьми, но высказываетъ, что она совершенно чужда благословенія плодородія даже безсловесныхъ животныхъ и неодушевленной твари. Поэтому, чтобы изобразить, какъ она несчастна, она упоминаетъ въ уединенной молитвѣ своей о птицахъ, о четвероногихъ, о звѣряхъ, о землѣ и о

растущемъ на землѣ, о водахъ и о раждающихся въ нихъ, и такимъ образомъ преклоняла единаго премилосердаго Бога къ милости. Но Богъ предваряетъ слова. Молящаяся не довела еще молитвы своей до конца, какъ сверхъ чаянія получаетъ благовѣстіе объ успѣшности своего прошенія. „Вотъ, сказано, когда она говорила, пришелъ ангелъ Господень и говоритъ ей: Богъ услышалъ молитву твою: ты зачнешь и родишь, и о сѣмени твоемъ будутъ говорить во всей вселенной“. Услышалъ Тотъ, кто знаетъ и неизреченно взвѣшиваетъ слова молитвы, прежде нежели они задуманы. Услышалъ Тотъ, кто возбуждаетъ къ молитвѣ и устрояетъ, что она будетъ услышана. Услышалъ молитву, вознесенную изъ сокрушеннаго сердца, Тотъ, кто для этого и обитаетъ въ немъ, кто услаждается его смиренномудріемъ. Услышалъ моленіе Тотъ, кто устами пророковъ предрекъ объ успѣшности онаго. Услышалъ моленіе Тотъ, кто имѣлъ сдѣлать, что о плодѣ Анны услышитъ вся тварь. „И о сѣмени твоемъ, сказано, будутъ говорить во всей вселенной“. Будутъ говорить во вселенной о преславной знаменитости Анны, о единственно-превосходномъ плодѣ ея, о наилучшемъ украшеніи тварей. Будутъ говорить о велерѣчивыхъ устахъ природы человѣческой и краснорѣчивѣйшей защитѣ безмолвныхъ, — о той, о которой заговорятъ преславное между всѣми разумными тварями, величія которой прославятъ въ пѣсняхъ мысленныя силы, славу которой превознесутъ похвалами ангелы. „И о сѣмени твоемъ будутъ говорить во всей вселенной“. Ты, Анна, прося преемства рода и плода отъ естества, не столько для

этого трудишься въ постоянномъ прилежаніи и въ молитвенныхъ подвигахъ, ибо ты принесешь Богу обиліе добродѣтелей, сколько для того, чтобы, когда будешь имѣть между женскимъ поломъ отмѣнную славу чадородія, избавиться отъ укоризнъ за безчадіе, удостоиться причисленія и пріобщенія къ матерямъ и не быть чуждою того благословенія, которое онѣ имѣютъ. Но о плодѣ молитвы твоей и богатомъ произведеніи природы твоей будутъ говорить и станутъ превозносить его не во Израилѣ только или не между одними сопле менниками твоими. Слава о немъ пронесется по всей землѣ, между царями и правителями, между священниками и праведниками, между народами, говорящими разными языками, между учеными и неучеными. Вотъ между сколькими и какими будутъ говорить о плодѣ твоемъ; вотъ въ сколькихъ ушахъ прозвучитъ имя его и превознесется онъ чудно всѣми!

Что же дѣлаетъ блаженная и великая духомъ Анна? Какой воздастъ она даръ Сподобившему ее такого благословенія? какіе подарки предлагаетъ она отъ себя Благодѣтелю? какую обѣщается принести Ему жертву благодаренія? Не приношенія изъ драгоцѣнныхъ вещей, не жертвы изъ безсловесныхъ животныхъ, не начатки отъ плодовъ, ничего вообще такого, что̀ приносили обыкновенно во свидѣтельство своей признательности, но самый плодъ природы, дарованный ей, самый вымоленный и вожделѣнный зародышъ, изъ-за котораго принесены постоянныя молитвы, пролито множество слезъ, предприняты тяжкія изнуренія и презрѣны всѣ удобства пріятной жизни. „Живъ, говоритъ она, Гос-

подь Богъ мой: если я рожу дитя мужескаго или женскаго пола, то принесу его въ даръ Господу Богу моему, и пусть оно служитъ Ему во всѣ дни". Замѣть пламенное расположеніе Анны къ Богу; замѣть отмѣнное величіе души ея; замѣть. какъ настоящимъ приношеніемъ доказала она готовность свою принести Богу всѣ блага внѣшнія. Ибо если она съ такою пламенною рѣшимостію посвятила Богу данное ей благословеніе природы, отраду души и облегченіе трудовъ; то пожалѣла ли бы она о прочихъ тварныхъ вещахъ? какой драгоцѣнности не посвятила бы она Богу?

Обрати вниманіе и на щедрость ея души. Не говоритъ она: если рожу дитя „мужескаго пола", то отдамъ его Господу Богу, но: „мужескаго или женскаго". Вотъ знакъ ненасытимой любви къ Богу! Вотъ обѣтъ, доказывающій безмѣрное расположеніе къ Нему! Вотъ наилучшая справедливость: пусть беретъ Богъ какъ избранное изъ прочихъ вещей, такъ и плодъ природы, каковъ ни будетъ онъ! Ибо, если бы она сказала: если рожу дитя „мужескаго пола", то посвящу его Господу Богу, а о полѣ женскомъ умолчала; то можно было бы подумать, что умолчаннымъ въ обѣтѣ умаляется всецѣлое посвященіе. Теперь же, когда она обняла въ обѣтѣ и мужескій и женскій полъ, то, съ одной стороны, показала неизреченную любовь свою къ Богу, а съ другой — оставила рѣчь свою чистою отъ всякаго подозрѣнія. Въ Писаніи нигдѣ не видно, что бы или по обѣту или по усердію къ Богу посвящаемъ былъ Ему женскій полъ, а тѣмъ болѣе сопричисляемъ въ храмѣ къ служителямъ Его; но Анна, въ избыткѣ любви къ Бо-

гу, рѣшается на это неслыханное дѣло, предрекая обѣтомъ своимъ новость, имѣющую послѣдовать на самомъ дѣлѣ. Это было единственное лице женскаго пола, единственный начатокъ человѣчества, посвященный и отданный Богу какъ безцѣнный даръ. О истиннѣйшій обѣтъ! О обѣщаніе, предобѣщающее природѣ благодѣянія, невыразимыя словомъ! О приношеніе священнѣйшее! О боголюбивое произволеніе отдающей такъ и такой плодъ, плодъ собственной надежды, Богу! Чѣмъ приношеніе это не превосходитъ приношеніе Авраамово? Временемъ ли, предшествующимъ молитвѣ? временемъ ли самой молитвы? способомъ ли даннаго свыше отвѣта? величественностію ли обѣщаннаго? Но не буду говорить о превосходствѣ приношенія. Того ни съ чѣмъ нельзя сравнить, что для Бога любезнѣе всѣхъ твореній. Пусть всякій удивляется пламеннѣйшей любви къ Богу самой приносящей и превозноситъ ее похвалами. И Авраамъ и Анна сдѣлали приношеніе Богу; но тотъ вслѣдствіе повелѣнія оказалъ послушаніе, а эта принесла плодъ по собственному произволенію. Тотъ принесъ единороднаго, имѣя въ виду обѣтованіе, а не чадородіе; а эта принесла единственное и единородное благословеніе природы и плодъ многихъ трудовъ и напряженнаго моленія.

Неизреченныя воздаянія благъ суть дѣло трудовъ и великихъ подвиговъ. Когда молитвы окриляются трудами, то онѣ возносятся къ Богу. Трудами устрояется величіе добродѣтели. Посредствомъ трудовъ, какъ посредствомъ огня, совершается дознаніе отличныхъ качествъ души. Чрезъ труды снискиваются наслажденія

вѣчными благами. Безъ трудовъ нельзя стремиться къ Богу, ни восходить къ Нему, ни достигать обитанія съ Нимъ. Но эти блага, справедливо почитаемыя воздаяніями за труды, не смотря на то, что онѣ превышаютъ всякое представленіе, воздаются за малое и ничтожное. Въ самомъ дѣлѣ, какой трудъ можно не только представить на дѣлѣ, но и въ умѣ вообразить, что бы онъ, бывъ сопоставленъ благамъ тѣмъ хотя въ самомалѣйшей степени ихъ, оказался значущимъ что нибудь? Сколько, напримѣръ, подвиговъ нужно для того, чтобы взойти на небо? Какія можно представить ступени трудовъ, чтобы подняться на такую высоту? Какіе сильные поты нужны для того, чтобы стяжать воздаяніе вѣчныхъ и нескопчаемыхъ благъ? Какіе можетъ кто нибудь явить труды, достойные того, чтобы обитать съ Создателемъ? Какое жилище долженъ приготовить изъ себя человѣкъ, чтобы Богъ обиталъ въ немъ? Сказано: „вселюся въ нихъ и буду ходить въ нихъ“ (2 Кор. 6, 16); и еще: „Я и Отецъ придемъ“ (Іоан. 14, 23). Вотъ предѣлъ ожидаемыхъ благъ; вотъ царство небесное; вотъ наслажденіе вѣчнымъ блаженствомъ; вотъ всегдашняя радость; вотъ постоянное веселіе; вотъ воздаяніе, превышающее не только труды, но и всякое понятіе. Видишь ли, что никакой трудъ не только не соразмѣренъ, но и не можетъ быть представленъ хотя отчасти соразмѣрнымъ блаженному наслажденію уготованными благами? Но хотя подвиги наши столь недостаточны и потому труды наши ради добродѣтели въ сравненіи съ воздаяніями, превышающими умъ, малы и ничтожны, однако преблагій Владыка воздастъ за нихъ

блаженство, превышающее всякое представленіе. Да, труды и усилія человѣческія малы и ничтожны въ сравненіи съ будущимъ блаженствомъ, хотя бы кто провелъ въ нихъ даже всю жизнь свою, хотя бы кто непрестанно подвизался цѣлый вѣкъ свой. Хотя бы кто продлилъ жизнь свою на сто, на двѣсти, на триста, или на тысячи тысячъ лѣтъ и все это время провелъ въ непрерывныхъ подвигахъ добродѣтели, и въ такомъ случаѣ его подвиги въ сравненіи съ ожидаемыми воздаяніями окажутся ничтожными.

Повторяю: своими малыми и ничтожными трудами мы стяжеваемъ воздаянія, несравнено превосходящія ихъ, запасаемъ себѣ богатство благъ непстощимыхъ; а малыми и ничтожными трудами почитаю я справедливымъ признавать не только представляющіеся таковыми труды, но и постоянные подвиги во всю жизнь, непрерывную борьбу въ добродѣтели, труды неослабные и безмѣрно горячіе. Ибо воздаянія великодаровитаго Владыки, преизобильное богатство Его паградъ, превосходство Его человѣколюбія и благости таковы: за малое—безконечное, за бѣдное—богатое, за временное—нескончаемыя блага. Не нуждается въ приношеніяхъ, но ищетъ только спасенія приносящихъ и потому обращаетъ вниманіе не столько на количество приношеній, сколько на качества произволенія приносящихъ, Тотъ, кто есть единый богатый податель даровъ, кто обладаетъ непостижимымъ моремъ благоутробія, кто есть самая благость и единственное обиліе благъ, кто составилъ пынѣшнее торжество въ видахъ будущей ра-

дости, кто чрезъ величія матери своей вознесъ малость нашу къ Себѣ, кто посредствомъ чудныхъ знаменій ея печется о превышающемъ чаяніе человѣчества спасеніи; ибо въ этомъ состоитъ все домостроительство Его. По этому-то и величаемся, Богородице, твоими таинствами. За возсозданіе чрезъ нихъ приносимъ тебѣ постоянныя благодаренія; за него составляемъ тебѣ какъ прочія, такъ и нынѣшнее торжество. Поэтому проповѣдуемъ и о заслугахъ твоихъ родителей, прославляемъ нынѣ величіе ихъ добродѣтели, благохвалимъ пламень ихъ боголюбія, превосходное терпѣніе, услышанныя молитвы, предварительныя пророчества о спасеніи нашемъ. Почитаемъ тебя, знаменитый плодъ ихъ и природы, корень благъ и ходатаицу вѣчныхъ даровъ. Представляемъ тебя нынѣ посредницею къ Родившемуся отъ тебя, а ихъ предстателями предъ тобою. Чрезъ нихъ, просимъ, а наипаче черезъ тебя, ибо не необходимы къ тебѣ, преблагая, посредники, чтобы въ величіяхъ твоихъ сохранила ты для насъ непрестанную радость. Просимъ чрезъ тебя неизреченно Воплотившагося изъ тебя, чтобы соизволилъ даровать послѣ нынѣшняго торжества блаженство будущаго, чтобы здѣшнее ликостояніе замѣнилъ славословіемъ вѣчнымъ, чтобы за безмолвныя пѣсни воздалъ неумолкаемый голосъ торжествующихъ, возсылаемый тебѣ во гласѣ веселія и исповѣданія; ибо Онъ наше всегдашнее радованіе, веселіе и торжество; Ему принадлежитъ честь, слава, поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(3)

Нынѣ земля, освѣщаемая блескомъ благодати, сіяетъ паче солнца, свѣтитъ духовною ясностію лучше неба и украшается небомъ, превосходнѣйшимъ надземнаго неба. Она принимаетъ на себя Небо рожденное, превосходнѣйшее, пресвѣтлое, пространнѣйшее, представляющее міру Солнце не заходящее, но незаходящее, и испещренное не звѣздами видимыми, но пламенемъ духовныхъ свѣтильниковъ. Вотъ что торжествуемъ мы нынѣ; вотъ что предложило намъ блистательнѣйшій пиръ; вотъ что собрало насъ на нынѣшнее ликованіе; вотъ что, побуждая къ слову, приглашаетъ всѣхъ къ наслажденію благами его. Отзовитесь же на голосъ звучащаго съ полнымъ послушаніемъ, чтобы никто изъ приглашаемыхъ не лишился этой сладостной и всемірной радости. Никто пусть не лишаетъ себя удовольствій и славы, общихъ всей природѣ. Всѣ вкупѣ насладимся предложеннымъ пиршествомъ. Оно равно предложено всѣмъ и учреждено для веселія и препрославленной славы.

Многочисленныя и великія благодѣянія получила уже отъ Бога природа человѣческая. Она сподобилась различныхъ даровъ, къ которымъ Виновникъ благодѣяній, произведши участниковъ въ нихъ, присоединилъ общую роду человѣческому славу. Но она никогда, если пересмотришь все, не была почтена такимъ великимъ даромъ и божественнымъ отличіемъ, какого спо-

---

(3) Георгія, митрополита никомидійскаго, Слово на зачатіе и рождество пресвятой Владычицы нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи. Patrolog. curs. compl. tom. C. pag. 1375—1399. Paris. 1860.

добилась нынѣ. Поэтому, предавъ забвенію прошлое и оставивъ назади древнее, она любуется и вмѣстѣ превозносится этою величественною славою. Въ самомъ дѣлѣ, какой изъ даровъ, сообщенныхъ ей Богомъ, можно бы отмѣтить, какъ столь величественный, чтобы пристойно сопоставить его съ настоящимъ? Великое дѣло — извести природу человѣческую изъ ничего въ сравненіи съ тѣмъ, чтобы облечься въ нее, когда она уже растлилась, и снова преобразовать ее, возсоздавъ наилучшихъ образомъ? Что значитъ почтеніе образомъ въ сравненіи съ усыновленіемъ? Какое земное начальствованіе и властвованіе можетъ сравниться съ теперешнимъ царствованіемъ на небесахъ вмѣстѣ съ Владыкою всего? Что такое зрѣлище, явленное боговидцамъ въ видѣніяхъ, соніяхъ и представленіи гласа хлада тонка, передъ тѣмъ, что намъ явился самъ Созерцаемый и человѣколюбиво обиталъ въ насъ? Какое, наконецъ, сравненіе между избраніемъ пророковъ и праведниковъ и прибавившеюся чрезъ нихъ къ роду человѣческому славою, и между тѣмъ, что отъ рода этого произошла Матерь превожделѣннаго Бога, слава естества нашего, и что чрезъ нее доставлена намъ столь величественная честь? Это-то именно и прославило насъ чрезвычайно. Это-то и должны мы нынѣ всѣ принять, обнять и почтить всевозможными славословіями.

Есть люди, которые говорятъ, что такое ликованіе и благодареніе принадлежитъ богоявленію Владыки, потому что оно сдѣлало все это и стало завершеніемъ таинства и дарованныхъ благъ. Но выставляющіе это

на видъ пусть знаютъ, что пріятность настоящаго дня была виною пріятности того дня и началомъ какъ примиренія нашего съ Богомъ, такъ и той радости, которая возсіяла для насъ чрезъ оное. Залоги, полученные по поводу примиренія, служатъ знакомъ твердаго мира и суть начало того удовольствія, которое миръ доставляетъ примиреннымъ благами своими. Женщина, выбираемая и пріемлемая въ супругу царя изъ среды подданныхъ, служитъ для нихъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ какъ родственнаго единенія съ царемъ, такъ и славы, имѣющей произойти отъ того. Царица, находящаяся въ частныхъ имѣніяхъ, своими новыми распоряженіями подаетъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ несомнѣнный знакъ, что туда прибудетъ царь, остановится тамъ и дружески обойдется съ начальникомъ за его благосклонное и предусмотрительное попеченіе. Таково точно и относящееся къ радости настоящаго дня, предвозвѣстившее намъ наступленіе вышней славы. Нынѣ представленъ залогъ, избрана невѣста неневѣстная, образованъ и приготовленъ чертогъ царскій, дѣйствительно дароване намъ прочное основаніе благъ, ожидаемыхъ съ пришествіемъ и обращеніемъ съ участвующими въ нихъ царя. Такимъ образомъ, настоящее торжество есть предтеча неизреченной радости, проистекающей отъ воплощенія Христова, а предтеча оно не въ томъ смыслѣ, будто не соединено съ воплощеніемъ тѣмъ, или отлично отъ него, но въ томъ, что оно руководило къ несомнѣнности всего событія и притомъ свойственнымъ и приличнымъ намъ образомъ, потому что доставило намъ совершеннѣйшую радость чрезъ ту,

которая отъ нашего рода. Поэтому нужно. чтобы торжество это, какъ предпразднество и основаніе воплощенія Христова, мы увѣнчали похвалами съ веселою наружностію, а еще болѣе съ веселымъ душевнымъ расположеніемъ, и во время его составляли радостныя ликованія, не столько тѣломъ, сколько духомъ прыгали отъ радости, соревновали въ восторгѣ мысленнымъ и божественнымъ чинамъ и всѣ возбуждали всю тварь къ тому же самому.

Между тѣмъ, наше призывное слово предупреждаютъ сонмы ангеловъ, и восхваляютъ нынѣ ту, чрезъ которую узрѣли исполненіе тайны. Предупреждаютъ его небеса, и отдаютъ честь высотѣ этой новой тверди. Предупреждаютъ и свѣтила, и преславно освѣщаются лучами, испускаемыми облакомъ мысленнаго Солнца. Присутствуетъ незванная земля, и достойно величается и превозносится своимъ произрастеніемъ. Нынѣ, говорю, всѣ созданія осмѣлились заявить свою смѣлость. Тѣмъ болѣе поэтому я могу дружелюбно сзывать благороднѣйшія созданія, грамогласно восклицая такъ: приди ко мнѣ всякій возрастъ и всякое достоинство, всѣ какіе только есть чины въ мірѣ и надъ міромъ, священники и цари, высшіе и низшіе, начальники и подчиненные, старые и молодые, дѣвы, матери и неплодныя, и младенчествующіе незлобіемъ; придите, примемъ спасительный день сей съ божественнымъ веселіемъ и превознесемъ его всякими благохваленіями. Нынѣ родился предметъ всеобщаго похваленія. Нынѣ изъ безплодныхъ чреслъ прозябло украшеніе священниковъ, могущество царей, совершенство добродѣтельныхъ, непоко-

лебимое благочиніе начальствующихъ и подчиненныхъ, разумѣніе младенцевъ, украшеніе дѣвъ, вѣнецъ матерей, благочадіе бездѣтныхъ, разрѣшеніе неплодія. Нынѣ отъ безплодной прозябло обиліе благъ; нынѣ отъ праведныхъ произросъ праведнѣйшій плодъ.

Кто же и каковы эти лица? Да будетъ мнѣ позволено разсказать о касающемся ихъ, впрочемъ не съ тѣмъ, чтобы превознести ихъ похвалами сообразно достоинству ихъ, но съ тѣмъ, чтобы показать только, какъ они предпочтены роду человѣческому и какъ, сдѣлавшись причастными отмѣнной благодати, стали виновниками одаренія рода нашего блистательными дарами. Превознести ихъ похвалами понадлежащему есть трудъ, превышающій, по моему мнѣнію, не только мои силы, но и силы всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая изобрѣтательность даже превосходныхъ ораторовъ въ состояніи изслѣдовать величіе дѣлъ, кольми паче покусится изобразить должнымъ образомъ славу ихъ? Правда, хвалители, взявъ во вниманіе дѣянія похваляемыхъ и благодать, полученную ими чрезъ нихъ свыше, усиливаются посредствомъ похвалъ возбудить къ предмету своему удивленіе или даже доставляютъ ему надлежащую славу; но гдѣ о заслугахъ праведниковъ трубятъ щедрые дары, превышающіе понятіе, тамъ какой можно представить опытъ похвалъ? Какую необычайную оцѣнку можно изобрѣсти для того, что необычайнѣе всего? Что изъ всего, бывшаго отъ вѣка, можно избрать такое, что руководило бы похвалою надлежащимъ образомъ? Разсуди самъ о избраніи всѣхъ праведниковъ и пророковъ, равно какъ и о тѣсномъ со-

юзѣ ихъ съ избравшимъ ихъ Богомъ, и ты увидишь несравненное превосходство Іоакима и Анны, увидишь, что они и препочтены и препрославлены безмѣрно. Создатель Богъ избралъ ихъ для возобновленія обветшавшаго міра; отъ нихъ Онъ пріемлетъ матерь, чрезъ которую соизволилъ приготовить новую тварь; отъ кровей этихъ лицъ, превосходившихъ добродѣтелями даже царское величіе, Онъ облекся въ царскую багряницу человѣческаго рода. Вотъ что сдѣлало ихъ высшими всѣхъ праведниковъ, вотъ ихъ право, превосходящее всякую заслугу: они избраны изъ среды всѣхъ, явились въ должное время и приняты для осуществленія тайны. Обрати же вниманіе на то, какъ касающееся ихъ превосходитъ всякое сравненіе. Объ этомъ не слова сообщаютъ, но самыя событія трубятъ. Впрочемъ, какъ для настоящаго торжества, такъ и для уясненія преимуществъ Іоакима и Анны, полезно будетъ объяснить хотя немногое изъ вѣрнаго сказанія, начинающагося рѣчью о нихъ: чрезъ это яснѣе просіяетъ для насъ истина повѣствуемаго. Начнемъ же слово съ начала.

Въ сказаніи томъ [1] говорится такъ: „въ исторіяхъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ былъ нѣкто Іоакимъ, человѣкъ весьма богатый“. Что значитъ „въ исторіяхъ“? Значитъ: въ родословіяхъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ. Чрезъ это сочинитель показываетъ, что Іоакимъ происходилъ отъ предковъ по несмѣшанной царской линіи и что онъ по соблюденію закона какъ предками, такъ и имъ самимъ былъ знаменитъ и потому стяжалъ

---

[1] Смотр. выше стр. 59 примѣч. 1.

въ колѣнахъ израильскихъ извѣстность и отличіе. Далѣе, упомянувъ и о богатствѣ Іоакима, какъ о доказательствѣ его преимущества, писатель извѣщаетъ объ особенной праведности его, которою онъ отличался отъ всѣхъ единоплеменниковъ своихъ. „Онъ, говоритъ, приносилъ Господу сугубые дары“. Дѣйствительно, онъ славился сугубымъ богатствомъ. Принося въ жертву сугубые дары, онъ уменьшалъ настоящія и преходящія блага; но въ тоже время умножалъ сокровища, не преходящія во вѣки. Впрочемъ, и оставляя изъ скоропреходящаго богатства необходимое для ежедневнаго употребленія, онъ не допускалъ того, чтобы оно скапливалось. Объ этомъ говоритъ и упомянутая исторія: „онъ приносилъ Господу сугубые дары, говоря про себя: избытокъ мой пусть будетъ всему народу, а что въ прощеніе меня, то пусть будетъ Господу Богу моему“. Смотри, какое превосходство праведности въ состояніи подзаконномъ! Примѣть, что праведники эти отлично предначертали или, лучше сказать, превзошли образъ жизни евангельской, начертанной апостолами. „Избытокъ мой пусть будетъ всему народу“. Ничего излишняго, говоритъ, да не будетъ въ томъ, что необходимо; что не необходимо для меня, то пусть достанется всему народу; что составляетъ у меня избытокъ, то пусть обратится въ общую пользу всѣхъ. О пресправедливое намѣреніе и сужденіе! О богатство, сокрытое въ безопасныхъ отъ разграбленія сокровищницахъ! Такъ высока была добродѣтель Іоакима и Анны съ самаго начала! А изъ дальнѣйшаго видно и другое превосходство добродѣтели ихъ. Оставляя часть

богатства для продовольствія своего, опи изъ остальнаго имущества все, предписанное въ законѣ касательно новомѣсячій, обычныхъ жертвъ, жертвъ за грѣхи и тѣлесныхъ очищеній, приносили Богу всего. „А что въ прощеніе меня, то пусть будетъ Господу Богу моему“. Слѣдовательно, они раздѣляли богатство свое не въ такой мѣрѣ, чтобы его достаточно было у нихъ для себя, но въ такой, чтобы самимъ терпѣть нужду. Доказательствомъ отмѣнной добродѣтели ихъ служатъ и слова: „говоря про себя“; ибо, кромѣ мудраго благоразумія, они показываютъ въ говорившемъ такъ и превосходство добродѣтели. Такъ поступалъ человѣкъ не потому, что бы обращалъ взоръ на другихъ или устремлялъ мысли на какой-либо примѣръ; но самъ собою изобрѣталъ добро и исполнялъ его; не руководится также онъ въ столь отличныхъ дѣяніяхъ и древними заповѣдями или законоположеніями, но самъ полагаетъ начало дѣланію добра и становится дѣятельнымъ законодателемъ для потомковъ. Замѣть, какъ Іоакимъ и Анна достойно предпочтены были всѣмъ праведникамъ. Говорю же „достойно“ не по отношенію къ дару, свойственному тайнѣ (ибо благодать выше воздаянія за дѣла), но по сравненію ихъ съ одноплеменниками.

Полезно прослѣдить и дальнѣйшее, находящееся въ упомянутомъ сказаніи. Въ немъ повѣствуется, что когда Іоакимъ въ какой-то славный праздникъ приносилъ, по обычаю, дары, то былъ укоренъ однимъ изъ соплеменниковъ за безчадіе. „Непозволительно, сказано, чтобы ты принесъ дары свои; потому что ты не произвелъ племени въ Израилѣ“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ

читается: „непозволительно, чтобы ты первый принесъ". Справедливо было, чтобы Іоакимъ, какъ мужъ праведный и отличавшійся сугубымъ благородствомъ, первенствовалъ какъ во всемъ, такъ и въ принесеніи даровъ; но людямъ завистливымъ это казалось несноснымъ. Поелику же у нихъ ничего не было такого изъ его жизни, за что можно было бы опорочить его, ибо онъ не только былъ безпорочепъ, но по превосходству добродѣтели слылъ чуждымъ всякой опаспости подвергнуться обвиненію; то въ предлогъ къ тому, чтобы опъ не поступалъ по предписанному закономъ, представляютъ его безчадіе. Но это, именно то, что праведники до настоящаго времени оставались безъ потомства и что они возбуждены были къ полученію дитяти посредствомъ молитвы, было дѣломъ всевышняго Промысла. Первое обнаружило ихъ надежду на Бога, ибо когда они помолились, то исполненіе прошенія ихъ не было отложено на время; а послѣднее показало, что тайна благодати осуществилась въ опредѣленное Богомъ время.

Оскорбленный, какъ-бы прогнанный, праведникъ предается большой печали, но не потому, что бы пораженъ былъ укоризненными словами или потерпѣлъ безславіе, но потому, что пришелъ въ опасеніе, не навлекъ ли опъ на себя это отверженіе Богомъ какимъ-либо небреженіемъ о заповѣдяхъ Божіихъ, приведшимъ въ извѣстность чрезъ людей. Такъ и въ то время, когда послѣдовало ему истинное откровеніе, онъ, прибѣгая къ загадочнымъ явленіямъ (Осіи 3, 4) (1), за-

(1) Указаніе и на убѣжденіе Іоакима: «дщица священника покажетъ мнѣ это» и на послѣдствія этого убѣжденія: «внимательно

ботился не о чадородіи, но о примиреніи съ Богомъ. До такой степени строгъ былъ онъ въ требованіи отчета у себя какъ относительно исполненія закона, такъ и относительно таинъ совѣсти! Такъ онъ во всемъ, касающемся его, полагался на промыслъ Божій! Поэтому-то онъ не вступилъ въ преніе, не сталъ противорѣчить, не сдѣлалъ возраженія, что доселѣ никогда не встрѣчалъ запрещенія приносить обычные дары, потому ли, что жилъ безукоризненно, или же потому, что приносилъ дары безукоризненные, но перенесъ оскорбительную укоризну терпѣливо и вмѣстѣ съ тѣмъ прибѣгаетъ къ испытателю таинъ Богу и удаляется въ пустыню, какъ удобнѣйшее для собесѣдованія съ Богомъ мѣсто, не показавшись своей супругѣ и единомысленной и не поручивъ попеченія о внѣшнихъ дѣлахъ домашнимъ. Кто даже въ наше время обнаружилъ столь твердое упованіе на Бога и презрѣніе къ своему имѣнію? Тѣмъ болѣе, кто показалъ это въ тѣ времена, когда трудно было исполнять даже умѣренныя и предписанныя закономъ добродѣтели?

Представимъ теперь славные подвиги патріарха Авраама. Нѣкоторые могутъ подумать, что Авраамъ какъ по древности времени, такъ и по высотѣ праведности превосходитъ не только древнихъ, но и Іоакима. Но если кто захочетъ сравнить дѣянія перваго съ дѣяніями послѣдняго, то пойметъ, что дѣянія, о которыхъ говоримъ, превосходнѣе дѣяній Авраама. Въ самомъ дѣлѣ, Аврааму какъ о переселеніи, такъ и о землѣ,

---

смотрѣлъ на дщицу священника» и проч. (смотр. выше стр. 61 въ примѣч.).

въ которой онъ имѣлъ обитать, было напередъ возвѣщено. Напередъ же возвѣщено было ему и прекращеніе безчадія и неплодства Сарры. Конечно, обладая этимъ по обѣтованію, онъ и надежду подкрѣплялъ и духъ ободрялъ къ полученію обѣщаннаго молитвою; ибо можетъ ли быть что нибудь сладостнѣе обѣтованія Божія? Между тѣмъ Іоакимъ, не получивъ еще никакого обѣтованія, повѣрилъ, что Всемогущій силенъ совершить даже и невозможное и преобразовать природу, и, утвердивъ надежду свою на сокровенномъ промыслѣ Его, оставляетъ такимъ образомъ попеченіе о домашнемъ и предается постоянной молитвѣ къ Богу. Далѣе, Авраамъ, чтобы не сомнѣваться ему относительно будущаго обладанія землею и умноженія своего потомства, имѣлъ нужду въ вѣрномъ знакѣ и довѣдывался, какимъ образомъ могутъ исполниться обѣтованія Божіи. Между тѣмъ Іоакимъ какъ во время молитвы выказалъ несомнительный духъ, такъ и послѣ, когда былъ услышанъ и получилъ отъ ангела добрую вѣсть о рожденіи потомка, не довѣдывается, какимъ образомъ исполнится возвѣщенное ему, и не требуетъ знаменій, которыя объяснили бы, какъ уврачуется немощное естество: почитая самое откровеніе о обѣтованіи исполненіемъ онаго, онъ, при твердомъ убѣжденіи въ полученіи потомка, догадывался, что возвѣщено извѣстное одному Богу и по этому угадывалъ знаменія. Наконецъ, прилично представить и разсмотрѣть здѣсь и чудное жертвоприношеніе. Именно: Авраамъ предпринялъ жертвоприношеніе по повелѣнію Божію, а Іоакимъ — по собственному произволенію; тотъ избралъ въ жертву

дѣйствительное дитя свое единородное, а этотъ—то, которое только еще обѣщано было ему; тотъ привелъ жертвенное свое и снова получилъ оное, а этотъ дѣйствительно принесъ обреченное на жертву во всесожженіе, отдавъ Богу; наконецъ, жертвеннымъ у того былъ патріархъ племенъ и праведныхъ, а у этого—матерь Божія и всеправедная Владычица патріарховъ. Преславное дѣяніе это по-истинѣ выше не только настоящаго, но и всякаго сравненія. Видишь ли, какъ превосходны преимущества праведнаго Іоакима?

Разсмотри также и пребываніе его въ пустынѣ, и воздержаніе его, превышающее силы природы (такую жизнь справедливо назвать жизнію ангельскою), и то, какъ онъ сталъ странникомъ и необычайнымъ,—сравнишь ли его дѣла или слова! Сказаніе передаетъ, что онъ провелъ въ постѣ сорокъ дней и сорокъ ночей, питаясь только молитвою и надеждою на Бога. „(Іоакимъ) постился сорокъ дней и сорокъ ночей, говоря: не сойду отсюда ни ѣсть ни пить“. У насъ есть особенно спорливые люди, изъ коихъ одни почитаютъ это невѣроятнымъ, а другіе даже невозможнымъ. Дѣйствительно, подвигъ этотъ превышаетъ силы человѣческія; потому что одинъ Творецъ сохраняетъ природу достаточною для предопредѣленной цѣли. Ее-то и представлялъ праведникъ въ полное распоряженіе Божіе и усильнымъ сопротивленіемъ требованіямъ тѣла сподобился получить отъ Бога же какъ благодать подвиговъ, превышающихъ силы природы, такъ и благодать даровъ, превышающихъ ожиданіе. Такъ и Моисей изумляетъ пощеніемъ своимъ въ продолженіи сорока же дней. Да,

и его подвиги изумительны. Но если кто пожелаетъ разсмотрѣть воздержаніе Моисея и Іоакима съ большимъ тщаніемъ, то именно найдетъ, что пощеніе ихъ отличается одно отъ другаго. Моисей воздержывался и потому, что такъ опредѣлилъ Богъ, и потому, что охранялъ скрижали, и потому, что дожидался Законодателя: что̀ и доставляло ему наилучшее подкрѣпленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчало какъ тяготу продолжительнаго времени, такъ и требованія природы. Между тѣмъ Іоакимъ отдается пустынѣ, подъемлетъ на себя подвиги и изливаетъ напряженную молитву не получая ободренія ни отъ чего, но укрѣпляясь одною необманчивою надеждою на Бога. Кто не изумится такому обстоятельству и не почтетъ его превышающимъ всякое слово, когда оно величіемъ своимъ по-истинѣ превосходитъ всякое разумѣніе? Подумаетъ иной, что настоящія слова мы говоримъ преувеличенно. Таковый пусть самъ представитъ себѣ событія въ томъ видѣ, каковы они есть, и присмотрится, дѣйствительно ли они таковы, что никто не въ состояніи прославить ихъ, хотя бы онъ стяжалъ краснорѣчіемъ своимъ громкую извѣстность, тѣмъ болѣе превознести ихъ гораздо больше, нежели какъ они заслуживаютъ. Таковы дѣянія праведнаго Іоакима!

А какъ велики и чудны дѣянія супруги его и одинаковой съ нимъ по качествамъ Анны! Они не только не меньше даровъ супруга, но и превосходятъ ихъ. Ей надлежало выдержать сугубый подвигъ терпѣнія. Съ одной стороны, ей неизвѣстно было отбытіе супруга и мѣсто пребыванія его, а съ другой — ее осаждала

обида по поводу неимѣнія дѣтей, причиненная ей съ супругомъ. Анна боролась съ обоими этими обстоятельствами, и при помощи вѣры и надежды вышла изъ нихъ побѣдительницею. Притомъ, укоризну за неимѣніе дѣтей она встрѣчала съ двухъ сторонъ: во-первыхъ—отъ своихъ единоплеменниковъ, во-вторыхъ—отъ своей служанки; а это дѣлаетъ укоризну дѣйствительно несносною: ибо укоризны, причиняемыя посторонними, не такъ поражаютъ, какъ укоризны, наносимыя домашними, особенно когда наносящіе ихъ бываютъ изъ среды подчиненныхъ или слугъ. Какъ же держитъ себя благороднѣйшая женщина? Такъ, что ничто изъ сказаннаго не сокрушаетъ ея долготерпѣнія. Напротивъ, она отвергаетъ некстати поданное ей украшеніе, снимаетъ печальныя одежды, надѣваетъ на себя, вмѣстѣ съ одѣяніемъ души, чистую и брачную одежду и, убравшись на молитву по тѣлу и по душѣ, стоитъ наряженная въ сугубую одежду, какъ чистая, предъ Пречистымъ. А возсылать молитву свою къ Богу всего она идетъ не во внутренность храма, но избираетъ для этого спокойное и удаленное отъ всякаго шума мѣсто въ саду, и здѣсь-то, какъ въ неподозрительномъ тайникѣ, тайно изливаетъ молитву свою съ душевною скорбію. Такъ поступила она потому, что, желая возносить молитву въ сердцѣ и долгое время, не хотѣла показаться на глаза поносителей. Ибо послѣдніе непремѣнно почли бы ее, какъ древнюю Анну (1 Цар. 1, 9—14), или пьяною или пустомелею. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ прежнія времена съ издѣвкою напали на ту, которая молилась Богу въ урочное время, тѣ не отпустили ли бы

болѣе жесткихъ колкостей той, которая возносила бы продолжительную молитву не въ обычное время? Вотъ почему не она только, но и великій духомъ Іоакимъ не пошелъ въ храмъ возносить молитву свою, относительно которой оба они справедливо заботились, чтобы непремѣнно была пріятною, нетревожимою, тихою и безмолвною. Если же высказать причину этого болѣе пристойную и основательную, то она состоитъ въ томъ, что оба эти праведные и на дѣлѣ и по имени были предтечами и провозвѣстниками благодати; ибо Іоакимъ значитъ предуготовленіе, а Анна — благодать: они сами собою представляютъ неописанную обширность ея тѣмъ, что не идутъ въ храмъ, но молятся Богу всего на всякомъ мѣстѣ. Таковъ смыслъ сказаннаго о нихъ!

А какого уваженія достойны молитвы, возсылаемыя ими обоими! Въ нихъ они упоминаютъ о всѣхъ великихъ дѣлахъ Божіихъ, какъ произведенныхъ Богомъ изъ ничего, такъ и чудно введенныхъ Имъ вновь при преобразованіи природы вещей. Такъ они говорятъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Богомъ праведнымъ Аврааму и Саррѣ, Аннѣ и Самуилу, испрашиваютъ себѣ равную благодать и съ ревностію и усиліемъ молятся, чтобы даровано было имъ приличное ихъ положенію. А молитва, которую изливала потомъ блаженная Анна въ саду, съ одной стороны, отлична отъ прочихъ молитвъ ея, а съ другой—проникнута такимъ сокрушеніемъ сердца, что была услышана. Ибо Анна не удовольствовалась словами и смысломъ молитвы, но, проливая слезы, съ глубокимъ смиреніемъ исповѣдывала

свое убожество, ставила себя ниже всѣхъ тварей и поименовывала тѣ предметы, которые воспользовались благословеніемъ Творца. Такими указаніями и рѣчами, и притомъ болѣе ими, нежели прозносимою отъ себя молитвою, она обрисовывала богатый щедротами промыслъ Создателя. „Я, высказываетъ цѣломудренная жена, я хуже всѣхъ тварей. Онѣ, Владыко, покорны повелѣнію твоему, а я совершенно лишена благословенія и благодати раждать, я не достойна счастливой доли женскаго пола. Онъ у Тебя плодороденъ и самымъ дѣломъ доказываетъ, какъ я ниже его. Я не имѣю способности раждать, общей многоразличнымъ животнымъ, а животныя дѣйствительно сподобились этого счастія. Плодоносна и земля, согласно повелѣнію твоему постоянно приносящая обильный плодъ; приносятъ плодъ и луга; приносятъ благовременный и пріятный плодъ и прекрасныя растенія, и чрезъ благодареніе пользующихся ими отдаютъ Тебѣ дань славословія. Я не имѣю благодати ихъ и сама сознаю, что недостойна быть причисленною къ этимъ произведеніямъ твоей благости". Не показываютъ ли слова эти высочайшаго смиренія? Какое сокрушенное сердце можетъ сравниться съ душею, высказывающею такія мысли? Возможно ли же, что бы любящій добро Богъ не одобрилъ такого благорасположенія паче всякаго благоуханія и припошенія? Возможно ли, что бы не внялъ такой молитвѣ, паче всякаго всесожженія, Тотъ, кто услаждается особенно такими жертвами? Вѣдь жертва Богу — духъ сокрушенный (Псал. 50, 19).

Таковы преимущества и разсказанные подвиги праведныхъ Іоакима и Анны. Эти яркія отличительныя черты добродѣтелей ихъ освѣтили благородство и зрѣлость души ихъ, блистательнѣйшія тѣхъ, которыми славились жившіе прежде. Дѣйствительно нужно было, чтобы даръ, несравнимый ни съ чѣмъ сотвореннымъ, послѣдовалъ отъ наизбраннѣйшихъ; нужно было, чтобы пресвятое богатство истекло изъ запаса, обильнаго добродѣтелями; нужно было, чтобы таковый плодъ принесенъ былъ таковыми трудами, чтобы благороднѣйшая отрасль произросла отъ благороднаго корня, чтобы отличная лоза виноградная выросла изъ хорошихъ нѣдръ. Высоки долженствовали быть тѣ, отъ которыхъ надлежало произойти вѣчно зеленѣющему украшенію рода нашего, прекраснѣйшему ростку природы, тому высокому дереву таинства, выходящій изъ котораго цвѣтъ безсмертія издалъ вѣчное благоуханіе и плодъ котораго—жизнь, нетлѣніе и вѣчное пребываніе для тѣхъ, кои пріобщаются онаго.

Молитва праведныхъ, принесенная съ такими трудами и въ такихъ словахъ, оканчивается божественнымъ отвѣтомъ. Являются ангелы и возвѣщаютъ, что молитвы услышаны и что послѣдуетъ неожиданное рожденіе. Ангелы благовѣствуютъ рожденіе той, которая достоинствомъ своимъ превосходитъ самыхъ ангеловъ. Ангелы предвозвѣщаютъ разрѣшеніе неплодія и предсказываютъ разрушеніе средостѣнія грѣха чрезъ оное. Ангелы предрекаютъ неожиданное зачатіе той, которая нововвела зачатіе необыкновенное и неизреченное. Ангелы предупреждаютъ о явленіи на свѣтъ

той, чрезъ которую прекратились скорби прародительницы. Шествіе той, чье рожденіе необыкновенно, превышаетъ ожиданіе. Отъ земледѣлія, отъ котораго ничего не ожидалось, получается плодъ, превосходящій понятіе. Неплодіе предвозвѣщаетъ обновленіе естества, и рожденіе дитяти, самая необычность рожденія его представляетъ подтвержденіе самаго необыкновеннаго таинства. Дитя это въ себѣ самомъ получаетъ самые вѣрные признаки чуднаго рожденія. Въ чудѣ родителей оно изучаетъ тайну неизглаголаннаго чуда. Ибо первое предвозвѣщаетъ послѣднее и самымъ исполненіемъ своимъ напередъ говоритъ о несомнѣнномъ событіи предвозвѣщаемаго. Здѣсь безплодная, лишенная свойственнаго природѣ; тамъ Дѣва, огражденная неприкосновенною непорочностію. Здѣсь долговременныя узы; тамъ неподдѣльный безсмертный способъ. Здѣсь плодъ заслугъ и молитвы; тамъ новое неизъяснимое зачатіе за несравненную и преимущественнѣйшую добродѣтель. Здѣсь ангелъ возвѣщаетъ прекращеніе невыносимыхъ скорбей; тамъ архангелъ благовѣствуетъ сверхъестественное зачатіе.

А обѣщаніе нынѣ возвѣщеннаго весьма ясно предвозвѣстило о касающемся Ея. „О рожденномъ тобою, сообщаетъ Аннѣ предвѣстникъ, будутъ говорить всѣмъ“. Оно будетъ на устахъ всѣхъ и возвѣстится всѣмъ, не на землѣ только, но и на небесахъ; не людямъ только, но и небеснымъ силамъ возвѣстится то, что должно говорить о рожденномъ тобою. Замѣть, что объ этомъ предрекъ Давидъ, что онъ напередъ возвѣстилъ объ имѣющемъ послѣдовать какъ о настоящемъ,

высказавъ неотвратимость будущей истины въ прошедшемъ времени. „Преславное, говоритъ онъ, изрекли о тебѣ, градъ Божій“ (Псал. 86, 3). Изреченное славнѣе всякой славы: оно славно для силъ горнихъ, драгоцѣнно и любезно для людей, вожделѣнно для патріарховъ, священно для прародителей, напередъ описано и изслѣдовано пророками. Ради этого радуется вся тварь; этому сорадуются ангельскія воинства; этимъ величается весь міръ; этимъ восхищаются земнородные: славословя это, они торжествуютъ предпразднество величайшаго спасенія, напередъ привѣтствуютъ то торжество, которое доставило совершеннѣйшую радость. Ибо этотъ день рожденія предвозвѣстилъ возрожденіе человѣчества; онъ предозначилъ воззваніе отъ заблужденія и возобновленіе обветшавшаго; онъ предпоказалъ превращеніе безплодности нашего невѣдѣнія въ плодоприношеніе богопознанія; онъ проложилъ намъ путь ко входу къ благодати; онъ напередъ отверзъ двери спасенія; онъ положилъ основанія примиренію; онъ принятъ въ посредничество; чрезъ него мы, принадлежащіе къ одному роду, имѣемъ нынѣ дерзновеніе; чрезъ него мы получили приличнѣйшее состояніе; чрезъ явленіе чертога на свѣтъ мы причислены къ царскому браку; чрезъ произведенное нынѣ блистательнѣйшее и вмѣстѣ обширнѣйшее солнце мы приписаны къ небесной жизни; чрезъ родственное благословеніе мы наслаждаемся евангельскимъ удовольствіемъ.

Ты же, посредница настоящаго и будущаго веселія, похваленіе дерзновенія къ тебѣ и почитанія тебя, за пированіе въ торжества твои воздай небеснымъ пи-

ромъ, и за усердіе, съ которымъ совершаемъ оныя, преисполни насъ дарами своими. Укрась настоящее собраніе какъ чувственною, такъ и духовною радостію; приведи въ порядокъ собравшійся по мановенію Божію хоръ; вдохни въ него стройный напѣвъ и подай ему пѣснь празднующихъ на небесахъ. Призри на намѣреніе каждаго; испытай пламенное желаніе и благопріятно покажи оное испытующему тайны совѣсти Владыкѣ; представь расположеніе наше Тому, кто ясно видитъ сокровенное. Несомнѣнно, какъ знающій все невидимое, Онъ знаетъ и совершенно видитъ и расположеніе къ тебѣ пѣснословящихъ тебя ради Его; но величайшей благости Его угодно, чтобы пѣснословія наши приносились и исполнялись при помощи ходатайства Матери Его. Въ этомъ твое похваланіе къ Нему и наше похваленіе тобою; въ этомъ доказательство милости, стяжанной у Него чрезъ тебя родомъ человѣческимъ. На это-то опираясь надеждою, мы съ презрѣніемъ смотримъ на униженное положеніе свое и предаемъ забвенію низкій и земляный образъ жизни. Вслѣдствіе этого-то мы жаждемъ отрѣшиться отъ земнаго и поспѣшить къ небу. Поэтому-то мы несомнѣнно надѣемся на уготованныя блага; поэтому-то мы ожидаемъ вѣчныхъ благъ. Поэтому-то, совершая настоящій преславный и божественный праздникъ съ сердечнымъ расположеніемъ, возсылаемъ благодареніе Христу, предуготовившему все для собственной славы, для прославленія Матери своей и для спасительнаго украшенія покорныхъ Ему, виновнику и подателю благъ; ибо Ему принадлежитъ

честь, поклоненіе и славословіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(*)

Восхитительно знамя настоящаго праздника и потому устремляетъ притекшее на праздникъ этотъ собраніе къ безпредѣльному свѣту. Блестящее содержаніе настоящей рѣчи нашей и обѣщаетъ отличное поле для наслажденія. Ибо вотъ у насъ свѣтлое празднество Дѣвы; оно мысленно устремило духъ нашъ къ ней самой, и, придавъ слову нашему свѣжесть прекрасной весны, превратило непастье молчанія въ вѣдро краснорѣчія. Будьте же усердны; направимъ, подъ водительствомъ ея лучей, теченіе слова прямо къ ней и увѣнчаемъ ее каждый по силѣ своей. Правда, мы не въ состояніи достойно увѣнчать ее даже всѣ вмѣстѣ; но постараемся восполнить это усердіемъ и превзойти другъ друга горячностію расположенія. Какое, въ самомъ дѣлѣ, слово можетъ хотя сколько нибудь выразить ея достоинство? или, кто можетъ похвалиться, что онъ хотя мыслію только приблизился къ истинѣ, а не то, что бы на опытѣ исчерпалъ ее? Восхваленія Дѣвы выше всякой силы словъ, и потому далеко оставляютъ за собою правила всякой похвалы. Дѣйствительно, братія, пока не охватила еще меня сила любви, я сильно обвинялъ бравшихся за восхваленіе Дѣвы въ дерзости и почиталъ безумiемъ дотрогиваться того, что выше силъ и содержаніе чего выше слова. Но послѣ того, какъ

(*) Георгія, митрополита никомидійскаго, похвала на введеніе пресвятой Богородицы во храмъ и посвященіе ея Богу. Patrolog. curs. compl. tom. C. pag. 1402—1419. Paris. 1860.

сила та возобладала и стала распоряжаться мною самовластно, я самъ поддался тойже дерзости, какую допускали многіе, и вмѣстѣ съ ними умоляю объ извиненіи, какъ опытно дознавшій, что увлеченіе по сему не неизвинительно. Итакъ, прошу: если кому изъ васъ придетъ на мысль взводить на меня обвиненіе въ самонадѣянности, тотъ пусть почитаетъ предлагаемое мною слѣдствіемъ не высокомѣрной дерзости, но чрезмѣрной любви. Ибо ея необыкновенная сила понудила меня отважиться на это величайшее дѣло подъ предводительствомъ вѣры и при содѣйствіи надежды. Притомъ, похвальныя слова и не имѣютъ въ виду славы восхваляемыхъ, но — благочестіе говорящихъ и молящихся; поэтому мнѣ кажется весьма безопаснымъ, что и Богъ, по естеству ни въ чемъ не имѣющій нужды, славный самъ по себѣ и величіемъ восхваляемыхъ, дозволяетъ желающимъ избирать въ предметъ похвалъ Его самого, ничего не принимая чрезъ это къ своей славѣ, но поощряя усердіе похваляющихъ. А если это такъ; то коснемся настоящаго праздника и потрудимся надъ тѣмъ, о чемъ предположили говорить.

Но какая сила искусства изобразить предметъ настоящаго слова нашего такъ, чтобы каждая часть его имѣла приличный видъ? Какое обыкновенное изслѣдованіе представитъ соотвѣтствующее тому, равнаго чему не было отъ вѣка? Лица, занимающіяся разсужденіями въ этомъ родѣ, сопоставляя тождественные или подобные предметы или высшіе съ низшими, пріобрѣтаютъ чрезъ то силу говорить легко и бойко, почему и изслѣдованіе избраннаго предмета удобно, и вѣрное сужденіе

о томъ, что говорится, возможно для нихъ; но тому, чѣмъ побѣждены уставы естества, не могутъ служить ораторскіе пріемы. Поэтому никто пусть не покушается подчинять имъ то, что выше природы, какъ-бы нѣчто сродное ей; первое не имѣетъ ничего общаго съ послѣднимъ, напротивъ то и другое представляютъ большое различіе между собою. Вслѣдствіе этого возвышенность предмета представляется мнѣ неуловимою, а подвести изъясненіе того, о чемъ рѣшились мы говорить, подъ какія нибудь правила невозможно. Впрочемъ, хотя бы избранный нами предметъ совершенно выступалъ изъ ряда обычныхъ предметовъ, не слѣдуетъ допускать, чтобы онъ ускользнулъ отъ насъ, дабы съ потерею расположенія къ занятію имъ не потерять намъ вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣнія.

Излившійся въ насъ съ первыхъ временъ ядъ змія, сожигая внутренности, уничтожалъ родъ нашъ; между тѣмъ всегдашній Пастырь каждаго изъ людей хотя и не лишалъ ихъ пастбища, но и не показывалъ еще цѣлительнаго средства къ уничтоженію яда того, а ядъ тотъ, проникая одинаково во всѣхъ, разстроивалъ, какъ какая нибудь скрытая язва, отравленныхъ. Тогда Создатель, желая истребить его и показать какъ могущество свое, такъ и врачеваніе уязвленнаго, изобрѣтаетъ средство поднять лежащаго на уязвившаго и даровать ему побѣду. Блестящъ этотъ трофей и всенародно проповѣдуетъ о пораженіи нанесшаго вредъ. Но это пораженіе не иначе могло совершиться, какъ если врачъ облечется въ природу больнаго и въ этомъ смиренномъ образѣ возметъ на себя наносившее вредъ, чтобы это

вредоносное, по обыкновенію напавъ и на врача, неожиданно столкнулось съ нимъ и такимъ образомъ, по обезсиленіи причины болѣзни, удобнѣе было пресѣчь и самую болѣзнь. Когда же Домостроитель опредѣлилъ быть этому; то нужно было, чтобы и лекарство произзбло изъ того же корня, изъ котораго вначалѣ выродилось зло, и чтобы послѣднее изгнано было изъ міра тѣмъ же путемъ, какимъ пришло оно въ родъ человѣческій, разумѣю женское легкомысліе, неосторожно отворившее двери и подвергшее погибели себя, мужа и потомковъ. Такъ было это.

Но какъ скоро я приблизился къ дѣлу, мое слово останавливается необъятностію предмета, а умъ ужасается величію чуда, когда созерцаю, что на землѣ совершается новое и необычайное таинство и что нынѣ осуществляется спасеніе, неизреченно обѣщанное прежде всѣхъ вѣковъ. Вотъ преимущество родителей Дѣвы! Вотъ предначинаніе, неуловимое никакимъ обиліемъ словъ! Умъ, приникнувъ къ нему и ослабѣвъ, выступаетъ изъ своихъ предѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ, смотри всякій, кто бы ты ни былъ, изслѣдующій это, какое съ этого времени явлено чудо. По одному человѣколюбію Божію, мы сотворены Творцемъ изъ ничего, получили повелѣніе проводить жизнь въ раю въ добрыхъ дѣлахъ, но по неразумію отвергли заповѣдь, добровольно навлекли на себя смерть. Создатель обѣщалъ освобожденіе, и освобожденію этому надлежало совершиться; время ожидало людей способныхъ; проходили поколѣнія; раздавались постоянно пророчества; патріархи и всѣ праведные жили надеждою. Скончался Авраамъ

и внуки его; имъ въ знаменіяхъ открыто было таинство дня (Іоан. 8, 56) и они душевно жаждали сбытія будущаго. Дивный Моисей, ясно созерцая образы таинства и разсматривая знаменія истины, думалъ, что въ его время должно исполниться открытое прежде. Была надежда въ пустынѣ; было ожиданіе во времена судей; Самуилъ получалъ пророчества; Давидъ неоднократно восклицалъ, что близокъ день; сонмъ пророковъ громогласно проповѣдывалъ и возвѣщалъ, что Христосъ при дверяхъ. Всѣ скончались, не увидѣвъ того, чего ожидали. Время проходило вмѣстѣ съ достойными. Наконецъ-то оно нашло истинно достойныхъ, произшедшихъ отъ достойныхъ и для этого приготовленныхъ Создателемъ. Я говорю объ Іоакимѣ и Аннѣ, родившихъ виновницу исполненія ожидаемаго. Они положили начало осуществленію предсказаній; они произрастили корень ожиданнаго; они водрузили основаніе обѣщаннаго; изъ нихъ уготована для насъ цѣлебная мѵрохранительница; изъ нихъ прозябла виновница радости; изъ нихъ вышелъ залогъ веселія. Они по отмѣнной добродѣтели болѣе всѣхъ стали вѣдомы Творцу, какъ предузнанные и опредѣленные на служеніе божественнымъ таинствамъ. Проведши всю жизнь по заповѣдямъ, они достигли верха совершенства и одни удостоились того, что искони вожделѣнно было премногимъ. Правда, природа у нихъ такая же, какая у всего рода человѣческаго, но они достойны преимущественной похвалы; ибо тѣ, чрезъ кого совершаются великія дѣла, заслуживаютъ большую славу, нежели тѣ, для кого они совершаются, и на столько бо́льшую, на сколько необхо-

димѣе оказывается совершаемое. А въ настоящемъ случаѣ ничто не можетъ цѣниться выше по близкому приложенію къ намъ, какъ то, что, бывъ совершено чудеснымъ образомъ, посвящено на ходатайство за насъ. Устроивъ себѣ скинію изъ ихъ природы, Слово изъ нея же непостижимымъ для ума человѣческаго образомъ восприняло человѣческую природу, устрояя совершенно новыя какъ дѣятельность, такъ и мысль.

Но эти лица, совершившія множество прекрасныхъ дѣлъ, получаютъ извѣстность по поводу бездѣтства своего; ихъ сокровенное обиліе добродѣтелей дѣлается гласнымъ по случаю болѣзни ихъ безплодіемъ. Такъ какъ обычныя постановленія закона приписывали благочестіе многочадію и вѣрнымъ признакомъ благословенія почитали плодородіе естества; то по нему же заключали и о томъ, должно ли принимать умилостивительныя жертвы отъ неплодныхъ. Такъ было узаконено, думаю, не безъ основанія, но сообразно съ огрубѣлостію приносителей жертвъ; ибо по этому заключали о принятіи жертвъ люди того времени, слишкомъ преданные тѣлу, подавлявшіе духовныя блага пріумноженіемъ плотскихъ и чуждые обильныхъ дарованій Духа. Такимъ образомъ, бывшіе подъ рабствомъ закона тѣней, соблюдая этотъ обычай, за безчадіе не допустили праведныхъ (т. е. Іоакима и Анну) принести дары, почитая незаконнымъ нарушить въ этомъ случаѣ постановленіе закона, соблюдавшееся до того времени.

Найдутся, конечно, люди, которые возразятъ, говоря: „если родители пресвятой Дѣвы были избраны къ этому; то почему прежде заключены были для нихъ

дары чадородія и они большую часть жизни своей оставались бездѣтными, тогда какъ и предопредѣлено было, чтобы таинство началось осуществляться, и провозвѣщено было, что имѣющая послужить ему должна произойти отъ нихъ? Если они всецѣло исполнили положенное закономъ, если, собравъ обильный рой добродѣтелей, оказали ихъ больше того, чѣмъ тогдашніе люди измѣряли совершенство; то почему они не получили того, посредствомъ чего должны были достигнуть предназначенной имъ цѣли? какимъ образомъ они, страдая неимѣніемъ дѣтей, встрѣчали препятствіе въ томъ, что составляло сущность пророчествъ? какимъ образомъ тѣ, отъ кого имѣло воспріять общую съ нами природу Слово, не обнаруживали началъ плодородія"? Вѣрнымъ отвѣтомъ на это послужитъ для насъ, кажется, то, что распоряжающійся будущимъ и создатель всего Богъ, когда восхощетъ совершить что нибудь несказанное, то не на прибыли и обиліи природы основываетъ начала будущаго, но устрояетъ будущее обиліемъ могущества и при недостаткѣ естественныхъ средствъ. Это особенно свойственно Богу, а согласное съ чиномъ природы не можетъ быть предметомъ особеннаго удивленія. Такъ, обѣщавъ Аврааму, что размноженіе сѣмени его уподобится множеству звѣздъ и песку морскому, Онъ осуществилъ это не чрезъ естественное благополучіе, но исполнилъ обѣщаніе среди признаковъ немощи и собственною силою. Такъ Онъ произвелъ Самуила; такъ предпослалъ проповѣдника домостроительства Іоанна. Такъ если кто изслѣдуетъ множество дру-

тихъ событій, чудеснымъ образомъ совершившихся для насъ, то увидитъ, что они совершились не такъ, какъ предполагали многіе, но какъ прилично было Виновнику ихъ.

Но для меня это еще не рѣшеніе. Есть возможность сказать и другое нѣчто, не чуждое вѣроятія. Что же это такое? То, что еслибы Іоакимъ и Анна имѣли дѣтей, то ихъ благочестіе не было бы очевидно современникамъ, ихъ близость къ Богу, подтвержденная молитвою, отнюдь не устранила бы споровъ между сомнѣвающимися. Теперь же, бывъ поставлены въ состояніе безчадія, они тотчасъ обнаружили, что близки къ Богу и въ другихъ отношеніяхъ; о сокровенномъ говоритъ очевидное событіе. Итакъ, когда праведные вознесли молитву, то питали несомнѣнную надежду на исполненіе своего прошенія. Нимало не колеблясь, они рѣшили, что Вѣдущій сокровенное совершенно зналъ, что ихъ нужно лишить чадородія для благой цѣли, и потому не намѣренъ заключить ихъ природу и не обречетъ всю жизнь ихъ на безплодіе. Поэтому они убѣждали другъ друга вспомнить объ Авраамѣ и Саррѣ и объ Аннѣ, и по примѣру ихъ заботились объ осуществленіи своей моливы. „Они, говорилъ Іоакимъ, прекрасный примѣръ для насъ, если только будемъ возсылать молитву безъ всякаго сомнѣнія. Прекрасное знаменіе—неплодіе Сарры, измѣненное въ молодость; прекрасный знакъ то, что ей, согбенной отъ старости, возвращена дѣйственность членовъ цвѣтущаго возраста. Посмотримъ на Анну, жену Елканы, освободившуюся чрезъ молитву отъ страданія, одинаковаго съ нашимъ. Поучимся

у нея постоянству въ молитвѣ и пламенѣнію душевному. Узнàемъ, что и она, порицаемая за тоже, за что насъ порицаютъ, не переставала молиться. Будемъ подражать ей; поспѣшимъ по слѣдамъ ея. Она руководитъ къ испрошенію того, чего надѣемся, и тѣмъ, что сама сдѣлала, обѣщаетъ полученіе просимаго". Праведные привели это совѣщаніе въ исполненіе. Поэтому и полились слова молитвы ихъ: „Ты, господи, обѣщавшій Патріарху умножить сѣмя его паче числа песка морскаго, не чрезъ многочадіе совершилъ это, но исполнилъ обѣщаніе отъ одного плода чрева. Ты даровалъ землю въ обладаніе не отъ многихъ, но отъ одного плода того. Ты измѣнилъ неплодіе Сарры въ чадородіе. Ты укрѣпилъ ея слабые члены, чтобы они исполнили твое повелѣніе. Ты обратилъ невѣріе ея въ вѣру и перемѣнилъ сомнѣніе ея на несомнѣнную увѣренность. Не смѣемся мы, какъ она; но умоляемъ, какъ Анна. Мы не колеблемся въ молитвѣ сомнѣніемъ; но вѣримъ, что она будетъ имѣть успѣхъ. Ты дивное совершилъ надъ отцами нашими. Ты, благословивъ Іакова и переименовавъ его въ Израиля, назначеновалъ этимъ прозорливость его. Ты премудро устроилъ, чтобы племя его отправилось въ Египетъ и тамъ было задержано. Ты не допустилъ, чтобы жестокость египтянъ умалила народъ твой. Когда они оказались непокорными, ты наказалъ ихъ жесточайшими казнями, чтобы и человѣколюбіе твое обнаружилось и ожесточеніе ихъ сдѣлалось явнымъ. Ты устроилъ новый, чудесный путь по морю. Ты сообщилъ новыя силы стихіямъ. Ты текучее естество перемѣнилъ въ противоположное и провелъ на-

родъ свой по сухому дну. Ты одождилъ обильную пищу въ пустынѣ и досыта напиталъ народъ, когда онъ алкалъ. Ты твердой скалѣ повелѣлъ источить воду и напоилъ народъ, когда онъ жаждалъ. Представляя себѣ скалу ту, мы не ослабляемъ молитвенныхъ воззваній сомнѣніемъ, но чистосердечно возносимъ молитвы съ надеждою. Ты, Господи, сдѣлалъ, что скала произвела то, чего въ ней не было; не окажешь ли, человѣколюбецъ, содѣйствія тому, что положено въ насъ первоначальнымъ опредѣленіемъ твоимъ? Если Ты привелъ въ общеніе предметы, совершенно различные по природѣ; то не возвратишь ли надлежащее свойство тому, что соединено естествомъ, но ослабѣло? Если ты сотворилъ природу изъ ничего; то не исправишь ли, какъ Господь, естество неблагоустроенное? Твое, Владыко, это дѣло; Ты можешь совершить это, невозможное ни для кого другаго. По твоему могуществу чудодѣйственно совершаются самыя великія дѣла. По твоему повелѣнію теченія рѣкъ обращаются назадъ. По твоему повелѣнію солнце останавливаетъ шествіе. По твоему мановенію многоразличные роды неплодныхъ распложаются въ потомство. Распоряженію твоему все повинуется, и велѣнію твоему ничто не сопротивляется. Ты и Анну, страдавшую тою же болѣзнію неплодія, сдѣлалъ многочадною, а многодѣтную превратилъ въ бездѣтную. И намъ, Владыко, наносится поношеніе не одною рабынею жены, но о немъ говорятъ во всемъ колѣнѣ. Ты силенъ отнять его. Ты можешь обратить неплодіе естества въ плодородіе. Поэтому, чистосердечно устремивъ къ Тебѣ умъ, мы тогда только отступимъ,

когда увидимъ исполненіе прошеній своихъ. Мы увѣрены, что Ты, скоро выслушивавшій прошенія въ другихъ случаяхъ, не замедлишь и теперь".

Такова молитва праведныхъ, свидѣтельствующая объ искренности ихъ вѣры, и тѣмъ, что была услышана, доказывающая ихъ благочестіе и въ другихъ отношеніяхъ. Она есть выраженіе сокровеннаго ихъ благочестія; потому что изліяніе словъ показываетъ расположеніе тѣхъ, изъ чьихъ устъ они вышли; такъ какъ слова, выходя наружу, становятся знаками того, что скрывалось внутри не обнаруженнымъ. И хотя умъ раждаетъ слово, однако слово есть вѣстникъ душевныхъ движеній, дѣлаетъ сокровенное явнымъ, и служитъ основаніемъ дѣйствій. Такъ просьба праведныхъ переходила уже въ дѣло; имъ открыто было объ имѣвшемъ послѣдовать. О чудное пріобрѣтеніе! О молитва, проникшая небеса и возлетѣвшая къ самому престолу славы! О невыразимая словами вѣсть, прославившая величіе праведныхъ! А такъ какъ мать приняла вѣсть о будущемъ, какъ о настоящемъ; то и даетъ обѣтъ посвятить Богу имѣющее родиться дитя и поселить его въ храмѣ. Что это, Анна? сказалъ бы я ей. Зачѣмъ забѣгаешь впередъ того, что имѣетъ еще быть? Къ чему быстротою духа предупреждаешь то, о чемъ только еще возвѣщается? Почему обѣщаешь принести Богу то, чего еще нѣтъ, какъ будто имѣешь уже то въ рукахъ? Слѣдовало бы дождаться, когда родишь, и тогда уже принести Даровавшему имѣвшій произойти отъ тебя даръ; надлежало бы выждать, когда неизвѣстное близко будетъ къ осуществленію, дабы раннимъ обѣ-

томъ не поставить себя въ опасность нарушить обѣщанное. О вѣра праведныхъ! О признакъ великой духомъ матери! Она приняла будущее безъ всякаго сомнѣнія; приняла возвѣщенное ей безъ всякаго недоумѣнія. Она нисколько не подумала о неплодной доселѣ природѣ своей, не заговорила о трудности необыкновеннаго дѣла, не смутилась въ душѣ мыслію о невозможности его. Не усомнилась она, размышляя про себя, какъ случалось съ другими: „не превратится ли откровеніе въ обольщеніе? не продлится ли неплодіе вмѣстѣ съ обѣщаніемъ? не для того ли явился пришедшій съ доброю вѣстію, чтобы ободрить душу? Вѣдь возрастъ уже отцвѣлъ; вѣдь цвѣтущія силы увяли уже отъ времени; вѣдь крѣпость членовъ близка уже къ распаденію. Протекла уже большая часть жизни. Время, доставляющее возможность утѣшаться дѣтьми, проходитъ. Радость отъ чадородія вожделѣнна на первыхъ годахъ, въ надеждѣ на утѣшеніе въ старости. Зачѣмъ же я прибѣгаю къ молитвѣ и обѣту“? Ничему таковому Анна не дозволила вкрасться въ свою душу. Но въ то самое время, какъ возносила молитву и отъ явившагося ей узнала объ успѣхѣ ея и какъ-бы уже имѣла въ рукахъ ожидаемое, она съ большею готовностію спѣшитъ принести его въ храмъ. Какое слово можетъ восхвалить пламенную вѣру, чрезъ которую достигла Анна просимаго, чрезъ которую не уязвила она ума тревогами сомнѣнія? Поистинѣ это было дѣломъ неизмѣнной вѣры, силою которой всѣ пророки вѣрили въ будущее, какъ въ настоящее, точно опредѣляя которую божественный Павелъ говоритъ: „вѣра есть осуществленіе

ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“ (Евр. 11, 1). Ибо ожидаемое относится къ тому, чего нѣтъ еще, что не существуетъ пока, не представляется необходимо долженствующимъ явиться со временемъ, по неочевидности своего исполненія подлежитъ сомнѣнію и относится болѣе къ области неизвѣстнаго. Поэтому и показываетъ апостолъ, что непзмѣнная вѣра, какъ представляющая ожидаемое существующимъ и дѣйственно вселяющаяся въ надѣющихся, имѣетъ значеніе осуществленія, а называетъ онъ ее увѣренностію въ невидимомъ потому, что она представляетъ ожидаемое сначала вѣрою. но современемъ осуществившееся на дѣлѣ, дѣйствительно исполнившимся и существующимъ въ настоящемъ. Такъ и Анна представила настоящее, превышающее умъ, таинство Слова, сначала возвѣщенное, но ожиданное вѣрою, а спустя довольно времени сдѣлавшееся явнымъ, осуществившимся и существующимъ на самомъ дѣлѣ.

Положившись на вѣру, праведные не обманулись на счетъ того, чего просили и ожидали. И раждаютъ они непорочную, споспѣшницу нашего возрожденія, причину нашего возсозданія, чрезъ которую помраченный образъ Божій воспріялъ прежнее благолѣпіе, чрезъ которую мы, сбросивъ одежды грѣха, облеклись въ одежду свѣта. Вотъ провозглашенное пророками; вотъ исполненіе божественныхъ предсказаній; вотъ главизна нашего спасенія! О славный плодъ у родившихъ! О дитя, доставившее родителямъ блага, превышающія умъ! Всѣ между нами, сдѣлавшись родителями такихъ дѣтей, которыя или украшены мірскими отличіями, или

сіяютъ свѣтомъ добродѣтелей, или проявляютъ что нибудь, свидѣтельствующее о благородствѣ и величіи ихъ мужества, пріобрѣтаютъ обыкновенно чрезъ нихъ не малую честь себѣ, участвуя въ ихъ славѣ по естественной близости къ нимъ. Но въ отношеніи къ тѣмъ, о комъ идетъ рѣчь, какой можно вообразить избытокъ славы, котораго не удостоились бы они преимущественно? Но зачѣмъ утомлять слушателей продолжительною бесѣдою? Какъ рожденная, принявъ въ себя Создателя, удостоилась самой высшей славы: такъ и родившіе ее достигли славы, несравно большей, нежели всѣ родители.

Анна, родивъ Богоотроковицу, созываетъ подругъ, говоря: „Придите, сорадуйтесь моему рожденію; придите, возвеселитесь со мною о моемъ разрѣшеніи; придите, посмотрите на дитя, сверхъ ожиданія питаемое мною. Придите, воззрите на лозу, произрастшую изъ неплодныхъ чреслъ, и узнайте, что бывшая бездѣтною родила; придите, познайте плодъ попошеній своихъ и прославьте дѣло молитвы. Усердно стекайтесь и предшествуйте ей во время шествія въ храмъ. Украсьте сѣни; освѣтите входы; придайте шествію радостную торжественность свѣтильниками. Начинайте съ веселіемъ. Пойте брачныя пѣсни и приведите дитя въ храмъ, какъ непорочную невѣсту. Исполните со мною обѣщаніе мое Владыкѣ. Съ радостію совершите со мною благодарность, за то, что Господь отнялъ поношеніе отъ дома моего, что не тщетною оказалась надежда моя. Вотъ уже молитвы исполнены. Вотъ и обѣты получили конецъ. Вотъ я посвящаю рожденную въ домѣ Божі-

емъ, какъ обѣщалась. Придите, войдите вмѣстѣ съ нею и съобща предложимъ ее Владыкѣ, какъ даръ пріятный". Съ такимъ напряженнымъ усердіемъ спѣшила мать исполнить обѣтъ. Но время младенчества, не допускающее лишенія родителей тотчасъ, а заставляющее ждать удобнѣйшаго возраста, заставляло помедлить. Вслѣдствіе этого Іоакимъ и Анна приносятъ ее въ храмъ, когда ей исполнилось три года, — приносятъ даръ, истинно драгоцѣнный, достопокланяемый и для ангеловъ,—самое лучшее и самое настоящее хранилище, въ которомъ сложены сокровища благодати, въ которомъ неизреченнымъ образомъ лежало богатство домостроительства, въ которомъ сокрыты залоги спасенія,— свѣтопріемное вмѣстилище, изъ котораго возсіяли лучи спасенія для всей вселенной. Ибо справедливо было, чтобы въ ней, непорочной, почтено было тройственное число; потому что чрезъ нее явилась находящимся въ мірѣ сила Троицы: въ ней состоялось дѣло благоволенія Отца; въ ней Слово, вселившись, воспріяло составъ нашъ; въ ней Духъ, поживъ, показалъ нераздѣльную Троицу; чрезъ нее міръ, раздѣлившійся на трое (1), сдѣлался способнымъ къ единому Богопоклоненію; чрезъ нее раздѣлившій такъ міръ погибъ съ шумомъ.

Нынѣ приводится въ храмъ—храмъ одушевленный, превысшій небесъ и обширнѣйшій всего сотвореннаго. Нынѣ помѣщается въ храмѣ та, которая чрезъ Рожденнаго отъ нея возвратила изгнанный родъ человѣче-

---

(1) Намекъ на слова апостола: *колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10); ибо до паденія діавола было только небесное и земное, созданныя Богомъ.

скій въ прежнее жилище. Нынѣ духовная скинія благовѣствуетъ подзаконной скиніи о благодати и повелѣваетъ буквѣ, чтобы уступила мѣсто духу. Нынѣ приносится въ храмъ, какъ пріятная жертва, непорочная агница, отъ которой родился Агнецъ Божій, отъявшій грѣхъ міра (Іоан. 1, 29). Нынѣ чистая голубица, порхая во внутренности храма, спаслась отъ ловца злобы, ставъ выше его козней. Нынѣ вмѣстилище Духа, помѣщенное въ храмѣ, приготовляется къ принятію Слова. И неприлично было, чтобы чистѣйшая скинія находилась среди нечистотъ міра; но нужно было, чтобы она, бывъ перенесена въ святое мѣсто, здѣсь вкусила начала радости, здѣсь получила залогъ благословенія, здѣсь питалась пищею, доставляемою ангеломъ. Нужно было, чтобы чистѣйшая сокровищница сохранилась свободною отъ человѣческихъ обычаевъ; нужно было, чтобы свѣтозарная святыня осталась непричастною грѣху. Нужно было, чтобы священныя уши, въ которыхъ имѣлъ раздаться радостный гласъ архангела съ цѣлію отогнать горькую печаль отъ ушей Евы, недоступны были обольстительнымъ рѣчамъ. Такъ священнѣйшая и прекраснѣйшая жертва посвящена въ храмъ. Такъ чистѣйшая агница приводится во всесожженіе, пріятнѣйшее Творцу всякой другой жертвы не по изліянію крови, но по отмѣнной чистотѣ. Постараемся и мы войти съ нею, неся съ собою дѣла, достойныя ея входа, и пойдемъ съ нею внутрь, облекшись вмѣсто покрова въ одежду различныхъ добродѣтелей, чтобы, не встрѣчая при входѣ своемъ никакихъ препятствій, таинственно насладиться неизреченною славою ея, о Христѣ Іисусѣ,

Господѣ нашемъ, съ которымъ слава, держава, честь и поклоненіе Отцу и Святому Духу во вѣки вѣковъ. Аминь.

VIII.

Никиты пафлагонскаго (IX в.) (1).

Кто не знаетъ Іоакима и Анны, родителей Богородицы, досточтимую и боголюбезную чету? Кто такъ несвѣдущъ въ божественныхъ писаніяхъ, что не знаетъ, что эти треблаженные въ продолженіи жизни своей достигли самой вершины всякаго благочестія и праведности? Такое величіе ихъ очевидно не изъ одного плода, который произрастили они сколько молитвою, столько же и природою, но и изъ исторіи о нихъ, гдѣ начертаны ихъ непорочные нравы и богоугодная и святая жизнь, гдѣ показано, что они, ведя родъ свой отъ Давида и Іуды, честностію жизни, добротою нравовъ и храненіемъ заповѣдей Божіихъ превзошли всего Израиля.

Повѣствуютъ, что они, богато будучи богаты добродѣтелію, изобиловали и земными благами. Много у нихъ было и стадъ, и табуновъ, и всякаго прочаго имѣнія. Одного только не доставало имъ для полнаго, какъ полагали они, счастія. Они достигли уже старости, не имѣя у себя дѣтей. Вслѣдствіе этого все у нихъ проникнуто было печалію и унынiемъ; ибо у Анны, какъ у древней Сарры, прекратилось уже обычное у

(1) Изъ слова его на рождество пресвятой Богородицы. Patrolog. curs. compl. tom. CV. p. 20—28. Paris. 1862.

женщинъ, и Іоакимъ не имѣлъ себѣ преемника: не видно было даже искорки рода ихъ. Къ этому присоединилось медленно спѣдающее поношеніе отъ сосѣдей, такъ что и выразить нельзя, сколь великая печаль удручала души ихъ. Іоакимъ приносилъ Господу сугубые дары, думая, быть можетъ, умилостивить этимъ Бога и избавиться отъ поношенія за безчадіе; однако и этимъ онъ нисколько не уменьшилъ прежнихъ укоризнъ себѣ по поводу безплодія. Наконецъ праведный, смиривъ и уничиживъ себя до конца, оставляетъ въ сторонѣ чувственныя жертвы и то, чѣмъ несовершенные тщетно думаютъ привлечь къ себѣ благодать, и, возложивъ упованіе свое на то, что не слишкомъ нравится, призналъ нужнымъ принести въ жертву Богу духъ сокрушенный и сердце сокрушенное и смиренное, съ полною увѣренностію, что чрезъ воздержаніе и молитву получитъ то, чего такъ сильно желаетъ.

Дѣйствительно, кто имѣлъ родить пресвятое жилище всесвятаго Духа, тому нужно было первоначально самому, исполнившись божественной дѣйственности Духа, воспламениться къ зачатію священнымъ и духовнымъ желаніемъ. Какъ же онъ дѣлаетъ это? Онъ сообщаетъ тайную мысль свою женѣ своей, ибо у обоихъ ихъ общи были и безплодіе и заботливость о чадородіи, и внушаетъ ей не заботиться ни о чемъ прочемъ, но прилежать посту, исповѣданію и молитвѣ, доколѣ, говоритъ, устранитъ отъ насъ Богъ безчадіе. Себѣ блаженный мужъ избираетъ въ примѣръ Авраама, а женѣ велитъ взирать на соименную ей Анну и непрестанно взывать къ Всевышнему подобно ей. Вскорѣ

онъ уходитъ на гору и въ пустыню, и здѣсь, очистивъ душу въ теченіи многихъ дней отъ житейскихъ развлеченій и заботъ, молча имѣя дѣло съ самимъ собою и съ Богомъ, восклицаетъ: „Господь Саваоѳъ. Господь Богъ Израилевъ, дѣлающій великія и неизслѣдимыя, славныя и отличныя дѣла, которымъ, по Писанію, нѣтъ числа (Іов. 9, 10)! Ты повелѣлъ каменьямъ, и потекли рѣки водъ, въ утоленіе жажды страдавшему ею народу въ пустынѣ. Ты повелѣлъ жезлу, и онъ разцвѣлъ и принесъ зрѣлые миндали, знакъ священства и удостовѣреніе относительно Аарона. Господи Боже мой, Боже Авраама и Исаака и Іакова! Ты въ прежнее время сдѣлалъ Сарру способную родить вопреки возрасту ея, и не только ей, но и послѣ нея Ревеккѣ и Рахили, неплоднымъ, даровалъ, по изволенію своему, плодъ. Призри, Господи, вонми, Господи, съ святой высоты своей и уразумѣй скорбь нашу, и повели, пославшій спасеніе Іакову (Псал. 43, 5), чтобы естество принесло плодъ. Благоволи, Боже, силою своею, чтобы и мнѣ возставилось сѣмя въ Израилѣ: плодъ мой будетъ посвященъ Тебѣ и дому Твоему во вѣки“. Такъ поступалъ Іоакимъ!

Такимъ образомъ и Анна—образецъ благочестія, храмъ цѣломудрія, жилище всякой добродѣтели, колесница всякой святости, Анна благодать не по имени только, но гораздо болѣе на дѣлѣ, и сокровищница всякой благодати Божіей, какъ произведшая источникъ благодатей, остановившая въ себѣ потоки зла, а по всей земли разлившая рѣки благоухапія, Анна—красота, украшеніе и сладость всего женскаго пола, и она,

говорю, прилежа дома посту, измождая плоть, устремляя мысль въ постоянныхъ молитвахъ на небеса и весь умъ свой содержа предъ Богомъ, умоляла безконечную благость такими словами: „Вручая всю себя Тебѣ, Господи, благоутробный, долготерпѣливый и милостивый, праведный и истинный, къ Тебѣ одному возвожу око души своей. Къ Твоему только изволенію устремляю помышленіе свое. Какъ глаза рабовъ устремлены на руки господъ ихъ и какъ глаза рабыни—на руки госпожи ея: такъ мои очи къ Тебѣ, Господи, Боже мой, доколѣ помилуешь меня (Псал. 122, 2) и отнимешь отъ меня поношеніе и уничтожишь неплодіе. Всякая тварь, Господи, созданная Тобою, приноситъ у Тебя плодъ, всякое животное раждаетъ подобное себѣ, всякое естество растеній даетъ плодъ свой. Только я одна, какъ безплодное дерево въ очахъ Твоихъ, хранюсь для огня. Но я не предамся отчаянію и не забуду о безмѣрномъ человѣколюбіи. Я знаю, что Ты милостиво внялъ другимъ, прежде меня страдавшимъ неплодіемъ и усильно молившимся Тебѣ, и тотчасъ сдѣлалъ ихъ плодоносными. Я знаю, что и другая Анна избавилась поношенія безчадія потому только, что взывала къ тебѣ. И нынѣ, Господи, Боже мой, Ты тотъ же и лѣта Твои не источатся, и милости Твои не уменьшатся и всеблагіе дары твои достойно просящимъ тотчасъ дадутся. Самъ отними и мое безчадіе, мое безплодіе, чтобы прославиться и во мнѣ; ибо дитя, которое я рожу, не мнѣ будетъ, но я отдамъ его въ даръ имени Твоему и святому дому Твоему“.

Вотъ въ чемъ упражнялись праведные! Что же всемилосердый Господь, дѣлающій все и преобразую-

щій на лучшее, дѣлающій несравненно больше того, чего просятъ или о чемъ помышляютъ святые Его (Ефес. 3, 20)? Презрѣлъ молитву праведныхъ? или хотя внялъ воплю ихъ, но сообщеніе дара отложилъ до времени? или хотя немедленно сообщилъ имъ даръ, но такой, какого они просили? Отнюдь нѣтъ. Онъ немедленно возвѣстилъ чрезъ святаго ангела, что праведные зачнутъ и родятъ Богоотроковицу, и вмѣстѣ съ тѣмъ предрекъ, что она именита будетъ во всѣхъ концахъ земли. О крѣпость вѣры! О великій даръ Вышняго! Праведные, не надѣясь на естество, просятъ сверхъестественнаго, а Вышній даетъ благодать, исправляющую несовершенство ихъ. Они просто просятъ дать имъ дитя и отнять отъ нихъ поношеніе безчадія, а Онъ даетъ имъ Матерь свою, которая не скорбь только родителей уврачуетъ, но весь родъ человѣческій исполнитъ духовной и истинной радости.

Сія-то, болѣе по глаголу обѣщанія Божія, нежели по закону природы зачатая и носимая въ неплодномъ чревѣ, и выходитъ нынѣ, какъ полная луна, изъ материнаго брачнаго чертога. Нынѣ ясно можно видѣть, что, по глаголу пророческому, отъ земли возникаетъ истина и съ неба приникаетъ правда (Псал. 84, 12). Ибо Господь, свыше показывая достойно просящимъ правду свою, даровалъ благость, изрекши пророчественное слово божественнаго обѣщанія, а Анна, принявъ слово это вѣрою, изводитъ пророчественно обѣщанную на свѣтъ изъ утробы своей, какъ-бы изъ земли, и предлагаетъ ее, одушевленный и живой плодъ, всѣмъ людямъ. Нынѣ по естеству раждается Матерь Бога по

плоти, а по духу освященія дочь Его, и въ дочери человѣка узнается дочь великаго Царя: нынѣ та, которая имѣетъ стать на небесахъ одесную Всецаря, какъ царица, раждается на землѣ, воспринимается бабкою, омывается въ водѣ, пеленается и пользуется попеченіемъ, подобающимъ новорожденнымъ; нынѣ старческими руками объемлется та, которая имѣетъ обнимать дѣвственными объятіями Содержащаго небо и Бога; нынѣ питается старческою материнскою грудью та, которая впослѣдствіи преестественно питала млекомъ Того, кто даетъ пищу всякому животному.

Анна радуется, весьма утѣшается, беретъ рожденную въ объятія и величается новымъ дитятемъ. Она созываетъ отроковицъ, приглашаетъ старицъ, всѣмъ соплеменницамъ велитъ радоваться и веселиться съ нею, во всѣхъ, смотрящихъ на нее, возбуждаетъ удовольствіе и удивленіе и воздаетъ благодаренія Благодѣтелю, говоря: „Кто я, Господи мой, Господи, что Ты услышалъ такъ молитву мою, отпялъ поношеніе мое, которымъ меня подозрѣвали, даровалъ большее, нежели что я просила? Я просила просто дитя, а ты сверхъ этого даровалъ мнѣ и надежду спасенія Израиля. Ибо я какъ-бы въ знаменіяхъ вижу то, что имѣетъ быть; какъ-бы въ загадкахъ вижу въ дарахъ, созерцаемыхъ мною въ дочери, постепенно распространяющуюся спасительную благодать Твою и увѣряющую меня въ томъ, что чрезъ нее явнымъ станетъ Тотъ, о комъ древле предвозвѣстили пророки. Кто же я, что сдѣлалась корнемъ столь великаго дара, матерію такой благодати, производительницею источника толикихъ благъ? Но я не присвою

Твоего себѣ. Я, Владыко, не скрою дара Твоего у себя, но, какъ только вскормлю его, принесу его въ святилище Твое и посвящу его въ даръ святому святыхъ". Такъ поступала Анна!

Въ свою очередь и Іоакимъ, радуясь съ друзьями, торжествуя съ сопленениками, одѣляя старѣйшинъ щедрыми дарами и воздавая священникамъ должное въ большомъ обилiи и съ избыткомъ, весело воздавалъ благодареніе Спасителю, говоря: „Господи Боже мой! Воспою тебя, прославлю имя Твое, ибо Ты совершилъ чудныя дѣла, совѣтъ древній, истинный (Иса. 25, 1), сподобилъ показать на насъ, что святый пророкъ Твой Исаія истиненъ, и далъ возможность видѣть, что неплодная, не раждающая радуется и что не мучившаяся родами ликуетъ и веселится о чадѣ (Иса. 54, 1). Какъ же пѣть, какъ хвалить, какъ велелѣпно благодарить за настоящее? Нѣтъ у насъ ни слова, ни мысли, чтобы восхвалить величіе благодѣянія и совершенство дара Владычняго. Ибо намъ даровано дитя не отъ естества только, не по законамъ только естества родился прекрасный младенецъ нашъ, но болѣе по силѣ глагола Божія. Поэтому онъ есть даръ совершенный и достолюбезный; онъ сошелъ къ намъ свыше отъ Тебя, отца свѣтовъ, и непримѣтно показалъ славу, имѣющую впослѣдствiи открыться въ немъ; ибо измѣненіе естества человѣческаго на лучшее, будучи подлинно дѣломъ всемогущей руки, предвѣщаетъ нѣчто весьма великое и доброе тамъ, гдѣ оно бываетъ".

Родители блаженнѣйшей Богоотроковицы, принявъ ее съ такою вѣрою и съ такимъ тщаніемъ, воспиты-

вали ее съ величайшимъ и пламеннѣйшимъ усердіемъ, до тѣхъ поръ, пока она достигла трехъ лѣтъ, и они, согласно обѣщанію своему, принесли ее въ жертву и въ даръ Богу.

IX.

Блаженнаго Космы веститора (X в.) (1).

Благослови, отче (2)!

Вчерашнее торжество рождества Богородицы прославляло намъ благозвучными пѣснями праздникъ всемірной радости, а сегодняшній день приноситъ благодареніе родителямъ Богородицы, произведшимъ на свѣтъ начатокъ спасенія всѣхъ. Поэтому торжество дочери есть торжество родителей. Ибо какъ славою матери прославляется вмѣстѣ и дитя, такъ и похвалою дитяти восхваляется вмѣстѣ и мать. Итакъ, вчерашній день былъ чуденъ въ очахъ нашихъ (Псал. 117. 23), а сегодняшній есть радостная память праведныхъ съ похвалами (Притч. 10, 7).

Въ древнія времена былъ праведный мужъ изъ колѣна Іудина; имя ему Іоакимъ. Это былъ мужъ, славный святостію и справедливостію; мужъ, замѣчательный благородствомъ и богатствомъ; мужъ, искренно благочестивый въ принесеніи жертвъ; мужъ, во всемъ благо-

---

(1) Т. е. ризничаго, подъ смотрѣніемъ котораго находились патріаршія облаченія. Слово о святыхъ Іоакимѣ и Аннѣ, славныхъ родителяхъ Богородицы Маріи. Patrolog. curs. compl. t. CVI. p. 1005—1012. Paris. 1863.

(2) Значитъ, настоящее сказаніе читывалось на востокѣ въ церкви или въ монастырѣ.

угодный Богу; мужъ желаній, происходящихъ отъ Святаго Духа. Онъ былъ бездѣтенъ и сильно желалъ имѣть дитя; но родилъ невѣсту Святаго Духа. Онъ былъ счастливѣйшій человѣкъ; ибо Богъ услышалъ молитвы его такъ, что даровалъ ему Ту, которая болѣе всѣхъ селеній Іакова (Псал. 86, 2), а лучше сказать дочь, по справедливости высшую всѣхъ небесныхъ и земныхъ созданій.

У него была благочестивая жена; имя ея Анна. И она была изъ царственнаго колѣна Іудина: ибо вела родъ свой отъ Давида. Это была женщина, воздерживающаяся отъ всякаго зла; женщина, вѣрно слѣдовавшая мужу своему во всемъ, относящемся къ богоугожденію; женщина, постоянно участвовавшая въ молитвахъ, поученіяхъ и щедрыхъ приношеніямъ своего мужа въ храмѣ Божіемъ; женщина, старавшаяся всегда быть подобною мужу своему по кротости душевной и по воздержанію тѣлесному. Какъ твореніе Божіе изъ ребра мужа, она сохранила кость мужа неповрежденною, т. е. сохранила любовь къ нему, изъ любви къ Богу, непарушимою.

Анна жила не на пагубу мужа, какъ Ева, но явила себя помощницею ему какъ въ совершеніи добрыхъ дѣлъ, такъ и въ молитвахъ, ежедневно изливаемыхъ къ Богу. Оба эти супруга съ одинаковымъ усердіемъ предавались молитвѣ о даровапіи имъ дитяти, желали и ожидали его съ такою же надеждою, съ какою земледѣлецъ съ женою своею, обработавъ поле и посѣявъ на немъ сѣмена, желаетъ и ожидаетъ получить чрезъ молитву обильный плодъ. Анна жила съ мужемъ сво-

имъ не какъ Ева съ Адамомъ, но какъ товарищъ его въ дѣлахъ богоугодныхъ, какъ сотрудница его въ благодѣяніяхъ духовныхъ, и, какъ совершенно добрая часть мужа, принесла ему превосходный плодъ брачнаго сожитія. Именно: Ева чрезъ плодъ отъ древа причинила міру печаль, а жена Іоакима Анна чрезъ плодъ отъ чрева доставила Создателю радость.

Всѣмъ извѣстно, что Богоотроковица Марія получила благовѣстіе въ Галилеѣ языческой, въ домѣ плотника Іосифа, даннаго Дѣвѣ, во избѣжаніе козней діавола, въ сожителя. Извѣстно также, что Она родила Христа въ Виелеемѣ; ибо городъ этотъ, какъ отечество ея матери, былъ, какъ показано будетъ ниже, и ея отечествомъ. Отечественный домъ ея былъ въ Іерусалимѣ близъ овчей купели, называемой въ просторѣчіи прудомъ, въ которомъ Христосъ и Богъ нашъ изцѣлилъ больнаго, лежавшаго въ разслабленіи тридцать восемь лѣтъ, повелѣвъ ему встать. Изъ этого дома имѣлъ выдти, въ иносказательномъ смыслѣ, пастырь словесныхъ овецъ. Знаемъ также, что вода овчей купели прообразовала благодать крещенія; ибо болѣзнь долговременнаго заблужденія, разслабившая души людей, какъ и болѣзнь членовъ, уврачевана чрезъ очищеніе отъ Духа посредствомъ воды. Такъ и въ образѣ Виелеема созерцаемъ Того, кто есть духовный хлѣбъ жизни. Здѣсь Христосъ явился Аврааму въ видѣ ангела,—тотъ Христосъ, который въ образѣ ангела же боролся съ Іаковомъ. Ибо Онъ есть грядущій проповѣдать евангеліе дальнимъ и ближнимъ, Онъ есть евангеліе объ оправданіи, Онъ есть обнародованіе закона Бога и От-

ца чрезъ ангеловъ. Онъ есть ангелъ великаго совѣта (Иса. 9, 6), которому сказалъ Отецъ, совѣщаясь: „создадимъ человѣка по образу и по подобію нашему“ (Быт. 1, 26). Онъ есть и хлѣбъ истинной жизни, предвозвѣщенный въ названіи „Виолеемъ“; ибо Виолеемъ значитъ домъ „хлѣба“; въ нѣдрѣ Авраама приготовленъ, т. е. таинственно заквашенъ, испеченный въ пеплѣ хлѣбъ, т. е. плоть Спасителя, рожденная отъ Дѣвы и Богородицы Маріи.

Поэтому прилично сказать: благословилъ Господь домъ царя Давида ради правнука его и матери жизни Маріи. Благословилъ Онъ домъ праведныхъ Іоакима и Анны ради освященной дочери ихъ. Благословилъ Онъ домъ Іосифа ради совершенно непорочной приснодѣвы матери Христа и Богородицы Маріи, отданной ему на правахъ обрученной.

Треблаженны поэтому родители Богоматери, которымъ обязанъ весь міръ: и пророки, потому что чрезъ нихъ оправдалась неложность предреченій о вочеловѣченіи Христа, и апостолы, потому что чрезъ дочь ихъ (Іоакима и Анны) они сдѣлались въ новомъ поколѣніи сынами свѣта, и святые мученики, потому что они получили вѣнцы, и преподобные и праведные, потому что они — наслѣдники будущихъ благъ, и грѣшники, потому что они снискиваютъ милосердіе предстательствомъ Богородицы.

Воззовемъ къ нимъ съ благодареніемъ и мы: „Радуйся, Іоакимъ, всечестный отецъ надежды нашей послѣ Бога; да будетъ благодареніе чресламъ твоимъ! Радуйся, Анна, всечестная мать матери жизни нашей;

да будетъ слава ложеснамъ твоимъ! Радуйся, отецъ, добрый сѣятель и воздѣлыватель обильнаго плода! Радуйся, великоплодная мать, корень нашего спасенія! Радуйся, отецъ, израстившій изъ виноградника своего плодоносную кисть! Радуйся, мать, плодороднѣйшая пашня доброй земли! Радуйся, отецъ, насадитель одушевленнаго рая! Радуйся, мать, древо непорочной вѣтви! Радуйся, отецъ, раковина чистой жемчужины! Радуйся, мать, скала чистаго смарагда! Радуйся, отецъ, жѝла источающаго жизнь потока! Радуйся, мать, утоляющій жажду чадородія водоносъ"!

Уста наши наполняются похвалами отмѣнной святости вашей. Но мы въ состояніи будемъ восхвалить вашъ, скрѣпленный Богомъ, союзъ тогда только, если будемъ ублажать васъ словами Христа, внука вашего по плоти, и скажемъ: „радуйтесь и веселитесь; ибо награда" за плодъ чрева вашего „на небесахъ" (Мато. 5, 12). Ибо вы, будучи праведны, были порицаемы за свое безчадіе и выслушивали упреки отъ неправедныхъ. Но чрезъ нѣсколько времени вы возрадовались по случаю рожденія младенца, и для похваленія васъ достаточно того, что вы родили Матерь Божію.

Несомнѣнно, что праведнымъ родителямъ Богородицы, какъ достойнымъ, предопредѣлено было войти въ родство по плоти со Христомъ, и, какъ произшедшимъ отъ знатнаго рода, разумѣю царскаго и священническаго, пользоваться почтеніемъ. Ибо Богородица вела свой родъ отъ обоихъ этихъ колѣнъ, издавна различнымъ образомъ перемѣшавшихся.

Замѣтимъ наконецъ о родителяхъ Богородицы слѣдующее. Захарія, отецъ Іоанна крестителя, имѣлъ брата, священника же, по имени Аггея, скончавшагося прежде его. Съ дочерію этого Аггея сочетался бракомъ Іосифъ плотникъ и родилъ отъ нея четырехъ сыновей и двухъ дочерей; въ числѣ ихъ былъ Іаковъ, называемый братомъ Христовымъ, бывшій первымъ епископомъ іерусалимскимъ. Имя жены Іосифа было Саломія, не повивальная бабка, но другая. По смерти ея Іосифъ взялъ къ себѣ, на правахъ обрученной, Марію Богородицу, которая по материней линіи вела свой родъ отъ священника Матоана, а этотъ происходилъ отъ Соломона, сына Давидова, какъ говоритъ евангелистъ Лука въ родословіи Іисуса Христа. Ибо этотъ Матѳанъ имѣлъ отъ жены своей Маріи трехъ дочерей, по имени Марію, Совію и Анну. Марія родила Саломію, повивальную бабку, Совія родила Елисавету, мать Іоанна крестителя, а Анна родила Богородицу Марію въ Виѳлеемѣ, названную Маріею по имени тетки своей по матери и бабки, такъ что Елисавета была племянницею Анны и двоюродною сестрою Богородицы. То и другое подтверждаетъ Евангеліе, гдѣ говорится, для обозначенія родословія Христа по плоти со стороны отца: „Іисусъ, начиная свое служеніе, былъ лѣтъ тридцати, и былъ, какъ думали, сынъ Іосифовъ, Иліевъ, Матѳановъ“ (Лук. 3, 23), а со стороны матери: „вотъ и Елисавета, родственница твоя“ (Лук. 1, 36). Да будетъ за нихъ слава снисхожденію Божію нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

X.

Премудраго Іакова, монаха (XI в.)

(1)

Нынѣ земля, освѣщаемая блескомъ неба, сіяетъ паче солнца, свѣтитъ духовною ясностію лучше неба и украшается небомъ, превосходнѣйшимъ надземнаго неба. Она принимаетъ на себя Небо рожденное, превосходнѣйшее, пресвѣтлое, пространнѣйшее, представляющее міру не солнце заходящее, но Солнце правды незаходящее, и непещренное не звѣздами видимыми, но пламенемъ духовныхъ свѣтильниковъ. Вотъ что торжествуемъ мы нынѣ; вотъ что предложило намъ блистательнѣйшій пиръ; вотъ что собрало насъ на нынѣшнее ликованіе; вотъ что, побуждая къ слову, приглашаетъ всѣхъ къ наслажденію благами его и веселитъ народъ блескомъ красотъ. Такое приращеніе великолѣпія своего нынѣшній праздникъ получаетъ не отъ того, будто мы сообщаемъ ему что нибудь; напротивъ, обильно изливая и распространяя свѣтъ свой на собравшихся, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ самъ распространяется въ блескѣ своего сіянія. Видимое нами солнце, когда и сокрыто бываетъ отъ взоровъ, само въ себѣ имѣетъ, чѣмъ блистательно освѣщать; но когда оно восходитъ и поднимается изъ-за вершинъ высокихъ горъ, то разливаетъ лучи свои по прелестнымъ созданіямъ такъ, что, вслѣдствіе озаренія ихъ блескомъ со всѣхъ сторонъ, вели-

(1) Слово на зачатіе пресвятыя Богородицы и о исторіи двѣнадцати колѣнъ израильскихъ, избранное изъ божественныхъ Писаній. Patrolog. curs. compl. t. CXXVII. pag. 543—567. Paris. 1864.

чіе чуднаго зрѣлища возрастаетъ. Такъ точно и нынѣшній праздникъ. Безмѣрно сіяя духовнымъ свѣтомъ прелести, онъ въ самомъ себѣ имѣетъ блескъ, всегда свѣтящій: но этотъ самый блескъ онъ, соразмѣрно стеченію собравшихся и освѣщаемыхъ, чуднымъ образомъ увеличиваетъ. Итакъ, поелику праздникъ этотъ самъ испускаетъ таинственные лучи Духа, а собирающіеся на него всѣ освѣщаются, ничего не остается лучшаго, какъ желать, чтобы каждый поспѣшалъ на него съ охотою, освѣщался, просвѣщался умомъ и исполнялся тѣмъ свѣтомъ, который не затемняется скорогибнущими облаками. Таковъ именно блескъ, разливающійся въ настоящемъ праздникѣ, и такова именно причина, почему онъ сообщаетъ собирающимся непрестанный и яркій свѣтъ.

Нынѣ, когда проповѣдуется распростертіе духовнаго облака, предварительно показываются въ міръ лучи свѣта незаходящаго, а господствовавшія тмы невѣрія начинаютъ уменьшаться и разсѣеваться. Нынѣ, когда возвѣщается устроеніе божественной скиніи, полагаются основанія благочестія, а укрѣпленія нечестія потрясаются совершенно. Нынѣ, когда соплетается царская багряница, предвозвѣщается пришествіе Царя всего.

Нынѣ представленъ залогъ, избрана невѣста неневѣстная, образованъ и приготовленъ чертогъ царскій. Настоящее торжество есть предтеча неизреченной радости, проистекающей отъ воплощенія Христова. Поэтому нужно, чтобы торжество это, какъ предпразднество и основаніе окончанія воплощенія Христова, мы

увѣнчали похвалами, съ веселою наружностію, а еще болѣе съ веселымъ душевнымъ расположеніемъ, и во время его составляли радостныя ликованія, не столько тѣломъ, сколько духомъ прыгали отъ радости, соревновали въ восторгѣ мысленнымъ и божественнымъ чинамъ и всѣ возбуждали всю тварь къ тому же самому.

Между тѣмъ, наше призывное слово предупреждаютъ сонмы ангеловъ, и восхваляютъ нынѣ ту, чрезъ которую узрѣли исполненіе тайны. Предупреждаютъ его небеса, и отдаютъ честь высотѣ этой новой тверди. Предупреждаютъ и свѣтила, и преславно освѣщаются лучами, испускаемыми облакомъ мысленнаго Солнца. Присутствуетъ незваная земля, и достойно величается и превозносится своимъ произрастеніемъ. Наконецъ, все естество водъ, своеобразно попрыгивая новыми источниками, дориноситъ виновницу своего освященія.

Нынѣ, говорю, всѣ созданія осмѣлились заявить свою смѣлость. Тѣмъ болѣе поэтому я могу дружественно сзывать благороднѣйшія созданія, громогласно восклицая такъ: приди ко мнѣ всякій возрастъ и всякое достоинство, всѣ, какіе только есть, чины въ мірѣ и какіе надъ міромъ, священники и цари, высшіе и низшіе, начальники и подчиненные, старые и молодые, дѣвы, матери и неплодныя, и младенчествующіе незлобіемъ, придите, примемъ спасительный день сей съ божественнымъ веселіемъ и превознесемъ его всякими благохваленіями. Нынѣ родился предметъ всеобщаго похваленія. Нынѣ изъ безплодныхъ чресль прозябло украшеніе священниковъ, могущество царей, совершен-

ство добродѣтельныхъ, непоколебимое благочиніе начальствующихъ и подчиненныхъ, разумѣніе младенцевъ, украшеніе дѣвъ, вѣнецъ матерей, благочадіе бездѣтныхъ, разрѣшеніе неплодія. Нынѣ отъ безплодной прозябло обиліе благъ; нынѣ отъ праведныхъ произросъ праведнѣйшій плодъ.

Какой же можно представить опытъ похвалъ? какую необычайную оцѣнку изобрѣсти для того, что̀ необычайнѣе всего? Разсуди самъ о избраніи всѣхъ праведниковъ и пророковъ, равно какъ и о тѣсномъ союзѣ ихъ съ избравшимъ ихъ Богомъ, и ты увидишь несравненное превосходство Іоакима и Анны, увидишь, что они и препочтены и препрославлены безмѣрно. Обрати, говорю, вниманіе на то, какъ касающееся ихъ превосходитъ всякое сравненіе: отъ кровей этихъ лицъ, превосходившихъ добродѣтелями даже царское величіе, облекся въ царскую багряницу человѣческаго рода самъ Господь. Впрочемъ, какъ для настоящаго торжества, такъ и для уясненія преимуществъ Іоакима и Анны, полезно будетъ объяснить хотя немногое изъ исторіи, начинающейся рѣчью о нихъ: чрезъ это яснѣе просіяетъ для насъ истина повѣствуемаго. Начнемъ же съ начала.

Въ исторіи той (1) говорится такъ: „въ исторіяхъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ былъ нѣкто Іоакимъ, человѣкъ весьма богатый“. Что значитъ „въ исторіяхъ“? Значитъ „въ родословіяхъ“ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ. Чрезъ это сочинитель показываетъ, что Іо-

(1) Смотр. выше стр. 59. примѣч. 1.

акимъ происходилъ отъ предковъ по несмѣшанной царской линіи, и что онъ по соблюденію закона какъ предками, такъ и самимъ собою, былъ знаменитъ, и потому стяжалъ въ колѣнахъ израильскихъ извѣстность и отличіе. Далѣе, упомянувъ и о богатствѣ Іоакима, какъ о доказательствѣ его преимущества, писатель извѣщаетъ объ особенной праведности его, которою онъ отличался отъ всѣхъ одноплеменниковъ своихъ. „Онъ, говоритъ, приносилъ Господу сугубые дары". Принося въ жертву сугубые дары, Іоакимъ уменьшалъ настоящія и преходящія блага; но въ тоже время умножалъ сокровища, не преходящія во вѣкъ. Впрочемъ, и оставляя изъ скоропреходящаго богатства необходимое для ежедневнаго употребленія, онъ, очевидно, не допускалъ того, чтобы оно скапливалось. Объ этомъ говоритъ и упомянутая исторія: „онъ приносилъ Господу сугубые дары, говоря про себя: избытокъ мой пусть будетъ всему народу, а что въ прощеніе меня, то пусть будетъ Господу Богу моему". Смотри какое превосходство праведности въ состояніи подзаконномъ! Примѣть, что праведники эти отлично предначертали или, лучше сказать, превзошли образъ жизни евангельской, начертанной апостолами. „Избытокъ мой пусть будетъ всему народу". Ничего излишняго, говоритъ, да не будетъ въ томъ, что необходимо; что не необходимо для меня, то пусть достанется всему народу; что составляетъ у меня избытокъ, то пусть обратится въ общую пользу всѣхъ. О пресправедливое намѣреніе и сужденіе! О богатство, сокрытое въ безопасныхъ отъ разграбленія сокровищницахъ! Такъ высока была добро-

дѣтель Іоакима и Анны съ самаго начала! Такъ поступалъ человѣкъ не потому, что обращалъ взоръ на другихъ или устремлялъ мысли на какой-либо примѣръ; но самъ собою изобрѣталъ добро и исполнялъ его; не руководится также онъ въ столь отличныхъ дѣяніяхъ ни древними заповѣдями или законоположеніями, но самъ полагаетъ начало дѣланію добра и становится дѣятельнымъ законодателемъ для потомковъ. Замѣть, какъ Іоакимъ и Анна достойно предпочтены были всѣмъ праведникамъ. Говорю же „достойно" не по отношенію къ дару, свойственному тайнѣ (ибо благодать выше воздаянія за дѣла), но по сравненію ихъ съ единоплеменниками.

Полезно прослѣдить и дальнѣйшее, находящееся въ упомянутой исторіи. Въ ней повѣствуется, что когда Іоакимъ въ какой-то славный праздникъ приносилъ, по обычаю, дары; то былъ укоренъ однимъ изъ сопле-менниковъ за безчадіе. „Непозволительно, сказано, чтобы ты принесъ дары свои; потому что ты не произвелъ племени въ Израилѣ". Въ нѣкоторыхъ спискахъ читается: „непозволительно, чтобы ты первый принесъ". Справедливо было, чтобы Іоакимъ, какъ мужъ праведный и отличавшійся сугубымъ благородствомъ, первенствовалъ какъ во всемъ, такъ и въ принесеніи даровъ; но людямъ завистливымъ это казалось несноснымъ. Поелику же у нихъ ничего не было такого изъ его жизни, чѣмъ можно было бы опорочить его, ибо онъ не только былъ безпороченъ, но по превосходству добродѣтели извѣстенъ былъ чуждымъ всякой опасности подвергнуться обвиненію; то въ предлогъ къ тому, чтобы

онъ не поступалъ по предписанному закономъ, представляютъ безчадіе. Но это, именно то, что праведники до настоящаго времени оставались безъ потомства и что они возбуждены были къ полученію дитяти посредствомъ молитвы, было дѣломъ всевышняго Промысла. Первое обнаружило ихъ надежду на Бога, ибо когда они помолились, то исполненіе прошенія ихъ не было отложено на время; а послѣднее показало, что тайна благодати осуществилась въ опредѣленное Богомъ время.

Оскорбленный или даже прогнанный, праведникъ предается большой печали; но не потому, чтобы пораженъ былъ укоризненными словами или потерпѣлъ безславіе, но потому, что пришелъ въ опасеніе, не навлекъ ли онъ на себя это отверженіе Богомъ какимъ либо небреженіемъ о заповѣдяхъ Божіихъ, пришедшимъ въ извѣстность чрезъ людей. До такой степени строгъ былъ онъ въ требованіи отчета у себя какъ относительно исполненія закона, такъ и относительно таинъ совѣсти! Такъ онъ во всемъ, касающемся его, полагался на промыслъ Божій! Поэтому-то онъ не вступилъ въ преніе, не сталъ противорѣчить, не сдѣлалъ возраженія, что доселѣ никогда не встрѣчалъ воспрещенія приносить обычные дары, потому ли что жилъ безукоризненно, или же потому, что приносилъ дары безукоризненные, но перенесъ оскорбительную укоризну терпѣливо и вмѣстѣ съ тѣмъ прибѣгаетъ къ испытателю таинъ Богу, и удаляется въ пустыню, какъ удобнѣйшее для собесѣдованія съ Богомъ мѣсто, не показавшись своей супругѣ и единомысленной и не поручивъ попеченія о

внѣшнихъ дѣлахъ домашнимъ. Кто даже въ наше время обнаружилъ столь твердое упованіе на Бога и презрѣніе къ своему имѣнію? Тѣмъ болѣе, кто показалъ это въ тѣ времена, когда трудно было исполнять даже умѣренныя и предписанныя закономъ добродѣтели?

Представимъ теперь славные подвиги патріарха Авраама. Нѣкоторые могутъ подумать, что Авраамъ какъ по древности времени, такъ и по высотѣ праведности превосходитъ не только древнихъ, но и Іоакима. Но если кто захочетъ сравнить дѣянія перваго съ дѣяніями послѣдняго, то пойметъ, что дѣянія, о которыхъ говоримъ, превосходнѣе дѣяній Авраама. Въ самомъ дѣлѣ, Аврааму какъ о переселеніи, такъ и о землѣ, въ которой онъ имѣлъ обитать, было напередъ возвѣщено. Напередъ же возвѣщено было ему и прекращеніе безчадія и неплодства Сарры. Конечно, обладая этимъ по обѣтованію, онъ и надежду подкрѣплялъ и духъ ободрялъ къ полученію обѣщаній молитвою; ибо можетъ ли быть что нибудь сладостнѣе обѣтованія Божія? Между тѣмъ Іоакимъ, не получивъ еще никакого обѣтованія, повѣрилъ, что Всемогущій силенъ совершить даже невозможное и преобразовать природу, и, утвердивъ надежду свою на сокровенномъ промыслѣ Его, оставляетъ такимъ образомъ попеченіе о домашнемъ и предается постоянной молитвѣ къ Богу. Далѣе, Авраамъ, чтобы несомнѣваться ему относительно будущаго обладанія землею и умноженія своего потомства, имѣлъ нужду въ вѣрномъ знакѣ, и довѣдывался, какимъ образомъ могутъ исполниться обѣтованія Божіи. Между тѣмъ Іоакимъ какъ во время молитвы, такъ и по-

слѣ, когда былъ услышанъ и получилъ отъ ангела благовѣстіе о рожденіи потомка, выказалъ, при твердой вѣрѣ, несомнительный духъ, не довѣдывается, какимъ образомъ исполнится возвѣщенное имъ, но самое откровеніе о обѣтованіи почитаетъ уже исполненіемъ онаго. Наконецъ, прилично представить и разсмотрѣть здѣсь и чудное жертвоприношеніе. Авраамъ предпринялъ жертвоприношеніе по повелѣнію Божію, а Іоакимъ—по собственному произволенію; тотъ избралъ въ жертву дѣйствительное дитя свое единородное, а этотъ—то, которое только еще обѣщано было ему; тотъ привелъ жертвенное свое и снова получилъ его, а этотъ дѣйствительно принесъ обреченное на жертву во всесожженіе, отдавъ Богу; наконецъ, жертвеннымъ у того былъ патріархъ племенъ праведныхъ, а у этого—Матерь Божія и всеправедная Владычица патріарховъ. Преславное дѣяніе это поистинѣ выше не только настоящаго, но и всякаго сравненія. Итакъ, видишь ли, какъ превосходны преимущества праведника Іоакима? Разсмотри также и пребываніе его въ пустынѣ, и воздержаніе его, превышающее силы природы (такую жизнь справедливо назвать жизнію ангельскою), и то, какъ онъ сталъ страннымъ и необычайнымъ, сравнишь ли его слова или дѣла. Исторія передаетъ, что онъ провелъ въ постѣ сорокъ дней и сорокъ ночей, питаясь только молитвою и надеждою на Бога. „Постился сорокъ дней и сорокъ ночей, говоря: не сойду отсюда ни ѣсть, ни пить“. Таковы дѣянія этого праведника!

А какъ велики и чудны дѣянія супруги его и одинаковой съ нимъ по качествамъ Анны! Они не только

не меньше даровъ супруга, но и превосходятъ ихъ. Ей надлежало выдержать сугубый подвигъ терпѣнія. Съ одной стороны, ей неизвѣстно было мѣсто отбытія и мѣсто пребыванія супруга, а съ другой—ее осаждала обида по поводу неимѣнія дѣтей, причиненная ей съ супругомъ. Анна боролась съ обоими этими обстоятельствами, и при помощи вѣры и надежды вышла изъ нихъ побѣдительницею. Притомъ, укоризну за неимѣніе дѣтей она встрѣчала съ двухъ сторонъ: во-первыхъ—отъ своихъ единоплеменниковъ; во-вторыхъ—отъ своей служанки; а это дѣлаетъ укоризну дѣйствительно несносною: ибо укоризны, причиняемыя посторонними, не такъ поражаютъ, какъ укоризны, наносимыя домашними, особенно когда наносящіе ихъ бываютъ изъ среды подчиненныхъ или слугъ. Какъ же держитъ себя благороднѣйшая женщина? Такъ, что ничто изъ сказаннаго не сокрушаетъ ея долготерпѣнія. Напротивъ, она отвергаетъ некстати поданный ей уборъ, снимаетъ печальныя одежды, надѣваетъ на себя, вмѣстѣ съ одѣяніемъ души, чистую и брачную одежду, и, наряженная такимъ образомъ въ сугубую одежду, стоитъ на молитвѣ предъ Пречистымъ. А возсылать молитву свою къ Богу всего она не идетъ во внутренность храма, но избираетъ для этого спокойное и удаленное отъ всякаго шума мѣсто въ саду, и здѣсь-то, какъ-бы въ неподозрѣваемой никѣмъ комнатѣ, тайно изливаетъ молитву свою отъ сердца, горюя и стараясь пробыть въ молитвѣ долѣе.

Почему же не избрала она покойной комнаты въ домѣ своемъ, чтобы здѣсь повѣдать Богу тайны свои

и принести Ему скорбную молитву свою? Потому, что въ такомъ случаѣ она не могла вполнѣ осуществить своего желанія. Въ душѣ ея было много такого, что намѣревалась она излить въ молитвѣ; между тѣмъ въ комнатѣ ей нельзя было предстать предъ Бога совершенно чистою, частію по причинѣ шума домашнихъ, а частію отъ докукъ приходящихъ соплеменниковъ. По той же причинѣ не пошла она и въ храмъ, чтобы здѣсь вознести ко Владыкѣ молитвенные глаголы, не смотря на то, что храмъ былъ установленнымъ для всѣхъ единоплеменниковъ ея мѣстомъ молитвы. И онъ не представлялъ ей искомой ею степени уединенія; но многимъ заставлялъ предполагать, что ей помѣшаютъ тамъ. Она размышляла: „если іуден, приносившіе прежде дары вмѣстѣ съ нами, въ то время, когда я и мужъ мой дѣлали приношенія Богу и благодѣтельствовали всему народу, изъ зависти обидѣли насъ укоризною и прогнали насъ отъ храма; то какихъ колкостей не придумаютъ они противъ меня теперь, когда увидятъ, что я постоянно пребываю тамъ въ молитвѣ одна и не въ урочные часы? Препятствій къ тому, чтобы іудейское безуміе обвинило и ее, еслибы она поставила себя въ такое положеніе, или въ разстройствѣ ума или въ опьяненіи, не было никакихъ. Такъ тѣ, которые должны бы повидимому превосходить прочихъ справедливостію, какъ носившіе санъ священства, съ строгостію возстали противъ блаженной и пророчицы, соименницы нашей, Анны, разумѣю древнюю Анну, и порицали ее, называя молитву ея состояніемъ пьянаго человѣка (1 Цар. 1, 9—14). Въ самомъ-то дѣлѣ Анна возсылала пла-

менную молитву съ горячимъ расположеніемъ и трезвеннымъ умомъ, а тѣ почли трезвенность ея опьяненіемъ, а богословіе ея пустословіемъ. Новая же и благоразумнѣйшая всѣхъ Анна, опасаясь, чтобы не потерпѣть ей чего-либо такого, когда будетъ возносить прилежную молитву, уклоняется какъ отъ домашнихъ стѣнъ, такъ и отъ храма, и избираетъ самое уединенное, по причинѣ тишины, мѣсто въ саду, гдѣ, по мудрому предусмотрѣнію своему, могла вознести желанную молитву свою безъ всякой помѣхи. Такъ случилось, впрочемъ, не по этой только причинѣ, но и потому, чтобы самымъ дѣломъ объяснилась истина, осуществленіе которой предвозвѣстила на себѣ Анна опытомъ. Именно: сокровенная благодати Анна тѣмъ, что совершаетъ предъ Богомъ молитву и духовное приношеніе не въ храмѣ, предначинаетъ то, что люди не должны думать, что слухъ Божій ограниченъ какимъ либо мѣстомъ, но что они, такъ какъ Богъ присутствуетъ вездѣ и наполняетъ все, должны возносить къ Нему молитвы во всякомъ мѣстѣ и ожидать исполненія прошеній своихъ со всякаго же мѣста. Тоже самое предъобозначаетъ и праведный Іоакимъ, уклоняющійся отъ храма и приносящій благопріятную и чудную молитву свою на горѣ, ясно показывая этимъ, что опустѣвшій прообразователь тѣней, храмъ, будетъ оставленъ, а по всѣмъ мѣстамъ распространятся лучи самаго свѣта.

Каковы же молитвенныя слова Анны въ саду? Хорошо и ихъ представить въ словѣ и посмотрѣть на ихъ пріятную новизну; ибо изъ сокрушенной души слышится раздающимся нѣкоторый новый и чудный гласъ.

Праведная, начавъ возносить молитву, по обычаю находящагося въ крайнихъ бѣдствіяхъ присоединяетъ къ слову блаженное уничиженіе. Вслѣдствіе сего, чтобы исповѣдать, что она, какъ недостойная, лишена благодати и благословенія, полученныхъ людьми одного съ нею рода и племени, не сравниваетъ себя съ этими людьми, но высказываетъ, что она совершенно чужда благословенія плодородія даже безсловесныхъ животныхъ и неодушевленной твари. Поэтому, чтобы изобразить, какъ она несчастна, она упоминаетъ въ уединенной молитвѣ своей о птицахъ, о четвероногихъ, о звѣряхъ, о землѣ, о растущемъ на землѣ, о водахъ и о раждающихся въ нихъ. Такими словами обрисовываетъ она богатый щедротами промыслъ Создателя. „Я высказываетъ цѣломудренная, я хуже всѣхъ, которые раждаютъ. Они, Владыка, покорны повелѣнію Твоему и имѣютъ счастіе пользоваться Твоимъ благословеніемъ и благодатію, а я оказываюсь, какъ недостойная, не имѣющею счастливой доли женскаго пола, способности раждать, общей многоразличнымъ животнымъ. Всѣ они дѣйствительно сподобились этого счастія. Плодоносна и земля, согласно повелѣнію Твоему постоянно приносящая обильный плодъ; приносятъ плодъ луга; даютъ цвѣтъ и доставляютъ благовременный и пріятный плодъ прекрасныя растенія, и чрезъ благодареніе пользующихся ими отдаютъ Тебѣ дань славословія. Но я не имѣю благодати ихъ и сама сознаю, что недостойна быть причисленною къ этимъ произведеніямъ Твоей благости“.

Таковы слова Анны, которыми она хотѣла преклонить единаго премилосердаго Бога къ милости! Но Богъ предваряетъ слова. Молящаяся не довела еще молитвы своей до конца, какъ сверхъ чаянія получаетъ благовѣстіе объ успѣшности своего прошенія. „Вотъ, сказано, когда она говорила, явились ангелы и возвѣстили объ имѣющемъ послѣдовать неожиданномъ рожденіи". Т. е. ангелы благовѣствуютъ Аннѣ и находящемуся на горѣ Іоакиму рожденіе Той, которая достоинствомъ своимъ превосходитъ самыхъ ангеловъ; ангелы предвозвѣщаютъ зачатіе отъ той, которая страдала неплодіемъ. „Вотъ, сказано, когда она говорила, пришелъ ангелъ Господень и говоритъ ей: услышалъ Богъ молитву твою: ты зачнешь и родишь, и сѣмени твоемъ будутъ говорить во всей вселенной". Услышалъ Тотъ, кто знаетъ и неизреченно взвѣшиваетъ слова молитвы, прежде нежели они задуманы. Услышалъ Тотъ, кто возбуждаетъ къ молитвѣ и устрояетъ, что она будетъ услышана. Услышалъ молитву, вознесенную изъ сокрушеннаго сердца, Тотъ, кто для этого и обитаетъ въ немъ. Услышалъ моленіе Тотъ, кто устами пророковъ предрекъ объ успѣшности онаго.

„О сѣмени твоемъ, сказано, будутъ говорить во всей вселенной". Будутъ говорить во вселенной о преславной знаменитости Анны, о единственно-превосходномъ плодѣ ея, о наилучшемъ украшеніи тварей. Будутъ говорить о велерѣчивыхъ устахъ природы человѣческой и краснорѣчивѣйшей защитѣ безмолвныхъ,— о той, о которой заговорятъ преславное между всѣми разумными тварями, величія которой прославятъ въ

пѣсняхъ мысленныя силы, славу которой превознесутъ похвалами ангелы. „О сѣмени твоемъ будутъ говорить во всей вселенной“. Ты, Анна, принесешь Богу обиліе добродѣтелей и будешь имѣть между женскимъ поломъ отмѣнную славу чадородія. Избавившись отъ укоризнъ за безчадіе и удостоившись причисленія и пріобщенія къ матерямъ, ты будешь причастною и того благословенія, которое онѣ имѣютъ. Впрочемъ, слава твоего имени не ограничится этими тѣсными предѣлами. О плодѣ молитвы твоей и богатомъ произведеніи природы твоей будутъ говорить и станутъ превозносить его не во Израилѣ только или не между одними соплеменниками твоими. Слава о немъ пронесется по всей землѣ, между царями и правителями, между священниками и праведниками, между народами, говорящими разными языками, между учеными и неучеными. Вотъ между сколькими и какими будутъ говорить о плодѣ твоемъ, вотъ въ сколькихъ ушахъ прозвучитъ имя его и превознесется онъ чудно всѣми! Таково вѣщаніе ангела!

Что же дѣлаетъ блаженная и великая духомъ Анна? Какой воздаетъ она даръ Сподобившему ее такого благословенія? Какіе подарки предлагаетъ она отъ себя Благодѣтелю? какую обѣщается принести Ему жертву благодаренія? Не приношенія изъ драгоцѣнныхъ вещей, не жертвы изъ безсловесныхъ животныхъ, не начатки отъ плодовъ, ничего вообще такого, что приносили обыкновенно во свидѣтельство своей признательности, но—самый плодъ природы, дарованный ей, самый вымоленный и вожделѣнный зародышъ, изъ-за котораго предприняты тяжкія изнуренія, принесены постоянныя

молитвы, пролито множество слезъ и презрѣны всѣ удобства пріятной жизни. „Живъ, говоритъ она, Господь Богъ мой: если я рожу дитя мужескаго или женскаго пола, то принесу его въ даръ Господу Богу моему, и пусть оно служитъ Ему во всѣ дни“. Замѣть пламенное расположеніе Анны къ Богу; замѣть отмѣнное величіе души ея; замѣть, какъ настоящимъ приношеніемъ доказала она готовность свою принести Богу всѣ блага внѣшнія. Ибо если она съ такою пламенною рѣшимостію посвятила Богу данное ей благословеніе природы, отраду души и облегченіе трудовъ; то пожалѣла ли бы она о прочихъ тварныхъ вещахъ? Въ Писаніи нигдѣ не видно, чтобы или по обѣту или по усердію къ Богу посвящаемъ былъ Ему женскій полъ, а тѣмъ болѣе сопричисляемъ въ храмѣ къ служителямъ Его; но Анна, въ избыткѣ любви къ Богу, рѣшается на это неслыханное дѣло, предрекая обѣтомъ своимъ новость, имѣющую послѣдовать на самомъ дѣлѣ. Это было единственное лице женскаго пола, единственный начатокъ человѣчества, посвященный и отданный Богу какъ безцѣнный даръ.

Таковы преимущества и разсказанныя подвиги праведныхъ Іоакима и Анны! Вотъ яркія отличительныя черты добродѣтелей ихъ, освѣтившія благородство и зрѣлость души ихъ, блистательнѣйшія тѣхъ, которыми славились жившіе прежде! Въ самомъ дѣлѣ, нужно было, чтобы даръ, несравнимый ни съ чѣмъ сотвореннымъ, послѣдовалъ отъ наиизбраннѣйшихъ; нужно было, чтобы пресвятое богатство истекло изъ запаса, обильнаго добродѣтелями; нужно было, чтобы таковый плодъ

принесенъ былъ таковыми трудами, чтобы благороднѣйшая отрасль произрасла отъ благороднаго корня, чтобы отличная лоза виноградная выросла изъ хорошихъ пѣдръ. Высоки долженствовали быть тѣ, отъ кого надлежало произойти вѣчно-зеленѣющему украшенію рода нашего, прекраснѣйшему ростку природы, тому высокому древу таинства, выходящій изъ котораго цвѣтъ безсмертія издалъ вѣчное благоуханіе и плодъ котораго есть жизнь, нетлѣніе и вѣчное пребываніе для тѣхъ, кто пріобщается онаго. А какъ вѣковѣчна славная память ихъ! какъ прочна и неизгладима слава ихъ! какъ блаженно избраніе ихъ! какъ преблаженно достоинство добродѣтелей ихъ, которымъ стяжали они избраніе! Поэтому-то и сподобились они родить царицу всего, какъ плодъ благочестія и превосходства. Т. е. нужно было, чтобы Ты, царскій жезлъ, произошелъ изъ царскихъ разсадниковъ. Нужно было, чтобы Ты, обильнѣйшее богатство благъ, явилась отъ избытка добродѣтелей. Нужно было, чтобы Ты была дочерію такихъ родителей, а они были родителями такой дочери. Ты изъ всѣхъ тварей предъизбрана въ Матерь Божію: такъ и они изъ всѣхъ родителей сподобились чести быть твоими родителями. Сколь выше всякой славы величіе промысла Божія! Какъ желаннѣе всего желаннаго доставленныя чрезъ Тебя блага!

Поистинѣ величіе твое будетъ на устахъ всѣхъ и возвѣстится всѣмъ, не на землѣ только, но и на небесахъ, не людямъ только, но и небеснымъ силамъ. Объ этомъ предрекъ Давидъ. Онъ предвозвѣстилъ объ имѣющемъ послѣдовать, какъ о настоящемъ, высказавъ

неотвратимость будущей истины въ прошедшемъ времени. „Преславное, говоритъ онъ, изрекли о тебѣ, градъ Божій" (Псал. 86, 3). Изреченное славнѣе всякой славы: оно славно для силъ горнихъ, драгоцѣнно и любезно для людей, вожделѣнно для патріарховъ, священно для прародителей, напередъ описано и обозрѣно пророками. Этому радуется вся тварь; этому сорадуются ангельскія воинства; этимъ величается весь міръ. Какъ блаженны тѣ, которые сподобились пользоваться этимъ наслажденіемъ! Ибо она одна по справедливости должна быть названа наслажденіемъ; она одна есть неиждиваемая сладостная пища, совершенно услаждающая своими необычайностями.

Ты же, споспѣшница настоящаго и будущаго веселія, похваленіе дерзновенія къ тебѣ и почитанія тебя со стороны обращающихся къ тебѣ, за пированіе въ торжества твои воздай небеснымъ пиромъ, и за усердіе, съ которымъ совершаемъ ихъ, преисполни насъ дарами своими. Укрась настоящее собраніе какъ чувственною, такъ и духовною радостію; приведи въ порядокъ собравшійся по мановенію Божію хоръ; вдохни въ него стройный напѣвъ и подай ему пѣснь празднующихъ на небесахъ. Призри на намѣреніе каждаго; испытай пламень желанія и покажи его испытующему тайны совѣсти Владыкѣ; представь расположеніе наше Тому, кто ясно видитъ сокровенное. Несомнѣнно, какъ знающій все невидимое, Онъ знаетъ и совершенно разумѣетъ расположеніе къ Тебѣ пѣснословящихъ Тебя ради Его; но величайшей благости Его угодно, чтобы пѣснословія наши приносились и исполнялись при посред-

ствѣ ходатайства Матери Его. Въ этомъ похваленіе Твое къ Нему и наше похваленіе Тобою; въ этомъ доказательство милости, стяжанной у Него чрезъ Тебя родомъ человѣческимъ. Восторгаясь надеждою на это, мы съ презрѣніемъ смотримъ на униженное положеніе свое и предаемъ забвенію низкій и земляной образъ жизни. Вслѣдствіе этого мы жаждемъ отрѣшиться отъ земнаго и поспѣшить къ небу; поэтому-то мы ожидаемъ вѣчнаго несомнѣнно. Поэтому-то, совершая настоящій преславный и божественный праздникъ съ сердечнымъ расположеніемъ, возсылаемъ благодареніе Христу, предуготовившему все для собственной славы, для прославленія Матери своей и для спасительнаго похваленія покорныхъ Ему, виновнику и подателю благъ; ибо Ему принадлежатъ честь, поклоненіе и славословіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(²)

Великолѣпный радостный пиръ созываетъ всѣхъ насъ къ пированію на немъ; еще болѣе: онъ возбуждаетъ не оставляющихъ его увеличивать въ себѣ охоту и ненасытимое желаніе наслаждаться предложеннымъ на немъ. Ибо на этомъ пирѣ являются различныя мысли, какъ яства, и, подобно яствамъ же, имѣютъ—каждая—бо́льшую пріятность, чѣмъ предъидущія, привлекаютъ посѣтителей собственно къ себѣ и доставляютъ увеселеніе, сродное каждому. Итакъ, поели-

(²) Премудраго Іакова, монаха, Слово на рождество пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Patrolog. curs. compl. tom. CXXVII. pag. 568—600. Paris. 1864.

ку прибыль наслажденія бываетъ собственностію имѣющихъ въ немъ участіе и поелику нелѣпивымъ можно получать настоящія удовольствія и не лишаться благодати, подаваемой въ изобиліи; то приступимъ къ полному и общему пиру съ благорасположеніемъ, подъ предводительствомъ преславной домовладычицы Дѣвы, предлагающей пиръ сладости, ни съ чѣмъ несравнимой. Ибо Она сама—и наслажденіе и приглашательница; Она—пиръ и пиршество; Она — и радость и веселіе. Придите же, раздѣляющіе со мною радованіе, къ заготовленному Ею, соплетайте хвалебныя пѣсни, подстрекайте радостію бодрость, съ радостію возбуждайте слово и молитвенно испрашивайте ему содѣйствія благодати.

Но какъ скоро я приблизился къ дѣлу, мое слово останавливается необъятностію предмета, а умъ ужасается величію чуда, когда созерцаю, что на землѣ совершается новое и необычайное таинство. Нынѣ осуществляется спасеніе, неизреченно обѣщанное прежде всѣхъ вѣковъ. Вотъ преимущество родителей Дѣвы! Вотъ предначинаніе, неуловимое никакимъ обиліемъ словъ! Умъ, приникнувъ къ нему и ослабѣвъ, выступаетъ изъ своихъ предѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ, смотри всякій, кто бы ты ни былъ, слушающій это, какое съ этого времени явлено чудо. По одному человѣколюбію мы сотворены Творцемъ изъ ничего, получили повелѣніе проводить жизнь въ раю въ добрыхъ дѣлахъ, по лукавому навѣту отвергли заповѣдь, добровольно навлекли на себя смерть. Создатель обѣщалъ освобожденіе, и освобожденію этому надлежало совершиться; время ожидало людей способныхъ; проходили поколѣнія; раз-

давались постоянно пророчества; патріархи и всѣ праведные жили надеждою. Скончался Авраамъ и внуки его; имъ въ знаменіяхъ открыто было таинство дня (Іоан. 8, 56) и они душевно жаждали событія будущаго. Дивный Моисей, созерцая яснѣе образы таинства и разсматривая знаменія истины, думалъ, что въ его время должно исполниться открытое прежде. Была надежда въ пустынѣ; было ожиданіе во времена судей, вождей народа; Самуилъ получалъ пророчества; Давидъ неоднократно восклицалъ, что близокъ день; сонмъ пророковъ громогласно проповѣдывалъ и возвѣщалъ, что Христосъ при дверяхъ. Но всѣ скончались, не увидѣвъ того, чего ожидали. Время проходило вмѣстѣ съ достойными. Наконецъ-то оно нашло истинно достойныхъ, произшедшихъ отъ достойныхъ и приготовленныхъ для этого Создателемъ. Я говорю объ Іоакимѣ и Аннѣ, родившихъ виновницу исполненія ожидаемаго; ибо Іоакимъ, по изъясненію, значитъ предуготовленіе, а Анна—благодать. Они положили начало осуществленію предсказаній; они произрастили корень ожиданнаго; они водрузили основаніе обѣщаннаго; изъ нихъ уготована для насъ цѣлебная мурохранительница; изъ нихъ произошло исполненіе пророковъ; изъ нихъ прозябла виновница радости; изъ нихъ изшелъ залогъ веселія. Они по отмѣнной добродѣтели болѣе всѣхъ стали вѣдомы Творцу. Прошедши весь путь добродѣтелей, они достигли верха совершенства и одни удостоились того, что искони вожделѣнно было премногимъ.

Такъ какъ обычныя постановленія закона приписывали благочестіе многочадію и вѣрнымъ признакомъ

благословенія признавалось плодородіе естества; то по нему же заключали и о томъ, должно ли принимать умилостивительныя жертвы отъ безплодныхъ. Такъ было узаконено, думаю, не безъ основанія, но сообразно съ огрубѣлостію приносителей жертвъ; ибо люди того времени, слишкомъ преданные тѣлу, подавлявшіе духовныя блага пріумноженіемъ временныхъ и чуждые обильныхъ дарованій Духа, по этому заключали о принятіи жертвъ. Такимъ образомъ, бывшіе подъ рабствомъ закона тѣней, соблюдая этотъ обычай, за безчадіе не допустили праведныхъ (Іоакима и Анну) принести дары. Праведные, покрытые поношеніемъ и удаленные отъ олтаря, находятъ одно утѣшеніе — прибѣжище къ Богу. Поэтому они убѣждали другъ друга вспомнить объ Авраамѣ и Саррѣ, и объ Аннѣ, и по примѣру ихъ заботились получить осуществленіе своей молитвы. „Они, говорилъ Іоакимъ, прекрасный примѣръ для насъ, если только будемъ возсылать молитву безъ всякаго сомнѣнія. Прекрасное знаменіе—неплодіе Сарры, измѣненное въ молодость. Прекрасный знакъ то, что ей, согбенной отъ старости, возвращена дѣйственность членовъ цвѣтущаго возраста. Посмотримъ на Анну, жену Елканы, освободившуюся чрезъ молитву отъ страданія, одинаковаго съ нашимъ. Поучимся у нея постоянству въ молитвѣ и пламенѣнію душевному. Узнаемъ, что и обвиняемая въ пьянствѣ она не ослабила усердія въ молитвѣ. Будемъ подражать ей; поспѣшимъ по слѣдамъ ея. Она руководитъ къ испрошенію того, чего надѣемся, и тѣмъ, что сама сдѣлала, обѣщаетъ полученіе просимаго“.

Праведные привели это совѣщаніе въ исполненіе. Поэтому и полились слова молитвы ихъ: „Ты, Господи, обѣщавшій патріарху умножить сѣмя его паче числа песка морскаго, не чрезъ многочадіе совершилъ это, но исполнилъ обѣщаніе отъ одного плода чрева. Ты даровалъ землю въ обладаніе не отъ многихъ, но отъ одного плода того. Ты измѣнилъ неплодіе Сарры въ чадородіе. Ты укрѣпилъ ея слабые члены, чтобы они исполнили Твое повелѣніе. Ты обратилъ невѣріе ея въ вѣру и перемѣнилъ сомнѣніе ея на несомнѣнную увѣренность. Не смѣемся мы, какъ она: но умоляемъ, какъ Анна. Мы не колеблемся въ молитвѣ сомнѣніемъ, но вѣримъ, что она будетъ имѣть успѣхъ. Ты дивное совершилъ надъ отцами нашими. Ты, благословивъ Іакова и переименовавъ его въ Израиля, назначеновалъ этимъ прозорливость его. Ты премудро устроилъ, чтобы племя его отправилось въ Египетъ и тамъ было задержано. Ты не допустилъ, чтобы жестокость египтянъ умалила народъ Твой. Когда они оказались непокорными, Ты наказалъ ихъ жесточайшими казнями, чтобы и человѣколюбіе Твое обнаружилось и ожесточеніе ихъ сдѣлалось явнымъ. Ты устроилъ новый, чудесный путь по морю. Ты сообщилъ новыя силы стихіямъ. Ты текучее естество перемѣнилъ въ противоположное и провелъ народъ свой по сухому лиу. Ты одождилъ обильную пищу въ пустынѣ и досыта напиталъ народъ, когда онъ алкалъ. Ты твердой скалѣ повелѣлъ источить воду и напоилъ народъ, когда онъ жаждалъ. Представляя себѣ скалу ту, мы не ослабляемъ молитвенныхъ воззваній сомнѣніемъ, но чистосер-

дечно возносимъ молитвы съ надеждою. Ибо если Ты, Господи, сдѣлалъ, что скала произвела то, чего въ ней не было: то не окажешь ли, человѣколюбецъ, содѣйствія тому, что положено въ насъ первоначальнымъ опредѣленіемъ твоимъ? Если Ты привелъ въ общеніе предметы, совершенно различные по природѣ; то не возвратишь ли надлежащее свойство тому, что соединено естествомъ, но ослабѣло? Если Ты сотворилъ природу изъ ничего; то не исправишь ли, какъ Господь, естество неблагоустроенное? Твое, Владыка, это дѣло; Ты можешь совершить это, не возможное ни для кого другаго. По Твоему могуществу чудодѣйственно совершаются самыя великія дѣла. По Твоему повелѣнію теченія рѣкъ обращаются назадъ. По Твоему повелѣнію солнце останавливаетъ шествіе. По Твоему повелѣнію многоразличные роды неплодныхъ распложаются въ потомство. Распоряженію Твоему все повинуется, и велѣнію Твоему ничто не сопротивляется. Ты Анну, страдавшую тою же болѣзнію неплодія, сдѣлалъ многодачною, а многодѣтную превратилъ въ бездѣтную. И намъ, Владыко, наносится поношеніе не одною рабынею жены, но о немъ говорятъ во всемъ колѣнѣ. Ты силенъ отнять его. Ты можешь обратить неплодіе естества въ плодородіе".

Такова молитва праведныхъ. Поэтому и раждаютъ они непорочную, споспѣшницу нашего возрожденія, причину нашего возсозданія, чрезъ которую помраченный образъ Божій воспріялъ прежнее благолѣпіе, чрезъ которую обновился древній нашъ составъ, чрезъ которую мы, сбросивъ одежды грѣха, облеклись въ одежду

свѣта. Вотъ провозглашенное пророками; вотъ исполненіе божественныхъ предсказаній; вотъ главизна нашего спасенія! О славный плодъ родившихъ! О дитя, доставившее родителямъ блага, превышающія умъ! Всѣ между нами, сдѣлавшись родителями, видя своихъ дѣтей или украшенными мірскими отличіями, или сіяющими свѣтомъ добродѣтелей, или проявляющими что нибудь, свидѣтельствующее о благородствѣ и величіи ихъ мужества, пріобрѣтаютъ обыкновенно чрезъ нихъ не малую честь себѣ, участвуя въ ихъ славѣ по естественной близости къ нимъ. Но въ отношеніи къ тѣмъ, о комъ идетъ рѣчь, какой можно вообразить избытокъ славы, котораго не удостоились бы они преимущественно? Но зачѣмъ утомлять слушателей продолжительною бесѣдою? Какъ Рожденная, принявъ въ себя Создателя, удостоилась самой высшей славы: такъ и родившіе ее достигли славы, несравненно большей той, какую стяжали всѣ родители.

Анна, родивъ Богоотроковицу, созываетъ племена, говоря: „Придите, сорадуйтесь моему рожденію; придите, возвеселитесь со мною о моемъ разрѣшеніи; придите, посмотрите на дитя, сверхъ ожиданія питаемое мною. Придите, воззрите на лозу, произрастшую изъ неплодныхъ чреслъ, и узнайте, что бывшая бездѣтною родила. Усердно стекайтесь и предшествуйте ей во время шествія въ храмъ. Украсьте сѣни; освѣтите входы; придайте шествію радостную торжественность свѣтильниками. Начинайте съ веселіемъ. Пойте брачную пѣснь и ведите дитя въ храмъ, какъ непорочную невѣсту. Совершите со мною благодарность за то, что

Господь отнялъ поношеніе отъ дома моего, что не тщетною оказалась надежда моя. Вотъ уже молитвы исполнены. Вотъ и обѣты получили конецъ. Вотъ я посвящаю Рожденную въ домѣ Господнемъ, какъ обѣщалась. Придите, войдите вмѣстѣ съ нею и сообща предложимъ ее Владыкѣ, какъ даръ пріятный". Съ такимъ напряженнымъ усердіемъ спѣшила мать исполнить обѣтъ. Но время младенчества, не допускающее лишенія родителей тотчасъ, а заставляющее ждать удобнѣйшаго возраста, заставляло помедлить. Вслѣдствіе этого родители приносятъ ее въ храмъ, когда ей исполнилось три года, — приносятъ даръ, истинно драгоцѣнный и достопокланяемый для ангеловъ, самое лучшее и самое настоящее хранилище, въ которомъ сложены сокровища благодати, въ которомъ сокрыты залоги спасенія, въ которомъ неизреченнымъ образомъ лежало богатство домостроительства, — свѣтопріемное вмѣстилище, изъ котораго возсіяли лучи спасенія для всей вселенной. Ибо справедливо было, чтобы въ ней, непорочной, почтено было и тройственное число. Это показываетъ истинный смыслъ слова „трехлѣтняя", а меня влечетъ къ себѣ сонмъ праотцевъ и пророковъ.

Такъ какъ смерть царствовала отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими (Рим. 5, 14), такъ что съ него она властвовала надъ всѣми, а царствовала она мучительски въ наказаніе за преступленіе; то заключенные въ мракѣ уничиженія возносили непрестанное моленіе къ Тому, кто имѣлъ явиться къ сидящимъ во тмѣ смертной (Матѳ. 4, 16). Они взирали на будущаго Искупителя, чаяли освобожденія. Даже содержимые въ

темницѣ ада, допытываясь у поступавшихъ туда послѣ, распрашивали: „Не знаете ли вы чего нибудь объ Искупителѣ? Не распространилъ ли въ мірѣ лучей снисхожденія имѣющій возсіять въ нашихъ мѣстахъ Владыка, просвѣщеніе находящихся во тмѣ, Солнце правды, Тотъ, кто сіяніемъ божества ниспровергнетъ мрачныя вмѣстилища ада и въ несравнимомъ ни съ чѣмъ свѣтѣ исторгнетъ оттуда созданіе Свое? Нѣтъ ли въ мірѣ какого нибудь знаменія Его пришествія? Приготовлено ли Ему чистѣйшее жилище, о которомъ провозглашали мы нѣкогда, бывъ въ духѣ? Распростерлось ли свѣтлое облако, изливающее постоянную росу, угашающую пламень печали, — воду, имѣющую оживотворить умершихъ? Поставлена ли лѣстница (Быт. 28, 12), по которой Царь небесныхъ силъ сошелъ бы въ мѣсто нашего обитанія? Помѣщенъ ли вверху свѣтильникъ, который будетъ вмѣщать свѣтило—Христа? Что слышали вы о вратахъ, чрезъ которыя не пройдетъ никто изъ людей, а пройдетъ чрезъ нихъ только Мощный (Езек. 44, 1. 2), который сокрушитъ, послѣ того, врата и запоры ада и исторгнетъ насъ, какъ Сильный? Что узнали вы объ истинной скиніи? Устроенъ ли и убранъ ли для нея чертогъ? Приготовлена ли трапеза, носящая хлѣбъ нашего оживотворенія? Готовъ ли золотой жертвенникъ, на которомъ сгоритъ пагубный уголь грѣха и до насъ донесется благоуханіе воскресенія? Не скованы ли уже таинственные клещи (Иса. 1, 6)? Изготовлены ли дщицы новаго завѣта? Какой узнанъ ясный признакъ всего этого? Возвѣстите ожи-

даемое освобожденіе. Скажите какой нибудь символъ радости нуждающимся въ утѣшеніи".

Обо всемъ этомъ непрестанно распрашивали пророки и праведные и потому возсылали общую молитву къ Избавителю, говоря: „Приклони. Господи, небеса, и сойди. Приди имѣющій совершить отмщеніе за свое созданіе. Исполни обѣщанія своей благости, которыя возвѣстилъ Ты нѣкогда рабамъ своимъ. Вспомни, человѣколюбецъ, завѣтъ, который Ты завѣщалъ. Вотъ, Владыко. Твоимъ созданіемъ безжалостно обладаетъ власть мучителя. Смерть разрушаетъ дѣло рукъ Твоихъ. Мы содержимся въ преисподнихъ мѣстахъ земли; обитаемъ во тмѣ и сѣни смертной (Мато. 4, 16); жестокое мучительство ада владычествуетъ; смерть торжествуетъ; свирѣпый врагъ возстаетъ; плачевно состояніе содержимыхъ; скорбно обитаніе; нѣтъ другой надежды на освобожденіе, кромѣ Твоего премилосердаго нисшествія къ намъ; его жаждутъ заключенныя души; на него уповаютъ вѣчные узники. Приди же, Господи, приди помочь своему созданію. Возстань, по милосердію, съ отеческаго престола Ты, который вездѣ пребываешь и его не оставляешь, и приди на помощь къ угнетаемымъ. Приди ожидаемое воскрешеніе, желанная радость, чаемое оживленіе, утѣшеніе и веселіе безпомощныхъ. Возсіяй, Солнце правды, сѣдящимъ во тмѣ смертной лучами благости своей. Яви находящимся во мракѣ славу свою. Сокруши несокрушимыя врата и запоры вѣчные и исторгни содержимыхъ въ узахъ. Сокруши жало смерти. Разрушь всепожирающую утробу ада. Свяжи врага. Ниспровергни враждебныя и противныя

Тебѣ силы. Умилосердись, всеблагій, надъ содержимыми въ узахъ. Помилуй, взирая на безжалостный плѣнъ. Нами, Владыко, изобрѣтена причина смертности, и отъ Твоей благости ожидаемъ милосердаго освобожденія. Мы породили смерть; Ты обѣщалъ нѣкогда воскресеніе. Мы отворили двери; Ты, какъ Сильный, обѣщалъ затворить ихъ. Отъ естества небреженіе, а отъ Тебя—человѣколюбіе. Ты, Господи, открылъ намъ тайну своего неизреченнаго пришествія, Ты вдохнулъ ее въ слугъ своихъ и мы проповѣдывали ее нѣкогда въ мірѣ. Мы указывали только символы пришествія того; осуществи его, просимъ, по человѣколюбію своему. Возстань по милосердію къ пищимъ (Псал. 11, 6) своимъ. Дерзай съ плотію, неописанный по Божеству. Препояшь, Сильный, мечь свой по бедру своему (Псал. 44, 4). Покрывающій небо облаками (Псал. 146, 8), покройся нашимъ составомъ, чтобы совершить чрезъ него освобожденіе наше, чтобы посрамить чрезъ него противника. Исполни пророченія. Даруй, чтобы умоляющіе скоро увидѣли сбытіе. Пріими посредницу, предопредѣленную Тебѣ для примиренія нашего. Произведи непорочную агницу, одѣвшись въ волну естества которой явился бы Ты, прекраснѣйшій, къ намъ, находящимся во мракѣ. Вдохновенные Тобою, мы различно проповѣдывали о ней. Чаяніе ея мы сохраняемъ, какъ залогъ освобожденія. Мы приготовляли къ ней пророчествами. Мы похвалами прославляли ее,—красоту рода человѣческаго, украшеніе естества, непреложное ожиданіе нашего воскресенія, и молитвенныя ея уста, полныя дерзновенія". Такъ приходилось видѣть всѣхъ праведныхъ вспоми-

наюцими и умоляющими о спасительномъ пришествіи Владыки; ибо кромѣ Его, не оставалось никакой другой надежды на избавленіе.

Что же подумаетъ кто о праотцѣ Адамѣ? То ли, что у него было чрезвычайно много причинъ къ скорбямъ и что печаль его была безъутѣшная? Да, его жизнь дѣлали скорбною не только сознаніе прельщенія и осужденіе на изгнаніе, также потеря благодати, отторженіе отъ неизреченной чести, и наказаніе ниспаденіемъ въ состояніе смертности; но какія еще испытывалъ онъ страданія, видя сонмъ святыхъ въ заключеніи и зная, что причина заключенія зависитъ именно отъ него? какое терпѣлъ онъ горе? какіе издавалъ стоны? какимъ одержимъ былъ унынiемъ? Но кто можетъ подробно описать его рыданія, плачь о преступленіи, скорби объ осужденіи, печаль о наказаніи смертію, непрестанное мученіе совѣсти, жестоко терзающее, какъ видѣлъ онъ, весь родъ человѣческій? Ибо, кто только себѣ приписываетъ причину наказанія за грѣхи, тотъ будетъ имѣть нѣкоторое утѣшеніе; но какое найдетъ онъ утѣшеніе тогда, когда бываетъ виновникомъ страданія вмѣстѣ съ собою другихъ, кажущихся невинными? Такъ и прародитель нашъ не только оплакивалъ свое несчастіе, но еще терзался за весь родъ человѣческій, и притомъ болѣе, чѣмъ за себя, потому что почиталъ себя первымъ началомъ, чрезъ которое вошло осужденіе на смерть. Но зачѣмъ упоминать объ этой скорби, какъ причинѣ его рыданій, когда его первоначальное горе превосходитъ всякую печаль? Ибо, если бы кто захотѣлъ однимъ взоромъ обнять плачев-

ныя пѣсни, которыя пропѣлъ только что изгнанный изъ рая, тому представилось бы безутѣшное зрѣлище. Чего, въ самомъ дѣлѣ, не высказалъ онъ? какого не произвелъ біенія въ грудь? какой плачевной пѣсни не составилъ? Быть можетъ, присоединяя къ стопамъ слова, онъ жалобно восклицалъ: „О сколь блаженную жизнь измѣнилъ я на бѣдственную! На какое осужденъ я изгнаніе! О лукавый и нечестивый совѣтъ, обольстивший меня, влившій въ уши мои смертоносный ядъ! О завистливая и ненавистная ко всему доброму злоба, принесшая пагубную вѣсть! О жена, какъ ты не разумѣла, что взносишь надъ нами изощренный мечъ? какъ не замѣтила ты, что несла на языкѣ смерть? какъ совершила ты такое зло? Горе мнѣ! Кого получилъ я въ помощницу, ту нашелъ измѣнницею. На кого надѣялся я, что будетъ мнѣ сотрудницею въ добрѣ, ту вижу виновницею противнаго. Часть меня—смертоносная стрѣла. Соединенная со мною супружествомъ въ помощь, ты приняла участіе въ замыслѣ объ изгнаніи. Зачѣмъ повѣрила ты змію? Зачѣмъ, оставивъ свою главу, блуждала ты по раю и принесла погибель? Зачѣмъ поддалась совѣту подвластныхъ тебѣ? Мы поставлены владычествовать надъ ними, а не получили повелѣнія находиться подъ ихъ владычествомъ, царствовать надъ ними, а не быть въ подчиненіи у нихъ. О плачевная перемѣна! Я, почтенный достоинствомъ власти, становлюсь безславнѣе подвластныхъ; облеченный царскимъ могуществомъ, облекаюсь въ кожаныя ризы; почтенный красотою образа Божія, какъ-бы порфирою, покрываюсь стыдомъ преслушанія. О жестокія слова, послу-

живнія зависти! О злоба, отнявшая такую славу, снявшая мое благообразіе! Я, проводившій жизнь въ раю, изнуряю себя трудами; пользовавшійся дерзновеніемъ, пребываю въ стыдѣ. Что я потерпѣлъ?! Чтимый прежде тварями, я сильно оплакиваюсь ими. Какъ я нанесъ мечъ на самого себя? какъ привлекъ къ себѣ смерть собственною рукою? О убійственный вредъ, причиненный завистію! О безнадежная перемѣна! Изъ преизобильнаго богатства я низвергся въ крайнее убожество, изъ царскаго состоянія — въ простое. Прежде я былъ возвышенъ надъ подвластными, а теперь я униженнѣе всѣхъ; прежде я возбуждалъ страхъ,—а теперь я въ великомъ страхѣ; прежде я былъ въ великой славѣ.—а теперь я безславенъ. Наслажденіе удовольствіями сопряжено теперь для меня съ тяжкими трудами, и я, питавшійся благодатію, весь обливаюсь потомъ. Облеченный славою — нагой; бывшій въ чести — безславенъ; бывшій царемъ — изгнанникъ. Гдѣ же наконецъ ты, блаженная жизнь? Гдѣ негибнущее удовольствіе? Гдѣ безболѣзненное обитаніе? Какъ лишился хранителя своего (Быт. 2, 15) ты, божественный рай, страна святая и вожделѣнное наслажденіе? Придите, плачьте вмѣстѣ со мною. Раздѣли со мною печаль вся земная тварь, потому что ты лишилась вѣнца своего; потому что мучитель хитростію побѣдилъ царя твоего; потому что разбойникъ обманомъ совлекъ съ него первобытное украшеніе. Господи, Господи! праведенъ Ты, и многомилостивъ этотъ судъ Твой, какъ растворенный великимъ человѣколюбіемъ. Ибо я несу осужденіе, меньшее того, котораго достоинъ, и терплю

наказаніе легчайшее того, которое заслужилъ, гораздо меньшее того, которое долженъ бы терпѣть; ибо Ты растворилъ судъ безмѣрною милостію, явилъ ко мнѣ, оскорбившему Тебя, чрезвычайное попеченіе. По праведному возмездію, я, Владыко, не только долженъ быть осужденъ на это изгнаніе, но и совершенно уничтоженъ съ лица земли. Ты по одной благости воззвалъ меня изъ ничего къ бытію, почтилъ меня славою преимущественно предъ всякимъ земнымъ созданіемъ, сотворилъ мнѣ разумную душу, одарилъ меня словомъ, украсилъ меня мудростію. Сверхъ всего этого ничего не нужно было для охраненія меня; но Ты еще болѣе умножилъ дары. Ты образовалъ меня по образу и подобію своему; поставилъ меня начальникомъ и царемъ надъ всѣмъ, находящимся на землѣ; все покорилъ подъ руку мою и предоставилъ мнѣ выборъ дѣйствій по свободной волѣ. Но я, забывъ объ этихъ безмѣрныхъ благахъ и неизреченномъ попеченіи, преступилъ не тяжелую заповѣдь Твою, оказался неблагодарнымъ къ Тебѣ, благодѣтелю, нарушилъ спасительный законъ, самъ навлекъ на себя погибель, и потому самъ произношу противъ себя приговоръ, объявляю противъ себя судъ. Преступленіе мое больше возмездія. Наказанія не простираются до надлежащаго отмщенія; потому что преизобильно источается, Господи, милосердіе Твое и прещедро изливается богатство благости".

Такъ, можетъ быть, говорилъ, рыдая, прародитель и даже гораздо многообразнѣе, смотря по тому, какъ заставляла великость скорби. Но печаль обратилась въ радость и мучительное уныніе перешло въ

древнее благодушіе. Умолкли стопы, и послышалось славословіе благодарности. Ибо пришелъ восторгъ, возсіяла радость; уже и залогъ предложенъ и избрана неневѣстная невѣста. Въ настоящій день устроены и приготовлены палаты. О благодать нынѣшняго веселія! О блистаніе настоящаго дня! Какими яркими разновидными лучами благодати оно освѣщается! Какъ свѣтлы часы, въ которые взошло для насъ облако свѣта! Сколь прекрасные розовые лучи показало солнце и выглянуло въ поднебесную свѣтлѣйшимъ свѣтомъ, когда устроена для Солнца правды колесница! Какъ радостнѣйшимъ для міра свѣтомъ освѣтилось небо, когда явилось Небо преславное и пространнѣйшее! Какъ источали облака веселіе, когда надъ предѣлами міра распустилось облако съ живоноснымъ дождемъ! Какъ свято мѣсто и преславно жилище, гдѣ рождено священіе Божіе, гдѣ положено основаніе дому славы, гдѣ устроенъ всесвятый и необъятный храмъ! Вожделѣнную и святую землю эту получила земля, какъ божественный залогъ свободы (Рим. 8, 21), какъ причину обновленія міра, чрезъ которую онъ освободился отъ проклятія, осудившаго его на произрастеніе терній. и произвелъ плоды благословенія. Блаженъ домъ, произведшій духовную скинію! Преблаженна знаменитость родителей, удостовшихся единственной преславной славы! Достопочтенно поименованіе соплеменниковъ, включенныхъ въ родословныя. Боговдохновенны предсказанія о настоящемъ днѣ. Преславны знаки рожденія. Вождѣленны пелены, принявшія царскую багряницу. Благословенны руки, прикоснувшіяся къ царицѣ всего. Какъ прекрасны были

возникающіе тогда символы нашего спасенія! Какъ все твореніе исполнялось тогда неизреченнаго веселія! Ликовали сонмы ангеловъ. Святое святыхъ готовилось къ принятію единственнаго освященія.

Все радовалось тогда при рожденіи его; но и нынѣ обильно изливается тогдашняя благодать. И нынѣ преизбыточествуетъ непрерывно наслажденіе радующихся, черезъ край текутъ рѣки непрестанной радости, и, кругомъ обтекая всю подпебесную, во всѣ стороны разливаютъ неисчерпаемую благодать. Ибо разверзлась бездна благъ и пріятные источники льются подобно потокамъ ея. Нынѣ, какъ чрезъ каналы, проводится въ природу богатство милосердія. Мысленныя долины приносятъ обильный плодъ добродѣтелей. Нынѣ раскрываются нерасхищаемыя сокровища. Нынѣ отверзаются двери царства. Нынѣ составляется согласное достодолжное ликованіе умныхъ силъ. Нынѣ небесное соединяется съ земнымъ. Нынѣ сорадуются намъ чины ангельскіе. Нынѣ славно ликуютъ съ нами умныя существа; ибо они храмъ Твой почитаютъ небомъ, а совершаемое въ немъ—небеснымъ. Вмѣстѣ съ нами возсылаютъ они благодаренія къ Богу; вмѣстѣ съ нѣвцами воспѣваютъ хвалу Твою. Они отражаютъ Твое пресвѣтлое блистаніе и распространяютъ сладость духовнаго свѣта духовнымъ сіяніемъ. Но слово призываетъ насъ къ радости о рождествѣ Богородицы и предлагаетъ ликовать вмѣстѣ съ родившею ее и торжествовать съ нею. Праведнѣйшая изъ матерей Анна, родивъ несравнимую ни съ чѣмъ матерь, приглашая всѣхъ къ участію въ своей радости, начинаетъ приглашеніе съ

высшаго и разумнаго. „Предстаньте лики безплотныхъ, и воспойте со мною общему Владыкѣ согласное славословіе. Принесите, вѣстники плодоприношенія моего, благодареніе Давшему его. Приди, глава рода человѣческаго, если сколько нибудь чувствуешь призывъ, присутствуй при общей радости и созерцай здѣсь залоги издревле ожидаемаго обновленія, разрѣшеніе узъ проклятія, начатокъ вѣчной радости, освобожденіе отъ долговременнаго осужденія. Приди, прародительница, съ символами облегченія мукъ рожденія: приди и первая услышь благовѣстіе о раздраніи рукописаній печали. Предстань, сонмъ праотцевъ и праведныхъ, и узнай о началѣ исполненія благъ, заключавшихся въ надеждѣ. Взирай, громогласный ликъ пророковъ, на то, что полагается предѣлъ обѣтованнымъ предсказаніямъ, провозглашай, что пророчества начинаютъ оправдываться, образы переходятъ въ истину и гаданія въ дѣйствительность. Приди, праотецъ Давидъ, сорадуйся тому велелѣнію, которое произошло изъ твоихъ ложеснъ. Отъ царственнаго древа произросла царственная отрасль. Непреложныя клятвы получаютъ предѣлъ. Предложенъ царственнѣйшій престолъ. Положено основаніе нерушимымъ чертогамъ. Царица и дочь, приклонивъ ухо (Псал. 44. 11) и внявъ твоему отеческому голосу, показала себя высшею требованій природы. Она не связывается отцовскимъ закономъ относительно сочувствія родителямъ. Она забываетъ человѣческое (Псал. 44. 11), хотя остается въ свойственномъ людямъ. Она соединяется чистѣйшею любовію съ Царемъ. Для Его любви уготовала она красоты своей чистоты; ихъ любитъ

Царь (Псал. 44, 12). Онъ восхищается красотами непорочности, любитъ непорочную красоту, и потому преимущественно любитъ одну родившуюся нынѣ, какъ въ высшей степени украшенную непорочностію. Пусть богатые упоминаемые въ божественныхъ видѣніяхъ (Псал. 44, 13), умоляютъ вожделѣнное лице ея; пусть восхваляютъ ея внутреннюю славу (Псал. 44, 14); пусть величаютъ неизреченно сокровенную въ ней красоту; пусть чтутъ одежду ея, испещренную (Псал. 44, 10) позлащенными сіяніями Духа; пусть изумляются прелести преимуществъ, облегающей ее снаружи. Приготовьте дѣвъ, которыя сопровождали бы ее; приготовьте сонмъ, который несъ бы предъ нею свѣтильники. Украсьте пути въ храмъ для Царицы всѣхъ святыхъ. Изготовьте на вшествіе ея туда приличное славословіе. Ибо обѣщанная дарована, и дарованная приготовляется къ отдачѣ Давиду. Придите и вы, оставшіеся въ живыхъ соплеменники, поносившіе нѣкогда меня за безчадіе; смотрите, что безчестіе снято счастливымъ рожденіемъ. Придите, смотрите на матерь, бывшую бездѣтною, награжденную великимъ младенцемъ. Ликуйте вмѣстѣ племена, видя осуществленіе надежды отцевъ. Радуйтесь соплеменники и принадлежащіе къ одному со мною роду, получивъ общее счастіе. Пируйте съ радостію, общею мнѣ и всѣмъ вамъ, собиратели преизобильнаго богатства изъ безплодной страны, видящіе источникъ, истекшій изъ безводнаго камня, благоплодіе неплодія, славу послѣ поношенія, завершеніе молитвъ сверхъ желанія и древле обѣтованное роду

человѣческому благословеніе, осуществившееся въ неплодіи естества".

Такъ славословила мать и обнаруживала наполнявшую ее радость въ благодареніи. Но послѣдующее чудное событіе навело ее на высшее и соотвѣтственное ему размышленіе. Новорожденная, когда наступилъ ей седьмой мѣсяцъ, не по возрасту своему сдѣлала семь шаговъ. Принявъ это за знаменіе будущихъ новыхъ явленій, мать назначаетъ ей пребываніе и мѣсто въ жилищѣ Божіемъ. „Живъ Господь Богъ мой, говоритъ она, ты не будешь ходить по этой землѣ, доколѣ я не отведу тебя въ храмъ Господень". О благодать, возсіявшая для матери отъ Бога! О внушенное Духомъ и мудрѣйшее разсужденіе! „Дивное, говоритъ мать, совершается надъ тобою, дитя. Новое и неожиданное явлено на тебѣ величіе. Предварительныя знаменія сообразны ожидающей тебя жизни. Итакъ, тебѣ не прилично ступать по неосвященной землѣ. Ты будешь помѣщена въ священномъ мѣстѣ, какъ въ избранномъ обиталищѣ. Служи въ храмѣ Владыки. Пренепорочныя ноги пусть держитъ чистое мѣсто. Пречистую голубицу, которую я приготовлю, чтобы исполнить обѣтъ, пусть сохраняетъ внѣмірный образъ жизни". „Мать ея, говорится, устроила святое мѣсто въ спальнѣ, и постаралась удалить ради ея все мірское и нечистое". Да, нужно было, чтобы избранный храмъ пребывалъ въ освященныхъ покояхъ. Нужно было, чтобы соотвѣтственно послѣдующимъ чудеснымъ событіямъ проходила юность той, которая почтена была чуднымъ достоинствомъ, которая одна изъ человѣческаго рода

получила высочайшее преимущество, которая хотя не была изъята изъ него, однако прославлена несравненно болѣе всѣхъ твореній. Такъ конечно помышляла святая и высокая духомъ мать. Отецъ же выражалъ духовную радость видимою для глазъ веселостію, и съ теченіемъ времени на дѣлѣ показалъ усиливпуюся радость. Онъ приготовилъ и разнообразно убралъ великолѣпное мѣсто и вмѣстѣ съ пріятнѣйшими яствами предложилъ священникамъ и учителямъ сладость самой обильной радости. Ибо, призвавъ ихъ и предложивъ имъ возлечь, онъ услаждалъ ихъ великою свѣтлостію ума болѣе, чѣмъ разнообразными яствами. Тогда же услаждала пиръ и нѣкоторая божественная благодать, указывавшая на чрезвычайно нѣжный и кроткій нравъ рожденной, привлекающій самую сильную любовь къ ней, и предвозвѣщавшая о сладости богопознанія, имѣющей распространиться чрезъ нее всюду безъ различія. Такимъ образомъ, вкушавшихъ за щедрою трапезою исполняла и благодать Духа по достоинству тѣхъ, кому, по просьбѣ ихъ, показала мать ту, чрезъ которую сама пріобрѣтала славу. Ибо, когда во время пиршества, при общей радости всѣхъ, вынесена была на рукахъ та, которая одна только блистала нѣжною и ни съ чѣмъ несравнимою красотою, которая имѣла неподдѣльную прелесть, — этотъ благородный отпрыскъ рода, цвѣтущая отрасль естества, — та, которая оживлена была символами непрестанной радости, которая хранила въ себѣ сокровища благъ и богатство благословенія, присутствующіе на пиру сперва изумляются боговидной красотѣ ея, потомъ пиръ ихъ исполняется пріятнѣй-

шаго веселія, когда всѣ они стали поздравлять и привѣтствовать другъ друга радостными словами, а священники, совершая лучшее дѣло благодаренія Богу, возносили слова богодухновенной молитвы. Вотъ что и подобное сему выражалось тогда, такъ что все это почитается вѣрнѣйшимъ пророчествомъ о будущемъ. Ибо одни, призывая Бога отцевъ, молили Его благословить отроковицу и дать ей имя вѣчное, а другіе молили, чтобы всевышній Богъ, призрѣвъ, украсилъ ее благословеніемъ, не имѣющимъ преемства. „Дай ей, сказано, имя вѣчное во всѣхъ родахъ, и благослови ее такимъ благословеніемъ, которое не имѣетъ преемства“. Все это предсказанія о томъ, что уже исполнилось: имя вѣчное, слава во всѣхъ родахъ и вѣчное благословеніе. Призывали же Бога всевышняго, Бога чудесъ, совершающаго новыя необычайныя и неизреченныя дѣла, превосходящаго всякій сотворенный умъ. „Боже всевышній!, сказано, призри на отроковицу эту и благослови ее такимъ благословеніемъ, которое не имѣетъ преемства“. Сказано „всевышній“, т. е. высшій всего, что̀ превышаетъ умъ, необъятно мыслію, неизъяснимо и непостижимо. Ибо „Богъ высокъ надъ всѣми народами“ (Псал. 98, 2), т. е. пречуденъ и выше всякой высокой мысли ума. Необычайныя событія не постигаются умомъ, не могутъ быть изъяснены словомъ; они парятъ выше небесъ, скрыты отъ пониманія безплотныхъ, ускользаютъ проницательнаго взора многоочитыхъ. Они могутъ быть объяты только чудомъ и молчаніемъ.

Но мать опять собираетъ насъ на сладостный пиръ въ честь рожденія и велитъ пропѣть съ нею вторич-

ную благодарственную пѣснь. Такъ поперемѣнными сладостями славословія она щедро угощаетъ какъ тогдашнихъ, такъ и нынѣшнихъ гостей. Какъ же пріятна пѣснь, посмая съ матерію другими! Какъ вождѣленны для зрителей матернія объятія милѣйшаго дитяти, и пророчества, раздавшіяся тогда вмѣстѣ съ благодареніемъ! Ибо. такъ какъ она прозрѣвала соотвѣтствующее тому, что прежде возвѣщено было и выражено священниками въ видѣ молитвы; то не удерживаетъ болѣе обременяющей ее пророческой благодати, но обнаруживаетъ скрытое сокровище и предлагаетъ общее и свое собственное богатство собранію. Ибо мать взяла съ пира свое утѣшеніе и увеселеніе всей природы, и, держа на лонѣ, обнимала и лобызала его, а затѣмъ, поспѣшно унося его въ освященную комнату, съ пламенною душею и еще болѣе пламеннымъ помышленіемъ, начала въ слухъ всѣхъ пѣть благодарственную и пророчественную пѣснь Духа, говоря: „Воспою пѣснь Господу Богу моему, ибо Онъ призрѣлъ на меня, снялъ съ меня попошеніе и далъ мнѣ плодъ правды своей, единственный, многоцѣнный, вѣчный“. Эти слова пѣсни изливаются не отъ одной чрезмѣрной радости, но и какъ несомнѣнное пророчество и плодъ вѣры въ то. что имѣло совершиться; ибо важно и сказанное, но еще важнѣе постигаемое умомъ въ глубинѣ сокровенныхъ таинъ. „Воспою пѣснь Господу Богу моему“. Воспою пѣснь Господу Богу моему, сказала она, за дивныя дѣла Его. Ибо по Его могуществу исполнилось то, что превышало ожиданіе, и укрѣплено немощное естество. По Его человѣколюбію я разрѣшилась отъ узъ неплодія и освободилась

отъ поношеній безчадія. „Снялъ съ меня поношеніе, говоритъ она, и далъ мнѣ плодъ правды своей“. Все приписываетъ Давшему и ничего не усвояетъ себѣ. Ибо это означаетъ постоянство ея въ молитвѣ, и такое сужденіе ея служитъ доказательствомъ ея неложнаго смиренія. Не сказала она: плодъ молитвы, или слезъ, или трудовъ, но: „плодъ правды своей“. Даръ, говоритъ, единой правды Его; какъ-бы такъ сказала: Онъ самъ прилагаетъ попеченіе о созданіи своемъ по правдѣ своей, превышающей всякій умъ. Замѣть же, какъ она благоговѣйно и вмѣстѣ глубоко указала на божественное домостроительство; ибо она введена въ тайну его божественнымъ Духомъ. Единственнымъ же называетъ она плодъ свой или потому, что онъ единородный, или потому, что онъ одинъ избранъ для такой правды. Называетъ она его и многоцѣннымъ, какъ доставляющій преизобильное богатство. А какъ она назвала его плодомъ многоцѣнымъ, то, дабы кто не помыслилъ, что онъ преходящій, обозначила, что онъ всегдашній и нескончаемый. Ибо то преизобильное, превышающее умъ и ожиданіе и неотъемлемое сокровище, которое получила она въ наслѣдіе, получила навсегда. Сверхъ всякаго ожиданія источился для нея источникъ неисчерпаемыхъ благъ. „Далъ плодъ, сказала она, единственный, многоцѣнный, вѣчный“. Ибо это одинъ многообильный плодъ во всѣхъ родахъ; онъ одинъ виновникъ безсмертія; онъ одинъ вынесъ нетлѣніе изъ единой невоздѣланной земли; онъ одинъ отверзъ сокровища благословенія; онъ одинъ раскрылъ вмѣстилища радости; онъ одинъ доставилъ вѣчную славу своимъ произрасти-

телямъ; онъ одинъ возвѣстилъ вѣчное царство роду человѣческому.

Чрезъ Тебя, Владычица, сдѣлались доступными благодатные дары, превышающіе всякій умъ и слово; поэтому нужно, чтобы и великолѣпіе похвалъ, прославляющихъ ихъ, было безмѣрно и превосходило всякую силу краснорѣчія. Но мы не имѣемъ силъ къ такимъ похваламъ и краснорѣчію Впрочемъ облагодѣтельствованные, по возможности, воздаютъ благодарность вмѣстѣ съ матерію Твоею. Какую, въ самомъ дѣлѣ, благодарность подсказывали ей отрѣшенные отъ вѣчныхъ узъ и освобожденные отъ темной стражи, когда видѣли, что чрезъ принятую отъ Тебя плоть попирается смерть, опустошаются вмѣстилища ада и всѣ мертвые вдругъ исторгаются и освобождаются отъ мучительской власти, а сами они опять устремляются къ вѣчной жизни? Праотецъ Адамъ, величая Тебя, вотъ какія благохваленія обращаетъ къ Тебѣ, говоря: „О дочь, какая Ты отрасль, произшедшая отъ моего сѣмени! Какую цвѣтущую вѣтвь произвела отъ меня природа! Какой разцвѣлъ цвѣтъ благословенія!—цвѣтъ, благоухающій радостію, удаляющій горечь моей печали; цвѣтъ, цвѣтущій неувядаемымъ наслажденіемъ; цвѣтъ, изъ котораго извлечено многоцѣнное муро, отъ котораго заблагоухало благовоніемъ моего обновленія. О отрасль, чрезъ которую увяло древо преступленія; отрасль, отъ которой произрасло древо жизни, облеченное плотію, силою котораго искоренена смерть, внесенная непослушаніемъ. О корень, произрастившій древо воскресенія, зеленѣющее безсмертіемъ, приносящее обильные плоды благодати, плодъ

котораго не оскудѣетъ и наслажденіе сохранится во вѣки. О дочь, виновница веселія, причина восторга, ходатаица радости! О разрѣшеніе печали, освобожденіе отъ уныпія, укрѣпленіе въ трудахъ, прекращеніе пота! О злоторупная агница, отъ которой Создатель заимствовалъ одѣяніе и покрылъ мою наготу, прикрылъ безобразіе моего стыда, разорвалъ кожаныя одежды, облекъ въ прежнее благолѣпіе, украсилъ первобытною красотою! Радуйся, дочь, уста моего дерзновенія, слава праматери, пречевство ея болѣзней рожденія, радость праотцевъ и веселіе рода человѣческаго. Радуйся, дочь и госпожа; ибо мы проповѣдуемъ о тебѣ, какъ госпожѣ, и знаемъ тебя, какъ дочь. Славимъ тебя, какъ царицу, мы, прославленные славою твоею; хвалимся твоимъ богатствомъ мы, возвратившіе чрезъ тебя древнее достоинство и наслаждающіеся твоими красотами". Такова благодарность Тебѣ отъ прародителей. А сколько благодареній Тебѣ отъ пророковъ и праведныхъ и какія онѣ, возвѣститъ настоящее слово.

Пророки и праведные желали видѣть день твой, и желали прерадостно. Искали они предѣла обѣтованій и, узнавъ, что онѣ исполнятся во Христѣ, съ радостію изслѣдовали образъ исполненія. Съ восторгомъ возсылали они молитвы, и, соединяя молитву съ радостію, испрашивали то, чего искали. Они возрадовались, видя день твой, именно настоящій день твоего рожденія, въ который открылось таинство домостроительства, въ который Тотъ, кто избралъ тебя изъ всего рода человѣческаго, распространилъ чрезъ тебя радость на всѣ творенія, которой никто не можетъ отнять. „Видѣли, ска-

зано, и возрадовались“ (Іоан. 8, 56). Таинственно увидѣли будущее, какъ настоящее. Прозрѣли неизреченное уничиженіе Бога для людей. Видѣли воплощеніе Слова отъ Тебя. Узнали новыя и неизреченныя таинства: чудное возсозданіе рода человѣческаго, превышающее умъ примиреніе. Видѣли тебя, престолъ херувимскій, чертогъ царскій, пренебесное небо, храмъ всесвятый, скинію преславную. Видѣли тебя, стамну, позлащенную Духомъ, стамну, содержащую манну безсмертія, трапезу, носящую хлѣбъ жизни. Видѣли тебя, держащую въ объятіяхъ пребывающаго въ лонѣ Отца, сопрестольнаго Родитело, образъ упостаси Его, единосущный свѣтъ, равномощную силу, единосущную славу, нераздѣльное владычество. Видѣли тѣлеснымъ образомъ содержимымъ въ объятіяхъ твоихъ Того, кто все содержитъ дланію, единымъ мановеніемъ производитъ бытіе сущаго, своимъ промысломъ сохраняетъ существованіе сотвореннаго, — Царя и Создателя небесныхъ силъ. О богатство благости Твоей, Господи! Величаемъ Тебя, Владыко! Премного благословляемъ попеченіе Твое за всѣ благодѣянія, которыя Ты излилъ на насъ, особенно же за это таинство и за то, что даровалъ намъ такое украшеніе — Твою пренепорочную матерь, общую виновницу радости, веселіе небесныхъ чиновъ, непрестанное торжество природы, утѣшеніе рода человѣческаго, оживотвореніе изнемогшихъ прародителей, чрезъ которую удержаны потоки слезъ праматери, остановлены источники пота прародителя. Она—умерщвленіе печали, врачевство болѣзней, освобожденіе отъ стоновъ, облегченіе трудовъ, начало вѣчнаго покоя.

Когда ты, Владыко, сотворилъ солнце и луну съ звѣздами, Тебя восхвалили всѣ разумныя силы (Іов. 38, 7). Тѣмъ болѣе восхвалили они Тебя нынѣ, когда Ты, для совершенія страшнаго таинства, избралъ изъ нашего рода пренепорочную матерь и предложилъ намъ такое сокровище. Такою Ты укрѣпилъ насъ надеждою. О счастливый удѣлъ рода нашего! какого ты удостоился посредничества! Какой хоръ ангеловъ можетъ высказать Тебѣ, Господи слово, достойное этого дара? Какіе уста, неумолкаемо воспѣвающія хвалебныя пѣсни, могутъ принести Тебѣ благодарность за нее? Ты поставилъ ее владычицею рода нашего. Чрезъ нее Ты неизреченно совершилъ пришествіе свое къ намъ; отъ нея Ты облекся въ наше естество и чрезъ нее обновилъ его. Чрезъ нее Ты совершилъ свое примиреніе съ нами, а чрезъ Себя — со Отцемъ. Ты даровалъ ее человѣческой природѣ, какъ уста и похваленіе. Чрезъ нее Ты почтилъ нашу природу, прежде презрѣнную; чрезъ нее обратилъ Ты безславіе въ славу. Чрезъ нее Ты исправилъ наше безобразіе и измѣнилъ его на красоту. Ты поставилъ ее посредницею, руководящею насъ къ Твоей благости, исправительницею заблужденій рода человѣческаго. Ты положилъ ее мостомъ, переправляющимъ мірское море и приводящимъ къ Твоему тихому пристанищу. Ты утвердилъ ее какъ-бы лѣстницу, возводящую отъ печали къ радости и отъ земли на небо. Ты сдѣлалъ ее спасительною пристанью. Ты основалъ ее, какъ стѣну непреодолимую и окопъ неприступный. Ты показалъ ее оружіемъ всесильнымъ и побѣдою непобѣдимою. Ты предложилъ ее, какъ благопотребную

врачебницу душъ и тѣлъ, утѣшеніе скорбящихъ, облегченіе удручаемыхъ болѣзнями, подкрѣпленіе унывающихъ, какъ все для всѣхъ, чтобы исцѣлять ей язвы естества.

О многожеланный предметъ величанія нашего! Видишь, какія соплетаемъ мы Тебѣ благодаренія, похваляясь Тобою, какимъ почитаемъ Тебя украшеніемъ для себя? Поистинѣ ты величіе и вѣрный знакъ благодати Владычней. Ты же взаимно воздай намъ новыми благодѣяніями, хотя и полученныя уже выше всякаго слова и похвалы. Мы не только исповѣдуемъ, что получили ихъ, но и не въ состояніи восхвалить ихъ по достоинству. Ибо онѣ таковы, что не могутъ быть ни обняты умомъ, ни высказаны словомъ. Такими дивными достоинствами украсилъ тебя общій всѣхъ Владыка. Такою почтилъ Онъ тебя властію. Поставивъ тебя владычицею всего, Онъ даровалъ тебѣ верховную власть и непоколебимость ея запечатлѣлъ обнаруженіемъ ея на дѣлѣ. Ибо Ты управляешь и царствуешь и владычествуешь надъ всѣми тварями: это для Него слава, это Его воля. Чрезъ тебя онъ благодѣтельствуетъ своему созданію; и любитъ Онъ исполнять твою волю, а ты любишь соизволять на наши молитвы. Предвидя, что ты одна будешь подражать благоутробію Его, Онъ къ волѣ твоей присоединилъ могущество. Услаждаясь полнымъ человѣколюбія расположеніемъ, Онъ щедро одарилъ Тебя могуществомъ. Онъ радуется о твоемъ милосердіи, потому что и желаетъ милости и есть Отецъ милосердія и единый Богъ всякаго утѣшенія (2 Кор. 1, 3). Даруй благодать просящимъ ее и не ли-

шай благодѣяній дара за наши прегрѣшенія, но милостиво устрой какъ исправленіе во грѣхахъ, такъ и раздаяніе благодѣяній, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, которому принадлежитъ слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

(*)

Восхитительно знамя настоящаго праздника и потому устремляетъ притекшее на этотъ праздникъ собраніе къ безпредѣльному свѣту. Блестяще содержаніе настоящей рѣчи нашей и обѣщаетъ отличное поле для наслажденія. И красота луговъ возбуждаетъ у ходящихъ внѣ ихъ желаніе идти въ нихъ не съ такою силою, съ какою привлекаетъ къ себѣ желающихъ благоухающій похвалами садъ Дѣвы. Ибо лугъ этотъ, благоуханнѣйшій всѣхъ луговъ, покрытъ не весенними цвѣтами, доставляющими скоропреходящее часовое наслажденіе, но, испуская благоуханіе благодати, напаяетъ имъ чувство и привлекаетъ къ себѣ душу величайшею пріятностію раздающагося по нему. Наслажденіе, получаемое чувствомъ на лугахъ до насыщенія, впослѣдствіи постепенно уменьшается по мѣрѣ встрѣчи съ предметами луговъ тѣхъ; но на лугахъ Дѣвы не только остается благоуханіе отъ прежняго, но и возбуждается сильнѣйшее желаніе послѣдующаго. Тамъ взоръ наслаждается красотою, со временемъ увядающею, а здѣсь созерцаемая красота доставляетъ душѣ наслажденіе постоянное.

(*) Премудраго Іакова, монаха, Слово, составленное изъ божественныхъ Писаній на слова: «когда отроковица достигла трехъ лѣтъ» и проч. (смес. стр. 62 въ примѣч.) Patrolog curs. compl. tom. CXXVII. pag. 600—632. Paris. 1860.

Но законъ духовный запрещаетъ входъ въ этотъ рай всякому, кто, будучи заражень какимъ либо мерзкимъ и мертвымъ помышленіемъ, не омылъ одежды своей совѣсти по заповѣди Моисея (Лев. 11, 28. Числ. 19, 12). И какъ тѣ, которые удостоились быть тѣлохранителями земныхъ царей, съ дерзновеніемъ исполняютъ свою должность, если облечены въ славную, блестящую и соотвѣтствующую пышности властелина одежду, если же будутъ одѣты въ одежду дурную, печальную и не приличную царскимъ провожатымъ, то бываютъ прогоняемы и отвергаемы: такимъ же образомъ должно разсуждать и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о нашей Царицѣ. Если мы будемъ украшены добродѣтелями и сіять чистотою; то можемъ невозбранно участвовать въ сопровожденіи Ея; если же окажемся покрытыми срамотою грѣховъ, какъ-бы какою нибудь мрачною одеждою, то будемъ отвергнуты отъ служенія Ей. А такъ какъ я облеченъ въ нечистую одежду грѣховъ и не имѣю одѣянія, достойнаго Царицы, и можетъ быть я только одинъ таковъ; то опасаюсь, какъ-бы не услышать мнѣ справедливыя слова: „другъ, какъ дерзнулъ произносить чистѣйшее слово ты, запачканный грѣхомъ и носящій мрачное одѣяніе? И поелику, не смотря на такую одежду, ты дерзко взялся за это слово, то будешь изгнанъ вонъ изъ самаго преддверія его“. Но какую буду испытывать я душевную муку, когда не будетъ удовлетворено мое желаніе? Будучи таковымъ, я знаю, что поступаю дерзко, подражаю наглости псовъ, которые, по изреченію извѣстной хананеянки (Матѳ. 15, 27), и будучи отгоняемы, насыщаются крохами гос-

подъ своихъ. Но можетъ быть обнаруженіе дерзновенія въ этомъ случаѣ значитъ тоже, что всенародно обвинять свое внутреннее настроеніе, а это преклоняетъ Царицу къ милосердію и побуждаетъ Ее не отвергать отъ своей трапезы. Поэтому я и дерзаю прикоснуться къ этому перлу.

„Когда отроковица, сказано, достигла трехъ лѣтъ. Іоакимъ сказалъ: позовемъ непорочныхъ дочерей еврейскихъ, и пусть онѣ возмутъ по свѣтильнику“. Смотри, какъ ходъ событія оказывается соотвѣтствующимъ тому, что издревле пророчески сказано о Дѣвѣ, и какъ предсказанія исполняются самымъ дѣломъ. Ибо въ томъ, что устроивается сонмъ непорочныхъ дочерей еврейскихъ, которыя сопровождали бы Ее какъ тѣлохранительницы и предшествовали Ей во время шествія въ храмъ, сбывается пророчество праотца Давида, который восклицалъ на этотъ случай: „приведутся за нею дѣвы, введутся въ храмъ Царевъ“ (Псал. 44, 15. 16). Да, слѣдовало, чтобы это было предуказано такими предвозвѣстіями, напередъ провозглашено такимъ глашатаемъ и предварительно указано, какъ устроить сопровожденіе преславнаго начатка рода нашего. Слѣдовало, чтобы единственная слава дѣвства была увѣнчана непорочными славословіями; слѣдовало, чтобы единственной чистотѣ, посвящаемой въ даръ Богу, предшествовали чистые шаги; слѣдовало, чтобы чертогъ, блистающій свѣтомъ непорочности, былъ освѣщаемъ факелами непорочныхъ дѣвъ, озаряемъ чистымъ свѣтомъ и таковымъ шествіемъ посвященъ на дѣло домостроительства.

„Пусть возьмутъ идущія впередъ дѣвы свѣтильники и пусть стоятъ съ ними, возженными". Зачѣмъ ты, праведный, повелѣваешь сдѣлать это? Во-первыхъ потому, отвѣчаетъ онъ, я устрояю свѣтоносный хоръ, что почитаю это должною почестію той, которая посвящается Богу. Во-вторыхъ потому, что тихимъ и обычнымъ шествіемъ дѣвъ и наслажденіемъ свѣтомъ отъ горящихъ свѣтильниковъ я предполагаю достигнуть того, чтобы посвящаемая Богу не возвратилась назадъ. Ибо, что производитъ радость въ самомъ началѣ, то содѣйствуетъ къ сохраненію благодушія и въ продолженіи всего дѣла. Ибо я, основываясь на несомнѣнныхъ соображеніяхъ, знаю, что она, поддерживаемая божественною благодатію, укрѣпляемая любовію Сильнаго и ведомая на высоту терпѣнія, отнюдь не перемѣнитъ своего намѣренія, и, пренебрегши всѣмъ мірскимъ и приросши къ единой любви Принимающаго Ее, будетъ пребывать въ волѣ Его одного. Кромѣ того, я удостовѣряю и относительно того, что не только изволеніе, по которому она посвящается Богу, останется неизмѣннымъ, но и умственная борьба нимало не перемѣнитъ рѣшимости, по которой она хочетъ сохранить себя даромъ Богу всегдашнимъ и всецѣлымъ, чѣмъ и привлечетъ къ себѣ любовь Его.

Что же это значитъ, Іоакимъ? Ты домогаешся того, чтобы она и воспоминаніемъ не заявила какой либо естественной привязанности? не позволяешь, чтобы она даже внутренними помыслами устремлялась къ чему нибудь временному? Ибо быть отданнымъ Богу значитъ, по твоему, тоже, что и сердечно не бесѣдовать о вре-

меяномъ. „Да, отвѣчаетъ отецъ; для меня драгоцѣннѣе всѣхъ благъ то, чтобы плодъ мой принадлежалъ Давшему его. И такъ какъ онъ дарованъ мнѣ сверхъ ожиданія человѣческаго; то пусть видно будетъ всѣмъ, что преславный прибытокъ отдается Дарователю. Это для меня драгоцѣннѣе всего, чего только я могу желать; это награда, высшая всѣхъ и всякихъ трудовъ и славныхъ подвиговъ; это богатство, превосходящее всякую надежду; изъ-за такого воздаянія подъяты терпѣніе, молитвы, труды; для полученія его сдѣланы обѣты; за такой исходъ принесены благодарственныя славословія и обильныя жертвы.

Вотъ съ какою душевною готовностію и несомнѣнною увѣренностію повелъ отецъ преславную Дѣву въ храмъ. Она же шла, очищая чистѣйшими ногами землю, по которой ступала, и разливая въ воздухѣ благовоніе святости. Ее украпали не разнообразныя чувственныя одежды, не золотыя ожерелья и не яркій блескъ соединенныхъ между собою драгоцѣнныхъ камней, но пресвѣтлое одѣяніе чистоты, драгоцѣннѣйшее всякаго золота, прекраснѣйшая всего свѣтлость душевная. Подлѣ нея шла мать, счастливая этою двойною красотою дочери, и концами пальцевъ поддерживала длинныя и широкія одежды, въ которыхъ было дитя, то приподнимая, то, если онѣ раскидывались, стягивая и красиво прилаживая ихъ.

Потомъ мать, постоянно наклоняясь къ слуху ея, внушала ей слѣдующія чувства. „Вожделѣненъ, говорила она, былъ для меня день твоего рожденія, Богодарованное дитя; достолюбезны и милы благовѣстія,

предвозвѣстившія его; ибо и эти обѣтованія дарованы мнѣ сверхъ всякаго чаянія по одной божественной благости. Но гораздо вожделѣннѣе настоящій день, виновникъ единственно желаннаго мною блага,—день, въ который я приношу тебя, собственность свою, Владыкѣ, въ который я посвящаю тебя, первый и послѣдній плодъ моихъ болѣзней рожденія, Тому, кто далъ мнѣ тебя. Преславны обѣтованія Божіи о тебѣ; но благословенъ и день, въ который они пріемлютъ неложное исполненіе. Ибо день твоего рожденія принесъ мнѣ избавленіе отъ поношеній, разрѣшеніе неплодія и исполненіе моихъ молитвъ; настоящій же день явился провозвѣстникомъ высшей славы, дерзновенія и превосходящаго всякую надежду благословенія для рода человѣческаго. И тотъ день былъ торжествомъ по причинѣ благодареній за твое рожденіе; а этотъ блистаетъ очаровательностію по причинѣ усвоенія тебя Богу. Нынѣ я исполняю обѣты Богу; нынѣ я отдаю Ему тебя, плодъ своихъ молитвъ; нынѣ чрезъ это преславное обрученіе тебя я возвеличена предъ всѣми матерями; ибо онѣ, отдавая милыхъ дочерей своихъ смертнымъ женихамъ, поставляютъ свою славу въ тлѣнныхъ чертогахъ и ненадежныхъ покояхъ; я же, обручая и отдавая тебя нынѣ безсмертному жениху, радуюсь и твоему чувственному жилищу—храму, который уподобляется небу, и восхищаюсь мысленнымъ чертогомъ божественной благодати, устроеннымъ для тебя, и прихожу въ веселіе отъ обителей непорочности и чистоты. И твое сердце будетъ всегда отвращаться отъ всего скоропреходящаго; ибо Возлюбленный тобою чистъ и

преискренепъ, и какъ Онъ самъ неизмѣняемъ, такъ сдѣлаетъ и то, чтобы и твоя любовь была обращена къ Нему всегда. Совершаемое сегодня надъ тобою необыкновенно и превосходитъ всякое ожиданіе, разумѣю— непорочнѣйшее обрученіе, таинственное посвященіе, почесть, которой удостоена ты одна изъ всѣхъ сверстницъ, усвоеніе тебя Богу и все прочее, чѣмъ предвозвѣщается роду человѣческому высшее достоинство. Поэтому я въ восторгѣ отъ радости; поэтому я сегодня выше всѣхъ матерей; ибо вотъ я теперь, какъ обѣщала, посвящаю въ домѣ Божіемъ рожденную мною. Предстаньте, лики безплотныхъ, и воспойте со мною общему Владыкѣ согласное славословіе. Принесите, вѣстники плодоприношенія моего, благодареніе Давшему его. Взирай, громогласный ликъ пророковъ, на то, что полагается предѣлъ обѣтованнымъ предсказаніямъ. Приди, сорадуйся, праотецъ Давидъ, тому, что произшедшій отъ корня твоего (Иса. 11, 1) жезлъ возрастаетъ. Царица и дочь соединяется чистѣйшею любовію съ Царемъ; для Его любви уготовала она красоты своей чистоты. Пусть умоляютъ сегодня вожделѣнное лице ея богатые, упоминаемые въ божественныхъ видѣніяхъ (Псал. 44, 13). Придите и вы, оставшіеся въ живыхъ соплеменники, предшествуйте во время шествія ея въ храмъ, приготовьте путь ей, говоря: „разширь, храмъ, обители свои къ принятію той, которая явилась обширнѣйшею видимой и невидимой твари; приготовь, для принятія ея, дѣвъ, которыя сопровождали бы ее; приготовь сонмъ, который несъ бы предъ нею свѣтильники; изготовь на вшествіе Царицы при-

личное славословіе. Пренепорочныя ноги пусть держитъ чистое мѣсто и пречистую голубицу пусть сохраняетъ внѣмірный образъ жизни; ибо нынѣ я приготовлю ее, какъ должно, и исполню обѣтъ. Зажги, храмъ, свѣтильникъ свѣта и освѣти входы. Подними, какъ знамя, высокій факелъ, и влеки къ себѣ вселенную, чтобы она посмотрѣла на свѣтлое облако, наслаждалась сіяніемъ его лучей и созерцала бьющій изъ него ключемъ источникъ свѣта. Отвори врата свои и прими врата духовныя, чрезъ которыя прошло только Слово Божіе, сохранивъ ихъ, какъ само знаетъ, запертыми (Іезек. 44, 1—3); ибо хотя она и получила названіе вратъ, однако осталась дѣвою, и хотя самымъ дѣломъ исполнила свое служеніе, но печати дѣвства не сокрушила. Подними завѣсу, чтобы принять внутрь одушевленную завѣсу Слова, скрывшую въ себѣ божество, но такъ, что бренное существо ея не сгорѣло отъ огня божества (Исх. 3, 2). Прими вызолоченный Духомъ свѣтильникъ (Исх. 25, 31), который свѣтильнею своею озаряетъ концы міра, и чрезъ который воспламенились семь даровъ Духа и освѣтили земный міръ. Прими живоносную трапезу (Исх. 25, 23), на которой предложенъ хлѣбъ нашей жизни, насыщающій божественною пищею, и поставлены сосуды мудрости, разливающіе прозрачное и чистѣйшее питіе вѣдѣнія. Укрась святое святыхъ и прими пресвятую скинію (Евр. 9, 3). Нынѣ она, какъ трехлѣтняя юница, вводится въ святое святыхъ. Нынѣ приводится въ храмъ—храмъ одушевленный, высшій небесъ и обширнѣйшій всего сотвореннаго. Нынѣ помѣщается въ храмѣ та, которая

чрезъ Рожденнаго отъ нея возвратила изгнанный родъ человѣческій на прежнее жилище. Нынѣ духовная скиній благовѣствуетъ подзаконной скиніи о благодати и велитъ буквѣ уступить мѣсто духу. Нынѣ приносится въ храмъ, какъ пріятная жертва, непорочная агница. Нынѣ чистая голубица, порхая во внутренности храма, спаслась отъ ловца злобы, ставъ выше его козней. Нынѣ вмѣстилище Духа, помѣщенное въ храмѣ, приготовляется къ принятію Слова. Нынѣ въ святое святыхъ вносится всезлатая кадильница, въ которой Слово, благоухая плотію, какъ-бы оміамомъ какимъ, наполнило благовоніемъ вселенную. Прими кивотъ святыни (Псал. 131, 8), вмѣстивній въ себѣ самого Законодателя и носившій небесную манну. Прими сокровище новаго завѣта, славную стамну, кивотъ, содержащій богоначертанныя скрижали, непостижимо и неизреченно написанное на которыхъ Слово Божіе замѣнило тяжесть закона буквы легкостію Духа. Прими священническій жезлъ (Числ. 17, 8), который безъ орошенія произрастилъ неувядаемый цвѣтъ, Господа. Прими святую и вожделѣнную землю (Псал. 105, 24), изъ которой возсіяли истина и правда (Псал. 84, 12), на которую запрещено ступать обутыми ногами (Исх. 3, 5), т. е. умомъ, зараженнымъ сомнѣніемъ и невѣріемъ. Прими тѣнистую гору, въ которой благоволило обитать Слово, на которой вселившееся естество избѣгло зараженія грѣховнаго, отъ которой безъ содѣйствія рукъ отторгшійся краеугольный камень (Дан. 2, 34) разбилъ и обратилъ въ прахъ статую врага. Прими плодоносную маслину (Псал. 51, 10), чрезъ которую протекъ веселящій

елей (Псал. 103, 15) и умастилъ (Псал. 92, 5) всѣ твари. Прими престолъ славы, царскую колесницу, на которой Слово прибыло съ плотію на землю. Обними одръ Соломоновъ, который съ копьями въ рукахъ окружаютъ шестьдесятъ сильныхъ (Пѣсн. пѣсн. 3, 7. 8). Ее предъизобразили пророческія клещи (Иса. 6, 7). имѣющія въ себѣ уголь и очищающія уста, клещи, хранимыя серафимами и предреченныя Духомъ Святымъ. Ее предъизобразила запечатанная книга, которой не могъ прочитать никто изъ умѣющихъ читать (Иса. 29, 11), но которую прочиталъ только Тотъ, кто запечаталъ и непостижимо сохранилъ ее".

Но возвратимся къ изложенію предмета. Послѣ того, какъ состоялось шествіе въ храмъ, мать сама вмѣстѣ съ сопровождавшими дѣвами подводитъ ее къ дверямъ его. Находящимися внутри храма, которые сперва слышали, а потомъ и видѣли необычайное шествіе, овладѣваетъ пріятное удивленіе и изумленіе. Ибо впереди шелъ хоръ дѣвъ, расположенный въ стройномъ порядкѣ и представлявшій пріятное зрѣлище какъ чиннымъ шествіемъ, такъ и цвѣтущею красотою юности. Отроковица же, окруженная дѣвами, несшими свѣтильники, какъ-бы тѣлохранителями, поистинѣ представляла чудное зрѣлище какъ по красотѣ, такъ и по всему внѣшнему виду. Ибо цвѣтущую красоту ихъ она помрачала свѣтлѣйшимъ сіяніемъ своего лица, подобно тому, какъ солнце побѣждаетъ сіяніе звѣздъ, а умное и вмѣстѣ спокойно веселое выраженіе лица говорило о величіи ея души. Поэтому-то и была она предметомъ удивленія не только для тѣхъ, кои находились

въ храмѣ, но и для всей природы, и засвидѣтельствовано о ней необычайными знаменіями.

Когда находившіеся въ храмѣ высыпали въ предверіе его и встрѣтились съ необычнымъ хоромъ; то священникъ Захарія, шедшій впереди всѣхъ, началъ спрашивать, кто пришедшая и какая причина ея пришествія. Тогда мать, державшая еще Дѣву на рукахъ, отвѣчала ему такъ: „отъ тебя ничего не можетъ быть скрытымъ, потому что ты священникъ великаго Бога и все нужное знаешь отъ Него самого, и менѣе всего можно думать, что бы тебѣ не извѣстно было касающееся этой отроковицы, которая, прибывъ сюда по особенному Его промыслу, стоитъ предъ тобою. И когда ты неизреченнымъ образомъ будешь посвященъ въ эти тайны, тогда не будетъ нужды въ словахъ; ты самымъ дѣломъ убѣдишься въ истинѣ. Впрочемъ, мы скажемъ въ чемъ дѣло, такъ какъ это требуется отъ насъ. У насъ, служитель Божій, не было благъ чадородія. По безсилію своей природы мы были совершенно неплодными. Поэтому у насъ исчезла надежда на потомство, и за отсутствіе чадородія мы терпѣли поношенія отъ соплеменниковъ, какъ будто мы совсѣмъ лишены были даровъ Божіихъ, поелику поносящіе не знали, что это несправедливо, не смотря на то, что это можно было знать. Ибо какъ по частной жизни, такъ и по тѣмъ плодамъ и жертвамъ, которыя приносили мы въ храмѣ, ясно было, что мы изобилуемъ благами. Итакъ, простившись съ этими благами, предавъ себя Божественному промыслу, мы совершенно повергались предъ Нимъ, прося у Него дара чадородія и осво-

божденія отъ поношеній. Для этого мы оставили всѣ настоящія и возможныя для насъ удовольствія, презрѣли богатство, пренебрегли славою, удалили пышность, оставили сообщества друзей, отвергли услуженіе рабовъ, лишили себя всякой радости. Вмѣсто всего этого мы избрали лишеніе богатства, недостатокъ въ необходимомъ, жизнь внѣ общества друзей, постъ, превышающій человѣческую природу, воздыханія и стоны, испускаемые изъ глубины души, обильныя изліянія слезъ, прилежныя прошенія и молитвы, выходящія изъ сокрушеннаго сердца и выражаемыя въ словахъ, сильныхъ привлечь милосердіе. Преклоненный этимъ всеблагій Владыка отозвался на зовъ, склонился на моленіе, умилосердился надъ добровольнымъ уничиженіемъ, услышалъ стенанія, внялъ слезамъ. Онъ укрѣпилъ слабое естество, и. посредствомъ предсказанія, обѣщалъ намъ исполненіе прошенія. Принявъ это непреложное обѣщаніе съ твердою вѣрою, мы взаимно дали обѣтъ посвятить Обѣщавшему дитя, которое дастся намъ, будетъ ли оно мужескаго пола или женскаго; и вотъ мы оставляемъ ее, какъ нѣкую божественную рѣдкость, въ прославномъ храмѣ Его. Дитя наше, говорю, есть даръ промысла Дарователя; ты видишь, что оно возвращается нами нынѣ Дателю и свободно посвящается его родителями, а сопровождаетъ его хоръ дѣвъ съ свѣтильниками въ рукахъ, о причинѣ чего, по плану домостроительства, ты, можетъ быть, извѣщенъ уже свыше отъ самого Виновника домостроительства. Итакъ прими его внутрь святилища и сохрани его для Бога. Необращай вниманія на необычайность дѣла, не

почитай неприличнымъ такое посвященіе, не думай, будто непристойно, чтобы приведенная, какъ лице женскаго пола, обитала въ святилищѣ и была сослужительницею Божіихъ служителей. Когда Богъ обѣтовалъ даровать намъ дитя, мы съ своей стороны тоже дали обѣтъ посвятить Ему дарованное. Если бы это было неприлично, то Онъ не устроилъ бы того, чтобы отроковица наша явилась на свѣтъ, и не допустилъ бы, чтобы наше намѣреніе исполнилось. Принявъ это во вниманіе, божественный Захарія, благослови пришествіе ея и радостно соверши посвященіе ея. Прими принятую уже прежде Богомъ; прими первый и послѣдній плодъ нашъ, полученный нами сверхъ ожиданія; прими единородную, дарованную намъ въ воздаяніе за многія молитвы".

Когда Анна окончила рѣчь свою, Захарія взялъ отроковицу изъ рукъ ея, облобызалъ и благословилъ ее и сказалъ: „возвеличилъ Господь Богъ имя твое во всѣхъ родахъ". Онъ облобызалъ и благословилъ ее. Лобзаніе было знакомъ промышленія Бога, милостиво принимавшаго ее, а благословленіе было присовокуплено какъ пророчество объ имѣвшемъ скоро послѣдовать спасеніи.

Смотри же, какъ Захарія, принявъ отъ отроковицы чистѣйшій поцѣлуй, представилъ этимъ доказательство высшаго благоволенія и любви и несомнѣннаго родства съ нею. Чрезъ это онъ въ посвящающихъ возбудилъ дерзновеніе, а въ посвящаемой радость. Но этимъ онъ еще не ограничиваетъ для нихъ предѣлы радости; своимъ, сверхъ чаянія высказаннымъ, благо-

словеніемъ онъ доставилъ имъ причину къ постоянной и нескончаемой радости. Онъ, сказано, благословилъ ее и сказалъ: „возвеличилъ Господь Богъ имя твое во всѣхъ родахъ“. Не сказалъ: возвеличиваетъ Господь имя твое, какъ будто она нынѣ возвеличивается тѣмъ, что отдается и посвящается Богу, но: „возвеличилъ Господь Богъ имя твое“. Какъ-бы такъ говорилъ онъ: хотя и теперь раскрывается слава таинствъ, совершающихся надъ тобою, и прославленіе имени твоего, кажется, ведетъ начало отъ твоего тѣлеснаго рожденія; но предвозбранное имя твое уже издревле было возвеличено по неизреченному совѣту Почтившаго тебя. Онъ вознесъ имя твое превыше славы всякой твари, прославилъ болѣе ангельскаго имени, сдѣлалъ недосягаемымъ для человѣческаго помышленія, и произвелъ то, что оно блескомъ своего величія помрачаетъ славу всякаго имени.

Изрекши такое пророчество, священникъ принесъ это самое совершенное и богоугодное всесожженіе, какъ говоритъ священная исторія, отъ рода человѣческаго. Онъ посадилъ отроковицу на третьей ступени жертвенника, потому что, сообразно каждому возрастанію ея, пріумножались ей дарованія Духа, и уже тогда она обращалась съ ангелами и не лишена была божественныхъ видѣній.

Когда она проводила жизнь во внутренности храма, Захарія замѣтилъ, что съ нею бесѣдуетъ кто-то, странный по виду, и даетъ ей пищу. Это являлся къ ней ангелъ. Захарія изумился въ умѣ своемъ и разсуждалъ такъ: „что это за явленіе? Поистинѣ это что-

то странное и необычное для здѣшняго мѣста. Явившійся имѣетъ видъ ангельскій, а между тѣмъ разговариваетъ съ отроковицею; существо безтѣлесное приноситъ пищу, потребную для тѣла. Ангелы обыкновенно являлись здѣсь только священникамъ для внушенія, что̀ должны или чего не должны они дѣлать, а самое явленіе ихъ здѣсь бываетъ не частое. Между тѣмъ ангелъ, видимый мною теперь, приходитъ къ женщинѣ часто, и притомъ къ женщинѣ малолѣтней, еще дитяти. Это совершенно неслыханное дѣло. Если бы она была изъ замужнихъ и, страдая недугомъ безплодія, не имѣла дара чадородія и испрашивала себѣ въ молитвѣ потомка; то это было бы основаніемъ къ обращенію ея съ ангеломъ и этимъ можно бы объяснить примѣчаемое теперь мною. Подобное случилось нѣкогда съ Анною и Иліемъ (1 Цар. 1, 14—18). Но теперь обитающая въ храмѣ Дѣва свободна отъ всего этого, и однакожъ мы видимъ, что съ нею постоянно бесѣдуетъ ангелъ. Это еще болѣе заставляетъ меня предполагать здѣсь чудо. Возникаютъ и овладѣваютъ умомъ сомнѣнія о томъ, что̀ здѣсь скрывается. Что̀ бы это значило? Съ какими вѣстями приходитъ ангелъ? что за пища, приносимая имъ? что это за обиліе даровъ? чѣмъ заслужила это Дѣва? Я вѣрно, по убѣжденію изъ самаго опыта знаю, что она превзошла чистотою прежнія поколѣнія; очевиднымъ доказательствомъ этого служатъ и качества ея и постоянное усовершенствованіе въ добродѣтеляхъ, которыми она привлекаетъ къ себѣ Бога. Такъ какъ она удостоена такихъ благъ; то не она ли будетъ виновницею великихъ благодѣяній Божіихъ

къ намъ? не на ней ли должны исполниться предсказанія пророковъ? не чрезъ нее ли осуществятся надежды наши? не отъ нея ли приметъ нашъ составъ Тотъ, кто имѣетъ придти для возстановленія рода человѣческаго? Таинство это уже предвозвѣщено, и Слово изъискиваетъ жену, которая послужила бы ему. Всекопечно въ служительницу этого таинства избрана будетъ не иная, но именно эта, видимая мною, отроковица. Ибо я замѣчаю, что въ ней сокрыта безмѣрная красота непорочности, которую обнаруживаютъ и открываютъ и благодѣянія къ ней Божіи. Какъ блаженъ домъ Израиля, изъ котораго прозябла такая отрасль! Какъ благословенъ корень Іессея, произрастившій эту зеленѣющую вѣтвь, имѣющую принести міру цвѣтъ спасенія! Какъ преславна и выше всякаго блаженства память родителей ея! Какую великую славу получилъ и я, насладившійся такимъ зрѣлищемъ и удостоившійся такого благодѣянія! Я буду питать къ тебѣ, храмъ Божій, вѣчную благодарность за то, что по случаю служенія тебѣ сподобился того, чего такъ желали всѣ праведные“.

Такъ Захарія недоумѣвалъ и дивился поистинѣ удивительнымъ явленіямъ относительно Дѣвы. Но мы сказали бы ему: „Въ томъ, что касается всенепорочной, ничего нѣтъ, Захарія, сомнительнаго. Въ величіяхъ ея нѣтъ ничего несообразнаго: все совершенно согласно съ истиною. Ибо прилично было обстановить такъ скинію Божію. Прилично было предложить непорочной агницѣ такой пиръ, питать ее такими яствами. Прилично было, чтобы та, которая оказалась обширнѣйшею

и чистѣйшею небесъ, съ перваго возраста воспитывалась не только въ святомъ святыхъ подзаконной скиніи, но и въ самыхъ небесахъ небесъ. Прилично было, чтобы не одинъ только ангелъ служилъ ей, но чтобы окружали ее тысячи тысячъ ангеловъ. Она, Захарія, есть высшее и чистѣйшее хранилище, въ которомъ сложены сокровища благодати, сокрытъ залогъ нашего спасенія и неизреченнымъ образомъ заключено богатство Божественнаго домостроительства. Она—нескверный сосудъ; она—свѣтопріемная страна, изъ которой возсіяли для вселенной лучи спасенія. Храмъ этотъ припялъ ее какъ премірный міръ. Благоуханіе чистоты ея превзойдетъ всѣ воскуряемыя благовонія. Блескомъ добродѣтелей она превзойдетъ многосвѣтлые свѣтильники. Она, соперничая съ славословіями ангеловъ, возноситъ Богу, которому служитъ, непрестанную хвалу. Она женскаго пола, но несравненно превосходитъ совершенства мужей. Поэтому она отвергаетъ естественныя привязанности, лишается заботы о себѣ родителей, разстается съ утѣшеніями отеческой любви, полагаетъ конецъ приверженности къ матери и отказывается отъ всѣхъ удобствъ жизни. Поэтому-то и совершились надъ нею новыя и неслыханныя событія и она допущена къ общенію таинствъ и излиты на нее обильные дары, какъ то: чудесная пища, богатство благодати, собесѣдованія съ ангелами, божественныя озаренія, пребываніе во внутренности храма, свободное хожденіе во святомъ святыхъ“.

„И далъ ей, сказано, Богъ благодать, и она отъ радости прыгала на ногахъ своихъ“. Какая благодать

разумѣется здѣсь? Или даръ Божественныхъ откровеній, или крѣпость, превышающая возрастъ, или сила, возводящая къ совершенству добродѣтели, или же эти слова означаютъ, что она получила такую благодать, по которой одна изъ всѣхъ женъ удостоилась получить такое посвященіе, имѣть свободное пребываніе во внутренности храма, состоять подъ кровомъ благодати, и получить знаменіе этой благодати въ томъ дивномъ прыганіи. „Далъ ей, сказано, Богъ благодать, и она отъ радости прыгала на ногахъ своихъ“. На что особеннаго видитъ писатель въ томъ, что она отъ радости прыгала на ногахъ своихъ? На что удивительное намекается этихъ? Повидимому, здѣсь нельзя видѣть ничего особеннаго. Но кто приметъ во вниманіе новость случившагося, тотъ не почтетъ этого событія вторымъ между дивными событіями. Ибо это событіе дивно какъ по новости своей, такъ и по мыслямъ, какія возбуждало оно въ умахъ. Ибо какъ было не придти въ изумленіе тѣмъ, кто видѣлъ, что въ храмѣ, мѣстѣ божественномъ, назначенномъ для посвященныхъ въ неизреченныя таинства и совершенно недоступномъ для женщинъ, постоянно находится Дѣва вмѣстѣ съ тѣми, кому позволялось бывать тамъ для священнодѣйствій, и что посвященіе, опредѣленное для мужчинъ, сверхъ ожиданія совершается и надъ женщинами,—и притомъ, когда все это въ первый разъ дѣлалось, никто ни изъ священниковъ, ни изъ частныхъ лицъ, ни дѣломъ ни словомъ, не дерзнулъ ни остановить, ни упрекнуть, ни воспретить совершавшееся на дѣлѣ, какъ казалось, противозаконіе? Ибо Богъ такъ снабдилъ приведенную

дарами благодати, что никто изъ тѣхъ, предъ чьими глазами совершалось дѣло, не обращалъ на это вниманія, напротивъ всѣ добровольно допускали это небывалое посвященіе и всѣ сорадовались ему.

„Далъ ей, сказано, Богъ благодать, и она отъ радости прыгала на ногахъ своихъ, и возлюбилъ ее весь домъ Израилевъ“. Народъ израильскій не только не противорѣчитъ необычному посвященію, но и охотно допускаетъ его, и не это только дѣлаетъ, но еще объемлетъ своею любовію какъ самое событіе, такъ и приведенную Дѣву. Ибо сказано: „возлюбилъ ее весь домъ Израилевъ“. Возлюбилъ какъ посвященную по Божественному промыслу, почтивъ какъ сокровищницу, назначенную для Создателя, обнялъ, какъ благоугодное Ему приношеніе. И не сказано: возлюбилъ ее домъ Израилевъ, но: „весь домъ Израилевъ“. Не только находившіеся въ храмѣ Божіемъ первосвященники и левиты и всѣ, наблюдавшіе за жертвенникомъ и совершавшіе жертвоприношенія, наслаждались чистѣйшимъ видомъ ея, но и соплеменники, которые, по установленію отеческой вѣры, отовсюду сходились въ этотъ преславный храмъ: мужи, жены, старцы, юноши, дѣвы сверстницы, туземцы, также израильтяне, приходившіе изъ разсѣянія, всѣ они, увлекаемые красотою той, которую созерцали во внутренности храма, прилѣплялись къ ней искреннѣйшею любовію.

Поэтому, сказано, „возлюбилъ ее весь домъ Израилевъ. Ибо Марія пребывала въ храмѣ Господнемъ, какъ прикармливаемая голубица“. Кто, созерцая это пріятное и вожделѣнное зрѣлище, не пришелъ бы въ

восторгъ? кто не возжелалъ бы этого преславнаго видѣнія? Дѣйствительно, она умственныя и тѣлесныя очи всѣхъ отвлекала отъ всего видимаго и обращала на пріятное и очаровательное зрѣлище, чтобы они созерцали славу рода человѣческаго и совершеннѣйшую добродѣтель, въ цвѣтѣ лѣтъ обнаруживавшуюся въ терпѣніи и преисполненную высшихъ и необычайныхъ дарованій, чтобы созерцали, какъ многожеланное украшеніе наше прыгаетъ во внутренности храма и блеститъ божественною благодатію, а блескомъ чистоты освѣщаетъ самое жилище, въ которомъ она находилась, чтобы созерцали непорочную голубицу, которая летала по храму на крыльяхъ незлобія и изъ собираемыхъ добродѣтелей устроила гнѣздо таинствъ.

Ибо „Марія, сказано, пребывала въ храмѣ, какъ прикармливаемая голубица; она отъ радости прыгала по широкому храму“. Она перелетѣла за первую завѣсу, была внутрь второй, достигла святаго святыхъ, проникла въ самое святилище таинъ, чистѣйшими руками осязала священные предметы, обнимала символы Божественнаго домостроительства и изображенія, бывшія тѣнію ея самой. Все было ей дозволено; она пользовалась правомъ наслаждаться всѣмъ; для нея не было ничего недоступнаго изъ того, на что другимъ и смотрѣть не позволялось, и не запрещалось ей находиться въ какой угодно части храма. Ибо это означается выраженіемъ, что она пребывала въ храмѣ, какъ прикармливаемая голубица; но болѣе же всего эти слова показываютъ то, что она проводила тамъ время, будучи свободна отъ всякаго порока, что она, по до-

стоинству мѣста, одна избрана для житія въ храмѣ, и что ей даровано невозбранное въ немъ пребываніе, потому что всѣ другіе, которые тамъ ежедневно находились по очереди для исполненія должностей, не исключая и того, кто между ними почтенъ былъ достоинствомъ первосвященства, не были совершенно чисты отъ человѣческихъ слабостей. Вотъ что значатъ слова: „пребывала въ храмѣ, какъ незлобивая голубица“.

„И возвратились, какъ учитъ исторія, родители ея, дивясь и хваля Бога за то, что отроковица не обратилась къ нимъ“. Дивились тому, что Дѣва не оглядывалась на нихъ. а хвалили Бога за то, что далъ ей постоянный и крѣпкій духъ, что удержалъ ту, которую избралъ, и неразрывно сохранялъ ее въ своихъ объятіяхъ. Все это было достойно удивленія и прославленія за то Бога. „Возвратились родители ея, дивясь и хваля Бога за то, что отроковица не обратилась къ нимъ“. Но зачѣмъ удивляться только ей за то, что она не оглянулась на своихъ родителей, когда мы видимъ, что этимъ самымъ обнаружили величіе свое и родители ея? Ибо и они не сѣтовали, разставаясь съ милѣйшею дочерью, и не возмутилось ихъ отеческое сердце, и не уязвило ихъ жало естественной привязанности. Они не воротились назадъ къ отроковицѣ для обычнаго объятія. Припоминавшійся имъ пріятный лепетъ ея не смутилъ ихъ мыслей. И воспоминаніе о лицѣ, образѣ жизни и красотѣ ея, напечатлѣнныхъ въ ихъ умѣ, такъ какъ она служила для нихъ утѣшеніемъ, тоже не очень опечаливало ихъ. Все это могло бы побуждать ихъ обратить къ дочери такія слова: „Дитя!

мы много претерпѣли, чтобы получить тебя, выдержали продолжительную и многотрудную борьбу и тяжкое уничиженіе прежде, чѣмъ избавились отъ насмѣшекъ за неплодіе и постоянно стали имѣть предъ глазами тебя, дарованную намъ, тебя—наше утѣшеніе. Но теперь мы лишаемся давно ожиданныхъ благъ. Когда можно было наслаждаться ими, когда мы получили искомое сокровище, когда успокоились отъ трудовъ и обладали полнотою благъ, въ то время расторгается общеніе съ тобою и вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ надежды наши, нами овладѣваютъ жестокія скорби, насъ крушитъ и отягчаетъ безутѣшная печаль и терзаетъ сердце, проходя внутрь его. Ибо неполученіе ожидаемаго блага производитъ не столь сильную скорбь, какъ скорое лишеніе того блага, которымъ уже обладаешь; потому что легко переносится то, если нельзя достигнуть желаемаго блага, которое еще не извѣдано; если же лишаются какого нибудь блага тѣ, которые уже испытали наслажденіе имъ, то для послѣднихъ это лишеніе тяжелѣе и производитъ въ нихъ самую жестокую скорбь. Ты уже дарована была намъ, какъ плодъ многихъ трудовъ и молитвъ, и доставляла намъ наслажденіе и наполнила нашу любовь. Теперь же послѣ испытанія благъ, которыя въ тебѣ, наступаетъ лишеніе ихъ, послѣ наслажденія—потеря, послѣ радости—печаль. Поэтому у насъ остается неудовлетворимое желаніе, и острое жало естества пронзаетъ до глубины души. Если бы можно было обратить взоръ на другое настоящее или будущее дитя; то это разставаніе было бы еще сносно. Но такъ какъ ты дарована

намъ, какъ единственное утѣшеніе безсильнаго естества; посвященіемъ своимъ Давшему тебя ты поражаешь души наши печалію, не оставляя никакого утѣшенія, хотя самое дѣло твоего посвященія предлагается намъ какъ такое, которое способно облегчить нашу душу“ Но святѣйшіе родители Дѣвы не высказали ничего такого. Это въ высшей степени и достойно изумленія и сообразно съ добродѣтелями этихъ праведниковъ. „Возвратились, сказано, родители ея, дивясь и хваля Бога за то, что отроковица не обратилась къ нимъ“.

Ибо преизбыточествующая любовь Того, кто принялъ и усвоилъ ее себѣ, далеко превосходила привязанность родителей, хотя тоже въ высшей степени сильную. О новая и высшая всякаго помышленія благодать! О необычайный образъ жизни и воспитанія! О повѣствованіе, составленное въ словахъ, соотвѣтствующихъ сущности предмета! О питаніе, которымъ питалась умная и непорочная агница человѣческаго рода!

„Марія, сказано, пребывала въ храмѣ Господнемъ, какъ прикармливаемая голубица, и принимала пищу отъ руки ангела“. Послѣ того какъ она отдана была Богу и не состояла подъ человѣческимъ надзоромъ, потому что уже ни родители не принимали на себя заботы о томъ, что̀ ей необходимо было для ежедневнаго употребленія, ни родственники не доставляли того, что̀ нужно было, а тѣ, которые въ храмѣ по очереди исполняли свои обязанности, или пренебрегали или даже гнушались этимъ, она получала приготовленную необычнымъ образомъ и чудесную пищу отъ ангела. Совершенно извѣстно, что она не совсѣмъ ли-

нена была услуженія слугъ и имѣющихъ своею обязанностію заботиться о нужномъ для тѣлеснаго употребленія. Ибо она питалась тѣмъ, что̀ подаваемо было въ храмъ и назначалось въ пищу, вмѣстѣ съ тѣми, которые пользовались этимъ по закону. Когда же случалось, что она не имѣла никакого попеченія о себѣ и почти была пренебрегаема, когда лишена была необходимаго и не было никого, кто утѣшилъ бы ее въ уединеніи, тогда она получала приготовленную необычнымъ образомъ и чудесную пищу отъ ангела. Ибо нѣкоторые изъ тѣхъ, кои были приставлены къ храму, въ то время, какъ совершали священнодѣйствія и исполняли обычное служеніе, не упускали изъ мыслей и заботы о домашнихъ нуждахъ, а другіе, кои были приставлены для постояннаго служенія при священнодѣйствіяхъ и для охраненія священныхъ припадлежностей, все свое усердіе обращали на это, и потому не могли быть очень рачительными относительно ея. Можетъ быть, обязанность заботиться объ этомъ возложена была на способныхъ къ тому женщинъ или служанокъ, такъ какъ и простое разсужденіе требовало, чтобы для поддержанія естественной жизни нужно ежедневно давать пищу. Поэтому, если когда не было у нея пищи, то она получала ее отъ ангела.

Да и какъ Господь, принявшій ее съ великою любовію, не окружилъ бы ее чуднымъ Промысломъ? Какъ не удостоилъ бы Онъ ее божественнаго попеченія, какъ не полелѣялъ бы ее драгоцѣннѣйшими дарами? Какъ было Ему не обнять, какъ свою собственность, и вмѣсто объятій не окружить ее своимъ осѣ-

невѣмъ? какъ не согрѣлъ бы Онъ свою голубицу, какъ не сохранилъ бы многоцѣнный даръ? И какъ Ему было не возрадоваться объ этой непорочной и благоуханнѣйшей жертвѣ? И мы воспламеняемся кипучимъ и пламеннымъ желаніемъ созерцать все это глазами своими, не смотря на то, что только слухомъ воспринимаемъ это восхитительное повѣствованіе и, припоминая о немъ на словахъ, какъ-бы только начертываемъ въ душѣ своей ея удивительный образъ жизни и воспитаніе. И всякъ, кто слышитъ это, почитаетъ пріятнѣйшимъ и вожделѣннѣйшимъ всего жить бы въ то время, видѣть все это собственными глазами, насладиться этимъ зрѣлищемъ, поблажествовать въ новомъ и неслыханномъ прежде домостроительствѣ, насладиться созерцаніемъ предмета нашей утѣхи, и, если бы только можно было, обнять единственное, болѣе всего возлюбленное, прозябеніе природы, принести ему хвалу въ рѣчахъ и съ самымъ теплымъ чувствомъ выразить предъ нимъ благодарность. Возможно ли же было, чтобы не возвеличилъ отроковицу предъ всѣми изобиліемъ даровъ Женихъ, питавшій къ ней взаимную любовь, предъизбравшій и принявшій ее въ свое жилище, видѣвшій въ ней новыя и превышающія силы природы добродѣтели, любовавшійся несказанною красотою чистоты ея, услаждавшійся невидимою прелестію души ея?

Да, удостоенная такихъ даровъ, она была возлюблена не только Богомъ вселенной, но и для тѣхъ, кои находились тогда около нея, чтобы посмотрѣть на нее; зрѣлище было вожделѣнное, предметъ разговора пріятный, разсказъ для слуха восхитительный. „Возлюбилъ

се, сказано, весь домъ Израилевъ". Возлюбилъ, разсудивъ, какое новое выпало на ея долю жилище и какое чудное получила она гостепріимство. Ибо въ высшей степени вожделѣнна была новопрозябшая вѣтвь, растущая въ святомъ святыхъ. Вожделѣнно было видѣть благородную отрасль нашего рода, возносившую величіе свое на высоту добродѣтелей и представлявшую новое и вмѣстѣ пріятное зрѣлище. Стоило приникнуть взоромъ и радостно притечь къ возженному въ храмѣ свѣтильнику человѣколюбія и освѣтиться исходящими изъ него лучами благодати. Тогда можно было получать большое душевное наслажденіе, созерцая это украшеніе нашей природы,—ту Дѣву, которая новымъ образомъ жизни указывала стезю къ божественному, а тѣмъ, кои устремляли вниманіе на ея входъ въ храмъ, придавала бодрости и сообщала удовольствіе.

Но имѣвшіе возможность наслаждаться вожделѣннымъ созерцаніемъ тебя, Дѣва, лишились лучшей стороны его, или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не испытали его, потому что, находя удовольствіе только во внѣшней твоей красотѣ и притомъ въ непродолжительное время, далеки были отъ желанія внутреннихъ сокровищъ и сокрытыхъ таинствъ. Ибо, устремляя взоръ на внѣшній видъ, оттѣнявшій внутреннюю красоту, они наслаждались какъ-бы картиною, нарисованною различными красками, и нисколько не помышляли о красотѣ, которая выражалась ею, а немного спустя опустили изъ мысли и внѣшній отпечатокъ. Дѣйствительно, и изъ внѣшняго вида можно было заключить о славѣ твоей, проявившейся во внѣшнемъ твоемъ видѣ,

и отъ видимаго благообразія гадать о твоемъ невидимомъ блескѣ, или лучше воздавать одну и туже почесть и той и другой красотѣ, потому что обѣ онѣ сдѣлались жилищемъ единаго Свѣта (Іоан. 1, 9) и даровали намъ единое и вожделѣнное велелѣпіе. Но до познанія истиннаго благолѣпія твоего чрезъ блиставшую красоту возвысились немногіе изъ людей того времени; потому что многіе изъ нихъ были увлечены завистію и низринулись въ добровольную слѣпоту. Мы же, освѣщаемые лучами, исходящими какъ отъ той, такъ и отъ другой красоты, проникаемъ въ самыя многосвѣтлыя твои хранилища таинствъ и просвѣщаемся сіяніемъ Солнца правды, сдѣлавшаго тебя своимъ жилищемъ, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, которому принадлежитъ честь и слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XI.

Епифанія, монаха и пресвитера (ок. XII в.) іерусалимскаго (1).

Отъ племени Наѳана, сына Давидова, раждается Левій, а Левій родилъ Мелхія и Панѳира. Мелхій, появъ жену, умеръ бездѣтнымъ. Панѳиръ родилъ Варпанѳира. Варпанѳиръ родилъ Іоакима, отца Богородицы. Отъ племени же Соломона, сына Давидова, раждается Матѳанъ. Матѳанъ раждаетъ Іакова, отца Іосифова, и умираетъ. Тогда Мелхій, братъ Панѳира, появъ жену его,

(1) Изъ слова его о жизни пресвятой Богородицы и ея лѣтахъ. Patrolog. curs. compl. t. CXX. p. 190—192. Paris. 1864. Слово это, какъ показываетъ начало его, читалось въ свое время въ какой либо греческой церкви.

матерь Іакова, родилъ Илія. Итакъ, Іаковъ былъ изъ племени Соломонова, а Илій изъ племени Наоанова. Илій поялъ жену и умеръ бездѣтнымъ. Его жену поялъ братъ его, рожденный отъ одной съ нимъ матери, Іаковъ и родилъ Іосифа. Такимъ образомъ, по естеству Іосифъ былъ сынъ Іакова, а по закону—Илія. Оба эти брата ояли одну и туже жену, потому что законъ требовалъ, чтобы, если кто умретъ бездѣтнымъ, жену его бралъ братъ его и возстановилъ сѣмя брату своему (Второз. 25, 5). Іоакимъ и Илій были братьями отъ отца Панопра. Илій и Іаковъ были братьями отъ отца Матѳана. Іоакимъ родилъ Марію Богородицу, а Илій родилъ Іосифа по закону, такъ что Іосифъ и Марія были дѣтьми братьевъ. Іосифъ по роду жизни былъ плотникъ, и имѣлъ отъ Іакова брата, рожденнаго отъ одной съ нимъ матери, Клеопу или Клѳпа.

По материней линіи родъ Богородицы былъ такой. Священникъ Матѳанъ, изъ Виѳлеема, имѣлъ трехъ дочерей: Марію, Совію и Анну. Марія родила Саломію, повивальную бабку, Совія родила мать Іоанна крестителя, а Анна вышла за Іоакима, брата отца Іосифова. И пошла молодая Анна въ Галилею, въ городъ Назаретъ, и жила Анна съ Іоакимомъ, пока не родилось у нихъ дитя, пятьдесять лѣтъ. Однажды она пришла въ Іерусалимъ на праздникъ обновленій (¹). Въ это время, когда Іоакимъ молился въ храмѣ, къ нему былъ голосъ съ неба, говорящій ему: „у-тебя будетъ дитя, и ты про-

(¹) Праздникъ этотъ установленъ былъ Іудою маккавеемъ послѣ плѣна вавилонскаго въ память возобновленія храма іерусалимскаго (1 Макк. 4, 59).

славишься чрезъ него". Итакъ жена его Анна зачала, въ старости своей, и родила дочь и нарекла ей имя Марія, по имени сестры своей. Всѣ сродники и друзья ея возрадовались вмѣстѣ съ нею.

Когда отроковица Марія стала трехъ лѣтъ, родители ея привели ее въ Іерусалимъ и представили ее Господу съ дарами. Ее и дары ея принялъ священникъ Іодай, называемый также Варахіемъ, отецъ Захаріи. Всѣ священники предались радости и, молясь, благословили Іоакима, Анну и отроковицу Марію. Іоакимъ и Анна возвратились съ Маріею въ Назаретъ. Когда Маріи исполнилось семь лѣтъ, родители опять привели ее въ Іерусалимъ и отдали ее въ даръ Господу, посвятивъ Ему ее на всѣ дни жизни ея. По совершеніи сего, отецъ ея Іоакимъ спустя немного скончался, имѣя отъ роду, какъ говорятъ, восемьдесятъ лѣтъ. Между тѣмъ Марія не отходила отъ храма ни ночью, ни днемъ. Анна, оставивъ Назаретъ, пришла въ Іерусалимъ и жила съ дочерію Маріею, и, проживъ два года, скончалась, имѣя отъ роду семьдесятъ два года.

XII.

Никифора, монаха (XIV в.), Каллиста (1).

Послѣ того какъ долженствовало совершиться и открыться это великое и далеко превосходящее всю природу таинство (2), совершенно необходимо было устроить и приготовить сосудъ, который вмѣстилъ бы

(1) Histor. Eccles. lib. 1. cap. VII. p. 41—42. Francof. 1588.

(2) Вочеловѣчение Сына Божія для спасенія рода человѣческаго.

Невмѣстимаго. Достойнымъ Бога и приличнымъ Слову жилищемъ найдена была блаженная Дѣва Марія; она посвящена была Богу еще до рожденія и произошла, какъ нѣкоторый богодарованный плодъ, изъ старческихъ и совершенно чуждыхъ природнаго пыла чреслъ. Имена ея родителей были: Іоакимъ и Анна. Оба они были превосходны и славны по жизни, сообразной съ предписаніемъ закона, и принадлежали къ числу первыхъ, знаменитѣйшихъ и благороднѣйшихъ по происхожденію семействъ. Они провели жизнь до старости, не имѣя дѣтей; ибо Анна была совершенно неспособна къ дѣторожденію. Но поелику она, вслѣдствіе безплодія, не раздѣляла почестей, предоставленныхъ закономъ всѣмъ законнымъ женамъ и матерямъ: то, по примѣру матери Самуила, униженно просила Бога и ревностно пребывала въ храмѣ, молясь, чтобы Богъ благоволилъ не лишать ее благословеній закона, но сдѣлать ее матерію, и давая обѣщаніе посвятить Богу дитя, которое родитъ. Когда же, по изволенію Божію, Анна получила силу и крѣпость къ тому дару, о которомъ просила, и изъ ея материхъ чреслъ явилась на свѣтъ дочь, Анна тотчасъ назвала ее Маріею, загадочно намекая на тайно полученную ею отъ Бога благодать. Какъ скоро дитя перестало вкушать молоко матери и касаться ея грудей, мать исполнила свое обѣщаніе. Вошедши въ храмъ, она, согласно обѣщанію, посвятила дочь свою Богу, на третьемъ году ея возраста. Священники приняли отроковицу, какъ нѣкоторый священнѣйшій даръ и ввели ее для воспитанія, какъ въ древности было съ Самуиломъ, во святилище.

СКАЗАНІЕ

О ЖЕНѢ ГРѢШНИЦѢ, ПОМАЗАВШЕЙ ГОСПОДА МУРОМЪ.

Память ея—въ великую среду.

Святаго Ефрема (+ 379 г.) сирина (1).

Много преподобныхъ и достойныхъ Бога, которые благочестно воспѣваютъ пречистаго Владыку; но, по благодати вѣры, и я недостойный сподобился съ ними славословить Его; потому что благодать никогда не отвергаетъ ни одного человѣка, желающаго спастись. Какъ родникъ, непрестанно источающій чистыя струи и обильные потоки, никогда не воспрещаетъ желающему въ обиліи наслаждаться даромъ чистыхъ водъ: такъ и божественная благодать отверста всѣмъ, чтобы каждый наслаждался, сколько хочетъ. Ибо, когда Спаситель въ евангеліяхъ божественнымъ гласомъ своимъ всѣхъ призываетъ; нимало не различая убогаго съ богатымъ, говоритъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ* (Іоан. 7, 37). Посему-то и я, хотя недостоинъ, содѣлался причастникомъ благодати Его, возжелалъ смѣло со слезами воспѣвать Его, чтобъ получить отпущеніе грѣховъ, какъ и та жена грѣшница,

(1) Св. *Ефр. сир.* Творен. ч. 3. стр. 111—125. Москва. 1849.

въ душевной горячности, смѣло вошла во оный вожделѣнный домъ, гдѣ возлежалъ Разрѣшитель долговъ.

Вижу это, и воспріемлю еще большее дерзновеніе стать крайне неоступнымъ въ прошеніи; ибо усматриваю избытокъ душевной горячности, эту самую сильную и прекрасную неотступность. Пріидите, христолюбивые, совершенные слушатели, и насладитесь прекраснымъ повѣствованіемъ о сей великой и дивной женѣ, ежечасно призывающей насъ на необычайное зрѣлище. Зрѣлищемъ же называю то позорище, какое жена сія составила для ангеловъ и человѣковъ.

Какъ открыто взошла она, вовсе незванная! Какъ приблизилась къ Нему возлежащему, объявила всѣ тайны сердечныя, пересказавъ все это безъ звука и голоса? Видишь ли необыкновенную приверженность души, какъ утвердилась она въ своей неотступности? Не убоялась мужественная жена ни ропота домашнихъ, ни жесткаго выговора отъ предстоящихъ; она разсуждала сама въ себѣ: „Если не сдѣлаю, чтобъ на лицѣ моемъ, какъ на желѣзномъ и мѣдномъ, вовсе не было видно стыда, то не могу спастись отъ гнуснаго прилива распутствъ моихъ. Пренебрегу же униженіемъ передъ людьми, ни во что вмѣняя ихъ оскорбленія. Кратко это время прекрасной неотступности въ сравненіи съ прежнимъ временемъ моего бестыдства. Тогда, бестыдно стоя по распутіяхъ, всѣхъ приглашала я на срамное дѣло, ко всякому выходя на встрѣчу въ неблагопристойныхъ нарядахъ, счетомъ заплетши волосъ съ волосомъ, съ сіяющей улыбкой на ланитахъ, придавъ себѣ обольстительный видъ, чтобъ привлечь къ себѣ вся-

каго благообразнаго и краснваго юношу; тогда совершенно была я діавольскою сѣтію, уловляя души въ вѣчное осужденіе. Поэтому теперь должна приложить трудъ, скорѣй уврачеваться, и вмѣсто тѣхъ худыхъ дѣлъ сдѣлать доброе. Пойду, припаду къ великому Врачу, который всѣхъ пріемлетъ и никого не презираетъ. Скажу Ему все, что дѣлала тѣломъ своимъ на обольщеніе юныхъ. Прекрасные свои волосы, сіявшіе прежде на услажденіе и соблазнъ многихъ, употреблю вмѣсто полотенца или утиральника, и вѣжды свои вмѣстѣ съ зѣницами глазъ, которыми подавала я срамные знаки, обращу въ источники слезъ. И трезвенно уже буду слѣдовать по стопамъ святаго Врача, чтобы припасть къ Нему".

Возъимѣвъ такое намѣреніе, дивная жена сія искала времени, храня въ душѣ самую твердую мысль—крѣпко объять ноги Господни. Узнавъ же, что Симонъ, одинъ изъ фарисеевъ, звалъ къ себѣ Спасителя, весьма тому обрадовалась, и съ великою горячностію идетъ къ одному мѵровару купить сосудъ мѵра.

И, пошедши, говоритъ сама въ себѣ: „Гдѣ бы ни взять мнѣ отмѣннаго мѵра, которое было бы достойно святаго и великаго Врача, чтобъ принялъ его вмѣстѣ съ моими слезами; щедрую дамъ плату, только бы достигнуть цѣли. И самого мѵровара стану пытать нещадно, или лучше сказать, буду заклинать его именемъ Бога святыхъ отцевъ его,—какъ вѣруютъ они,—чтобъ далъ мнѣ, на чествованіе Врачу, отличнаго царскаго мѵра, взявъ съ меня богатую цѣну".

И, пошедши къ одному изъ муроваровъ, говоритъ ему весело: „Миръ тебѣ, муроваръ! Ищу отличнаго, царскаго, дорогаго мура, подобнаго которому нигдѣ не бывало; потому что всѣхъ выше и Тотъ, кого люблю, и не возможно другому кому равнять себя съ Нимъ“.

Муроваръ же сказалъ ей въ отвѣтъ: „Заносчивы слова твои, жена. Кто не знаетъ, кто ты? Ты всегда на городскихъ распутіяхъ, и въ городѣ у тебя великое множество любителей. Кому же изъ всѣхъ нихъ хочешь ты, жена, поднести это отмѣнное царское муро? Чѣмъ онъ можетъ надѣлить тебя за муро, которое хочешь купить за такую цѣну? И мнѣ продать хочется; впрочемъ желалъ бы знать, къ кому понесешь ты съ усердіемъ и смущеніемъ. Развѣ къ кому изъ вельможъ царскаго двора пойдетъ оно? А между царями не было въ Израилѣ другаго царя выше Давида: не изъ его ли рода новый твой либитель? Скажи мнѣ, жена; потому что хочется мнѣ увѣриться; такъ какъ и цѣна высока, и самое твое усердіе приводитъ меня въ изумленіе; скажи: кто онъ такой“?

Тогда чудная жена съ душевнымъ смятеніемъ отвѣчала мурóвару, говоря: „Побойся Бога отцевъ, человѣкъ. Дай мнѣ сосудъ мура, чтобы скорѣе поспѣть. Побойся Бога, давшаго такую силу рукѣ Моисеевой, чтобы жезломъ раздѣлить морскія воды, остановить ихъ въ видѣ отвѣсныхъ скалъ, и провести народъ по сухому песку. Заклинаю тебя, юноша, святыми костями, которыя несъ съ собою Моисей по морской глубинѣ, разумѣю же останки подвижника Іосифа, который открыто побѣдилъ змію въ пещерѣ. Заклинаю тебя, юно-

ша, тѣмъ святымъ гласомъ, который вѣщалъ Моисею въ пламени горящемъ и въ купинѣ несгоравшей. Заклинаю тебя, юноша, Тѣмъ, кто на горѣ, безъ ущерба славы своей, далъ сіяніе лицу Моисееву. Заклинаю тебя, юноша, святымъ кивотомъ, остановившимъ токи рѣки Іордана до совершеннаго ея осушенія. Заклинаю тебя, юноша, святою силою, въ мгновеніе ока разрушившею седмь стѣнъ города Іерихона; и святыми руками Іисуса Навина, который, поднявъ ихъ въ воздушную высоту, словомъ остановилъ теченіе стихій, такъ что одинъ день равнялся двумъ. Вотъ, сколько наговорила я тебѣ, призвала имя Божіе, имя всѣхъ святыхъ, благопокорствовавшихъ Богу; дай мнѣ, наконецъ, мура, и за сосудъ онаго возми, какую хочешь цѣну; только дай мнѣ отличнаго мура, и отпусти меня, чтобы скорѣе увидѣть мнѣ великаго, превожделѣннаго, пречистаго моего Возлюбленнаго".

Муроваръ опять отвѣчалъ женѣ: „Вижу твою щедрость въ цѣнѣ за сосудъ мура. Какой же ущербъ будетъ тебѣ, жена, если скажешь мнѣ о своемъ Возлюбленномъ, котораго пріобрѣла ты нынѣ въ любовь? И во мнѣ возбудила ты желаніе узнать Его. Не могу тебѣ, жена, дать мура, если не скажешь мнѣ, кто Онъ".

Она отвѣчала ему: „Для чего дѣлаешь мнѣ такое принужденіе, подробно распрашивая о томъ, чего невозможно сказать? Пламенѣетъ душа моя, сгораетъ сердце мое. Когда увижу Его, и исполнитъ меня радости? Побойся, человѣкъ, Бога, пречистаго Владыки, и успокой меня добрымъ отвѣтомъ. Побойся, человѣкъ, святаго Бога, который призвалъ Авраама, прославилъ сы-

на его Исаака, Іакова наименовалъ Израилемъ и поставилъ патріархомъ двѣнадцати колѣнъ. Побойся, человѣкъ, Бога, который далъ Самуила Аннѣ, усердно помолившейся въ душевной скорби. Побойся, человѣкъ, праведнаго Бога, который агницу Сусанну избавилъ отъ лютыхъ волковъ. Склонись на мою просьбу, юноша, и дай мнѣ, какъ уже говорила я тебѣ, сосудъ отличнаго царскаго мура. Если бы видѣлъ ты, человѣкъ, пламень сердца моего; то самъ поспѣшилъ бы отпустить меня отсюда".

Муроваръ, желая дознаться о сосудѣ мура, опять сказалъ ей: „Послушай, жена; много ты заклинала и также выпытывала меня, чтобъ далъ я тебѣ муро: но и я неоднократно просилъ тебя сказать мнѣ. Неужели Онъ выше всѣхъ людей, и нѣтъ на землѣ прекраснѣе Его, что такъ уязвилась ты красотой Его, и хочешь принести прекрасному отличное муро? Развѣ потомокъ это праведнаго царя Давида, или великаго Аврама, друга Всевышнему? Скажи мнѣ, кто Онъ? Почему пламенѣешь ты такимъ усердіемъ взирать на красоту Его"?

Жена отвѣчала, и сказала муровару: „Для чего принуждаешь меня столько объявить тебѣ тайну мою? Муро купить пришла я, а не бесѣдовать. Побойся, человѣкъ, пречистаго Бога, сжалься надо мною, и отпусти меня скорѣе, чтобъ со отцаніемъ прійдти мнѣ къ великому моему Возлюбленному, и со всѣмъ уваженіемъ подать сосудъ мура. Не медли, человѣкъ, не будь виновникомъ вѣчной скорби для меня, лишенной такого сокровища".

Муроваръ сказалъ ей: „Если нѣтъ въ тебѣ зависти (а иначе можно это подумать); то открой мнѣ Благодѣтеля своего; я охотно, удовлетворившись, доставлю тебѣ царскаго мура, какого ищешь. Впрочемъ, какъ думаю, ты найдешь во мнѣ споспѣшника благому своему ожиданію“.

Жена, видя, что муроваръ такъ много дѣлаетъ ей вопросовъ, весьма дивилась его ревности, почему съ такимъ усердіемъ старался узнать, и отвѣчала наконецъ муровару, говоря: „Всякому, думаю, извѣстно въ городѣ, какъ я поступала, ежечасно и себя блудомъ оскверняя и другихъ уловляя въ туже скверну. Но увидѣла я нечаянно онаго Святаго, явившагося на землѣ, Врача и Спасителя; и тотчасъ душа моя стала плѣнницею, и повлеклась въ слѣдъ пречистой красоты Его. Ибо своими глазами видѣла я приводящія въ страхъ исцѣленія, безпримѣрныя знаменія, и великое въ Немъ состраданіе. И грѣшниковъ пріемлетъ Онъ, и къ мытарямъ приходитъ, и прокаженныхъ не отвергаетъ, и нечестивцевъ не гонитъ прочь; но всѣхъ принимаетъ съ равнымъ милосердіемъ, не гнѣвается на приходящихъ къ Нему. Видя же это, пришла я въ изумленіе и сказала сама въ себѣ: что и жить мнѣ, несчастной, если не прійду къ Нему? Многочисленны грѣхи мои, а равно и непотребства мои; велико мое поврежденіе. Почему же пребываю въ нерадѣніи? Не найдти мнѣ другаго подобнаго времени, и другаго столько же человѣколюбиваго врача. Я такъ увѣрена, что сей явившійся великій Властитель есть Богъ. Всему повелѣваетъ словомъ, всѣхъ исцѣляетъ словомъ, съ

полною властію отпускаетъ грѣхи. Нашедши такое время и такого Врача, не должно оставаться въ безпечности о своемъ исцѣленіи. Посему-то спѣшу сему благому Разрѣшителю дать рукописаніе долговъ своихъ. Знаю, что согрѣшила я выше мѣры и всякаго слова, и невозможно изобразить моего непотребства. Но предъ непреклонностію Его милосердія всѣ беззакопія мои, какъ капля. Вѣрно знаю, что, если только приближусь къ Нему, тотчасъ очищусь отъ всѣхъ грѣховъ и злыхъ беззаконій, удаливъ отъ себя всякое неблагопристойное дѣло; потому что Онъ небесный и пречистый. Итакъ вотъ, юноша, высказала я тебѣ всѣ тайны сердца своего. Дай мнѣ, наконецъ, мура; довольно уже времени, какъ задерживаешь меня, желая узнать, кому несу муро“.

Все сіе съ удовольствіемъ выслушавъ, муроваръ въ сердечной радости сказалъ женѣ: „Свидѣтельствую тебѣ свою благодарность, вѣрнѣйшая жена, открывшая мнѣ прекрасное свое намѣреніе. Ты внезапно обрѣла великаго, небеснаго Возлюбленнаго. Онъ все освящаетъ однимъ словомъ. Божественное, достохвальное и весьма полезное для всѣхъ родовъ дѣло хочешь ты сдѣлать, жена. Подлинно величайшее это спасеніе, и во-первыхъ тебѣ самой и всѣмъ грѣшникамъ. Ты дщерь отцевъ, сродница преподобныхъ, какъ должно увѣровавшихъ въ святаго Бога. Но хочу предложить тебѣ небольшой совѣтъ. Пріими его благодушно, безъ всякой жалобы. И сама хорошо знаешь, что фарисеи, будучи лукавы, противодѣйствуютъ Ему; потому что Онъ Богъ великій и человѣколюбный, прощаетъ грѣхи по своему бла-

гоутробію. Поэтому, если увидятъ они, что идешь туда, тотчасъ замкнутъ двери дома, будутъ готовы нещадно оскорблять тебя, нанести тебѣ сильные удары; но ты, слыша сіе, нимало не приходи въ робость, но будь въ душѣ тверже камня. Если не стыдилась ты дѣлъ блудныхъ, не тѣмъ ли паче должна не постыдиться здѣсь ради спасенія? Всѣ, и свободные и рабы, придверники, слуги жестоко будутъ нападать на тебя, и оскорблять съ безчестіемъ. Презрѣвъ все это, смѣло войди къ оному Святому съ великимъ смиреніемъ, какъ сама прежде говорила, обними съ любовію стопы Пречистаго; и будешь блаженна. Ибо вотъ слышалъ я, Онъ въ дому одного фарисея, Симона. Иди съ миромъ, войди съ радостію, приближься съ горячностію; да будетъ принятъ даръ твой. Вотъ отличное, дорогое, достойное Спасителя муро даю тебѣ, вѣрная жена, молись и о мнѣ".

Взявъ сосудъ, полный отличнаго мура, жена пошла съ радостію и поспѣшностію, и молилась, говоря сама съ собою: „Кто дастъ мнѣ это, чтобъ найдти дверь отворенною, тотчасъ взойти и припасть къ стопамъ святаго Врача? Обнявъ же ихъ, никакъ не выпущу, пока не получу прощенія долговъ моихъ. Усердно помолюсь Господу, который вѣдаетъ всѣ мои сокровенности, прежде нежели приближусь къ Нему. Онъ все знаетъ. Иду же къ доброму Врачу, иду видѣть человѣколюбиваго и сострадательнаго, благаго Спасителя міра".

И стала молиться жена святому Господу Богу: „Вотъ Господи, Ты въ дому Симона возлежишь съ нимъ; и Тебя почитаютъ простымъ человѣкомъ, а Ты, Христе, вѣдаешь тайны сердца моего, и знаешь помышле-

ніе души моей. Для чего принесла я драгоцѣнное мvро?— Чтобъ, пришедши, припасть къ пречистымъ стопамъ божества твоего, и чтобъ Ты избавилъ меня отъ срамныхъ дѣлъ, какія я сдѣлала. Знаю, Владыка, что Ты Богъ, и по благоутробію своему благій, спасаешь всѣхъ, не хотя, чтобы погибъ и одинъ грѣшникъ, припадающій къ Тебѣ, Спаситель, по собственному изволенію своему. Я однажды видѣла Тебя на улицахъ, и увѣровала, что все Тебѣ возможно. Посему сдѣлай для меня это, многомилостивый Спаситель, чтобъ невозбранно взойти мнѣ туда, гдѣ возлежишь Ты“.

Съ такими мыслями, и еще больше сего наговоривъ сама въ себѣ, достигла она того дома, гдѣ былъ Христосъ, и находитъ, что всѣ двери ей отворены, и вошла она съ радостію, тотчасъ стала позади Господа, и съ великою вѣрою касается ногъ Его. Приклонивъ голову вмѣстѣ съ сердцемъ, начала она, при воздыханіяхъ, ручьями слезъ орошать ноги Его, въ сильнѣйшей любви, съ радостію лобзая ихъ, отирая власами главы, усердно помазывая ихъ мvромъ, и говоря: „Вотъ, Владыка, Ты одинъ знаешь, какъ осмѣлилась я сдѣлать это. Не въ совершенномъ невѣдѣніи негодныхъ дѣлъ своихъ, Господи, съ безстыдствомъ приблизилась я къ Тебѣ, пречистому Богу, но желая спастись пришла къ Тебѣ, Владыка, какъ небоязненно припадаютъ мытари. Пріими, Христе, желаніе бѣдной души моей. Да вмѣнено мнѣ будетъ дерзновеніе мое, да принято будетъ моленіе мое, неотступность моя да станетъ совершенною молитвою, мvро сіе да послужитъ къ умилостивленію твоему, Пречистый, сокрушеніе сердца мо-

его да обратится мнѣ въ просвѣщеніе! Съ юнаго возраста слышала я восклицанія многихъ, что родился Богъ отъ Дѣвы, и желая довѣдаться, спрашивала, какъ безплотный можетъ воплотиться? Родители же говорили мнѣ: это отеческое преданіе, оно гласитъ о семъ, что святый Богъ отъ Дѣвы родится на земли во плоти. Итакъ, о чемъ слыхала я въ молодости, теперь вотъ дѣйствительно вижу то у себя предъ глазами, то есть, великаго святаго Бога, который, какъ смертный, видимъ во плоти нашей, и хочетъ спасти насъ. Я смотрю на Тебя не какъ этотъ фарисей Симонъ, сего дня позвавшій Тебя на ужинъ; но вижу Бога, великаго Зиждителя вселенной, создавшаго все единымъ словомъ. Я заблудшая агница изъ твоего стада. Возврати меня, Спаситель, въ ограду твою; потому что Ты единственный добрый Пастырь, собирающій заблудшихъ во дворъ свой. Я голубица твоя, Владыка, похищенная лютымъ ястребомъ. Пламенѣетъ душа моя, уязвленная любовію къ великой святынѣ твоей, Господи. По человѣколюбію твоему, Пречистый, выведи изъ меня гнусное зловоніе беззаконій. По благости твоей, Благоутробный, очисти струпы прегрѣшеній моихъ, вмѣсто мура омытые слезами. Благодать твоя отверзла уста мои, и я осмѣлилась изречь это предъ Тобою, чтобы стать прекраснымъ образцемъ для грѣшниковъ, которыхъ самъ Ты, Благій, пришелъ спасти. Ей, Спаситель, умоляю Тебя, не презри слезъ бѣднаго сердца. Ибо знаю, что для Тебя ничего нѣтъ невозможнаго, но все Ты можешь сдѣлать“.

Помолилась она сердцемъ Создавшему сердца человѣческія *наедине* (Псал. 32, 15), и вмѣсто мура получила муро жизни, вмѣсто тлѣннаго нетлѣнное и пребывающее во вѣки. Не такъ было благоуханно муро предъ муромъ слова Господня. Принесла она прекрасное муро и любовь, а получила отпущеніе грѣхопаденій; потому что Христосъ Спаситель, какъ предвѣдущій и Богъ, оправдалъ намѣреніе гибнущей души: не открылъ тайныхъ паденій, какимъ подвергалась прежде дивная жена, но провозгласилъ сперва о ея долгахъ, а потомъ провозгласилъ и о ея любви.

Итакъ, объявъ это умомъ своимъ, возлюбленные и вѣрные, пришелъ я тотчасъ въ самое сильное изумленіе, какъ она вошедши приблизилась вдругъ безъ страха, какъ предстала лицу всѣхъ, проливая слезы предъ очами возлежащихъ и вечеряющихъ тамъ, какъ съ большою вольностію распустила свои волосы, какъ безъ стыда орошала ноги Христовы, какъ никто нисколько не высылалъ ее вонъ, какъ никто нимало не вознегодовалъ на нее; напротивъ того плачъ ея былъ всѣмъ сладокъ, и воздыханія ея всѣмъ пріятны. Всѣ онѣмѣли и вмѣстѣ съ сѣдями насыщались зрѣлищемъ, смотря на странное дѣло, совершившееся внезапно. Жена блудница, незванная, вошедши стала позади трапезы съ распущенными на груди волосами, съ сосудомъ отличнаго мура въ рукахъ, и никто изъ вкушающихъ и изъ предстоящихъ не спросилъ „зачѣмъ вошла такъ стремительно“? никто не сказалъ: „чего ищешь здѣсь, жена“? Напротивъ того, для всѣхъ усладительно было чудо сіе, для всѣхъ странно и пріятно зрѣлище. Всѣ

архангелы объяты были трепетомъ; херувимы и серафимы предстояли въ страхѣ, видя величайшее дерзновеніе жены, съ горячностію держащейся за ноги Господни. Херувимъ никакъ не осмѣливается взирать, а жена грѣшница лобзаетъ ноги. Серафимъ крылами закрываетъ лицо, а жена грѣшница предстоитъ открыто. Ангелы не могутъ приближаться къ престолу, а жена власами отираетъ стопы.

О преисполненная вѣры, жена! Какъ восхвалю чрезмѣрность любви въ твоемъ предпріятіи, совершенномъ съ такою горячностію? Какъ прославлю, о жена, великое желаніе совершенной души твоей, устремленной къ Богу? Кто такъ любитъ, какъ ты возлюбила? Или кто изъ человѣкъ такъ будетъ принятъ, какъ ты принята? Все сіе по благодати домостроительствуетъ Спаситель для спасенія человѣческаго рода, чтобы тѣмъ, которые страшно одержимы грѣхами, дать дерзновеніе приходить въ покаяніе.

Между тѣмъ какъ жена молилась и плакала, фарисей, видя это, сильно смутился. Сожалѣя уже, что позвалъ Христа въ домъ свой, какъ пророка, и слагая горькую мысль въ сердцѣ своемъ, говорилъ самъ въ себѣ: „Думалъ я, что онъ пророкъ, пророкъ совершенный, вѣдаетъ будущее, и ясно знаетъ прошедшее. А теперь вышло, что не знаетъ въ точности и того, что передъ глазами: онъ то же, что и всѣ прочіе“.

Господь же нашъ, всегда проникающій въ сокровенности сердецъ, какъ Создатель, не вдругъ съ строгостію обличилъ лукавнующаго, но съ незлобіемъ выводитъ на свѣтъ сокровенное. Подлинно, съ кротостію и великою

благосклоностію загадочно выражаетъ ему то, о чемъ помышлялъ онъ. „Симонъ, Симонъ, скажу тебѣ притчу, и хочу, чтобы ты былъ судіею словъ моихъ. У одного заимодавца были два должника; одинъ долженъ былъ ему пятьдесятъ золотыхъ монетъ, а другой былъ долженъ пять сотъ. Оба они пришли въ нищету. Великій же оный заимодавецъ, видя скорбь, обоимъ равно простивъ долгъ, ясно всѣмъ показалъ великую свою сострадательность. Какъ самъ ты разсуждаешь о сихъ двухъ должникахъ? Который изъ нихъ долженъ болѣе возлюбить простившаго долгъ? Тотъ ли, кому прощено мало, или тотъ болѣе, кому прощено много? А заимодавецъ простилъ долгъ обоимъ“.

Симонъ отвѣчалъ: „Кому больше прощено, тотъ гораздо болѣе долженъ возлюбить“.

Господь же сказалъ ему: „Прекрасно ты разсудилъ. Итакъ послушай, скажу тебѣ о незнаніи твоемъ. Самъ ты изъ почтенія ко Мнѣ позвалъ Меня въ домъ свой, но и водою не омылъ ногъ Мнѣ, какъ пророку, а жена, которую видишь, слезами своими омыла ноги и отерла волосами. А также ты, Симонъ, и лобзанія Мнѣ не далъ: она же не перестаетъ лобызать ноги мои. Ты головы моей масломъ никогда не помазалъ: она же ноги мои помазала дорогимъ мѵромъ. Потому сказываю тебѣ: многіе грѣхи, которыхъ, думаешь ты, не знаю Я, будутъ ей отпущены; потому что предварила доказать любовь, въ надеждѣ отпущенія. Кто мало любитъ, тому отпущается немногое; а кто много любитъ, тому отпущается многое. Впрочемъ не соблазняйся спасеніемъ сей грѣшницы; потому что я пришелъ грѣш-

никовъ спасти, омраченныхъ просвѣтить. Поелику Раавъ, принявшая къ себѣ соглядатаевъ, твердо увѣровала въ Бога отцевъ: то Іисусъ Навинъ, узнавъ ея крѣпкую вѣру, спасъ ее, такъ что имя ея записано во всѣхъ родахъ, и слава о ней въ двѣнадцати колѣнахъ изральскихъ. Такъ и Я теперь принялъ сію жену. Съ непоколебимою вѣрою и съ совершенною приверженностію возлюбила она Меня отъ всего сердца и отъ всей души; и Я пріемлю ее избранную, и будетъ она въ числѣ праведниковъ, возлюбившихъ Меня, и отпущены ей будутъ ея прегрѣшенія. Имя же ея не изгладится въ вѣки вѣковъ, но что̀ сдѣлала она, изъ рода въ родъ будетъ пересказываемо то въ память ея. И всѣ, слыша о поступкѣ ея, сами содѣлаются любителями добрыхъ дѣлъ и причастниками богатыхъ и вѣчныхъ благихъ даровъ".

О еслибы и намъ стать подражателями ея, и, исповѣдавъ нечистоту душъ своихъ, очистить слезами и сподобиться человѣколюбія святаго Бога! Ему слава—Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

СКАЗАНІЯ

О СВЯТОМЪ АПОСТОЛѢ И ЕВАНГЕЛИСТѢ ЛУКѢ.

Память его—18 октября.

I.

Евсевія, епископа (+ 340 г.) кесарійскаго (1).

Лука, родомъ изъ Антіохіи, художествомъ врачъ, большею частію находился при Павлѣ и ревностно обращался съ прочими апостолами. Перенявъ отъ нихъ искусство врачевать души, онъ оставилъ намъ доказательства этого въ двухъ богодухновенныхъ книгахъ: во-первыхъ, въ Евангеліи, которое начерталъ, говоритъ, *якоже предаша ему, иже испервa самовидцы и слуги бывшіи Словесе* (Лук. 1, 2), и въ которомъ слѣдовалъ всѣмъ имъ съ самаго начала; во-вторыхъ, въ апостольскихъ Дѣяніяхъ, которыя написалъ уже не по слуху, но какъ самовидѣцъ. Полагаютъ, что о его-то Евангеліи упоминаетъ Павелъ, когда, будто о какомъ-то собственномъ, говоритъ: *по благовѣствованію моему* (2 Тим. 2, 8).

II.

Преп. Іеронима, пресвитера (+ 419 г.) стридонскаго (2).

Лука, антіохійскій врачъ, знакомый, какъ показываютъ его посланія, съ еллинскою образованностію,

---

(1) *Евсев.* Истор. церк. кн. III. гл. 4. стр. 116. Спб. 1848.

(2) Пр. *Іероним.* De vir. illustr. cap. VII: opp. t. II. p. 620. 622. Paris. 1845.

послѣдователь апостола Павла, спутникъ его во всѣхъ путешествіяхъ, написалъ Евангеліе. О немъ Павелъ говоритъ: „съ нимъ послали мы также брата, во всѣхъ церквахъ похваляемаго за благовѣствованіе“ (2 Кор. 8, 18), и къ колоссянамъ: „привѣтствуетъ васъ Лука, врачъ возлюбленный“ (Кол. 4, 14), и къ Тимоѳею: „одинъ Лука со мною“ (2 Тим. 4, 10). Есть у него и другое прекрасное сочиненіе, подписанное: „Дѣянія апостольскія“, въ которомъ онъ доводитъ исторію апостоловъ до двухлѣтняго пребыванія Павла въ Римѣ, т. е. до четвертаго года царствованія Нерона, изъ чего и узнаемъ, что сочиненіе это написано въ томъ же городѣ.. Полагаютъ, что Павелъ всякій разъ, когда говоритъ въ своихъ посланіяхъ „по благовѣствованію моему“ (Рим. 14, 24. 2 Тим. 2, 8), разумѣетъ здѣсь книгу Луки, и что Лука научился Евангелію не только отъ апостола Павла, который не обращался съ Господомъ во плоти, но и отъ прочихъ апостоловъ. Объ этомъ самъ онъ ясно говоритъ въ началѣ своей книги: „какъ предали намъ бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителямъ Слова“ (Лук. 1, 2). Итакъ, Евангеліе свое онъ написалъ по слуху, а Дѣянія апостольскія изложилъ какъ самовидѣцъ. Останки его находятся въ Константинополѣ, куда мощи его вмѣстѣ съ останками апостола Андрея перенесены были на двадцатомъ году царствованія Констанція.

III.

Святаго Іоанна дамаскина († 754) (¹).

О Лукѣ евнухъ изъ царскихъ постельничихъ Анатолій разсказывалъ и нѣчто такое, святость чего испыталъ онъ на самомъ себѣ. Этотъ Анатолій говорилъ, что онъ былъ боленъ и что его болѣзнь уже такъ усилилась, что не поддавалась искусству врачей. Но когда приплыли люди, везшіе гробъ, въ которомъ лежалъ Лука, и когда этотъ гробъ съ моря несли въ храмъ, онъ съ усердіемъ подошелъ и, сколько было въ немъ силъ, помогалъ несущимъ. Въ это время вдругъ изчезла его болѣзнь, и съ той поры его жизни протекло уже немалое число лѣтъ (²).

IV.

Симеона метафраста († ок. 940 г.) (³).

Одинъ благочестивый и мудрый мужъ поставляетъ въ божественный законъ совершать память праведнаго съ похвалами (Сир. 44, 1—14). Какое же благохваленіе должны мы принести апостолу Христову? ибо его сдѣлала и достойнымъ апостольства и возлюбленнымъ Павлу преимущественно праведность. Впрочемъ, онъ удостоился похвалы отъ самаго Евангелія. Поэтому,

---

(¹) Св. *Іоан. дамаск.* Opp. III. p. 1268. Paris. 1860.

(²) Описанное чудо совершилось при перенесеніи мощей св. ап. Луки изъ Ахаіи въ Константинополь.

(³) Воспоминаніе о святомъ апостолѣ и евангелистѣ Лукѣ. *Симеон. метафр.* Opp. t. II. p. 1129—1140. Paris. 1864.

оставивъ обыкновенныя правила похвальныхъ словъ, разскажемъ о немъ, что нужно разсказать, исторически.

Кто не знаетъ города Антіохіи, какое онъ имѣетъ положеніе и обширность, и какіе его предѣлы? Кому также неизвѣстно, каковъ это городъ, какую занимаетъ онъ мѣстность и какою орошается рѣкою? Рѣка эта Оронтъ. Въ этомъ городѣ человѣкъ въ первый разъ стяжалъ названіе христіанина (Дѣян. 11, 26). Изъ этого города произошелъ божественный Лука. Природу и качества Лука имѣлъ благородныя и прекрасныя; это видно изъ того, что онъ и въ жизни оказался дѣятельнѣйшимъ и передалъ намъ ученіе, самое сообразное съ жизнію. Съ дѣтства онъ занимался всякими науками, въ совершенствѣ изучилъ сирскій и еврейскій языки, и, процвѣтая и возрастая какъ дерево при источникахъ, удивительнымъ образомъ успѣлъ въ изученіи божественныхъ Писаній. Достигши юношескаго возраста, онъ посѣщалъ училища, бывшія какъ въ Елладѣ, такъ и въ Египтѣ, и получилъ отъ еллиновъ превосходнѣйшее образованіе: вполнѣ изучилъ грамматику и піитику, достигъ верха совершенства въ риторикѣ и умѣньи хорошо говорить, никому также не уступалъ въ преимуществахъ философіи, но логику почиталъ ступенью къ ѳикѣ, а ѳику—къ практикѣ. Такимъ образомъ, предаваясь всякимъ полезнымъ занятіямъ, онъ овладѣлъ наконецъ превосходнѣйшею и полезнѣйшею для людей наукою, медицинскою, и притомъ настолько, что отъ нея преимущественно получилъ свое отличительное названіе врача (Колос. 4, 14), а прошедши, при быстротѣ и величіи своихъ природныхъ дарованій, всякую на-

уку скорѣе, чѣмъ птица пролетаетъ по воздуху, и достаточно обогатившись человѣческими познаніями, перешелъ къ высшему и наилучшему образу жизни. Какъ же совершился этотъ переходъ?

Въ то время, послѣ борьбы со врагомъ и по одержаніи надъ нимъ побѣды, послѣ свидѣтельства свыше отъ Отца и сошествія Духа (Матѳ. 3, 16. 17), проповѣдывалъ о спасеніи міра Тотъ, кто, будучи чуждъ грѣха, пришелъ призвать грѣшниковъ къ покаянію (Лук. 5, 32). Слухъ объ этомъ разнесся по всей Іудеѣ и Галилеи (Матѳ. 9, 26), и даже за предѣлы этихъ странъ пронесилось ученіе евангельской проповѣди (Мар. 3, 7. 8). Тогда многіе отвращали уши сердца и закрывали очи ума отъ этого истиннаго ученія, и не удостоились ни воспринять слово жизни, ни созерцать истинный свѣтъ. Но тѣ, въ комъ отпечатлѣлся слѣдъ истины и кто имѣлъ свойства доброй земли, смотрѣли тогда, какъ говорится, во всѣ глаза, внимательно устремляли духовныя уши къ слушанію, поспѣшно неслись къ истинѣ, и не упускали ничего пристойнаго, нужнаго для того, чтобы приблизиться къ такому сокровищу и провести несомнѣнное убѣжденіе въ самую глубину души. Однимъ изъ такихъ былъ и чудный проповѣдникъ и учитель истины—Лука. Когда око ума его просвѣтилось для святой проповѣди, онъ отрекся отъ всякаго родства, пренебрегъ всякою естественною привязанностію, отвергъ деньги, стяжанія, всякое имущество. Никто такъ легко не отрясалъ пыли съ ногъ и не смывалъ нечистоты съ рукъ, какъ онъ спѣшилъ раздать свое имѣніе нуждающимся. Кратко сказать:

презрѣвъ все низшее, онъ быстро устремился къ высшему, отправился въ Іудею, пришелъ къ Тому, къ кому стремился, и при первомъ видѣ Іисуса и при первыхъ бесѣдахъ Его сдѣлался прекраснѣйшимъ сосудомъ для драгоцѣннаго мура благодати. Чтобы познать Спасителя, онъ не имѣлъ нужды въ частныхъ бесѣдахъ и чудесахъ; но чѣмъ болѣе превосходитъ онъ другихъ ученостію, благоразуміемъ и правотою души, тѣмъ скорѣе позналъ и самую истину чистую и проповѣданное ученіе. Съ этого времени онъ сталъ истиннымъ ученикомъ Христа, часто находился при Учителѣ, былъ свидѣтелемъ Его чудесъ и знаменій и не разлучался съ Нимъ во время спасительныхъ Его страданій. Поэтому и удостоился онъ быть зрителемъ Его воскресенія. Когда онъ шелъ съ Клеопою изъ Іерусалима въ селеніе Еммаусъ, на пути къ нимъ присоединился (о страшное явленіе!) воскресшій Господь, упрекнулъ ихъ въ медлительности и невѣріи сердечномъ и изъясненіемъ Писаній началъ подтверждать свое страданіе и великую тайну воскресенія. Какое же было дѣйствіе этого божественнаго собесѣдованія? Въ сердцахъ Луки и Клеопы засіялъ божественный огонь, такъ что они, поелику день склонялся уже къ вечеру, удерживали Владыку остаться съ ними. Но Владыка, желая сообщить имъ большее богопознаніе, не только просто остался, но и возлегъ съ ними за трапезою, преломилъ хлѣбъ, далъ чрезъ это вѣрнѣе узнать Того, кто былъ мертвымъ три дня, наконецъ скрылся отъ нихъ незамѣтно ни для какого ихъ чувства, и чрезъ то сильнѣе увѣрилъ ихъ въ воскресеніи своемъ изъ мертвыхъ (Лук.

24, 13—35. Мар. 16, 12. 13). Потомъ, когда Спаситель вознесся на небо и сошелъ оттуда всесвятый Духъ, Лука, присоединившись къ двѣнадцати апостоламъ и исполнившись одной съ ними благодати и силы, сдѣлался учителемъ народовъ, проповѣдывалъ имъ тайну домостроительства, приводилъ многихъ отъ заблужденія къ познанію Творца и запечатлѣвалъ ихъ крещеніемъ. Ибо божественный Лука, гдѣ ни проходилъ, всюду разсѣевалъ сѣмена правды и сѣтями слова многихъ привлекалъ къ Богу изъ глубины невѣдѣнія, подвергаясь гоненіямъ за Евангеліе, перенося, во время проповѣди слова Божія нечестивѣйшимъ еллинамъ, множество бѣдъ на сушѣ, на морѣ и въ городахъ. Любимымъ его мѣстопребываніемъ была пустыня, если только онъ находилъ въ ней людей, которыхъ могъ бы привести къ Богу и обратить къ благочестію.

Послѣ того, какъ Павелъ устремился къ небесному, чтобы созерцать и открыто проповѣдывать истину, и, отвергши мракъ заблужденія, обратился къ благочестію и былъ причисленъ къ сонму учениковъ, Лука сдѣлался постояннымъ спутникомъ его. Онъ желалъ ратоборствъ за благочестіе, и для этого присоединился къ такому воину, страдалъ съ нимъ, претерпѣлъ даже узы, какъ злодѣй, и испускалъ лучи богопознанія до предѣловъ земли. Онъ такъ былъ близокъ и во всемъ угоденъ Павлу, что послѣдній въ своихъ посланіяхъ къ вѣрующимъ часто упоминаетъ о возлюбленномъ Лукѣ (Колос. 4, 14. 2 Тим. 4, 10. Филим. 23). Вмѣстѣ съ нимъ онъ наполнилъ проповѣдію Евангелія всю страну отъ Іерусалима и его окресностей даже до

Иллирика, вмѣстѣ съ нимъ былъ узникомъ на всемъ пути отъ Іудеи даже до Рима; при чемъ испытывалъ одинаковыя съ нимъ бѣдствія и скорби, и претерпѣвалъ однѣ и тѣже кораблекрушенія, желая вполнѣ раздѣлять съ нимъ вѣнцы за эти подвиги. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Павломъ онъ разными способами, подобно торгующему купцу, пріумножилъ талантъ проповѣди и столько народовъ привелъ и уловилъ къ благочестію.

Кромѣ того, этотъ возлюбленный ученикъ Христовъ и истинный любитель всего домостроительства своего Учителя былъ еще писателемъ священной исторіи и евангелистомъ. Онъ описалъ, что и самъ видѣлъ и что узналъ отъ тѣхъ, кои были служителями Слова изначала, и что сообщено было ему по откровенію свыше (Лук. 1, 2. 3). Такъ этотъ евангелистъ описалъ таинство благовѣщенія Дѣвѣ архангела Гавріила, возвѣстившаго радость всему міру. Онъ же живо изобразилъ рождество Христа, представивъ Его лежащимъ въ яслѣхъ, сказалъ о пеленахъ и пастыряхъ, и описалъ вѣстниковъ радости—ангеловъ. Горя любовію къ истинѣ и добродѣтели, онъ сообщилъ ученія и наставленія, превосходящія всякій умъ, а при вѣрности изображеній онъ отличается еще изяществомъ рѣчи и чрезъ то обнаруживаетъ предъ нами богатство какъ ума такъ и языка своего. Спасительными наставленіями онъ наполняетъ даже причти, въ которыхъ онъ опять подробнѣе прочихъ евангелистовъ. Кратко сказать: онъ изобразилъ сошествіе Слова на землю, также вознесеніе Его на небо и возвращеніе къ престолу Отца такъ ясно,

какъ если бы обо всемъ этомъ разсказалъ кто нибудь пришедшій съ неба. Особенно утѣшительно то, что онъ первый изобразилъ воскомъ и красками ликъ воспринятаго человѣчества Христа моего, и образъ той, которая родила Его и сообщила Ему это человѣчество, и оставилъ эти изображенія, чтобы Христосъ и Богоматерь были чтимы чрезъ иконы, что̀ и исполняется до настоящаго времени. Онъ какъ-бы недостаткомъ почиталъ не имѣть у себя изображенными на иконѣ Тѣхъ, кому онъ предалъ былъ всѣмъ существомъ, что̀ служитъ признакомъ самой пламенной любви. Мало того: онъ сообщилъ свою драгоцѣнность и всѣмъ вѣрующимъ и любящимъ Христа.

Но не въ этомъ только проявилъ Лука обитавшую въ немъ благодать Духа, и не на одно Евангеліе употребилъ онъ языкъ, управляемый ею. По окончаніи описанія чудесъ Христовыхъ, онъ написалъ еще Дѣянія апостольскія. Въ нихъ онъ прежде всего излагаетъ божественное вознесеніе Спасителя на небо, потомъ сошествіе на апостоловъ Духа въ огненныхъ языкахъ, далѣе побіеніе Стефана камнями, обращеніе Павла, т. е. его призваніе Христомъ съ неба и переходъ отъ письмени къ духу (Дѣян. гл. 1—9), также узы Павла въ разныхъ мѣстахъ, темницы, раны, біенія, разныя козни язычниковъ, путь его изъ Іерусалима въ Римъ, бѣдствія на морѣ, скорби, опасности, несчастія, кораблекрушенія. Лука былъ не только очевидцемъ всего этого, но и участникомъ, и потому повѣствуетъ объ этомъ точно (Дѣян. 14, 19. 16, 22. 23. 18, 12., также гл. 19, 21 и 28). Послѣ этого, оставивъ Павла въ Римѣ,

Лука снова отправился на востокъ, прошелъ всю Ливію и достигъ Египта. Здѣсь онъ своимъ ученіемъ сначала просвѣтивъ верхнюю Θиваиду и посредствомъ Евангелія привелъ ея къ божественному Учителю; за тѣмъ пришелъ въ нижнюю семивратную Θиваиду, въ которой Духомъ Святымъ поставленъ былъ въ епископа и пастыря. Низвергнувъ статую и нечистыя капища демонскія, (этимъ онъ хотѣлъ изобразить совершенное попраніе нечестія), онъ воздвигъ святые храмы единому Богу, и тѣхъ, кои доселѣ одержимы были глубокимъ мракомъ невѣдѣнія, возродилъ посредствомъ Евангелія къ познанію Бога и такимъ образомъ сдѣлалъ ихъ сынами свѣта. Итакъ, вотъ какіе плоды принесъ онъ Учителю: истребилъ нечестіе, воздвигъ храмы, устроилъ и освятилъ алтари, рукоположилъ для вѣрующихъ избранныхъ изъ нихъ въ пресвитеровъ и діаконовъ и преподалъ имъ правило правой вѣры, то приводя свидѣтельства изъ ветхаго завѣта, то объясняя, что̀ самъ написалъ о Христѣ въ Евангеліи, и показывая, что ветхій завѣтъ совершенно согласенъ съ новымъ и что законоположникъ того и другаго завѣта одинъ и тотъ же Богъ. Наконецъ, достигши преклонныхъ лѣтъ, онъ отошелъ къ Богу мира въ мирѣ. Оставивъ персть землѣ, а душу предавъ въ руки Того, кто далъ ее (Еккл. 12, 7), онъ переселился туда, гдѣ страна живыхъ, гдѣ звуки празднующихъ, гдѣ жилище всѣхъ радующихся. Такъ повѣствуютъ о подвигахъ апостола за благочестіе! таковъ конецъ трудовъ его, понесенныхъ за Христа, плоды которыхъ донынѣ пожинаетъ онъ съ веселіемъ, такъ что и самъ можетъ ска-

зать вмѣстѣ съ Павломъ: „подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ, а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды“ (2 Тим. 4, 7. 8).

Въ заключеніе приличнымъ нахожу упомянуть о томъ, почему, какимъ образомъ и въ какое именно время священные останки его перенесены были изъ Ахаіи, какъ нѣкое божественное сокровище, и помѣщены въ славномъ и царственномъ городѣ. Нѣкогда Констанцій, сынъ Константина великаго, третій изъ братьевъ, переходилъ изъ Сирміи къ Истру. Простоявъ лагеремъ немалое время на берегу Истра, онъ услышалъ, что пограничные съ Истромъ варвары намѣреваются поднять оружіе противъ римской имперіи. Опасаясь, чтобы они не причинили какого-либо вреда въ его владѣніи, онъ немедленно пошелъ во Ѳракію и въ Византію. Когда онъ находился въ странѣ одрисовъ, гдѣ римскій царь Адріанъ построилъ городъ и далъ этому мѣсту свое имя, къ нему приходитъ одинъ епископъ какъ-бы съ пріятнѣйшимъ даромъ для него, и объявляетъ, что въ Ахаіи погребены мощи учениковъ Христовыхъ Андрея и Луки. Констанцій живо тронутъ былъ этимъ извѣстіемъ и тотчасъ отправилъ, для перенесенія драгоцѣнныхъ мощей, Артемія, которому давалъ обыкновенно важнѣйшія порученія и котораго зналъ какъ пламеннаго любителя Христа: о каковой божественной любви его свидѣтельствуютъ подвиги и опасности, подъятые имъ за Христа въ царствованіе Юліана. Этого, говорю, Артемія, дышущаго такимъ пламенемъ къ благочестію и друга своего, онъ немедленно отправилъ для перенесенія драгоцѣнныхъ мощей. Констанцій былъ вообще умѣренъ и кротокъ нравомъ и

много заботился о построеніи церквей. Такъ онъ воздвигъ, начавъ дѣло съ самаго основанія, огромнѣйшій храмъ въ городѣ родителя своего, близъ гробницы его, какъ-бы воздавая ему почесть. Въ этомъ-то храмѣ, въ самомъ божественномъ алтарѣ, вмѣстилищѣ святой трапезы, и были положены останки святыхъ апостоловъ, принесенные Артеміемъ изъ Ахаіи, именно: мощи Андрея, перенесенныя изъ города Патръ, и Луки—изъ Ѳивъ віотійскихъ. Спустя нѣсколько времени Констанцій перенесъ еще, изъ Ефеса іонійскаго, Тимоѳея, бліставшаго въ ликѣ учениковъ Христовыхъ какъ какая нибудь яркая звѣзда, воспользовавшись и въ этомъ случаѣ услуженіемъ Артемія, который, какъ-бы въ награду за содѣйствіе благочестію царя, и самъ былъ погребенъ въ окружности святой трапезы. Такъ перенесены были мощи Тимоѳея.

Во время перенесенія божественнаго Луки совершилось вотъ какое чудо, достойное того, чтобы сказать о немъ и запомнить его. Нѣкто Анатолій, евнухъ изъ тогдашнихъ царскихъ постельничихъ, одержимъ былъ жестокою болѣзнію. Онъ былъ увѣренъ, что болѣзнь его столь сильна, что не поддавалась искусству врачей. Зная однако очень хорошо, что невозможное человѣкамъ возможно Богу (Матѳ. 19, 26), онъ, помимо всѣхъ другихъ, прибѣгъ къ ученику Христову Лукѣ и отъ него получилъ помощь противъ своей болѣзни. Когда гробъ, въ которомъ находились досточтимыя мощи Луки, несли въ святый храмъ, воздвигнутый Констанціемъ съ самаго основанія, упомянутый Анатолій подошелъ и помогалъ несущимъ его. Въ это время

болѣзнь, терзавшая его, вдругъ исчезла. Послѣ этого живый, получившій такое благодѣяніе отъ усопшаго, во всю свою жизнь не переставалъ воздавать благодарность апостолу и Богу, совершающему чрезъ него такія чудеса.

Мощи божественнаго Луки, принесенныя такимъ образомъ изъ Ѳивъ прежде другихъ, положены съ великими почестями и великолѣпіемъ въ храмѣ построенномъ Констанціемъ, вмѣстѣ съ мощами Андрея и Тимоѳея. Въ этомъ положеніи святыхъ мощей обнаружились дѣла вѣры и пламенная любовь Констанція. Но впослѣдствіи онъ (о жалкое паденіе! о бѣдственная перемѣна!), опутанный сѣтьми лукаваго, напился аріанскаго ученія.

Спустя много времени скипетръ царства перешелъ къ Іустиніану. Этотъ государь оказалъ еще болѣе усердія къ святымъ мощамъ апостоловъ. Пылая горячею любовію къ Богу, онъ положилъ ихъ въ серебряную раку и помѣстилъ ихъ, какъ драгоцѣнное сокровище, въ драгоцѣнномъ хранилищѣ, въ самомъ алтарѣ, такъ притомъ, что рака стала престоломъ святаго алтаря, а храмъ названъ храмомъ всѣхъ апостоловъ. Вѣрующіе, приходящіе въ этотъ храмъ, восхваляютъ божественнаго Луку, какъ ученика, прославляютъ его, какъ евангелиста, ублажаютъ его, какъ постояннаго соучастника божественнаго Павла въ святыхъ его подвигахъ и трудахъ; и, получая тамъ освященіе, исполняются духовною радостію, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СКАЗАНІЯ

О СВЯТОМЪ АПОСТОЛѢ И ЕВАНГЕЛИСТѢ ІОАННѢ БОГОСЛОВѢ.

Память его—26 сентября.

I.

Св. Прохора діакона (1), ученика св. апостола и евангелиста Іоанна богослова (2).

I. *О жребіи апостоловъ и о кораблекрушеніи блаженнаго Іоанна.* Когда, по вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа, Сына Бога живаго, на небо, ученики Его собрались въ Геосиманію, Петръ сказалъ имъ: „Вы знаете, братія, что Господь нашъ, оставляя намъ заповѣдь, повелѣлъ намъ идти по всему міру проповѣдывать Евангеліе всей твари (Марк. 16, 15) и крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѳ, 28, 19). Поелику мы ничего другаго не желаемъ, какъ немедленно исполнить повелѣнное намъ Господомъ; то, по благодати Троицы, посвятимъ себя, возлюбленнѣйшіе братія, на дѣло, которое заповѣдалъ намъ Господь. Онъ сказалъ: „вотъ, Я посылаю васъ, какъ овецъ сре-

(1) Повѣствованіе о жизни, чудесахъ и преставленіи блаженнаго апостола Іоанна. Maxim. biblioth. vet. patr. t. II. p. 46—67. Lugdun. 1677.

(2) Св. *Димитр. рост.* Чет-Мин. подъ 26 сентябр. лист. 87. Москва. 1856.

ди волковъ: будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голуби“ (Матѳ. 10, 16); а вамъ, братія, извѣстно, что змій, когда хотятъ убить его, отдаетъ все тѣло свое, но голову прячетъ. Такъ и мы, братія, смерть примемъ, но Христа Господа, который есть глава наша, не отречемся. Такъ и голуби, когда отнимаютъ у нихъ дѣтей, не скорбятъ и не умѣютъ отрицаться Господа своего. Вы знаете, что Господь и Учитель сказалъ намъ: „если Меня гнали, будутъ гнать и васъ“ (Іоан. 15, 20). Поэтому, братія, насъ ожидаютъ многія напасти; но терпящимъ напасть за святое имя Его уготованы блага“. Іаковъ, братъ Господень, сказалъ въ отвѣтъ: „хорошо, Петръ, что ты предложилъ это; ибо время уже исполнить это. Но вы знаете, братія мои, что Господь сказалъ мнѣ, чтобы я оставался въ Іерусалимѣ“. Петръ отвѣчалъ: „всѣ мы знаемъ, что эти мѣста поручены твоему домостроительству и что ты не долженъ оставлять Іерусалима“. Итакъ, апостолы бросили жребіи. Въ жребій Іоанну досталась Азія, и онъ сильно возскорбѣлъ и со слезами повергся на землю къ ногамъ братій. Петръ, взявъ его за правую руку, поднялъ его съ земли и сказалъ: „всѣ мы уважаемъ тебя, какъ перваго, почитаемъ терпѣніе твое образцемъ и ободреніемъ для всѣхъ насъ: что же сдѣлалъ ты, братъ? зачѣмъ возмутилъ души наши“? Іоаннъ сказалъ Петру въ отвѣтъ: „Прости меня, отче, что я сильно возмутился въ этотъ часъ. Когда досталась мнѣ въ жребій Азія, я съ горестію принялъ это отъ представленія, не опредѣлено ли мнѣ, вмѣсто награды, умереть на морѣ, когда мнѣ придется подвергнуться бѣдствіямъ

на немъ, и забылъ слово возлюбившаго меня Господа, который сказалъ: „и волосъ съ головы вашей не пропадетъ“ (Лук. 21, 18). Но теперь, братія, простите меня и помолитесь обо мнѣ, чтобы Господь и Богъ мой простилъ мнѣ это; ибо отнынѣ я готовъ идти всюду, куда только угодно Его благой волѣ и благому опредѣленію“. Тогда всѣ, вставъ, стали къ востоку, попросили Іакова, брата Господня, чтобы сотворилъ молитву, и всѣ вмѣстѣ съ нимъ помолились. Послѣ этого всѣ апостолы разошлись, каждый въ свой жребій. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ апостоломъ пошелъ, въ помощь ему, кто-либо изъ семидесяти двухъ учениковъ Господа. Я Прохоръ получилъ жребій помогать апостолу Іоанну. Итакъ, оставивъ Іерусалимъ, мы пришли въ Іоппію и пробыли здѣсь три дня въ домѣ туземной вдовы Тавиѳы, а когда пришелъ корабль изъ Египта и, выгрузившись тамъ, хотѣлъ плыть въ западныя страны, мы сѣли на него, чтобы отправиться въ Азію. Когда мы находились въ кораблѣ, Іоаннъ началъ скорбѣть и сказалъ мнѣ: „сынъ мой Прохоръ! на морѣ постигнетъ насъ много бѣдъ и много опасностей; но о моей смерти или жизни Господь ничего не открылъ мнѣ, а вы спасетесь отъ опасностей морскихъ и никто изъ васъ не погибнетъ. Итакъ, сынъ мой, когда благополучно избѣгнешь опасности морской, иди въ Азію и, вошедши въ Ефесъ, ожидай тамъ прибытія моего въ теченіи трехъ мѣсяцевъ: если въ теченіи этого времени соизволитъ Богъ, чтобы я прибылъ, то намъ нужно будетъ приложить стараніе къ исполненію порученнаго намъ служенія, а если этотъ срокъ пройдетъ и я

не явлюсь, то возвратись, сынъ мой, въ Іерусалимъ къ Іакову, брату Господню, и исполни что только поручитъ онъ тебѣ". Какъ только сказалъ мнѣ это учитель мой Іоаннъ около одиннадцатаго часа, поднялась буря и разбила корабль. По разбитіи корабля, мы находились въ крайней опасности, причиняемой кораблекрушеніемъ, отъ одиннадцатаго часа дня до третьей ночной стражи, въ которую каждый изъ насъ взялъ отъ корабля что только могъ, или весло или обломокъ, чтобы спастись посредствомъ плаванія, и всѣ мы, кромѣ Іоанна, по милости Божіей, около шестаго часа дня выброшены были яришимся моремъ въ предѣлы Селевкіи, на разстояніи пяти стадій отъ нея. Всѣхъ насъ было сорокъ двѣ души. Когда выбросило насъ море, мы отъ крайняго холода, страха и утомленія долгое время лежали какъ бездушные, а потомъ, отправившись, вошли въ Селевкію и, какъ потерявшіе во время кораблекрушенія все и потому не имѣвшіе чего бы поѣсть, попросили хлѣба и, получивъ его, поѣли. Выброшенные вмѣстѣ со мною на берегъ возстали на меня, злословя меня и говоря мнѣ: „Что это за человѣкъ, бывшій съ тобою? Онъ волхвъ; онъ кознями своими довелъ корабль до погибели, чтобы похитить имѣніе наше и уйти; и ты, товарищъ его,—подобный ему волхвъ. Итакъ, или выдай намъ злодѣя того, или мы не допустимъ, чтобы ты вышелъ изъ этого города свободнымъ: ибо ты мужъ, достойный смерти. Открой намъ, гдѣ находится злодѣй тотъ; ибо всѣ мы, бывшіе на кораблѣ, находимся здѣсь, а его только одного нѣтъ". И возмутили противъ меня всѣхъ гражданъ, внушая имъ то-

же самое. Посему схвативъ меня, посадили меня въ темницу, а на слѣдующій день представили къ начальнику города, который сурово спросилъ меня: „откуда ты, какой ты вѣры, какимъ ремесломъ живешь и какъ тебя зовутъ? скажи намъ обо всемъ этомъ, прежде нежели подвергнемъ тебя мукамъ“. Я отвѣчалъ ему: „родомъ я изъ земли еврейской, по вѣрѣ—христіанинъ, имя мое—Прохоръ; сюда же я выброшенъ во время кораблекрушенія вмѣстѣ съ обвинителями моими“. Начальникъ спросилъ: „Какъ же спаслись и возвратились всѣ вы, а нѣтъ только одного товарища твоего? Конечно, вы волхвы, какъ свидѣтельствуютъ эти лица, и вы учинили злодѣяніе это на морѣ, а чтобы никто не подозрѣвалъ васъ и не вмѣнилъ вамъ злодѣянія, оказался съ плывшими на кораблѣ только ты, товарищъ же твой взялъ свое имѣніе и ушелъ, или, быть можетъ, такъ какъ вы злодѣи и виновны въ крови многихъ, то божескимъ судомъ устроено, чтобы товарищъ твой погибъ, а ты одинъ, изъ двухъ, спасся, чтобы погибнуть въ этомъ городѣ злою смертію. Итакъ, скажи, не колеблясь: погибъ ли товарищъ твой, или избѣжалъ опасности“? Я со слезами отвѣчалъ: „О чемъ ты спрашиваешь, скажу тебѣ, что̀ знаю. И, во-первыхъ, о себѣ скажу, что я не волхвъ, но христіанинъ и ученикъ Христовъ, а Христосъ Господь до вознесенія своего на небо повелѣлъ ученикамъ своимъ, говоря: „идите по всему міру, проповѣдуйте евангеліе всей твари и крестите всѣ народы, какіе захотятъ вѣрить“ и проч. (Марк. 16, 15—16). Когда же Онъ вознесся на небо, Его апостолы, собравшись въ одно мѣсто, бросили меж-

ду собою жребіи, какая страна достанется каждому изъ нихъ въ жребій для проповѣди, чтобы отправиться туда и проповѣдывать тамъ. И когда учителю моему Іоанну, бывшему съ нами на кораблѣ, досталась въ жребій Азія, онъ сильно возскорбѣлъ, и поелику отрицался тогда отъ того, что угодно было Духу Святому, то ему открыто было, что за грѣхъ свой онъ подвергнется морской бурѣ, и когда мы вошли въ корабль, онъ поистинѣ предсказалъ мнѣ, чему мы подвергнемся, и повелѣлъ, чтобы я, когда буду въ Ефесѣ, ожидалъ его до третьяго мѣсяца, потому что онъ, если долѣе останется на землѣ, явится къ тому сроку, чтобы самому исполнить порученное ему Господомъ служеніе, а на случай, если въ теченіи этого времени не явится, повелѣлъ мнѣ возвратиться въ свое отечество. Итакъ, учитель мой не волхвъ, но избранный, довѣренный Господа, достовѣрнѣйшій провозвѣстникъ истины, непоколебимѣйшій въ вѣрѣ во Іисуса Христа". Когда нѣкто Селемнъ, пришедшій изъ Антіохіи, услышалъ, что я говорю это въ простотѣ, то попросилъ, чтобы позволили мнѣ отправиться назадъ. Мнѣ позволили это. Вышедши изъ Селевкіи, я спустя сорокъ дней пришелъ въ Азію, въ одно село, находившееся на берегу моря, и, нашедши случайно яму, вошелъ въ нее для отдохновенія послѣ многихъ несчастій, а когда скрылся, увидѣлъ, что великая буря выбросила какого-то человѣка на морской берегъ. Сочувствуя человѣку этому, какъ испытавшій уже опасности на морѣ, я немедленно всталъ и побѣжалъ помочь ему; ибо не зналъ еще, что это Іоаннъ. Приблизившись къ нему, я взялъ его за руку

и поднялъ его. Онъ узналъ меня, а я—его, и оба мы со многими слезами обнялись, возсылая благодареніе Богу, милосердому ко всѣмъ и единому могущественнѣйшему избавителю отъ всѣхъ опасностей. Потомъ, когда мы пробыли нѣсколько времени безмолвными отъ постигшей насъ радости, Іоаннъ, собравшись съ духомъ, началъ разсказывать о случившемся съ нимъ и о томъ, какъ онъ, охраняемый постоянно Богомъ, сорокъ дней и сорокъ ночей бился на берегу въ волнахъ морскихъ. Разсказалъ ему и я, что̀ случилось со мною.

II. *Божественный Іоаннъ и Прохоръ работаютъ у банщицы, сей въ качествѣ водолѣйщика, а тотъ въ качествѣ истопника.* Потомъ, оставивъ мѣсто то, мы вошли въ село, попросили тамъ хлѣба и воды, подкрѣпились ими и пошли, направивъ путь свой въ Ефесъ. Вошедши въ городъ, мы остановились на площади Артемиды, гдѣ находилась баня начальника мѣста того, и направили путь свой къ одному мужу, по имени Діоскориду. Іоаннъ преподалъ мнѣ такое наставленіе: „сынъ Прохоръ! никому изъ здѣшнихъ гражданъ не сказывай ни того, зачѣмъ мы пришли сюда, ни того, кто мы, доколѣ не откроетъ намъ Богъ волю свою и то, что̀ мы должны предпринять; будемъ только уповать на Христа, Господа нашего“. Когда онъ говорилъ мнѣ это, одна женщина, римлянка, по имени Ромека, здоровая тѣломъ, содержательница бани, пустая, но весьма сильная и потому крайне угнетавшая битьемъ и побоями служившихъ у нея при банѣ, такъ что никто изъ работниковъ не могъ вынести озлобленій ея, вышедши изъ бани и увидавъ насъ сидящими одиноко

и съ поникшимъ взоромъ, подумала, что мы люди презрѣнные и нуждающіеся въ средствахъ къ жизни, и что можемъ быть ей полезными и служить у нея даромъ. И сказала она Іоанну: „человѣкъ, откуда ты“? Іоаннъ отвѣчалъ: „я иноземецъ“. Она спросила: „изъ какой земли“? Онъ отвѣчалъ: „изъ Іудеи“. Тогда она спросила: „какую вѣру исповѣдуешь“? Онъ отвѣчалъ: „я христіанинъ“. Она спросила: „какъ ты пришелъ сюда“? Онъ отвѣчалъ: „я, по изволенію Божію, потерпѣлъ кораблекрушеніе, а послѣ кораблекрушенія пришелъ сюда“. „Не хочешь ли, спросила она, служить мнѣ, топить у меня печь въ банѣ? За это я дамъ тебѣ все необходимое для тѣла твоего“. Онъ отвѣчалъ, что хочетъ. Послѣ того Ромека, обратившись ко мнѣ, спросила: „а ты откуда“? Іоаннъ отвѣчалъ: „это братъ мой“. Ромека сказала: „и онъ необходимъ мнѣ для литья воды“. И ввела она насъ въ баню, и сдѣлала Іоанна истопникомъ, а меня водолейщикомъ, и давала намъ каждый день по три унціи хлѣба, а каждый годъ, какъ обѣщала,—необходимое для тѣла. На четвертый день по входѣ нашемъ учитель мой Іоаннъ стоялъ у печки, не совсѣмъ хорошо исполняя дѣло истопника. Ромека, пришедши туда, начала сильно бить и жестоко поносить его, и, пригрозивъ, чтобы лучше дѣлалъ свое дѣло, ушла. Я Прохоръ, находясь на мѣстѣ, гдѣ исправлялъ должность водолейщика, слышалъ все, что говорила Ромека, и какъ она била и грубо поносила учителя моего, то сильно возмутился въ душѣ, однако смолчалъ и не сказалъ ему ни одного слова. Но учитель мой, духомъ узнавъ, что я скорблю за него, сказалъ

мнѣ: „сынъ мой Прохоръ! когда досталась мнѣ въ жребій Азія, душа моя поколебалась и я сильно воскорбѣлъ. Я потерпѣлъ кораблекрушеніе, и не я одинъ, но, по моей винѣ, и ты и прочіе, бывшіе вмѣстѣ со мною, и въ продолженіи сорока дней подверженъ былъ неистовству яростнаго моря, доколѣ Господь и Богъ и Учитель мой, противъ котораго согрѣшилъ я, восхотѣлъ призвать меня на землю, а ты, смутившись отъ немногихъ поношеній одной женщины, безпокоишься среди маловажныхъ искушеній. Занимайся возложенною на тебя должностію и исполняй ее со тщаніемъ. Ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ, творецъ всего, былъ битъ и сѣченъ розгами отъ твари своей, и сдѣлался для насъ добрый Учитель образцемъ терпѣнія, чтобы мы готовы были къ подобнымъ страданіямъ и терпѣливы среди нихъ; кромѣ всего этого, истинно любящій насъ Господь далъ намъ такое повелѣніе: терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши“ (Лук. 21, 19). Выслушавъ это отъ Іоанна, я продолжалъ дѣло, къ которому приставила меня Ромека, а Ромека, вошедши опять, спрашивала, что необходимо для тѣлъ нашихъ. Іоаннъ отвѣчалъ, что необходимое для тѣлъ своихъ мы имѣемъ въ достаткѣ и порученное намъ дѣло исполняемъ тщательно. „Какъ же, спросила она, всѣ говорятъ, что вы люди негодные“? Іоаннъ отвѣчалъ ей: „мы никогда не занимались этимъ дѣломъ, почему и трудно намъ дѣлать все сначала какъ слѣдуетъ; но если мы продолжимъ упражняться въ немъ, то сдѣлаемся искусными; ибо всякому свойственно дѣлать касающееся какого-либо искусства сначала не все правильно

и безошибочно". Когда онъ сказалъ это, женщина ушла. Діаволъ же, изначала завидующій добрымъ, принялъ на себя видъ женщины и, вошедши началъ поражать Іоанна палками, ударами и жестокими поношеніями, говоря: „я поставила тебя служителемъ при этомъ дѣлѣ, а ты все испортилъ; не могу долѣе терпѣть тебя; разожги печь какъ можно сильнѣе, чтобы я бросила тебя въ средину ея". Потомъ злодѣй сей, взявъ одежду, которою былъ покрытъ, съ угрозами говорилъ Іоанну: „нынѣ я съ безчестіемъ отниму у тебя душу; пошелъ вонъ; не хочу, чтобы ты долѣе служилъ мнѣ". Іоаннъ, узнавъ духомъ, что это бѣсъ, обитавшій въ тамошнихъ баняхъ, и призвавъ имя Іисуса, тотчасъ прогналъ его. Послѣ того однажды утромъ вошла Ромека и сказала Іоанну: „О тебѣ много говорятъ, что ты нехорошо исправляешь принятую на себя должность. Я знаю, что они говорятъ это съ тою цѣлію, чтобы я позволила тебѣ отойти свободнымъ и прогнала тебя; но ты не можешь уйти отъ меня такимъ образомъ. Ибо если захочешь отойти, то я насильно лишу тебя одного изъ тѣхъ членовъ, которые болѣе всего необходимы тебѣ". Іоаннъ ничего не сказалъ противъ всего этого. Тогда женщина, видя терпѣніе мужа и такую его крѣпость и тихость, еще сильнѣе начала подстрекать и негодовать, и сказала: „Ты держишь себя не какъ рабъ мой, но какъ свободный. Что ты толкуешь? Не ужели не признаешь рабства своего? Отвѣчай мнѣ теперь". Іоаннъ отвѣчалъ: „да, мы рабы твои, я—источникъ, а Прохоръ—водолейщикъ". Въ это время Ромека находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ однимъ судьею. Отпра-

вившись къ нему, она сказала: „Нѣкогда родители мои оставили мнѣ рабовъ. Они бѣжали, но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, отыскались. Между тѣмъ бумаги о покупкѣ ихъ я потеряла. Рабы тѣ пришли ко мнѣ. Могу ли я возобновить бумаги о покупкѣ ихъ“? Тотъ сказалъ ей: „Если они не откажутся признаться, что родители твои оставили ихъ тебѣ рабами, то ты можешь возобновить бумаги, коль скоро они явятся и скажутъ, что они рабы твои“. Іоаннъ, узнавъ это духомъ, сказалъ мнѣ: „сынъ, Прохоръ! сообщаю тебѣ вотъ что: женщина, у который мы служимъ, хочетъ требобовать у насъ признанія, что мы рабы ея. Если мы признаемся, что мы рабы ея, то у нея готовы достовѣрные свидѣтели, которыхъ она подыскала уже, и она посредствомъ бумаги включитъ насъ въ рабство свое и сдѣлаетъ насъ рабами своими. Не печалься, сынъ, объ этомъ, но больше радуйся; ибо мы заслуживаемъ потерпѣть поношеніе за имя Христово“. Въ то время, какъ Іоаннъ говорилъ мнѣ это, приходитъ Ромека, хватаетъ Іоанна за руку и начинаетъ бить его и говорить: „бѣглый рабъ! почему ты не встрѣчаешь пришедшую госпожу свою и не отдаешь ей должнаго почтенія? Ты почитаешь себя, бѣглецъ, свободнымъ; но ты возвращенъ въ рабство госпожѣ своей“. И била она его по щекамъ, чтобы вбить въ него страхъ, и, положившись на его волю, сказала: „не скажешь ли ты мнѣ на это, что ты рабъ мой“? Іоаннъ отвѣчалъ ей: „тебѣ сказано уже, что мы рабы твои, я—истопникъ, а Прохоръ водолейщикъ“. Ромека снова спросила: „бѣглый рабъ! чей ты рабъ“? Іоаннъ отвѣчалъ: „чего ты

хочешь? того, чтобы мы сказали, что мы — твои рабы"? Та сказала: „скажите, что вы мои рабы". Іоаннъ сказалъ: „мы сказали уже тебѣ, а теперь на бумагѣ сознаемся, что мы—твои рабы". Я желаю, сказала она, чтобы вы подвердили это признаніемъ своимъ при трехъ свидѣтеляхъ". Іоаннъ сказалъ: „не медли же; если прикажешь сдѣлать, что̀ говоришь, мы сдѣлаемъ". Тогда Ромека, взявши насъ, пошла прямо къ храму Артемиды и при свидѣтеляхъ истребовала у насъ признаніе въ томъ, что мы—ея рабы, и приставила каждаго изъ насъ къ нашему дѣлу. Теперь скажемъ о самой общественной банѣ.

III. *Божественный Іоаннъ воскрешаетъ Діоскорида и Ѳеону, задушенныхъ бѣсомъ, и прогоняетъ бѣса.* Сказываютъ, что на мѣстности общественныхъ бань, когда строили ихъ первоначально, бѣсы сдѣлали такое обольщеніе. Когда копалось основаніе, нѣкоторые чародѣи, наущенные бѣсомъ, подложили туда живую отроковицу вверхъ животомъ, которая и умерла тамъ, и начали воздвигать теплицы въ убѣжденіи, что ради молоденькой дѣвушки онѣ будутъ счастливѣе; но вышло совсѣмъ иное, ибо въ томъ мѣстѣ жилъ діаволъ и по случаю зарытія тамъ дѣвицы издѣвался надъ людьми и три раза въ годъ задушалъ въ тамошнихъ баняхъ или отрока или отроковицу. Наконецъ, одинъ гражданинъ ефесскій, по имени Діоскоридъ, подмѣтилъ и запомнилъ, въ какое время и въ какой день случалось обыкновенно это. У него былъ сынъ, красивый, девятнадцати лѣтъ отъ роду. Бѣсъ умыслилъ задушить его, не наблюдая обычнаго времени. Вошелъ въ баню и я, неся

съ служителями своими сосудъ съ водою. Нечистый бѣсъ, внезапно напавъ на юношу, немедленно задушилъ его и оставилъ тамъ мертвымъ, а испуганные слуги юноши ушли съ скорбію и слезами, говоря: „горе намъ несчастнымъ! что намъ дѣлать? ибо господинъ нашъ умеръ“. Ромека, услышавъ это, скинула съ головы своей повязку, начала рвать волосы свои и съ величайшимъ воплемъ кричала: „Горе мнѣ несчастной! Что скажу я господину своему Діоскориду, когда онъ услышитъ, что его сынъ, который былъ у него одинъ, умеръ? О великая Артемида ефесская! помоги намъ; покажи надъ умершимъ юношею силу свою. Всѣ мы, и женщины и мужчины ефесскіе, согласно признаемъ, что ты управляешь всѣмъ и совершаешь великія дѣла. Послушай теперь рабу свою и возврати сына господину моему, рабу твоему, чтобы всѣ уповающіе на тебя познали, что у тебя свѣжія силы; возврати намъ юношу сего, представь его отцу его живымъ и привлеки къ себѣ всѣ народы, ибо ты истинная богиня, а могущественнѣйшаго тебя бога нѣтъ“. Ромека рвала волосы свои и плакала съ третьяго часа до девятаго; но относительно умершаго не было никакого утѣшенія. Собралось огромное множество людей, изъ коихъ одни оплакивали юношу, а другіе раздѣляли скорбь Ромеки. Въ это время пришелъ ко мнѣ съ работы своей Іоаннъ и спросилъ: „что случилось, сынъ Прохоръ“? Ромека, замѣтивъ, что мы говоримъ между собою, прежде нежели я отвѣтилъ Іоанну, пришла къ намъ, схватила Іоанна и сказала: „Бѣглецъ пойманный! Дознаны козни, которыя употреблялъ ты со дня прибытія своего

къ намъ, и потому великая Артемида оставила меня. Итакъ, или возврати мнѣ сына господина моего Діоскорида, или я сейчасъ лишу тебя жизни". Іоаннъ спросилъ ее: „что случилось, госпожа, съ тобою? скажи мнѣ". Та, воспламенившись яростію, начала бить его по щекамъ и говорить: „Негодный рабъ, на ѣду проворный, а къ работѣ лѣнивый! Всѣ ефесяне знаютъ, что случилось, и что ты пришелъ ко мнѣ, чтобы посмѣяться надо мною. порадоваться и притвориться, будто не знаешь. что случилось,—что сынъ господина моего Діоскорида умеръ въ баняхъ". Послѣ этого Іоаннъ отошелъ отъ Ромеки, нимало не скорбя о причиненномъ ему ею, и, постоявъ немного, вошелъ въ бани, изгналъ оттуда нечистаго духа, силою Господа нашего Іисуса Христа возвратилъ въ тѣло юноши душу, вышелъ изъ теплицъ, держа юношу за руку, подошелъ къ Ромекѣ и сказалъ ей: „возьми теперь сына господина своего". Ромека, увидавъ это, пришла въ такое изступленіе, что упала на землю. какъ бездушная и мертвая. Іоаннъ, взявъ ее за руку, осторожно поставилъ ее на ноги; но она, смотря на столь великое чудо, находилась въ такомъ оцѣпененіи, что оставалась неподвижною, какъ камень. Пришедши въ себя спустя уже почти два часа, она не осмѣливалась взглянуть на лицо апостола, но, полная великаго смущенія, размышляла про себя: „Какъ взгляну я на лицо человѣка сего, котораго сдѣлала рабомъ своимъ, тогда какъ онъ не былъ рабомъ моимъ, даже притворялась предъ нимъ? Побоевъ онъ не заслуживалъ, а я непрестанно била его. О, несчастная я! Что мнѣ дѣлать? О, смерть! приди, зову

тебя, и поглоти несчастную". И тотчасъ, пришедши въ изнеможеніе духовное, упала на землю. Іоаннъ, видя такую перемѣну въ ней, взялъ ее за руку, поставилъ ее на ноги и оградилъ ее знаменіемъ святаго креста. Ромека пришла наконецъ въ себя, пала къ ногамъ апостола и со слезами сказала ему такъ: „униженно прошу тебя: скажи мнѣ, кто ты; ибо я полагаю, что ты, совершающій такія силы, или богъ или сынъ божій". Іоаннъ сказалъ: „я не Богъ и не Сынъ Божій, но ученикъ Господа Іисуса Христа, Сына Бога живаго; я возлежалъ на персяхъ Его и слышалъ отъ Него тайны, которыя сообщу тебѣ. если увѣруешь въ Него, если сдѣлаешься рабою Его, какъ я—рабъ Его". Тогда Ромека съ румянцемъ, стыдливостію и великимъ страхомъ сказала апостолу Іоанну: „итакъ, прошу тебя, человѣкъ Божій, простить мнѣ все, что̀ я дѣлала противъ тебя,—что я злобно подвергала тебя побоямъ, палкамъ и поношеніямъ, а сверхъ того обманула, несчастная, тебя и человѣка твоего, употребивъ лжесвидѣтельства, ибо сказала, что вы рабы мои". Іоаннъ сказалъ ей: „вѣруй во Отца и Сына и Святаго Духа и получишь прощеніе всѣхъ преступленій своихъ". Ромека отвѣчала ему: „вѣрую, человѣкъ Божій, всему, что̀ только услышу изъ устъ твоихъ". Все это происходило въ присутствіи множества народа. Между тѣмъ одинъ изъ семейныхъ Діоскорида побѣжалъ сообщить, что̀ сдѣлалъ человѣкъ Божій Іоаннъ, какъ сынъ Діоскорида умеръ въ баняхъ и какъ воскресилъ его Іоаннъ, и что его живаго окружаетъ множество народа. Но Діоскоридъ, когда получилъ извѣстіе о смерти сына своего, вдругъ пришелъ

въ ужасъ и тотчасъ умеръ, а человѣкъ, доставившій ему извѣстіе это, возвратился въ бани, гдѣ училъ Іоаннъ и гдѣ находился сынъ Діоскорида, и закричалъ: „горе мнѣ! господинъ мой Діоскоридъ умеръ“. Ѳеонъ (1), сынъ Діоскорида, услышавъ печальную вѣсть объ отцѣ своемъ, немедленно всталъ и,ославъ Іоанна къ отцу, побѣжалъ, а когда пришелъ въ домъ, нашелъ отца уже мертвымъ и лежащимъ на землѣ. Залившись горькими слезами, онъ возвратился къ Іоанну и, павши къ ногамъ его, сказалъ: „человѣкъ Божій, воззвавшій меня отъ смерти къ жизни! умоляю тебя помочь мнѣ; ибо отецъ мой, получивъ извѣстіе о смерти моей, тотчасъ умеръ. Не заставь меня, возбужденнаго тобою отъ смерти, снова умереть отъ скорби“. Іоаннъ, какъ человѣкъ высочайшей кротости, сказалъ ему: „не смущайся, Ѳеонъ, ибо смерть отца твоего послужитъ въ жизнь тебѣ и ему“, и, взявъ Ѳеона за руку, сказалъ ему: „пойдемъ теперь къ отцу твоему Діоскориду“. За нимъ пошла Ромека и множество плачущаго и стонущаго народа. Ѳеонъ ввелъ Іоанна къ отцу своему. Іоаннъ взялъ Діоскорида за правую руку и сказалъ: „Діоскоридъ! именемъ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Бога живаго, говорю тебѣ: встань“. Діоскоридъ тотчасъ восталъ отъ смерти. Огромная толпа предстоявшихъ, увидѣвъ такое чудо, прославила величія Божіи. Впрочемъ, нѣкоторые изъ среды ихъ говорили, что Іоаннъ—великій волхвъ, а другіе, здравомыслящіе, утверждали, что волхвы не могутъ воскрешать мертвыхъ. Діоско-

(1) Въ Четь-минеяхъ святителя Димитрія ростовскаго онъ называется Домномъ.

ридъ же, воскрешенный изъ мертвыхъ, пришедши въ себя, сказалъ Іоанну: „не ты ли—человѣкъ Божій, воззвавшій сына моего отъ смерти“? Іоаннъ отвѣчалъ ему: „не я воскресилъ его; но воскресилъ Христосъ, Сынъ Божій, проповѣдующій чрезъ меня“. Діоскоридъ, немедленно повергшись къ ногамъ Іоанна, сказалъ ему: „что мнѣ дѣлать, чтобы спастись и быть рабомъ Христа, Сына Божія“? Тогда Іоаннъ сказалъ: „вѣруй во Отца и Сына и Святаго Духа, и крестись“. Діоскоридъ сказалъ Іоанну: „вотъ я и сынъ мой; все, что только есть у насъ, отдаемъ въ твое распоряженіе“. Іоаннъ сказалъ Діоскориду: „этого не нужно ни мнѣ, ни Богу моему“: Съ того часа Діоскоридъ и Ѳеонъ послѣдовали за Іоанномъ, а Іоаннъ поучалъ ихъ, говоря: „Богъ, который есть единъ и милосердъ ко всѣмъ, послалъ на землю Сына своего, который родился отъ Дѣвы Маріи, пострадалъ, умеръ и былъ погребенъ, сошелъ въ преисподнюю, вывелъ оттуда вѣрныхъ своихъ и, торжествуя надъ смертію, воскресъ въ третій день, а по воскресеніи своемъ въ продолженіи сорока дней являлся намъ, двѣнадцати апостоламъ своимъ, вмѣстѣ съ нами ѣлъ и пилъ, и заповѣдалъ намъ идти по всему міру проповѣдывать Евангеліе и далъ намъ власть надъ всѣмъ, исцѣлять всѣхъ больныхъ, воскрешать мертвыхъ, изгонять бѣсовъ и крестить людей во оставленіе грѣховъ. И не намъ однимъ далъ Онъ власть эту, но и тѣмъ, которые увѣруютъ въ Него чрезъ проповѣдь нашу, особенно тѣмъ, которые, подобно намъ, способны будутъ служить въ нашемъ чинѣ и отличаться горячностію и благоговѣніемъ въ служеніи, а кто не увѣруетъ

въ Него, тѣ будутъ осуждены". Когда Іоаннъ окончилъ рѣчь, къ нему подошли Діоскоридъ и сынъ его и просили его окрестить ихъ. Іоаннъ сказалъ: „Богъ принимаетъ тебя и сына твоего". Въ то время, какъ Іоаннъ говорилъ, Ромека принесла бумаги, лживо составленныя ею о нашемъ рабствѣ, и вручила ихъ учителю моему Іоанну, а Іоаннъ на томъ же мѣстѣ изорвалъ ихъ. Послѣ этого онъ крестилъ Діоскорида въ домѣ его, а съ нимъ и сына его Ѳеона и страннопріимицу нашу Ромеку. Вышедши потомъ изъ дома Діоскоридова, мы пришли на мѣсто, гдѣ были бани и гдѣ приставили насъ къ службѣ, въ сопровожденіи господина Діоскорида. Іоаннъ, вошедши туда, изгналъ скверная бѣса, задушившаго Ѳеона, изъ всей мѣстности той. Послѣ этого Діоскоридъ ввелъ насъ въ домъ свой и предложилъ намъ трапезу, а мы, воздавая благодареніе Богу, поѣли и напились и пробыли съ Діоскоридомъ до вечера.

IV. *Божественный Іоаннъ сокрушаетъ идола Артемиды.* На другой день всѣ граждане ефесскіе совершали праздникъ Артемидѣ. На высокомъ мѣстѣ при скверномъ храмѣ ея стоялъ идолъ ея. Іоаннъ пошелъ туда и, взошедши на мѣсто то, сталъ съ правой стороны идола, одѣтый въ запачканныя одежды, въ которыхъ служилъ въ баняхъ, тогда какъ граждане мѣстные одѣты были въ бѣлыя одежды, какъ требовалось обрядомъ жертвоприношенія. Ефесяне, увидѣвъ его, возненавидовали и, воспламенившись яростію, взяли камни, чтобы бросать въ него; но когда начали бросать ихъ въ Іоанна, они силою Божіею обращались на ста-

тую Артемиды, такъ что всю почти статую сокрушили. Ефесяне, видя, что ни одинъ камень не коснулся Іоанна, скрежетали зубами, а нѣкоторые, смотря на происходившее, смѣялись.

V. *Божественный Іоаннъ увѣщеваетъ ефесянъ, чтобы увѣровали, и бросаніемъ камней, землетрясеніемъ и воскрешеніемъ восьми сотъ человѣкъ обращаетъ ихъ къ вѣрѣ.* Послѣ того, какъ идолъ сокрушенъ былъ бросаемыми камнями, Іоаннъ сказалъ ефесянамъ: „мужи ефесяне! зачѣмъ вы дѣлаете эту глупость въ праздникъ бѣсовскій и оставили истиннаго Бога, виновника всего міра и творца вашего“? Въ то время Богъ защищалъ апостола своего Іоанна отъ ярости ефесянъ, такъ что они не могли наложить на него руки, а Іоаннъ говорилъ имъ: „вотъ богиня ваша истреблена и сокрушена вами посредствомъ камней, которые вы хотѣли бросать въ меня; возстановите ее и почините, чтобы опять была такою же, какою была прежде, или если она имѣетъ какую либо власть, помолитесь, чтобы отомстила мнѣ, виновнику сокрушенія ея, или пусть явитъ какую либо силу, дабы я увѣровалъ, что она—богиня: иначе явно будетъ, что богиня сама не имѣетъ никакой власти“. При этихъ словахъ ефесяне, бѣснуясь чрезмѣрною яростію, снова начали бросать камни въ Іоанна, но камни обращались на нихъ самихъ и они забрасывали другъ друга камнями. Іоаннъ, видя, что они такъ воспламенены яростію отъ бѣса и умерщвляютъ другъ друга, сказалъ имъ: „Мужи ефесяне! зачѣмъ вы свирѣпствуете другъ противъ друга? Перестаньте и созерцайте страшную силу истиннаго Бога, которую вы

накликали на себя неистовствомъ своимъ, ибо слово Его, принесенное мною вамъ для спасенія вашего, вы почитаете сумасбродствомъ. Перестаньте, говорю, и смотрите внимательно". За тѣмъ Іоаннъ, простерши руки къ востоку на небо, сказалъ: „Господи Іисусе Христе, исправляющій милосердіемъ и милостями! покажи людямъ симъ, что ты—истинный Богъ и что кромѣ тебя нѣтъ иного Бога". Когда онъ высказалъ это, послѣдовало большое и страшное землетрясеніе, во время котораго умерло восемь сотъ человѣкъ, а прочіе, видя совершившееся чудо, пали къ ногамъ Іоанна, говоря: „господинъ! умоляемъ тебя, сдѣлай только, чтобы умершіе здѣсь люди возвратились къ жизни и увѣруемъ въ Бога твоего, проповѣдуемаго намъ тобою". Іоаннъ сказалъ имъ: „мужи ефесяне, жесткіе и неподатливые сердцемъ къ увѣрованію въ единаго истиннаго Бога! хотя и знаю я, что умершіе тѣ востанутъ отъ смерти; но сердце ваше ожесточится, какъ ожесточилось сердце фараона, когда онъ увидѣлъ знаменія и чудныя явленія". Несмотря на это, ефесяне продолжали умолять Іоанна о погибшихъ, лежа ницъ на землѣ. Наконецъ Іоаннъ, согласившись на ихъ просьбу, сначала долго смотрѣлъ на небо молча, а потомъ съ воплемъ и слезами сказалъ: „Господи Іисусе Христе, всегда сущій со Отцемъ истинный Богъ, сошедшій на землю для спасенія рода человѣческаго! услышь моленіе слуги своего, вопіющаго къ тебѣ, и прости грѣхъ народа своего и возставь отъ смерти умершихъ на этомъ мѣстѣ, чтобы знали, что Ты—истинный Богъ, и увѣровали въ Тебя, пославшаго меня; и даруй мнѣ, рабу своему, проповѣдать имъ слово твое съ надеждою".

Когда рабъ Божій Іоаннъ высказалъ это, большое землетрясеніе прекратилось, восемь сотъ мужей, лежавшихъ мертвыми, воскресли и, повергшись, поклонились Іоанну, а Іоаннъ началъ учить ихъ тому, что одно только Божество Отца и Сына и Святаго Духа, которому они должны покланяться, что въ Немъ три Лица, а существо одно, и многому другому, описаніе чего опускаемъ въ этой книгѣ.

VI. *Божественный Іоаннъ исцѣляетъ хромаго.* Когда Іоаннъ окончилъ поученіе свое, насъ взялъ Діоскоридъ и привелъ въ домъ свой. Пробывъ въ его домѣ нѣсколько времени, мы вышли на мѣсто, называемое городскою стѣною (τεῖχος), и нашли тамъ хромаго человѣка, разслабленнаго назадъ тому двѣнадцать лѣтъ и отъ слабости сдѣлавшагося неподвижнымъ. Онъ, увидѣвъ Іоанна, началъ кричать громкимъ голосомъ: „помилуй меня, Іоаннъ, апостолъ Бога живаго“! Іоаннъ, взявъ его и зная, что онъ имѣетъ вѣру, сказалъ ему: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа встань“. Тотъ немедленно всталъ, сдѣлавшись здоровымъ и невредимымъ.

VII. *Изгоняется бѣсъ ефесскаго храма, по разрушеніи послѣдняго, принявшій на себя видъ воина и несправедливо обвинявшій святыхъ Божіихъ.* Бѣсъ, обитавшій въ храмѣ Артемиды, видя то, что сдѣлалъ Іоаннъ, и то, что идолъ его сокрушенъ и что онъ будетъ наконецъ изгнанъ изъ города, принялъ на себя видъ воина, несущаго съ собою бумаги, сѣлъ на высокомъ и видномъ мѣстѣ и кричалъ громкимъ голосомъ и плакалъ. Проходившіе мимо два воина, видя его въ

воинской одеждѣ рыдающимъ и плачущимъ, подошли къ нему поближе и спросили его: „другъ! что съ тобою и какая причина скорби твоей“? Бѣсъ ничего не отвѣчалъ имъ, а только плакалъ и рыдалъ, держа мнимыя бумаги. Воины снова спросили его: „скажи намъ, отъ чего ты безпокоишься? мы поможемъ тебѣ, если можемъ“. Бѣсъ, поддѣлываясь подъ стонущаго и плачущаго, съ горестію сказалъ имъ: „я, доведенный до крайности, хочу умертвить себя; впрочемъ, если вы желаете оказать мнѣ помощь, я все разскажу вамъ, а если не желаете, то для чего мнѣ открывать вамъ тайну смерти своей“? Воины сказали ему: „твоя наружность и твоя одежда показываютъ, что ты человѣкъ свободный и должностный“. „Точно такъ“, сказалъ бѣсъ. Воины сказали ему: „знаешь ли, другъ, что мы можемъ помочь тебѣ, или не можемъ“? Бѣсъ отвѣчалъ: „можете, если хотите“. Воины спросили: „въ чемъ же могли бы мы помочь тебѣ“? Бѣсъ отвѣчалъ: „поклянитесь мнѣ великою Артемидою, что не откажете мнѣ въ своей помощи, и я открою вамъ все; окажите мнѣ, чужестранцу, благосклонность и любовь свою и получите отъ меня хорошую награду и сохраните жизнь мою“. Воины поклялись, что помогутъ ему въ его нуждѣ и во всемъ будутъ вѣрными помощниками его. Тогда бѣсъ, показывая связки золота, сказалъ имъ: „о, вѣрные друзья мои! вотъ что приготовлено вамъ за ваши хлопоты“. Наконецъ воины приступили къ тщательному распросу о причинѣ скорби бѣса и сказали: „разскажи намъ, другъ, исторію несчастія своего“. Тогда бѣсъ съ плачемъ и рыданіемъ сказалъ: „я, бѣд-

ный и несчастный, пришелъ изъ Кесаріи. Начальникъ города поручилъ мнѣ въ Іерусалимѣ стеречь двухъ мужей—волхвовъ, изъ коихъ одинъ назывался Іоанномъ, а другой Прохоромъ. Принявъ ихъ, я три дня содержалъ ихъ заключенными въ темницѣ, а на четвертый день ихъ представили судьѣ и они оказались виновными въ весьма многихъ преступленіяхъ вслѣдствіе учиненныхъ ими злодѣяній. Судья, видя такое бездѣльничество ихъ, ничего не рѣшился сдѣлать съ такими преступниками, что̀ слѣдовало, самъ собою, но велѣлъ ввергнуть ихъ въ темницу. Я исправно принялъ и отвелъ ихъ въ темницу; но они, при помощи великаго волшебства своего, убѣжали. Судья, узнавъ объ этомъ, возложилъ на меня обязанность преслѣдовать ихъ; при чемъ обѣщалъ пощадить меня, если я отыщу ихъ гдѣ нибудь, а если не отыщу, то я долженъ или умереть или никогда не возвращаться. Я знаю негодованіе судьи на нихъ и безъ нихъ никогда не осмѣлюсь возвратиться къ судьѣ“. За тѣмъ бѣсъ снова показалъ воинамъ связки золота и сказалъ имъ: „вотъ что я вынесъ для спасенія своего, когда выходилъ изъ земли своей“. Показалъ онъ имъ и мнимыя бумаги, въ которыхъ, по словамъ его, находилось признаніе ихъ, а къ этому присовокупилъ, что онъ отъ многихъ слышалъ, что они находятся въ этомъ городѣ. „Поэтому-то, сказалъ онъ, и пришелъ я въ этотъ городъ, оставивъ жену, дѣтей и домъ, какъ странникъ, бродяга и изгнанникъ. Итакъ, прошу васъ, какъ добрыхъ друзей, помогите несчастному и не откажите мнѣ въ своемъ состраданіи“. Воины сказали ему: „не дѣлай себѣ

никакого зла и не изнуряй себя печалію; ибо волхвы тѣ здѣсь, а чтобы возвратить тебѣ ихъ, мы поможемъ тебѣ". „Я не смѣю, сказалъ имъ бѣсъ, сдѣлать этого; ибо боюсь, чтобы они, при помощи волшебныхъ злодѣяній своихъ, снова не убѣжали отъ меня; лучше вы, друзья, завлеките ихъ въ какое нибудь потаенное мѣсто и тамъ, невѣдомо ни для кого, умертвите ихъ". Воины сказали: „гораздо лучше, чтобы мы сначала доставили ихъ въ твои руки; ибо если мы умертвимъ ихъ, то какъ ты возвратишься въ отечество"? Бѣсъ сказалъ: „умертвите ихъ, друзья; я уже не имѣю желанія возвращаться въ отечество". И довелъ онъ воиновъ до того, что они дали ему слово умертвить насъ, если только онъ дастъ имъ въ награду золотыя связки, которыя имѣлъ у себя. Іоаннъ чрезъ Святаго Духа узналъ обо всемъ этомъ и объ умыслѣ противъ насъ нечистаго бѣса и сказалъ мнѣ: „сынъ мой Прохоръ! знай, что бѣсъ, обитающій въ храмѣ Артемиды, возбудилъ противъ насъ двухъ воиновъ, которымъ много налгалъ на насъ. Но Богъ открылъ мнѣ, что̀ наговорилъ на насъ бѣсъ. Будь теперь мужественъ и приготовь душу свою къ искушенію, потому что бѣсъ возстанетъ на насъ многими злоумышленіями и вооружится противъ насъ многими напастями". Какъ только Іоаннъ высказалъ это, пришли воины и схватили насъ. Діоскорида не было тогда дома. Іоаннъ сказалъ имъ: „какое вы имѣете и выставляете противъ насъ обвиненіе и за что хотите взять насъ"? Тѣ сказали: „за великія злодѣйства ваши". „Кто же, спросилъ Іоаннъ, обвинитель нашъ"? Воины отвѣчали: „мы сначала отведемъ насъ

въ темницу, а кто обвинитель вашъ, увидите послѣ". Тогда Іоаннъ сказалъ: „вы не можете и не должны дѣлать намъ никакого насилія". Но они начали бить насъ и, повлекши насъ въ домъ одного гражданина, привели насъ туда, чтобы согласно обѣщанію, данному ими бѣсу, умертвить насъ. Ромека, узнавъ, что они овладѣли нами насильно, побѣжала къ Діоскориду и объявила ему о случившемся. Діоскоридъ прибылъ туда и освободилъ насъ изъ рукъ воиновъ, говоря имъ: „не слѣдуетъ вамъ сажать людей въ темницу, когда нѣтъ никакого обвинителя; эти люди живутъ въ моемъ домѣ вмѣстѣ со мною; если кто обвиняетъ ихъ, пусть придетъ и возметъ ихъ, чтобы судили ихъ по законамъ". Тогда воины сказали другъ другу: „пойдемъ и приведемъ обвинителя ихъ; онъ выскажетъ справедливую вину ихъ предъ судьею; ибо намъ менѣе повѣрятъ, если противустанетъ намъ Діоскоридъ, и намъ трудно одержать надъ нимъ верхъ". И возвратились воины на то мѣсто, гдѣ сошлись съ сидящимъ бѣсомъ, а когда не нашли его тамъ, пришли въ большое смущеніе, печаль и безпокойство, говоря: „Что намъ дѣлать теперь, когда не нашли его? Ибо если Діоскоридъ узнаетъ, что мы не истинны въ настоящемъ дѣлѣ и не можемъ доказать сказаннаго нами, то какъ человѣкъ, особенно сильный и уважаемый, можетъ сдѣлать намъ зло и довести насъ до погибели". Когда они говорили такъ между собою, внезапно явился бѣсъ, попрежнему, въ военнй одеждѣ и укорялъ ихъ за то, что ничего не сдѣлали по его дѣлу. Тѣ все разсказали ему, что сдѣлали, равно какъ и то, какъ Діоскоридъ освободилъ насъ

отъ рукъ ихъ. „Но, сказали они, если только ты пойдешь съ нами, мы тотчасъ найдемъ ихъ“. Бѣсъ сказалъ имъ: „пойдемте“. И пошелъ онъ за ними рыдая и горько плача, Ихъ окружила многочисленная толпа. Бѣсъ разсказалъ ей все, что̀ прежде сообщилъ воинамъ, воины подтвердили слова его, и толпа исполнилась гнѣва; въ ней было много іудеевъ. И поспѣшивъ къ дому Діоскорида, сильно начали толкать въ двери, вопія всѣ: „или выдай намъ волхвовъ, или мы зажжемъ домъ твой и погубимъ тебя вмѣстѣ съ сыномъ твоимъ“. Пришелъ въ движеніе и весь городъ и вопіялъ: „отдай намъ злодѣевъ тѣхъ; какъ начальникъ города, ты не долженъ защищать людей сихъ“. Іоаннъ, видя возмущеніе народа, сказалъ Діоскориду: „мы презираемъ пріобрѣтеніе міра сего (Матѳ. 16, 26) и не любимъ тѣлъ своихъ; ибо жизнь наша Христосъ, а умереть составляетъ для насъ пріобрѣтеніе; мы научены Учителемъ своимъ каждодневно носить крестъ свой и слѣдовать за Нимъ (Матѳ. 16, 24); поэтому отпусти насъ къ народу“. Выслушавъ это, Діоскоридъ сказалъ Іоанну: „пусть лучше сожгутъ огнемъ домъ мой, но я и сынъ мой и семейство мое пребудемъ съ вами, чтобы только пріобрѣсти Христа“. Іоаннъ сказалъ ему: „въ этотъ часъ ни ты, ни сынъ твой не потерпите никакого урона, даже ни одинъ волосъ головы вашей не пропадетъ; выдай насъ людямъ симъ“. Діоскоридъ сказалъ ему: „если я выдамъ васъ, то выдамъ и сына своего“. Іоаннъ сказалъ ему: „эта толпа народа сошлась къ добру, это собраніе приведетъ многихъ къ добру; предоставь намъ смѣло выдти наружу, а ты и сынъ

твой останьтесь дома, храня молчаніе, и увидите славу Божію". Онъ тотчасъ позволилъ намъ выдти. Насъ немедленно схватили и повели въ храмъ Артемиды. Когда мы были среди толпы въ храмѣ, Іоаннъ сказалъ державшимъ его: „мужи ефесяне! чей это храмъ"? Ему отвѣчали: „это священный храмъ великой Артемиды". Тогда Іоаннъ сказалъ: „побудемъ здѣсь немного; ибо я весьма радъ, что привели меня на это мѣсто"; и изъ окружавшихъ его нѣкоторые говорили: „дѣйствительно хорошо намъ быть здѣсь, какъ и Іоаннъ высказалъ". И остались они тамъ. Потомъ Іоаннъ помолился, говоря: „Господи Іисусе Христе! да падетъ храмъ сей и разрушится до основанія, но такъ, чтобы никто въ немъ не умеръ или не погибъ и чтобы впредь молящіеся не обольщались въ немъ". Нечистый храмъ тотъ немедленно, по слову апостола, разрушился, но никого не повредилъ тамъ. Тогда Іоаннъ, обратившись къ обитавшему въ томъ мѣстѣ бѣсу, сказалъ: „сколько времени, нечистый духъ, скрывался ты въ этомъ храмѣ"? Бѣсъ отвѣчалъ: „я живу здѣсь двѣсти сорокъ лѣтъ". Іоаннъ опять сказалъ ему: „не ты ли возбудилъ воиновъ и вооружилъ народъ противъ насъ"? „Я", отвѣчалъ бѣсъ. Тогда Іоаннъ сказалъ: „повелѣваю тебѣ именемъ Іисуса Христа Назорянина, чтобы впредь ты не жилъ въ этомъ мѣстѣ". Бѣсъ тотчасъ вышелъ изъ города ефесянъ. Всѣ удивились этому случаю и говорили другъ другу: „что значитъ сдѣланное этимъ человѣкомъ и какимъ искусствомъ сдѣлалъ онъ это, не знаемъ; впрочемъ отведемъ его къ судьѣ; пусть накажутъ его по закону". Тогда одинъ изъ нихъ, по имени Мар-

нонъ, родомъ іудей, сказалъ: „я знаю, что онъ и спутникъ его—волхвы и занимаются дурными дѣлами, почему, какъ злодѣи, они должны погибнуть“. И къ окружавшимъ говорилъ Марнонъ: „не суду надобно подвергнуть ихъ, но здѣсь же наказать смертію. Марнону хотѣлось, прежде нежели предадутъ насъ въ руки судьи, возбудить народъ къ возстанію на насъ и къ умерщевленію насъ; но народъ не согласился съ его желаніемъ. Насъ тотчасъ предали судьѣ, а судья сказалъ народу: „по какому случаю или по какой винѣ преданы вамъ люди эти“? „За волшебства и злодѣйства“, отвѣчалъ народъ. Судья спросилъ народъ: „какія злодѣйства совершили они волшебнымъ искусствомъ“? Тогда Марнонъ разсказалъ, какъ мы волшебнымъ искусствомъ ниспровергли храмъ Артемиды, равно какъ и то, что изъ Іерусалима пришелъ одинъ воинъ, обвиняющій насъ, знающій, что мы злодѣи и доказывающій злодѣйства наши нашимъ же сознаніемъ. Послѣ этого судья сказалъ Марнону: „пусть придетъ воинъ тотъ и откроетъ намъ истину“. Потомъ, заковавъ насъ въ тяжкія цѣпи, ввергли насъ въ темницу. Обвинители наши, обходя городъ, искали воина того, но не нашли его и чрезъ три дня возвратились къ судьѣ съ такими словами: „не можемъ отыскать человѣка того, который дѣйствительно знаетъ о злодѣйствахъ ихъ“. Судья сказалъ имъ: „чужестранцевъ, противъ которыхъ нѣтъ ни обвинителей, ни бумагъ, мы не можемъ ни наказывать, ни держать въ темницѣ“, а потомъ приказалъ вывести насъ изъ темницы, грозя и приказывая, чтобы мы молчали и удалились изъ города. Когда мы вышли, насъ подвергли преслѣдованію

и выслали изъ тамошнихъ предѣловъ. Мы пришли къ морскому берегу, гдѣ Іоаннъ выброшенъ былъ изъ моря, и пробыли тамъ три дня; но намъ позволили возвратиться въ Ефесъ.

VIII. *Божественный Іоаннъ, вслѣдствіе письма Домиціанова, ввергается въ темницу.* Между тѣмъ Домиціанъ, во времена котораго проживалъ Іоаннъ въ Ефесѣ, воздвигъ второе гоненіе. Царь Домиціанъ послалъ въ Ефесъ письмо къ городскому проконсулу такого содержанія: „Стало извѣстно намъ, что у васъ находится нѣкто Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ, о которомъ многіе говорятъ, что онъ христіанинъ и ученикъ того Назорянина, котораго, какъ говорятъ, распяли іудеи за его злодѣянія. Пусть онъ или отстанетъ отъ своего заблужденія и остается въ живыхъ, или пусть будетъ умерщвленъ и погибнетъ“. Проконсулъ,ославъ сыщиковъ, схватилъ Іоанна и, согласно повелѣнію кесаря, сталъ увѣщевать его отречься Христа и перестать проповѣдывать Евангеліе. Но Іоаннъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „Нѣтъ, я никогда не отрекусь сладчайшаго имени Господа своего, имени, которому покланяется всякое колѣно и которое исповѣдуетъ всякій народъ; ибо должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ (Дѣян. 5, 29), по причинѣ великой славы собственнаго Его величества и славы, обѣщанной Имъ любящимъ Его. Я, говорю, не отрекусь Христа, Бога своего, возлюбившаго меня, и Учителя своего; не перестану также проповѣдывать Евангеліе имени Его, доколѣ не окончу служенія Его, совершеніе котораго принялъ на себя“. Проконсулъ, услышавъ такія слова отъ апостола, при-

шелъ въ гнѣвъ, измѣнился въ лицѣ и сказалъ Іоанну: „зачѣмъ впадаешь въ такое безуміе, что возбуждаешь противъ себя гнѣвъ царя“? И немедленно отдалъ онъ приказаніе ввергнуть Іоанна въ темницу, говоря: „люди, противящіеся начальникамъ и презирающіе законы, не должны располагать собою по своей волѣ“.

IX. *Проконсулъ ефесскій пишетъ къ Домиціану о поимкѣ святаго Іоанна.* А къ Домиціану проконсулъ написалъ въ Римъ отвѣтъ такого содержанія: „Благочестивѣйшему кесарю, всегда августу, Домиціану проконсулъ ефесскій. Да будетъ извѣстно святосвященному величеству твоему объ Іоаннѣ, сынѣ Зеведеовомъ, относительно котораго ты удостоилъ меня нѣкогда письма, что онъ пришелъ въ Азію, проповѣдуетъ о распятомъ Христѣ, утверждая, что Онъ истинный Богъ и Сынъ Божій, уничтожаетъ почитаніе непобѣдимѣйшихъ боговъ нашихъ и ниспровергаетъ досточтимые храмы, чудно воздвигнутые предками нашими. Такъ какъ волхвъ этотъ воспротивился царскому повелѣнію и своими злодѣйскими искусствами и проповѣдями вдругъ обольстилъ весь ефесскій народъ, чтобы почиталъ распятаго и умершаго человѣка; то мы, ревнуя о почитаніи безсмертныхъ боговъ, повелѣли ему явиться въ судилище и согласно благосклонивѣйшему высочайшему повелѣнію вашей милости ласками и угрозами старались уговорить, чтобы отрекся Христа своего, пересталъ проповѣдывать и принесъ всемогущимъ богамъ пріятныя жертвы. Но такъ какъ мы не успѣли склонить его къ этому никоимъ образомъ; то и отправили эти строки къ царскому величеству твоему, чтобы узнать, что̀ угодно

будетъ верховному величію твоему относительно упомянутаго возмутителя и исполнить то со тщаніемъ".

X. *Божественнаго Іоанна посылаютъ въ узахъ въ Римъ, обриваютъ и повергаютъ въ бочку съ кипящимъ масломъ.* Въ то время въ Римѣ Домиціанъ препирался съ Линомъ и Маркелломъ о пришествіи Христовомъ и, когда увидѣлъ, что не можетъ одержать надъ ними верхъ, крайне разгнѣвался. Въ это время представили ему акты проконсула объ апостолѣ Іоаннѣ. Онъ началъ читать ихъ и, постепенно воспламенившись во время чтенія, приказалъ проконсулу удалить Іоанна изъ Ефеса и, заковавъ въ узы, выслать его въ Римъ. Проконсулъ, получивъ приказъ государя, велѣлъ заковать Іоанна въ узы и, взявъ съ собою воиновъ, привелъ его въ Римъ. Нечестивый кесарь Домиціанъ, услышавъ о прибытіи его, не захотѣлъ видѣть лице апостола, а приказалъ проконсулу отвести его къ воротамъ латинскимъ и бросить его живымъ въ бочку съ кипящимъ масломъ, побивъ его напередъ жестоко и обривъ ему голову, чтобы казался народу безславнымъ и обезчещеннымъ. Проконсулъ и повелъ его, приказалъ раздѣть и бить его жестоко и обрить ему голову въ знакъ безславія. Ликторы взяли его и поступили съ нимъ такъ, какъ приказалъ проконсулъ.

XI. *Божественный Іоаннъ вышелъ изъ бочки съ кипящимъ масломъ невредимымъ и намащеннымъ, а не сгорѣлъ въ ней.* Послѣ этого сенатъ римскій вмѣстѣ съ проконсуломъ и народомъ римскимъ сѣлъ предъ воротами латинскими, приказалъ поставить бочку, наполненную кипящимъ масломъ и ввергъ туда, на ка-

пунѣ понъ мая, блаженнаго Іоанна нагаго, избитаго и обезчещеннаго. Но опъ при помощи божественной благодати Господа нашего Іисуса Христа, какъ мужественнѣйшій борецъ, не сгорѣлъ въ бочкѣ отъ пѣнящагося и кипящаго масла, а вышелъ также невредимымъ и явился также здоровымъ и свободнымъ отъ наказанія, какъ пребылъ цѣлымъ и невиннымъ по своей нерастлѣнной плоти. Вѣрующіе, находившіеся тамъ, радуясь и плача отъ радости, возвысили голоса къ небу, прославляя достойную память и апостольскую твердость апостола и евангелиста Іоанна. Тѣ же вѣрующіе во Христа, находившіеся тамъ, предъ воротами латинскими, поставили церковь, посвятивъ ее его имени (¹); ибо чрезъ жестокаго мучителя Богъ осуществлялъ свой совѣтъ, чтобы Іоаннъ и Петръ, какъ товарищи въ силахъ и знаменіяхъ, имѣли въ Римѣ памятникъ своего торжества: ибо какъ ворота ватиканскія почитались торжественными и знаменитыми по кресту Петра, такъ и ворота латинскія почитаются знаменитыми и достопамятными по бочкѣ Іоанна. Проконсулъ, видя что мужественнѣйшій борецъ Христовъ Іоаннъ выходитъ изъ бочки намащеннымъ, а не сгорѣлъ въ ней, изумился и захотѣлъ дать ему свободу, но убоялся повелѣнія царскаго. Тогда Домиціанъ приказалъ проконсулу болѣе не мучить Іоанна, но отвести его назадъ, доколѣ распорядится онъ, что съ нимъ сдѣлать.

(¹) Во времена апостольскія строили не такія церкви, какія теперь строятъ христіане: тогдашнія церкви, если онѣ были особыми зданіями, бывали небольшія и невеликолѣпныя и строились преимущественно въ отдаленныхъ отъ городовъ и селеній мѣстахъ. *Тертул.* Adv. valent. cap. 3: opp. t. II. p. 545. Paris. 1844. Св. *Исидор. пелус.* Письм. кн. 2 п. 36: твор. ч. 2 с. 35. Москва. 1860.

XII. *Божественный Іоаннъ возвращается въ Ефесъ.* Послѣ этого событія явился Іоанну Господь и сказалъ ему: „ты опять долженъ возвратиться въ Ефесъ, а спустя три мѣсяца тебя сошлютъ въ Патмосъ; ибо городъ этотъ доселѣ имѣетъ въ тебѣ большую нужду: ты, посѣявъ въ немъ много сѣмени, обратишь его ко Мнѣ". Итакъ мы снова прибыли въ Ефесъ. Сокрушены были остальныя божества и не осталось въ Ефесѣ храма, изъ котораго не были бы изгнаны скверны. Знаменія эти совершилъ въ Ефесѣ апостолъ Іоаннъ до ссылки своей, много пострадавъ отъ іудеевъ, еллиновъ и римлянъ, которыхъ возбуждалъ противъ него діаволъ. Между тѣмъ первосвященники и правители ефесскіе снова написали противъ насъ письмо къ Домиціану такого содержанія:

XIII. *Письмо ефесянъ къ Домиціану объ Іоаннѣ.* „Владыкѣ всего земнаго шара Домиціану жители Ефеса. Просимъ тебя оказать намъ помощь. Нѣкоторые выходцы изъ Іудеи, имена ихъ Іоаннъ и Прохоръ, овладѣли нашимъ городомъ, распространяя новое ученіе, и злотворнымъ искусствомъ ниспровергали всѣ храмы великихъ боговъ. Извѣщаемъ тебя объ этомъ, чтобы, согласно повелѣнію твоему, исполнить твою волю относительно ихъ". Государь, получивъ это письмо, приказалъ совсѣмъ изгнать насъ. Онъ отписалъ слѣдующее:

XIV. *Іоанна, вслѣдствіе письма Домиціанова, ссылаютъ въ Патмосъ.* „Кесарь Домиціанъ правителямъ и городу ефесянъ. Желаемъ, чтобы злодѣи тѣ, нечестивые и зловредные мужи Іоаннъ и Прохоръ были изгнаны. Мы много и долго терпѣли ихъ по милосердію свое-

му; но теперь справедливость требуетъ, чтобы со дня на день согрѣшающіе противъ безсмертныхъ боговъ не оставались долѣе среди тѣхъ, которые постоянно мудро чтутъ боговъ. Поэтому повелѣваемъ, чтобы нечестивцы сосланы были въ Патмосъ, во-первыхъ за то, что противятся почитанію боговъ, а во-вторыхъ за то, что гнушаются и безчестятъ насъ и повелѣнія наши, дабы они путемъ многихъ бѣдъ научились почитать боговъ и не пренебрегать нашими повелѣніями". Когда повелѣніе это пришло въ Ефесъ, заключившіе насъ, т. е. Прохора и учителя моего Іоанна, въ оковы отправили насъ, подвергли побоямъ и оскорбленіямъ, говоря: „вотъ обольститель, надѣлавшій злотворнымъ искусствомъ столько злодѣйствъ"! Для охраненія насъ послано было сто человѣкъ. Послѣ того, какъ апостолъ и евангелистъ и другъ Божій Іоаннъ былъ схваченъ, его содержали подъ стражею, но не связали, а нанесли ему побои и поношенія. Наконецъ насъ привели къ кораблю.

XV. *Божественный Іоаннъ, отправленный въ ссылку на островъ, воскресилъ отрока, упавшаго въ море.* Когда мы взошли на корабль, воины приказали намъ оставаться внутри корабля и назначили намъ для пропитанія пять унцій хлѣба, сосудъ воды и нѣсколько уксуса; но Іоаннъ употреблялъ въ день только двѣ унціи хлѣба и осьмую часть воды, а прочее оставлялъ мнѣ. Когда наступилъ третій часъ дня, воины сѣли обѣдать, имѣя превосходныя кушанья и превосходныя питія. Окончивъ обѣдъ, они начали забавляться. Когда они скакали и плясали, одинъ изъ нихъ юноша, подбѣжавъ къ краю корабля, вдругъ упалъ въ море. Отецъ

юноши, находившійся на кораблѣ, предался удивительной скорби и готовъ былъ броситься въ море, но его удержали другіе. Между тѣмъ нѣкоторые изъ воиновъ и приставниковъ, пришедши туда, гдѣ находился связаннымъ Іоаннъ, и, увидѣвъ его не плачущимъ, сказали: „всѣ мы плачемъ по поводу случившагося съ нами несчастія, а ты не плачешь и не скорбишь". Апостолъ сказалъ имъ: „чего вы хотите, что я сдѣлалъ бы для васъ"? Тѣ отвѣчали: „если можешь, помоги намъ"; ибо они слышали о многихъ знаменіяхъ, которыя сдѣлалъ Іоаннъ въ Ефесѣ. Іоаннъ спросилъ одного изъ нихъ: „какого ты почитаешь бога"? Тотъ отвѣчалъ: „Аполлона, Зевса, Геркулеса съ отцемъ его Либеромъ". „А ты какого почитаешь бога„? спросилъ Іоаннъ другаго. Этотъ отвѣчалъ: „Ескулапа и великую Артемиду ефесскую". Подобнымъ образомъ переспросилъ онъ и прочихъ, и каждый изъ нихъ открылъ ему заблужденіе свое. Іоаннъ сказалъ имъ: „столько боговъ и не могли оказать помощи и заступленія юношѣ вашему, чтобы сохранить его вамъ, не доводя васъ до замѣшательства и печали". Они сказали ему: „такъ какъ мы нечисты въ сравненіи съ нимъ, то и попустили они подвергнуться намъ такой бѣдѣ". И оставилъ ихъ Іоаннъ въ печали до третьяго часа слѣдующаго дня. Потомъ, когда наступилъ третій часъ дня, Іоаннъ съ печалію и скорбію о погибшемъ, при общей скорби присутствовавшихъ, наклонившись сказалъ мнѣ: „встань, сынъ Прохоръ, и дай мнѣ руку свою"; онъ былъ обремененъ большою тяжестію желѣза. Я всталъ и подалъ ему руку. Онъ, облегчившись, пошелъ на выдавшееся впередъ

мѣсто корабля, и, поддерживая узы свои, довольно поплакалъ и сказалъ морю: „Сынъ Божій, ходившій по поверхности твоей сухими ногами, за котораго я ношу узы эти, какъ рабъ Его, говоритъ: „возврати намъ поглощеннаго тобою юношу живымъ и здоровымъ“. По окончаніи словъ сихъ, тотчасъ сдѣлалась буря и большой шумъ воды, такъ что угрожала опасность и всѣ бывшіе въ кораблѣ пришли въ страхъ. Поднялась большая волна отъ дна до поверхности и бросила юношу къ ногамъ Іоанна живымъ и здоровымъ. При видѣ этого всѣ, равно какъ и оживленный, повергшись ницъ предъ Іоанномъ, кланялись и говоря: „Богъ твой поистинѣ есть Богъ неба и земли и создатель всѣхъ тварей“. Потомъ подошли и сняли узы, въ которыя закованъ былъ блаженный апостолъ, и стали имѣть къ намъ большое уваженіе.

XVI. *Блаженный Іоаннъ спасаетъ плывшихъ съ нимъ отъ бури.* Послѣ этого мы приплыли къ одной крѣпости, гдѣ присталъ нашъ корабль, и простояли тамъ до захожденія солнца. Когда сошедшіе съ корабля возвратились, мы отчалили оттуда. Около пятаго часа поднялась на морѣ весьма сильная буря: корабль подвергся опасности и готовъ былъ разрушиться; всѣ видѣли смерть предъ глазами. Къ Іоанну пришли десять человѣкъ и сказали: „Апостолъ Бога живаго, возвратившій воина, товарища нашего, изъ опасности морской намъ и жалкому отцу его живымъ, помолись Богу своему, чтобы укротилъ эту бурю, дабы и мы не погибли“. Апостолъ сказалъ имъ: „молчите, и оставайтесь каждый на своемъ мѣстѣ спокойными“. Всѣ смол-

кли; но волны еще сильнѣе начали вздыматься, и они снова закричали: „сжалься надъ нами, апостолъ Іисуса Христа“. Іоаннъ отвѣчалъ имъ: „молчите; ибо на этомъ кораблѣ не будетъ даже потери, потому что и одинъ волосъ съ головы вашей не погибнетъ“. Потомъ онъ всталъ и сказалъ: „море! вотъ что говоритъ тебѣ апостолъ Іисуса Христа: во имя Іисуса Христа успокойся и укротись“. На морѣ тотчасъ же сдѣлалась великая тишина, и всѣ удивились.

XVII. *Святые Божіи блаженный Іоаннъ и Прохоръ подвергаются опасности со стороны іудея Марнона и эпидаврянъ.* Плывя три дня и три ночи, мы достигли Эпидавра, гдѣ жилъ іудей Марнонъ, возбудившій противъ насъ множество возмущеній въ Ефесѣ. Видя, что мы сидимъ на кораблѣ, онъ сказалъ бывшимъ съ нами: „что это за люди, находящіеся съ вами на кораблѣ“? Тѣ отвѣчали: „это вѣрующіе христіане; ибо чрезъ нихъ мы получили большое счастіе на морѣ“. “Какъ ихъ зовутъ“? спросилъ онъ. Ему отвѣчали: „имя старшаго—Іоаннъ, а ученика—Прохоръ“. Услышавъ это, Марнонъ взошелъ на корабль и громкимъ голосомъ началъ кричать: „что вы здѣсь дѣлаете, волхвы, ненавистные Богу и міру“? Одинъ изъ пословъ царскихъ, бывшій съ нами вмѣстѣ съ воинами, охранявшими насъ, обличилъ Марнона, говоря: „Зачѣмъ говоришь такія слова на святыхъ мужей? Мы ихъ сторожимъ по повелѣнію царя и сопровождаемъ на островъ Патмосъ“. Когда онъ высказалъ это, Марнонъ сошелъ съ корабля и, разрывая одежды свои, кричалъ: „мужи братія, живущіе со мною въ Эпидаврѣ! всѣ помогите

мнѣ". Марпопъ былъ человѣкъ богатый и обладалъ многимъ имѣніемъ. Поэтому многіе сбѣжались къ нему, спрашивая, отъ чего онъ такъ кричалъ. „Отъ того, сказалъ онъ, что сюда приплыли волхвы и скверпавцы, причинившіе жителямъ Ефеса весьма много козней и бѣдствій. Отъ нихъ они прибыли сюда къ намъ, чтобы и намъ причинить подобныя несчастія. Итакъ пойдемте со мною всѣ, живущіе въ Эпидаврѣ, и бросимъ огонь на корабль; пусть погибнутъ волхвы тѣ". Сбѣжавшіе повѣрили словамъ Марпопа и изъ-за насъ хотѣли зажечь корабль. Но посланные отъ кесаря, видя ихъ намѣреніе, сказали: „мужи эпидавряне! смотрите, никакого зла не причиняйте этимъ людямъ; ибо мы провожаемъ ихъ по повелѣнію царя Домиціана на островъ Патмосъ, куда онъ приказалъ приговорить ихъ въ ссылку". Услышавъ это, мужи эпидавряне опечалились и оставили предпріятіе свое. Повѣренные показали имъ указъ, скрѣпленный царскою печатью. Эпидавряне сказали имъ: „Если есть указъ царскій; то почему же вы не заковали ихъ, чтобы они не обманули васъ своимъ коварствомъ, не убѣжали изъ рукъ вашихъ и не навлекли на васъ гнѣва царскаго? Бывъ обучены вреднымъ искусствамъ, они люди зловредные и своими обидами и притворствами погубили множество душъ и многихъ умертвили; изъ нихъ одинъ, по имени Іоаннъ,—человѣкъ лживый и достойный всякаго наказанія". Слыша это, посланные удивлялись такимъ словамъ; ибо Марнонъ обольщалъ ихъ коварными рѣчами. Марнонъ попросилъ ихъ къ себѣ поѣсть. Когда пиръ кончился, они, простившись съ Марнопомъ, возвратились на ко-

рабль свирѣпыми, забыли о полученныхъ ими отъ учителя моего Іоанна благодѣяніяхъ, заковали его въ тѣсныя узы и стали содержать насъ по прежнему.

XVIII. *Блаженный Іоаннъ возвратилъ здоровье близкому къ смерти отъ поноса и теченія крови.* Потомъ, плывя оттуда, мы достигли Мурр (1), гдѣ по причинѣ болѣзни одного воина, сильно страдавшаго поносомъ съ рѣзью и кровотеченіемъ, простояли семь дней. Въ осьмой день между бывшими на кораблѣ возникла распря. Одни говорили: „нехорошо оставаться намъ здѣсь долѣе, потому что имѣемъ повелѣніе и должны окончить начатый путь; ибо приказанія и повелѣнія царя должны быть исполнены со тщаніемъ: въ противномъ случаѣ, кто исполнитъ ихъ нерадиво, тотъ долженъ опасаться получить, вмѣсто одобренія, наказаніе“. Другіе напротивъ утверждали, что совершенно нечестно, чтобы товарищъ нашъ оставленъ былъ въ такой крайности; ибо, если оставимъ его, онъ тотчасъ умретъ, и никто не въ состояніи перенести трудности морскія: поэтому лучше кажется подождать его нѣсколько дней, доколѣ увидимъ, что надобно сдѣлать въ отношеніи къ нему. Такимъ образомъ возникла между ними большая распря. Іоаннъ, видя, что распря эта между ними безполезна, сказалъ мнѣ: „сынъ мой Прохоръ! иди, скажи больному тому, чтобы во имя Господа моего Іисуса Христа пришелъ ко мнѣ“. Я пошелъ къ нему и передалъ ему слова, которыя велѣлъ мнѣ передать учитель мой Іоаннъ. Больной тотчасъ всталъ и

(1) Въ подлинникѣ слово это не окончено.

пошелъ со мною къ Іоанну. Іоаннъ сказалъ ему: „скажи товарищамъ своимъ: мы должны отчалить и плыть изъ этого мѣста; и не медли“. Тотъ, болѣвшій семь уже дней и по немощи не принимавшій никакой почти пищи, убѣдилъ своихъ товарищей, чтобы, отчаливъ, поспѣшно плыли оттуда, потому что онъ освободился отъ болѣзни и здоровъ.

XIX. *Воины, ради множества чудесъ, хотятъ освободить блаженнаго Іоанна, но онъ не позволяетъ этого.* Отчаливъ оттуда, мы прибыли къ одному мѣсту, называвшемуся Лиѳономъ, и по причинѣ жестокой бури принуждены были оставаться тамъ шесть дней. Въ томъ мѣстѣ не было сладкой воды, а всѣ почти изнемогали отъ жажды. Іоаннъ сказалъ мнѣ: „сынъ Прохоръ! опусти сосудъ въ море во имя Господа нашего Іисуса Христа и наполни его“. Я такъ и сдѣлалъ, какъ онъ приказалъ мнѣ. Потомъ опъ сказалъ мнѣ: „разлей по сосудамъ и наполни ихъ морскою водою“. Я такъ и сдѣлалъ: наполнилъ всѣ сосуды. Вода, влитая въ нихъ, тотчасъ оказалась весьма сладкою. И сказалъ Іоаннъ всѣмъ вообще бывшимъ на кораблѣ: „во имя Іисуса Христа распятаго берите и пейте“. Тѣ всѣ взяли, напились, пришли въ удивленіе и сказали другъ другу: „Что дѣлать намъ съ человѣкомъ этимъ? ибо видимъ, что чрезъ него совершились многія и чудныя знаменія. Пойдемъ, разрѣшимъ его отъ узъ желѣзныхъ и попросимъ у него прощенія и отпущенія золъ, причиненныхъ ему нами, дабы не сошелъ съ неба огонь и не пожралъ и не истребилъ всѣхъ насъ“. И пришли они къ апостолу Божію и сказали: „чело-

вѣкъ Божій! не сердись на рабовъ своихъ, потому что мы исполняемъ царское повелѣніе и не можемъ поступать иначе. Впрочемъ, мы снимемъ съ тебя узы и сдѣлаемъ все, что только прикажешь намъ". И тотчасъ сняли они съ учителя моего Іоанна узы. Іоаннъ сказалъ имъ: „я ни во что ставлю трудъ и заботу міра сего; но душа моя восхищается великою радостію отъ того, что исполняютъ волю и заповѣди Бога моего Іисуса Христа, распятаго для нашего спасенія". Слыша это, воины всѣ пали ницъ и сказали апостолу Іоанну: „господинъ! вотъ все въ твоей власти: иди съ миромъ и куда хочешь свободнымъ, а мы поплывемъ въ свои страны". Іоаннъ сказалъ имъ: „увѣрены ли вы въ начальникѣ своемъ, что не возбудите гнѣва его, если позволите намъ идти"? Тѣ отвѣчали: „нѣтъ, господинъ". Іоаннъ сказалъ: „итакъ, исполните обязанность свою согласно указу царскому, доставьте насъ въ указанное царемъ мѣсто и тогда возвратитесь въ страны свои съ миромъ". Послѣ того Іоаннъ началъ поучать ихъ отъ божественнаго Писанія о Сынѣ Божіемъ, а они, принявъ ученіе, предложили ему просьбу, чтобы крестилъ ихъ. И крестилъ онъ въ одинъ день десять человѣкъ, начальствовавшихъ надъ прочими, управлявшихъ другими. Потомъ, отчалившись, мы оставили Лиѳонъ и прибыли на островъ Патмосъ. По входѣ въ городъ, воины передали насъ, согласно указу царскому, тѣмъ, кои должны были принять насъ. Управители, получившіе крещеніе, просили Іоанна, чтобы дозволилъ имъ остаться съ нами на островѣ томъ. Но Іоаннъ не дозволилъ этого, говоря: „дѣти мои! сохраните только

благодать, которую получили вы, и мѣсто нисколько не повредитъ вамъ". Тѣ пробыли съ нами десять дней и, съ радостію получивъ благословеніе, возвратились всѣ и каждый въ свое мѣсто.

XX. *Блаженный Іоаннъ, изгнавъ изъ Аполлонида прорицалищнаго духа, обратилъ семейство Мурона.* Былъ въ томъ мѣстѣ одинъ весьма богатый человѣкъ, по имени Муронъ, а у него была жена, по имени Флора. У нихъ было три сына, обученные словесному искусству, а старшій изъ нихъ возрастомъ имѣлъ прорицалищнаго духа. Когда Муронъ принялъ насъ въ домъ свой, его сынъ, имѣвшій злобнаго духа, сознавая могущество Іоанна, бѣжалъ въ другую страну, чтобы Іоаннъ не изгналъ изъ него злобнаго духа. Муронъ, узнавъ о побѣгѣ сына своего, сказалъ женѣ своей: „Если бы люди это были люди добрые, то никогда не случилось бы, что бы сынъ нашъ убѣжалъ; нѣтъ, они, какъ говорятъ многіе, волхвы и злодѣи; они очаровали домъ сей злокозненностію своею и прогнали сына нашего. Несчастный я! Какъ я, возлюбленнѣйшій сынъ, дошелъ до такого безумія, что впустилъ двухъ волхвовъ, чтобы погубить тебя"? Жена сказала ему: „если справедливо то, что говоришь; то почему не выгонишь ихъ изъ дома? иначе они подобными злодѣйствами сведутъ съ ума остальныхъ сыновей нашихъ и заставятъ ихъ уйти отъ насъ и погибнуть". Муронъ сказалъ ей: „не выгоню я ихъ, но подвергну ихъ многимъ напастямъ, доколѣ не сдѣлаютъ, что сынъ нашъ возвратится, и не представятъ они его намъ въ домъ этотъ здоровымъ, а послѣ того надобно жестоко наказать ихъ". Муронъ

былъ тесть игемону, управлявшему островомъ Патмосомъ. Іоаннъ, узнавъ чрезъ Духа Святаго, что говорилъ Муропъ женѣ своей, сказалъ мнѣ: „Сынъ мой Прохоръ! Знай, что Муронъ, принявшій насъ, какъ странниковъ, умышляетъ противъ насъ много зла и старается привести умыслы свои въ исполненіе. Ибо старшій сынъ его имѣетъ прорицалищнаго духа, и когда мы вошли въ домъ этотъ, нечистый духъ убоялся, чтобы мы не изгнали его, обратился въ бѣгство и перенесъ Муронова сына въ другую страну; по этой-то причинѣ и раздражился противъ насъ Муропъ. Не упадай однако духомъ по поводу предстоящихъ золъ, которыя хочетъ причинить намъ Муропъ“. Когда почти такъ говорилъ мнѣ Іоаннъ, пришло отъ Муронова сына письмо, написанное такимъ образомъ: „отцу и матери Аполлонидъ желаетъ здоровья. Одинъ волхвъ, по имени Іоаннъ, котораго приняли вы въ домъ свой, сдѣлавъ чарованіями своими непотребное дѣло и позавидовавъ бывшему во мнѣ добру, послалъ нѣкотораго духа, который и преслѣдовалъ меня даже въ этотъ городъ, гдѣ я выдержалъ много опасностей и нашелъ простосердечнаго и благостнѣйшаго проводника Кинопса, который много разсказалъ мнѣ изъ того, что было сдѣлано со мною и какъ совершилось. И сказалъ онъ мнѣ: „сынъ мой Аполлонидъ! Если не умертвятъ волхва того, Іоанна, то ты не можешь уже жить въ странѣ своей, не можешь уже видѣть домъ свой“. Поэтому, отецъ, сынъ твой проситъ тебя сжалиться надъ сыномъ своимъ и умертвить волхва того, Іоанна, чтобы я немедленно возвратился въ вожделѣнныя объятія твои, отца сво-

его, и материнскія и двухъ братьевъ своихъ. Прощайте". Мѵронъ, выслушавъ письмо это, присланное сыномъ его Аполлонидомъ, тотчасъ подвергъ насъ заключенію, съ поспѣшностію отправился къ игемону и показалъ ему письмо, полученное имъ отъ сына своего Аполлонида. Игемонъ, взявъ письмо, прочиталъ его и раздражился противъ насъ, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ написано было имя Кинопса; ибо всѣ, населявшіе островъ, почитали Кинопса, ради великихъ шутовствъ его, какимъ-то богомъ. Итакъ игемонъ, убѣжденный словами Мѵрона и сына его Аполлонида, приказалъ бросить Іоанна звѣрямъ. Насъ немедленно взяли изъ дома Мѵронова и привели въ общественную темницу, а чрезъ три дня вывели насъ оттуда въ судилище. Игемонъ сказалъ Іоанну: „благочестивѣйшій государь нашъ Домиціанъ присудилъ.... [1], но простилъ и не умертвилъ; желая однако исправить и отрезвить тебя, прислалъ тебя на этотъ островъ. И вотъ ты начинаешь совершать здѣсь бо̀льшія злодѣйства, нежели какія совершалъ въ Ефесѣ; ибо ты прогналъ сына тестя моего и моего родственника. Отвѣчай мнѣ скоро, прежде нежели подвергнутъ тебя наказанію, и сдѣлай, чтобы возвратился родственникъ мой, и скажи, какому обряду слѣдуешь, какой исповѣдуешь, и изъ какой страны прибылъ къ намъ". Іоаннъ сказалъ въ отвѣтъ: „Я еврей, рабъ Іисуса Христа, Сына Бога живаго, распятаго и погребеннаго за грѣхи людей, но воскресшаго изъ мертвыхъ въ третій день. Онъ самъ послалъ меня

---

[1] Здѣсь въ подлинникѣ пропускъ.

проповѣдывать всѣмъ народамъ, чтобы вѣровали въ Него и имѣли жизнь вѣчную". Игемонъ сказалъ ему: „По этому-то случаю благочестивѣйшій государь повелѣлъ сослать тебя, и ты снова говоришь такія слова противъ себя. Научись, глупѣйшій, чтить боговъ, почитать безсмертныхъ, повиноваться законамъ царскимъ, и не проповѣдуй, что человѣкъ, котораго за многія возмущенія приговорили къ смерти, Богъ". Блаженный Іоаннъ сказалъ: „я всегда почитаю Его безсмертнымъ и возвѣщаю о Немъ тѣмъ, кто хочетъ вести трезвую жизнь". Игемонъ сказалъ: „Не нужны намъ эти многія, изрекаемыя тобою баснословія; ибо тебѣ велѣно оставить эту проповѣдь. Возврати-ка ты Аполлонида въ городъ этотъ здоровымъ и отдай его семейству его". Іоаннъ сказалъ: „Проповѣди, которою занимаюсь, я не могу оставить; ибо за нее ожидаю въ награду вѣчное спасеніе, уготованное мнѣ въ концѣ труда моего, которое воздастъ мнѣ возлюбленный мною, въ котораго я увѣровалъ, учитель мой Іисусъ Христосъ, благословенный во вѣки. Что касается любимца твоего Аполлонида, то я не сознаю, что бы сдѣлалъ ему что-нибудь изъ взносимаго тобою на меня. Но если позволишь, я пошлю за нимъ ученика своего и онъ приведетъ его къ тебѣ, а тотъ, если имѣетъ что-нибудь противъ насъ, пусть обвинитъ насъ предъ тобою". Игемонъ согласился на это, а Іоанна между тѣмъ приказалъ держать закованнымъ въ двойныя узы. Іоаннъ сказалъ игемону: „позволь мнѣ сначала написать письмо къ Аполлониду, а потомъ заключи меня въ узы". Игемонъ позволилъ, и Іоаннъ написалъ письмо такого содержанія: „Іоаннъ,

апостоль Іисуса Христа. Сына Бога живаго, прорицалищному духу, живущему въ Аполлонидѣ. Повелѣваю тебѣ именемъ Отца и Сына и Святаго Духа выдти изъ созданія Божія и впредь не входить въ него и не жить на этомъ островѣ, но удалиться въ безводное мѣсто, гдѣ не живетъ ни одного человѣка. Это повелѣваю тебѣ я Іоаннъ именемъ святой Троицы". Я Прохоръ взялъ это письмо и отправился въ городъ, гдѣ находился Аполлонидъ; онъ былъ на разстояніи шестидесяти миль. Вошедши въ городъ, я началъ отыскивать Аполлонида, а когда нашелъ его, то, какъ только пришелъ къ нему, нечистый духъ вышелъ изъ него. Когда нечистый духъ вышелъ, Аполлонидъ немедленно пришелъ въ себя и, понимая и сознавая, какъ человѣкъ, сказалъ мнѣ: „зачѣмъ пришелъ ты сюда, ученикъ благостнѣйшаго учителя"? Я отвѣчалъ: „чтобы возвратить тебѣ смыслъ и привести тебя къ игемону родныхъ твоихъ и въ домъ твой и къ возлюбленнѣйшему отцу твоему". Аполлонидъ тотчасъ приказалъ готовить лошадей и велѣлъ мнѣ сѣсть. Оставивъ городъ, мы отправились въ путь и, когда прибыли въ свои городъ, Аполлонидъ спросилъ меня, гдѣ находится учитель мой. Я сказалъ ему, что игемонъ, заковавъ его въ двойныя узы, посадилъ его въ темницу. Услышавъ это, Аполлонидъ и въ домъ не пошелъ, и къ игемону не отправился, и ни о комъ изъ знакомыхъ своихъ не завелъ рѣчи, но повелъ меня къ темницѣ. Когда онъ постучалъ, стражъ отперъ темницу и поклонился ему въ ноги, узнавъ въ немъ Аполлонида. Вошедши въ темницу, Аполлонидъ, когда увидалъ Іоанна, палъ лицомъ на землю. Іоаннъ поднялъ его и сказалъ:

„сынъ! да благословитъ тебя Богъ"! Аполлонидъ тотчасъ снялъ съ Іоанна узы и сказалъ темничному стражу: „если игемонъ скажетъ тебѣ что-нибудь и спроситъ, зачѣмъ ты распуталъ его, скажи ему: приходилъ Аполлонидъ и распуталъ его". И повелъ онъ насъ въ домъ свой. Тамъ были отецъ, мать и братья его, плакавшіе объ отсутствіи Аполлонида. Когда они увидѣли его, то всѣ встали отъ радости и, обнявъ его со слезами, облобызали его. И сказалъ отецъ: „что сдѣлалось съ тобою, сынъ, что ты убѣжалъ изъ дома моего и оставилъ такой плачъ мнѣ и матери и братьямъ"? Аполлонидъ отвѣчалъ: „Домъ нашъ полонъ былъ грѣха и злодѣйствъ, когда вошелъ въ него возлюбленный Богу апостолъ Христовъ Іоаннъ, мы не знали, кто онъ и кто послалъ его, не знали, отъ Бога ли былъ посланный, или отъ противника и злобнаго. Случилось, однако, что я, когда оставилъ его, еще до возвращенія своего узналъ отъ другихъ, кто онъ былъ и кто послалъ его". Услышавъ это, Мурронъ повѣрилъ сыну своему и сказалъ: „сынъ мой! если это такъ, то пойдемъ къ игемону и сообщимъ ему объ этомъ; ибо онъ съ моего вѣдома посадилъ Іоанна въ темницу". Аполлонидъ сказалъ: „не безпокойся объ этомъ, наилучшій отецъ; я уже освободилъ Іоанна; игемонъ—зять твой и желаетъ того, чего только мы пожелаемъ". И ввелъ Аполлонидъ Іоанна и, обратившись къ нему, сказалъ: „скажи намъ, наилучшій учитель, какое-нибудь полезное для насъ слово, чрезъ которое мы получили бы отъ тебя свѣтъ вѣчный". Іоаннъ сказалъ: „я желаю, чтобы ты сначала разсказалъ намъ, какъ ты оставилъ домъ этотъ и перенесся въ другой

городъ". Тогда Аполлонидъ началъ разсказывать о причинѣ бѣгства своего такъ: „Ни отцу, ни матери неизвѣстно, что, назадъ тому много уже лѣтъ, когда я спалъ на постелѣ, кто-то пришелъ ко мнѣ и потревожилъ меня. Я немедленно проснулся и увидалъ пробудившаго меня: глаза у него были большіе, какъ свѣтильники горящіе, а лицо его былъ подобно молніи. Онъ сказалъ мнѣ: „открой уста свои". Я тотчасъ открылъ уста; онъ вошелъ въ чрево мое и наполнилъ чрево мое; съ того дня я узналъ все хорошее и дурное, бывавшее въ домѣ нашемъ; и не объ этомъ только, но обо всемъ, что только необходимо было для меня, онъ сообщалъ мнѣ. И приходили ко мнѣ всѣ и распрашивали меня по дѣламъ своимъ. Но когда ты вошелъ въ домъ этотъ, онъ сказалъ мнѣ: „Аполлонидъ! этотъ человѣкъ—волхвъ". И никогда не покидалъ онъ меня, говоря: „если не умертвятъ Іоанна, то ты никакъ не можешь возвратиться когда-нибудь въ домъ свой". Спрашивалъ я Кинопса, и онъ подтвердилъ это. Когда же пришелъ туда, гдѣ я находился, ученикъ, я тотчасъ увидалъ, что вошедшій въ меня чрезъ уста вышелъ въ томъ же видѣ, въ какомъ вошелъ. Я немедленно почувствовалъ себя свободнымъ отъ великой тяготы, исполнился великаго утѣшенія и радости и поблагодарилъ ученика". Іоаннъ сказалъ Аполлониду: „Сынъ! это одна изъ силъ и благодѣяній Іисуса Христа, Сына Божія, распятаго за насъ и воскресшаго, а вошедшій въ тѣло твое былъ прорицательный духъ, который, когда мы вошли въ домъ твой, выгналъ тебя изъ него, опасаясь, чтобы мы не выгнали его изъ тебя силою Іисуса Христа. Теперь же, сынъ мой, мы противустали злоб-

ному и нечистому духу не только прещеніемъ и силою мужа Божія, но и чрезъ письмо свое выгнали его". И взялъ у меня Іоаннъ письмо, которое посылалъ противъ прорицалищнаго духа, и вручилъ его Аполлониду. Тотъ, прочитавъ письмо, взялъ Іоанна, меня и братьевъ, отправился къ городскому игемону, разсказалъ ему все, равно какъ и то, что̀ претерпѣлъ отъ непотребнаго духа, и какимъ образомъ освободился отъ него по благодѣянію апостола Іисуса Христова Іоанна и ученика его Прохора. Выслушавъ это, игемонъ, наклонивъ голову, поблагодарилъ насъ и съ того времени весьма полюбилъ учителя моего Іоанна, а мы, оставивъ его наконецъ, возвратились въ домъ Мурона.

XXI. *Божественный Іоаннъ крестилъ семейство Мурона и Хрисинну, жену игемона острова Патмоса.* Іоаннъ, исполнившись Духа Святаго, началъ повѣдать домашнимъ Мурона величія Божіи и наставлять ихъ въ божественныхъ Писаніяхъ. И просили его всѣ крестить ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Іоаннъ въ одинъ день перекрестилъ всѣхъ, находившихся въ домѣ Мурона. Жена игемона, дочь Мурона, называвшаяся Хрисинною, видя, что ея отецъ, мать и братья вѣруютъ въ Сына Божія, сказала мужу своему: „вотъ весь домъ отца моего вѣруетъ въ Бога распятаго, провѣдуемаго Іоанномъ; желаю, чтобы и мы увѣровали и чтобы прославился домъ нашъ подобно дому отца моего, а какъ ты поставленъ въ начальника и имѣешь силу, то помоги намъ противъ тѣхъ, кои преслѣдуютъ наставника нашего Іоанна". Мужъ ея отвѣчалъ ей: „Мнѣ нельзя исполнить твоего совѣта, пока я начальствую

надъ областію. Ибо секта христіанъ находится въ презрѣніи и омерзѣніи у всѣхъ людей, не у однихъ царей: и прочіе люди, когда увидятъ, что домъ мой и домъ отца твоего посѣщается Іоанномъ и другими христіанами, подозрѣвая, что мы христіане, будутъ презирать насъ. Породятся раздоры, наши домы сожгутъ и меня лишатъ начальнической власти. Напротивъ, если будутъ знать, что я слѣдую ихъ обряду; то ради меня и вамъ всѣмъ будутъ отдавать честь. Когда я былъ начальникомъ въ Елладѣ, то открыто слѣдовалъ тамошнему обряду, а въ тайнѣ благотворилъ тѣмъ, которые вѣровали во Христа. Итакъ, когда пройдетъ срокъ начальствованія моего, тогда мнѣ приличнѣе будетъ сдѣлаться христіанномъ. Ты же возьми съ собою сына нашего, иди въ домъ отца своего, со тщаніемъ выслушай ученіе Іоанново и крестись сама съ сыномъ своимъ, соблюдая заповѣди Христовы. Смотри, не пренебреги ни однимъ изъ тѣхъ словъ, которыя говоритъ Іоаннъ, и доколѣ не сдѣлаюсь я христіаниномъ, не говори мнѣ ничего, что онъ возвѣститъ тебѣ; ибо если еллинскіе законы осуждаютъ тѣхъ, кои открываютъ тайны боговъ своихъ; то восколько болѣе осуждаетъ открывающихъ тайны законъ христіанскій, проповѣдуемый апостоломъ Христовымъ Іоанномъ?! Апостолъ осуждаетъ тѣхъ, кои открываютъ тайны Бога его. Береги же, любезнѣйшая, саму себя и единственнаго сына нашего". Когда онъ сказалъ это, Хрисиппа немедленно оставила мужа своего и, взявъ сына своего, пошла въ домъ отца своего Мурона. Вошедши туда, она съ поклономъ привѣтствовала Іоанна, отца, мать и братьевъ своихъ. Когда она сдѣлала это, Іоаннъ спросилъ ее: „по какой при-

чинѣ пришла ты къ намъ, дочь"? Та отвѣчала: „для того, наилучшій учитель, чтобы чрезъ тебя прославился домъ мой подобно дому отца моего". Іоаннъ сказалъ ей: „правымъ сдѣлаетъ Богъ собственное твое сердце и сердце мужа твоего и сердце сына твоего и сохранитъ все, что̀ есть въ домѣ твоемъ". Хрисиппа, повергшись къ ногамъ апостола, поклонилась и сказала ему: „наилучшій учитель! дай мнѣ и сыну моему печать Христову и мы сдѣлаемся общниками дома отца моего". Іоаннъ отвѣчалъ: „сначала пойдемъ и переговоримъ съ мужемъ твоимъ, чтобы ты очистилась съ его согласія". Тогда Хрисиппа начала разсказывать ему все, что слышала отъ мужа своего. Іоаннъ весьма обрадовался, когда услышалъ о согласіи игемона, огласилъ Хрисиппу и сына ея, повелѣлъ имъ сохранять всѣ заповѣди вѣры христіанской и крестилъ ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Возрадовался Мронъ, видя, что его дочь съ сыномъ увѣровали во Христа, и принесъ дочери множество денегъ, говоря: „есть, дочь, имѣніе, котораго достанетъ намъ; не оставляй только, прошу тебя, дома и стола моего и не заботься уже о возвращеніи съ сыномъ своимъ въ домъ свой, чтобы не произошло у тебя съ мужемъ состязанія о Христѣ". Хрисиппа сказала ему: „если хочешь, отецъ, чтобы мы остались съ тобою, то пусть эти деньги всегда будутъ твои, я же съ сыномъ, сходивъ домой, гдѣ есть у насъ большой запасъ золота и серебра, и взявъ оттуда сколько необходимо намъ, возвратимся къ тебѣ въ домъ твой и будемъ составлять одну семью". Услышавъ это, Іоаннъ сказалъ Мрону: „Отнюдь не должно быть того, о чемъ ты сговариваешься съ дочерью своею; ибо Христосъ не послалъ и не повелѣлъ

мнѣ разлучать жену съ мужемъ ея и мужа съ женою его. Пусть дочь твоя возвратится въ домъ свой съ миромъ, тѣмъ болѣе, что она увѣровала во Христа съ вѣдома мужа. Я уповаю на Господа, пославшаго меня проповѣдывать величія Его, что ея мужъ сопричтется Христу, а деньги, о которыхъ вы говорили, раздайте о Христѣ бѣднымъ, какъ говоритъ Писаніе: „кто даетъ нищему, тотъ даетъ Богу, по даянію же его воздастся ему“ (Притч. 19, 17); ибо Господь Іисусъ сказалъ: „будьте милосерды, и къ вамъ будутъ милосерды, ибо какою мѣрою вы будете мѣрять, такою и вамъ будутъ мѣрить“ (Мато. 7, 2). Сказавъ это, Іоаннъ отпустилъ Хрисиппу съ сыномъ ея къ игемону, ея мужу, а мы остались въ домѣ Мурона. На другой день Муронъ принесъ сокровище свое къ ногамъ апостола Іоанна и сказалъ: „возьми, господинъ мой, деньги эти и раздай бѣднымъ“. Но Іоаннъ сказалъ ему: „Съ благодарностію принимаю предложеніе твое; ибо знаю, что оно происходитъ отъ любви къ Богу. И нынѣ оставляю собственность твою на твоемъ попеченіи: раздай ее нуждающимся своими руками“. Муронъ, исполняя заповѣдь апостола, раздалъ свое бѣднымъ и нуждающимся. И умножилъ у него Богъ все, что было въ домѣ его; и всѣ съ благодарностію радовались о Господѣ, потому что всякому раздавали столько, сколько нужно было.

XXII. *Трибунъ Василій вѣруетъ вмѣстѣ съ женою, которая изъ неплодной дѣлается плодоносною.* Въ городѣ былъ одинъ богатый человѣкъ. Имя его было Василій, а имя жены его—Харисъ. Харисъ была неплодною. Василій пришелъ къ Родону, внуку Мурона, и сказалъ

ему: „отъ чего это дѣдъ твой такъ благоволитъ къ оному чужестранцу, что не сидитъ съ нами, не принимаетъ насъ и не имѣетъ общенія съ нами въ бесѣдахъ“? Родонъ отвѣчалъ ему: „мы знаемъ здравое ученіе его и со многими охотно слушаемъ его“. Василій сказалъ: „поелику слышу о немъ таковое, то пусть скажетъ, чтобы жена моя родила сына“. Родонъ сказалъ ему: „говорю тебѣ, Василій, что онъ въ силахъ сдѣлать это о имени Бога своего“. Слыша это, Василій поспѣшилъ отправиться въ домъ Мурона, чтобы видѣть Іоанна, и спросилъ, тамъ ли имѣетъ пристанище апостолъ Христовъ. Когда ему сказали, что тамъ, онъ сказалъ отроку, что хочетъ говорить съ Іоанномъ. Отрокъ извѣстилъ объ этомъ Мурона, а Муронъ—Іоанна, говоря: „нѣкто трибунъ Василій, стоящій за дверьми, желаетъ говорить съ тобою“. Слыша это, Іоаннъ тотчасъ всталъ и пошелъ на встрѣчу къ Василію. Василій поклонился ему. Іоаннъ сказалъ ему: „Да исполнитъ Богъ всѣ прошенія сердца твоего во благое. И блаженъ человѣкъ, который не искушаетъ Бога въ сердцѣ своемъ. Израильтяне искусили Господа при водахъ распри (Числ. 20, 13); Господь извелъ изъ камня воду, какъ рѣку, и маловѣрные пили ее, также хлѣбъ ангельскій далъ имъ въ пищу, а они, неблагодарные, гнушаясь этою пищею, просили мясъ для яденія, и Господь услышалъ голосъ ихъ и далъ имъ, неблагодарнымъ и жестокосердымъ, мяса въ такомъ изобиліи, что оно обратилось имъ въ мерзость. Но ты, Василій, не искушай Господа, а твердо вѣруй въ Него, и Онъ посѣтитъ неплодную жену твою и исполнитъ всѣ прошенія твои“. Василій, видя, что

Іоаннъ открылъ все, бывшее въ сердцѣ его, изумился и весьма удивился. Потомъ Іоаннъ сказалъ ему: „сынъ Василій! вѣруй во Іисуса Христа, Сына Божія, и Онъ дастъ тебѣ за вѣру твою все, чего хочешь“. Василій отвѣчалъ: „вѣрую, какъ сказалъ ты; но и теперь прошу тебя: попроси Бога своего, чтобы у жены моей былъ сынъ“. Іоаннъ сказалъ ему: „я сказалъ тебѣ: вѣруй, и узнаешь славу Божію“. Когда онъ хорошо наставилъ его, Василій вышелъ изъ дома Мурона, пошелъ, радуясь, въ домъ свой и разсказалъ женѣ своей все, слышанное имъ отъ Іоанна. Спустя немного, она пришла съ мужемъ своимъ къ Іоанну и вмѣстѣ съ нимъ почтила его поклономъ. Іоаннъ сказалъ женѣ Василія: „Харисъ! благодать Божія да просвѣтитъ сердце твое и сердце мужа твоего и дастъ тебѣ хорошій зачатокъ утробы твоей“. Когда онъ укрѣпилъ ихъ многою проповѣдію изъ божественныхъ Писаній, на нихъ почила благодать Божія и они попросили крестить ихъ. Іоаннъ крестилъ ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И попросилъ Василій Іоанна, чтобы мы пошли въ домъ его и жили у него; но Муронъ не позволилъ намъ отойти отъ него; онъ согласился только на то, чтобы Іоаннъ благословилъ домъ Василія и просилъ насъ по прежнему возвратиться въ домъ его. Такимъ образомъ, по молитвамъ Іоанна жена Василія родила ему сына; его назвали именемъ учителя моего Іоанна, и сдѣлалась большая радость во всемъ семействѣ Василія. Но прежде нежели родился отрокъ, Василій и жена его Харисъ принесли Іоанну много денегъ, чтобы раздалъ нуждающимся. Іоаннъ сказалъ ему: „иди, сынъ мой, въ домъ свой, продай все имѣніе свое и будешь имѣть сокровище на небѣ“.

XXIII. *Родонъ, сложивъ съ себя игемонство, принимаетъ крещеніе.* Мужъ Хрисиппы, дочери Мурона, пробывъ игемономъ два года, сложилъ съ себя игемонство и передалъ управленіе другому. Пришедши въ домъ тестя своего, онъ сказалъ Іоанну: „непостоянство вещей міра сего разстроило мою душу и лишило меня множества золота, серебра и весьма многихъ благъ; прошу святую душу, чтобы ты простилъ меня и очистилъ меня отъ преступленій моихъ“. Іоаннъ ободрилъ его словами утѣшенія, подкрѣпилъ его божественными изреченіями, наставилъ его въ святомъ ученіи, научилъ его всѣмъ сердцемъ вѣровать въ распятаго Іисуса Христа, спасителя всѣхъ, и крестилъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Онъ, получивъ крещеніе, возвратился въ домъ свой.

XXIV. *Сынъ судьи Креза освобождается отъ бѣса и принимаетъ крещеніе.* Въ томъ же городѣ былъ человѣкъ, по имени Крезъ, а имя жены его было Селена. У нихъ былъ одинъ сынъ, одержимый нечистымъ духомъ, а Крезъ былъ судьею въ томъ городѣ. Когда онъ услышалъ, что Іоаннъ совершаетъ именемъ Іисуса великія силы; то, взявъ сына своего, пришелъ въ домъ Мурона. Іоаннъ, увидѣвъ его, сказалъ: „Крезъ! сынъ твой гибнетъ отъ грѣховъ твоихъ; если увѣруешь въ истиннаго Бога, то получишь отъ Него великія благодѣянія и заслужишь похвалу. Не будь лицепріятенъ на судѣ вопреки душѣ своей и такимъ образомъ исполнишь повелѣніе Божіе“. При этихъ словахъ Крезъ сказалъ: „что я долженъ сдѣлать, чтобы сынъ мой былъ здоровъ и освободился отъ нечистаго духа“? Іоаннъ ска-

залъ: „вѣруй въ распятаго Іисуса Христа, и сынъ твой получитъ исцѣленіе“. Крезъ сказалъ: „вѣрую, господинъ, только бы исцѣлился сынъ мой“. Тогда Іоаннъ, взявъ сына его за правую руку, трижды оградилъ его крестнымъ знаменіемъ и выгналъ изъ него бѣса. Крезъ, видя, что Іоаннъ сдѣлалъ крестное знаменіе, палъ къ ногамъ его и поклонился ему. Іоаннъ же, начавъ съ изреченій изъ святыхъ Писаній, огласилъ его, а онъ, прославляя Бога и исповѣдуя, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и что онъ вѣруетъ въ Него, пошелъ въ домъ свой, взялъ жену свою и сына и множество денегъ и возвратился въ домъ Мурона къ апостолу Іоанну, говоря: „возьми, господинъ, деньги эти и дай мнѣ и женѣ и сыну моимъ знаменіе Христово“. Іоаннъ сказалъ ему: „Знаменіе Христово не имѣетъ нужды въ деньгахъ, но въ законной вѣрѣ. Смотри, не помышляй таковаго, но возвратись въ домъ свой и раздай принесенное тобою бѣднымъ“. Когда онъ исполнилъ это, Іоаннъ крестилъ ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа и отпустилъ ихъ въ домъ ихъ въ мирѣ.

XXV. *Блаженный Іоаннъ разрушаетъ храмъ Аполлона, за что жрецы наказываютъ и схватываютъ его.* Пробывъ три года у Мурона, къ которому сходились увѣровавшіе и были у него же научаемы и крещаемы, мы оставили домъ Мурона и пошли на общественное мѣсто, гдѣ былъ построенъ храмъ Аполлона. Сюда собирались большія толпы и Іоаннъ говорилъ къ нимъ. Нѣкоторые вѣрили слышанному, а нѣкоторые не вѣрили. Были въ томъ мѣстѣ жрецы Аполлона. Они сказали слушавшимъ Іоанна: „мужи, братія и друзья! за-

чѣмъ вы внимаете словамъ и выдумкамъ этого человѣка и слушаетесь обмановъ его? не за злодѣйства ли живетъ онъ на этомъ островѣ въ ссылкѣ? какимъ образомъ ослѣпились сердца ваши, не знающія истины? вѣдь, слушаясь мужа этого, вы наносите богамъ большую обиду, а кто причиняетъ богамъ безчестіе, тотъ презираетъ повелѣнія государей". Іоаннъ слыша это, сказалъ жрецамъ Аполлона: „дабы уразумѣли всѣ, что боги ваши не боги, се отнынѣ оставляется этотъ домъ вашъ пустымъ". Когда изречено было это слово, тотчасъ послѣдовало разрушеніе храма, такъ что не осталось въ немъ и камня; но изъ стоявшихъ около никто не погибъ, даже никто изъ нихъ не былъ поврежденъ. Видя это, жрецы бросились на Іоанна, нанесли ему множество тяжкихъ ударовъ, заключили его въ темное и мрачное мѣсто и, приставивъ для охраненія его караулъ, пошли и возвѣстили игемону, говоря: „извѣстный обольститель и волхвъ Іоаннъ коварствами своими ниспровергъ храмъ великаго бога Аполлона; не оставь такого позора безсмертныхъ боговъ не отмщеннымъ". Слыша это, игемонъ весьма огорчился и приказалъ отослать насъ въ темницу. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Мурона и Аполлонида, они пошли къ Акду, тогдашнему игемону, заступившему мѣсто мужа Хрисиппы, бывшему изъ Синопа, находящагося въ Понтѣ, и почитавшему Аполлона. Вошедши къ игемону, они сказали ему: „просимъ благосклонность твою, отдай намъ чужестранца Іоанна; если имѣешь что-нибудь противъ него, пусть будетъ то на насъ, если онъ окажется достойнымъ смерти, а если нѣтъ ничего, достойна-

го смерти, то зачѣмъ такъ строго наказываешь его"? Игемонъ сказалъ: „мнѣ говорятъ, что онъ волхвъ, для всѣхъ людей пагубенъ и всѣмъ дѣлаетъ зло: что если вы возмете его, а онъ при помощи волшебства своего убѣжитъ отъ васъ"? Аполлонидъ отвѣчалъ: „если онъ убѣжитъ отъ насъ, то за его жизнь пусть будетъ наша жизнь, а блага наши пусть будутъ твоими". Игемонъ тотчасъ согласился, чтобы было по желанію Мурона и Аполлонида; ибо они были мужи разумные и весьма славные между всѣми, живущими въ томъ городѣ. Итакъ, вошедши въ темницу, они освободили Іоанна отъ узъ и ввели насъ въ домъ свой. Муронъ, радуясь, сказалъ Іоанну: „сиди теперь съ нами въ домѣ раба своего и не отлучайся въ городъ; ибо люди злобны и жестоки: они могутъ покуситься на убійство тебя и ученика твоего Прохора". Іоаннъ отвѣчалъ: „Муронъ! Господь Іисусъ Христосъ послалъ меня не затѣмъ, чтобы я покоился въ домахъ; Онъ послалъ меня къ неправеднымъ и жестокимъ, говоря: „вотъ Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ; не бойтесь же убивающихъ тѣло, а душу не могущихъ убить" (Матѳ. 10, 16. 28): и опять сказалъ Онъ намъ: „многими скорбями надлежитъ вамъ войти въ царствіе Божіе" (Дѣян. 14, 22). И у насъ также были имѣнія и домы; но Господь сказалъ намъ: „оставьте все и идите за Мною", и мы оставили все и послѣдовали за Нимъ. И я готовъ не только быть связаннымъ и біемымъ и находиться въ посмѣяніи за имя Его, но и тысящекратно быть умерщвленнымъ и во всемъ быть терпѣливымъ. И не отступлю я отъ этого ученія, доколѣ не окончу теченіе

жизни; ибо часто я говорилъ вамъ, что умремъ за Него, чтобы освободиться чрезъ Него отъ вѣчной смерти, имѣющей постигнуть не вѣрующихъ въ Него". Послѣ того, какъ Іоаннъ сказалъ это, мы недолго оставались у Мурона, но ушли отъ него.

XXVI. *Іоаннъ креститъ проконсульскаго мужа Родона и исцѣляетъ бѣсноватаго и разслабленнаго.* Пришли мы къ одному мѣсту, гдѣ лежалъ разслабленный, имѣвшій обычай раздавать проходящимъ мимо отъ благъ своихъ. Онъ сказалъ Іоанну: „добрый учитель христіанскій! не мини раба своего". Іоаннъ спросилъ его: „чего ты хочешь отъ меня"? Разслабленный отвѣчалъ: „Есть у меня хлѣбъ и немного приправы къ кушанью; не постыдись сѣсть и принять пищи со мною, но согласись на это вслѣдствіе просьбъ раба своего. Я чужестранецъ, въ которомъ собраны всѣ преступленія родителей, заставляющія меня находиться здѣсь, чтобы нести плачевное покаяніе за себя и за родителей моихъ, и когда вижу чужестранца, сострадаю ему и въ немъ нахожу покой душѣ своей". Слыша это, Іоаннъ пожалѣлъ объ участи разслабленнаго, поболѣлъ сердцемъ и сказалъ: „и мы только съ тобою порадуемся и повеселимся, а ты съ нами". И напились мы и поѣли съ нимъ. Когда мы отходили отъ него, съ нами встрѣтилась женщина и сказала Іоанну: „господинъ! гдѣ храмъ Аполлона"? Іоаннъ сказалъ: „какая тебѣ надобность въ храмѣ Аполлона"? Женщина сказала: „единственнаго сына моего схватилъ злой духъ и весьма жестоко мучитъ его; поэтому я пришла сюда попросить Аполлона, чтобы помогъ мнѣ, и найдти здѣсь какое-

нибудь утѣшеніе". Іоаннъ спросилъ: „изъ какого ты города"? Женщина отвѣчала: „ни изъ какого; я женщина сельская и никогда не ходила въ городъ, а только теперь пришла въ него". Іоаннъ сказалъ: „сколько уже дней мучитъ сына твоего злой духъ"? Женщина отвѣчала: „уже тридцать три дня, и крайне жестоко и люто". Іоаннъ сказалъ: „возвратись, жена, въ домъ свой; ибо именемъ Господа моего Іисуса Христа исцѣлѣетъ отрокъ твой". Женщина возвратилась въ домъ свой и нашла сына свободнымъ отъ нечистаго духа. Послѣ того мы опять пришли на тоже мѣсто, гдѣ лежалъ разслабленный. Іоаннъ сказалъ ему: „вотъ мы пришли теперь къ тебѣ обѣдать; кто же будетъ служить намъ"? Разслабленный сказалъ: „такъ какъ я прежде угостилъ васъ утомленныхъ и вы послужили мнѣ, то и теперь вы же будете служить; ибо я не могу служить ни себѣ, ни вамъ". Іоаннъ сказалъ: „отнюдь не будетъ этого, но ты будешъ служить намъ", и держа его за руку, поднялъ его, говоря: „о имени Господа нашего Іисуса Христа встань". Разслабленный тотчасъ всталъ, сдѣлавшись здоровъ и невредимъ, и, прославляя Бога, послужилъ намъ. Послѣ этого мы возвратились въ домъ Мурона, и нашли здѣсь Родона, внука его. Родонъ попросилъ Іоанна, чтобы далъ ему печать Христову: Іоаннъ, наставивъ, крестилъ его во имя святыя Троицы. Потомъ пришелъ чужестранецъ, бывшій разслабленнымъ, и, по входѣ, повергся къ ногамъ Іоанна. Присутствовавшіе, видя, что онъ сталъ здоровъ, весьма удивились и спросили его, какъ онъ сдѣлался здоровымъ. Тотъ немедленно открылъ имъ весь способъ своего выздоров-

ленія и сказалъ: „поэтому и пришелъ я просить Іоанна, чтобы далъ мнѣ просвѣщеніе Христа, о имени котораго онъ сдѣлалъ меня здоровымъ“. Іоаннъ, научивъ и утвердивъ его въ каоолической вѣрѣ, крестилъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

XXVII. *Богохульникъ іудей Харъ дѣлается нѣмымъ, потомъ раскаевается и принимаетъ крещеніе.* На другой день мы вышли изъ дома Мѵронова и пришли на одно приморское мѣсто, гдѣ находилась мастерская валяльщиковъ суконъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Харъ, разговаривалъ съ Іоанномъ изъ Писаній. Іоаннъ раскрывалъ ему Писанія по духу и разсказывалъ Ему написанное о Сынѣ Божіемъ, о Его воплощеніи, страданіи, погребеніи, воскресеніи изъ мертвыхъ, вознесеніи на небо, сѣдѣніи одесную Отца и славномъ пришествіи Его на судъ; но Харъ обращалъ все это въ богохульство. Тогда Іоаннъ сказалъ ему: „перестань богохульствовать и онѣмѣй“. Харъ немедленно сдѣлался нѣмъ и никакъ не могъ говорить. Присутствовавшіе изумились, какъ такъ скоро, по одному слову исполнился приговоръ. Спустя почти три дня, къ Іоанну пришла толпа друзей Хара, негодующая и гнѣвающаяся на Іоанна, и сказала: „что сдѣлалъ ты Хару, другу нашему, что онъ сдѣлался нѣмымъ и никакъ немогущимъ говорить“? Іоаннъ отвѣчалъ имъ: „Мужи братія! что вы сердитесь на меня и вмѣняете мнѣ въ вину то, что Харъ своими злостными рѣчами подвергся гнѣву всемогущаго Бога и навлекъ на себя мщеніе Его, которое теперь несетъ? Ибо кто не соглашается съ говорящимъ о Богѣ, тотъ не долженъ тотчасъ возставать

подобно собакѣ, но долженъ слушать съ терпѣніемъ и потомъ, если что покажется ему разумнымъ, къ тому устремить вниманіе". Тогда одинъ изъ нихъ, казавшійся мудрымъ, сказалъ: „учитель! случается иногда, что вино не имѣетъ пріятности, а молоко сладости; такъ бываетъ и съ людьми: дурной человѣкъ опускаетъ хорошія слова, а хорошій человѣкъ опускаетъ иногда худыя слова". Сказавъ это, онъ кивнулъ Хару головою, чтобы попросилъ прощенія у Іоанна; Харъ тотчасъ повергся къ ногамъ Іоанна. Другой, казавшійся между ними мудрымъ, сказалъ: „учитель! ты снисходителенъ; поэтому разрѣши связанное тобою". Іоаннъ сказалъ Хару: „поелику ты согрѣшилъ противъ Бога и уста твои заключены именемъ Іисуса Христа, то именемъ Его пусть и отверзутся они". Іудей Харъ тотчасъ заговорилъ, и, повергшись къ ногамъ Іоанна, сказалъ: „правдивый учитель! мы знаемъ изъ Писаній, что нѣкогда отцы наши подвигли Бога на гнѣвъ, а Онъ по своей милости и благости простилъ имъ грѣхъ; а какъ я согрѣшилъ противъ Бога, пославшаго тебя на этотъ островъ, то помолись обо мнѣ, чтобы простилъ мнѣ этотъ грѣхъ: дай мнѣ, рабу своему, благодать крещенія". Тогда апостолъ огласилъ его и, наставивъ, крестилъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

XXVIII. *Волхвъ Кипонъ многое причинилъ Іоанну диковинами и чародѣйствами.* Когда апостолъ Христовъ совершалъ это въ Патмосѣ, на островѣ этомъ находился одинъ волхвъ, по имени Кипонъ. Мѣстопребываніе его отстояло отъ города на сорокъ поприщъ, гдѣ никто не жилъ. Онъ обиталъ въ пещерѣ, быв-

шей жилищемъ нечистыхъ духовъ, а жилъ здѣсь, какъ гласила молва, сорокъ лѣтъ. Волхва этого за чародѣйства и обманы бѣсовскіе, которые онъ показывалъ, всѣ обитатели острова почитали за бога. Къ нему собрались жрецы Аполлона, послѣ того какъ увидѣли, что Іоаннъ свободно учитъ и проповѣдуетъ, бывъ отпущенъ игемономъ, а храмъ Аполлона, разрушенный Іоанномъ, ниспровергнутъ вопреки ихъ желанію, и сказали ему: „Въ теченіи многихъ лѣтъ на этомъ островѣ мы совѣтовались съ тобою, любезнѣйшій Кипонсъ, а теперь имѣемъ нужду въ твоей помощи гораздо большую, нежели какую имѣли когда-либо прежде. Просимъ тебя быть охранителемъ и защитникомъ нашимъ въ томъ несчастіи, которое случилось съ нами. Чужестранецъ и изгнанникъ изъ отечества своего Іоаннъ, приговоренный къ ссылкѣ на этотъ островъ за злодѣйства свои, до того увлекъ злокозненностію своею всѣхъ князей и начальниковъ нашихъ, что они всѣ склоняются на его сторону. Въ надеждѣ на ихъ расположеніе, онъ возбуждаетъ въ городѣ многія возмущенія и ниспровергъ храмъ Аполлона. Когда мы сообщили объ этомъ игемону, онъ приказалъ заключить Іоанна въ темницу; но онъ, вслѣдствіе просьбъ Мурона и Аполлонида, вышелъ оттуда съ согласія игемона и сдѣлался свободнымъ. Теперь помоги намъ и противостань ему; ибо къ нему со всѣхъ сторонъ бѣгутъ люди, какъ блуждающія овцы, и повинуются ему. Просимъ тебя: пойдемъ съ нами и ниспровергни злодѣйства Іоанна“. Кипонсъ, услышавъ это отъ жрецовъ, сказалъ имъ: „вамъ извѣстно, что я никогда не выходилъ изъ

этого мѣста; зачѣмъ же стараетесь извлечь меня отсюда"? „За тѣмъ, что это представляется нужнымъ, и чтобы ты помогъ намъ, о чемъ всѣ мы просимъ тебя". Кинопсъ сказалъ имъ: „Неужели вамъ хочется, чтобы я запятналъ свою славу, сдѣлалъ свое имя безчестнымъ, обезславилъ такой городъ, въ который доселѣ никогда не ходилъ, и сдѣлалъ свою личность достойною презрѣнія изъ-за одного человѣчишка? Отнюдь не будетъ этого; но я пошлю завтра одного злаго ангела туда, гдѣ живетъ человѣчишка тотъ: онъ исторгнетъ у него и унесетъ душу, а я предамъ ее вѣчному осужденію". Выслушавъ это, жрецы повергнись къ ногамъ Кинопса, благодаря его, что обѣщалъ имъ помощь свою, и возвратились въ городъ. Когда наступило утро, Кинопсъ созвалъ множество бѣсовъ и сказалъ князю ихъ: „иди въ городъ въ домъ Мурона, немедленно возьми душу Іоанна и тотчасъ доставь ее мнѣ, чтобы я осудилъ ее, какъ мнѣ будетъ угодно". Бѣсъ пошелъ и, вошедши въ городъ, пришелъ въ домъ Мурона. Іоаннъ, сидя въ одномъ отдаленномъ мѣстѣ, узналъ его и сказалъ ему: „именемъ Господа нашего Іисуса Христа повелѣваю тебѣ, злой бѣсъ, не выходить отсюда, доколѣ не объявишь мнѣ причину, по которой пришелъ ты сюда". Злой бѣсъ тотчасъ сдѣлался какбы связаннымъ и сказалъ: „Всю истину разскажу тебѣ, апостолъ Божій; прошу только не гнѣваться на меня. Жрецы Аполлона пришли къ Кинопсу съ просьбою, чтобы шелъ въ городъ и умертвилъ тебя; но онъ не согласился на это, говоря: не хочу идти въ городъ, ни уменьшить славу свою и сдѣлать имя свое безчестнымъ; не сдѣлаю я этого, но завтра пошлю ангела своего, который воз-

метъ душу Іоанна и принесетъ ее ко мнѣ, а я осужу ее и предамъ ее вѣчному наказанію. Вотъ почему посланъ я сюда". Тогда Іоаннъ сказалъ злому духу: „посылалъ ли онъ когда-нибудь тебя взять душу какого-либо человѣка и принести ее къ нему"? Бѣсъ сказалъ ему: „въ иное время онъ уже посылалъ меня, но душъ я не приносилъ ему". Іоаннъ опять сказалъ ему: „почему вы повинуетесь ему"? Бѣсъ отвѣчалъ: „потому, что въ немъ обитаетъ вся сатанинская сила, и онъ имѣетъ союзъ и согласіе со всѣми князьями нашими, и мы также имѣемъ согласіе съ нимъ, почему и Кинопсъ повинуется намъ и мы повинуемся ему". Іоаннъ сказалъ злому духу: „повелѣваетъ тебѣ апостолъ Іисуса Христа, чтобы ты отнынѣ никогда не ходилъ на погибель и вредъ людей, даже не возвращался впредь на то мѣсто, откуда пришелъ сюда, но чтобы поспѣшно ушелъ съ этого острова". Злой духъ, немедленно вышедши съ острова, ушелъ. Кинопсъ, видя, что злой духъ медлитъ возвращеніемъ, позвалъ другаго и приказалъ ему, какъ и первому, идти къ Іоанну. Іоаннъ и ему приказалъ именемъ Господа Іисуса Христа немедленно уйти съ острова, и онъ тотчасъ ушелъ. Кинопсъ, видя, что и другой посланецъ его не возвращается, призвалъ двухъ другихъ злыхъ духовъ и сказалъ имъ: „идите къ Іоанну, по одинъ изъ васъ пусть взойдетъ къ нему, а другой пусть стоитъ за дверьми, чтобы узнать, что онъ скажетъ и сдѣлаетъ и что сдѣлалъ онъ съ другими, отъ чего они не возвращаются". И пришли два непотребные духа: одинъ, какъ приказалъ Кинопсъ, входитъ къ Іоанну, а другой стоитъ за дверьми. Іоаннъ, уразумѣвъ, что предсталъ бѣсъ, сказалъ: „зачѣмъ

ты, непотребный духъ, пришелъ въ этотъ домъ"? Бѣсъ сказалъ ему: „Кинопсъ сначала послалъ, для умерщвленія тебя, двухъ князей бѣсовскихъ; но ни одинъ изъ нихъ не возвратился: теперь онъ послалъ другихъ двухъ, т. е. меня и того, который не вошелъ сюда, чтобы принести Кинопсу вѣсти". Іоаннъ сказалъ ему: „именемъ Распятаго за спасеніе людей повелѣваю тебѣ не возвращаться впредь къ Кинопсу, но немедленно оставить этотъ островъ". Бѣсъ тотчасъ ушелъ, повинуясь слову апостола Божія, а тотъ, который стоялъ внѣ, узнавъ, что было сдѣлано, и что соучастникъ его подвергся изгнанію, убѣжалъ, пришелъ къ Кинопсу и разсказалъ ему обо всемъ. Кинопсъ не рѣшился уже снова посылать бѣсовъ къ Іоанну; но, созвавъ легіонъ бѣсовъ, сказалъ имъ: „Іоаннъ изгналъ товарищей вашихъ; можетъ случиться, что онъ и всѣхъ васъ изгонитъ отсюда и вы потерпите чрезъ него бѣды, если не воспротивимся ему; но да не придетъ къ вамъ и малый страхъ: тогда Іоаннъ войдетъ въ это мѣсто и выгонитъ васъ отсюда, безмолствующихъ и служащихъ мнѣ здѣсь. Но я, поддерживаемый защитою вашею, пойду въ городъ, ниспровергну коварство Іоанна и доведу его до того, что онъ погибнетъ злою смертію". Сказавъ это, Кинопсъ взялъ съ собою ватагу бѣсовъ и пошелъ въ городъ; но сюда взялъ съ собою только троихъ бѣсовъ, а прочихъ пожелалъ оставить внѣ города. Когда Кинопсъ вошелъ въ городъ, всѣ граждане пришли въ движеніе и во множествѣ вышли къ нему на встрѣчу, такъ какъ онъ прежде никогда не приходилъ туда. Собравшіеся къ нему удивлялись и пытали его о разныхъ предметахъ; онъ каждому изъ нихъ отвѣчалъ со-

гласно его вопросу. Іоаннъ сказалъ мнѣ: „сынъ Прохоръ! будь мужественъ и не робѣй; ибо Кинопсъ подвергнетъ насъ многимъ бѣдамъ и напастямъ“. Въ это время собрались всѣ братія, принявшіе крещеніе отъ Іоанна, чтобы получить отъ него наставленіе и укрѣпленіе. По повелѣнію Іоанна мы въ теченіи десяти дней оставались въ домѣ Мурона, никуда не выходя по причинѣ смятенія, произведеннаго Кинопсомъ въ городѣ, а Іоаннъ, чтобы враги не уловили насъ коварствами, увѣщевалъ насъ, говоря: „будьте бодры и мужественны; ибо увидите силу и славу Божію“. Въ короткое время весь городъ собрался слушать Кинопса; всѣ удивлялись рѣчамъ и словамъ его. Спустя десять дней, Іоаннъ сказалъ мнѣ: „встань, сынъ Прохоръ; пойдемъ на мѣсто города, называемое“... (1). Когда мы сидѣли здѣсь, сошлись многіе послушать Іоанна. Кинопсъ, слыша, что Іоаннъ учитъ народъ, и видя, что народъ слушаетъ Іоанна съ охотою, сказалъ стоящей около толпѣ: „О слѣпые и заблудившіе отъ пути истины мужи! Если Іоаннъ праведенъ, а его дѣла и рѣчи хороши и истинны, то и я увѣрую, а если окажется, что онъ неправеденъ и дѣла его дурныя, а я праведенъ и дѣла мои хорошія и истинныя, то вѣрьте не ему, но мнѣ“. И, взявши одного юношу, Кинопсъ спросилъ его, живъ ли его отецъ. Тотъ отвѣчалъ: „нѣтъ; когда мы плавали, онъ, ударившись между двухъ кораблей, погибъ“. Тогда Кинопсъ сказалъ Іоанну: „покажи теперь, истинно ли то, чему ты учишь; воззови изъ моря отца этого юноши и возврати отца сыну“. Это было въ виду

(1) Въ подлинникѣ здѣсь пропускъ.

всѣхъ. Іоаннъ сказалъ: „Господь послалъ меня не воскрешать народы, но учить и освобождать людей, обольщенныхъ діаволомъ“. Кинопсъ сказалъ стоящему около народу: „Не всѣ ли вы мужи, населяющіе городъ этотъ, достаточно убѣждены, что Іоаннъ волхвъ и обольщаетъ посредствомъ волшебства? Поэтому я желаю, чтобы вы держали его, пока я приведу отца этого юноши и возвращу его ему въ виду вашемъ“. Послѣ этого Кинопсъ повелъ народъ къ морскому берегу, тотчасъ, распростерши обѣ руки, произвелъ большое плесканье и въ виду всѣхъ скрылся отъ взора всѣхъ. На всѣхъ напалъ большой страхъ. Толпа, видя событіе это, воскликала, говоря: „великъ Кинопсъ; нѣтъ другаго бога, большаго его“. Кинопсъ не медля вышелъ изъ моря, имѣя съ собою бѣса, сходнаго по виду съ отцемъ юноши, и сказалъ юношѣ: „это ли отецъ твой“? Тотъ отвѣчалъ: „да, господинъ“. Всѣ ужаснулись и, павши, поклонились Кинопсу и хотѣли умертвить Іоанна; но Кинопсъ сказалъ: „не умерщвляйте его; ибо увидите большее этого и тогда накажете его жестоко“. Кинопсъ призвалъ другаго человѣка и спросилъ его, говоря: „есть ли у тебя сынъ“? Тотъ отвѣчалъ: „былъ, господинъ; но его по зависти убилъ кто-то“. Тогда Кинопсъ, воззвавъ громкимъ голосомъ, призвалъ по собственнымъ именамъ и убившаго и убитаго. Тотчасъ предстали два бѣса, одинъ въ образѣ убитаго. Тогда Кинопсъ сказалъ мужу, сына котораго убили: „это ли сынъ твой“? Тотъ сказалъ: „да, господинъ“. И сказалъ Кинопсъ Іоанну: „не удивляешься знаменіямъ симъ, которыя видишь“? Іоаннъ сказалъ: „нѣтъ“. Кинопсъ сказалъ: „если не убѣждаешься этими знаменіями, то уви-

дишь большія ихъ, и если я не убѣжду тебя знаменіями и силами, то все таки не оставлю тебя". Іоаннъ сказалъ ему: „эти знаменія и диковинки скоро пропадутъ вмѣстѣ съ тобою". Толпы, слыша это, сказали: „изгнанникъ, ссылочный и неизвѣстный! зачѣмъ хулишь ты наилучшаго Кинопса"? И бросились они на него, какъ кровожадные звѣри, и повергли его на землю, разрывая и терзая его. Кинопсъ, полагая, что онъ умеръ, сказалъ толпѣ: „оставьте его непогребеннымъ, чтобы съѣли его птицы небесныя и звѣри земные, и увидите, воскреситъ ли его Христосъ, котораго онъ проповѣдуетъ". Толпа, почитая Іоанна умершимъ, разошлась, радуясь, по домамъ своимъ. Іоаннъ пробылъ на томъ мѣстѣ одинокимъ до втораго часа ночи. Я прибылъ на то мѣсто со скорбію при видѣ учителя своего и, подошедши къ нему поближе, сказалъ: „что случилось съ тобою, господинъ"? Онъ сказалъ мнѣ: „поспѣши въ домъ Мирона; ибо тамъ собрались всѣ братія и производятъ великій плачъ: возвѣсти имъ, что я по благодати Іисуса Христа живъ, и немедленно возвратись ко мнѣ". Я весьма скоро пошелъ къ дому Мирона, нашелъ собравшихся тамъ братій производящими объ Іоаннѣ, какъ онъ сказалъ мнѣ, великій плачъ; но когда постучалъ въ двери, мнѣ не осмѣливались отворить, опасаясь коварства тѣхъ, кои были изъ сторонниковъ волхва Кинопса. Когда же я взывалъ и настаивалъ, одинъ изъ служителей Мирона, узнавъ меня, извѣстилъ собравшихся, что въ двери стучитъ Прохоръ. Мнѣ тотчасъ отперли двери, какъ только увидѣли меня, и остолбѣнѣли; ибо думали, что я умеръ вмѣстѣ съ Іоанномъ. Я сказалъ имъ: „не смущайтесь, бра-

тія, ибо учитель мой живъ и послалъ меня къ вамъ привѣтствовать васъ". Тѣ, слыша, что Іоаннъ живъ, отъ радости ничего не захотѣли выѣдывать отъ меня, но поспѣшно побѣжали къ мѣсту, гдѣ находился Іоаннъ. Они нашли его стоящимъ на колѣнахъ и молящимся Господу Іисусу Христу. Когда онъ кончилъ молитву, они облобызали и обняли его, а Іоаннъ началъ поучать и увѣщевать ихъ, чтобы не обольщались ни словами, ни дѣлами волхва Кинопса. „Потерпите, сказалъ онъ; скоро увидите, что по благодати Іисуса Христа онъ погибнетъ отъ своего искусства. Идите въ домъ Мурона и, оставаясь тамъ, постоянно молитесь и мужайтесь, доколѣ Богъ объявитъ волю свою". Когда онъ сказалъ это, пришедшіе къ нему, облобызавъ его, ушли. Наутро, когда возсіялъ свѣтъ, нѣкоторые извѣстили Кинопса, что Іоаннъ живъ. Кинопсъ, услышавъ объ этомъ, призвалъ одного бѣса, чрезъ котораго дѣлалъ, что умершіе прыгали отъ радости, и сказалъ: „сегодня будь готовъ со мною", и немедленно, взявъ бѣса, сопроповождаемый многою толпою прибылъ къ мѣсту, гдѣ мы находились. Приблизившись туда, онъ сказалъ Іоанну: „я хотѣлъ подвергнуть тебя этому мученію и этому величайшему сраму, почему и пожелалъ, чтобы ты остался въ живыхъ; теперь я желаю, чтобы ты пошелъ со мною на морской берегъ, чтобы всѣ видѣли славу мою и возрадовались о твоемъ посрамленіи и о погибели твоей". Сказавъ это, онъ приказалъ держать Іоанна, доколѣ увидятъ великія силы Кинопса и онъ предастъ его вѣчному осужденію. Его задержали.

XXIX. *Обманы Кинопса обнаруживаются и онъ утопаетъ.* И пришли мы съ толпою на то мѣсто, гдѣ Кинопсъ показывалъ первыя обольщенія. Здѣсь мы нашли множество мужчинъ и женщинъ, которые, какъ только увидѣли Кинопса, повергнись на землю, кланялись ему. За Кинопсомъ слѣдовали два бѣса, которыхъ онъ выдалъ за людей, воскрешенныхъ имъ. Кинопсъ по прежнему сдѣлалъ плесканіе руками и, произведши большой шумъ, погрузился въ море. Толпы воскликнули, говоря: „великъ Кинопсъ“! Упомянутые два бѣса сказали толпѣ: „обождите; ибо Кинопсъ умеръ и воскреснетъ изъ мертвыхъ“. Іоаннъ сказалъ бѣсамъ тѣмъ: „повелѣваю вамъ, нечистые духи, стоять здѣсь неподвижно, пока я помолюсь“. Затѣмъ апостолъ, воздвигши тотчасъ руки къ небу и расположивъ ихъ крестъ на крестъ во образъ креста, со слезами и громогласно помолился такъ: „Господи, по молитвамъ Моисея даровавшій ниспровергнуть Амалика, чтобы впредь не видалъ солнца, Господи Іисусе, Сыне Бога живаго! низвергни Кинопса въ преисподнюю бездны, чтобы впредь ни солнца не видалъ, ни обольщалъ народы, оставаясь въ живыхъ“. Когда Іоаннъ окончилъ молитву, послышался большой шумъ моря и сдѣлалось большое волненіе моря на томъ мѣстѣ, гдѣ бросился въ море опрометчивый Кинопсъ и тотчасъ погрузился; послѣ этого никто никогда не видалъ его. Тогда Іоаннъ именемъ Іисуса Христа, восхотѣвшаго распяться за грѣхи людей, чтобы спасти ихъ своею смертію, повелѣлъ двумъ бѣсамъ, явившимся въ видѣ двухъ воскрешенныхъ, чтобы тотчасъ удалились изъ страны той. Нечистые духи тѣ не-

медленно скрылись съ глазъ всѣхъ и изчезли. Толпа, видя, что при словѣ Іоанна пропали тѣ, которыхъ почитала она за воскресшихъ людей, сильно вознегодовала на него. Особенно вознегодовали на него: юноша, почитавшій одного изъ нихъ отцемъ своимъ, и другой, почитавшій другаго изъ нихъ сыномъ своимъ. Оба они, держа Іоанна, съ угрозою сказали ему—одинъ: „возврати мнѣ отца“, а другой: „возврати мнѣ сына“, которыхъ почитали они воскрешенными Кипопсомъ. Стоявшіе около также говорили: „если бы ты былъ человѣкъ благодѣтельный, то долженъ бы не губить возвращенное, а возвращать потерянное; поелику же ты волхвъ погубилъ доставленныя Кипопсомъ благодѣянія, то или возврати намъ упомянутыхъ двухъ лицъ, или мы умертвимъ тебя“. Нѣкоторые изъ нихъ говорили: „оставимъ его, не причинимъ ему никакого зла, доколѣ не возвратится праведнѣйшій Кипопсъ и предастъ его вѣчному осужденію“. На это всѣ согласились, потому что такое приказаніе отдалъ Кипопсъ, повелѣвъ, чтобы не отходили отъ мѣста того. Итакъ, они пробыли на томъ мѣстѣ въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей, не принимая пищи и громогласно восклицая: „величайшій Кипопсъ, помоги намъ“. Многіе изъ нихъ, отъ того что не имѣли пищи и безпрестанно кричали, подверглись большой слабости, такъ что нѣкоторые совершенно изнемогли и померли на мѣстѣ.

XXX. *Когда божественный Іоаннъ воскресилъ умершихъ отъ неупотребленія пищи, ему предложили божескія почести, но онъ отвергъ ихъ.* Іоаннъ, видя, что они гибнутъ напрасно, отъ жалости загоревалъ и началъ

молиться, говоря: „Господи Іисусе Христе, пославшій меня на этотъ островъ для спасенія обитающихъ на немъ! пошли имъ чуство разумѣнія и смыслъ сердечный, чтобы никто изъ народа сего не погибъ“. Окончивъ молитву, онъ предложилъ присутствовавшимъ утѣшеніе, говоря: „Мужи братія! послушайте меня съ терпѣніемъ. Четвертый уже день наступаетъ, какъ вы не принимали пищи и доселѣ пребываете въ постѣ, ожидая того, кто уже не придетъ; ибо Кипопсъ, да будетъ вамъ извѣстно, по праведному распоряженію Божію отошелъ въ вѣчную погибель. Поэтому я прошу васъ: идите отсюда каждый въ домъ свой и примите пищи, чтобы быть вамъ здоровыми“. Сказавъ это, онъ пошелъ къ умершимъ отъ неупотребленія пищи и помолился о нихъ такъ: „Господи Іисусе Христе, имѣющій въ послѣдній день и при послѣдней трубѣ возбудить отъ смерти людей, почившихъ отъ вѣка! простри благодать свою на людей сихъ, лежащихъ мертвыми, чтобы они ожили и воскресли изъ мертвыхъ“. Тѣ тотчасъ воскресли отъ смерти. Когда толпы увидали это, сдѣланное Іоанномъ, знаменіе; то пали на землю и поклонились ему ницъ, говоря: „учитель! теперь знаемъ, что ты пришелъ отъ Бога“. Когда они высказали это, Іоаннъ сказалъ умершимъ отъ неупотребленія пищи: „идите, дѣти, въ домы свои, примите пищи и оживите души свои; ибо и я также пойду въ домъ Мѵрона, раба Іисусъ Христова, и потомъ выйду къ вамъ и сдѣлаю необходимое“. Тѣ пошли каждый въ домъ свой. Пошли и мы въ домъ Мѵрона. Когда мы пришли въ домъ Мѵрона, въ немъ сдѣлалась большая радость. Мѵ-

репъ предложилъ трапезу и мы приняли съ нимъ пищи. На разсвѣтѣ почти весь городъ собрался на мѣсто то, говоря: „Мронъ! ты достоинъ весьма многихъ благъ ради человѣка Божія и добраго учителя, сдѣлавшагося извѣстнымъ намъ чрезъ тебя. Выведи его къ намъ сюда, чтобы мы послушали отъ него слово вѣры“. Мронъ подумалъ, что они просятъ объ этомъ съ коварнымъ намѣреніемъ, дабы, если онъ выведетъ Іоанна изъ дома, убить его. Іоаннъ, уразумѣвъ это, сказалъ Мрону: „не бойся, братъ, и нисколько не страшись; ибо я уповаю на Господа своего, распявшагося за насъ, что въ этихъ людяхъ нѣтъ никакого злаго умысла“. И вышелъ онъ изъ дома къ народу. Когда толпы увидѣли его, то начали говорить: „ты предтеча нашъ и создатель душъ нашихъ; ты великій Господь и Богъ, чудно просвѣщающій человѣка къ безсмертному просвѣщенію“. Слыша это, Іоаннъ разодралъ одежды свои и посыпалъ голову свою пепломъ. Всѣ пришли въ ужасъ. Іоаннъ подалъ рукою знакъ къ молчанію; всѣ замолчали. Тогда Іоаннъ взошелъ на возвышающееся подлѣ Мронова дома мѣсто и началъ говорить имъ: „не заблуждайте, братія, и не богохульствуйте; я не Богъ“. Потомъ, объясняя Писанія, начиная съ Моисея и продолжая пророками, толковалъ имъ о Сынѣ Божіемъ и о томъ, какъ Богъ Отецъ послалъ на землю единороднаго Сына своего, родившагося отъ женщины, ставшаго подъ закономъ, чтобы спасти тѣхъ, кои были безъ закона. „Этого-то Сына Бога живаго, сказалъ онъ, я недостойный рабъ. Онъ послалъ меня на этотъ островъ, чтобы я удалилъ отъ васъ заблужденіе. и Его

именемъ и Его силою совершаю я всѣ эти знаменія и чудеса, которыя вы видите". Разсказавъ имъ многое изъ Писаній. Іоаннъ сошелъ съ своего мѣста и опять вошелъ въ домъ Мурона. Сюда сошлись тогда нѣкоторые изъ народа, прося Іоанна, чтобы крестилъ ихъ. Іоаннъ, продолживъ наставленіе, крестилъ ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

XXXI. *Божественный Іоаннъ разговариваетъ съ іудеемъ о законѣ и исцѣляетъ больнаго.* На слѣдующій день я, Муронъ и тридцать человѣкъ, припявшихъ крещеніе, вышли съ Іоанномъ на ипподромъ, т. е. на мѣсто, гдѣ бываетъ обыкновенно скачка лошадей. Тамъ находился іудей, знающій законъ по буквѣ. Увидѣвъ его, Іоаннъ началъ спрашивать его отъ книгъ Моисея и пророковъ. Тотъ отвѣчалъ ему по буквѣ, а Іоаннъ толковалъ ему по духу. Когда они не сошлись, Филонъ сказалъ: „нѣтъ нужды спорить о Писаніи многословіемъ; для него нужны сердце чистое и непорочное, и Богу угодна правая и добрая вѣра". Когда онъ сказалъ это, Іоаннъ пересталъ говорить съ нимъ. И вотъ неподалеку лежалъ одинъ человѣкъ, страдавшій сильнѣйшею лихорадкою. Подлѣ него сидѣлъ юноша. Сей, увидѣвъ мимоидущаго Іоанна и сопровождающую его толпу, воскликнулъ громкимъ голосомъ, говоря: „Апостолъ Христовъ! сжалься надъ этимъ больнымъ, жестоко страдающимъ отъ лихорадки". Іоаннъ тотчасъ подошелъ къ больному, сдѣлалъ крестное знаменіе и сказалъ больному: „о имени Господа нашего Іисуса Христа, котораго я рабъ, хотя недостойный, и апостолъ, встань и иди въ домъ свой здоровымъ". Больной не-

медленно всталъ здоровымъ и, преклонивъ колѣна къ ногамъ апостола, благодарилъ его.

XXXII. *Іудей, видя, что жена его очистилась отъ проказы крещеніемъ, вѣруетъ и принимаетъ крещеніе.* Филонъ, видя сдѣланное Іоанномъ знаменіе, взялъ его за руку и сказалъ: „учитель! что такое любовь“? Іоаннъ отвѣчалъ: „Богъ есть любовь, и кто имѣетъ любовь, тотъ имѣетъ Бога“. Филонъ сказалъ: „итакъ, если тотъ, кто имѣетъ любовь, имѣетъ Бога, какъ говоришь ты; то докажи теперь, что ты имѣешь любовь, и войди въ домъ мой поѣсть хлѣба и напиться воды вмѣстѣ со мною, и Богъ будетъ съ нами“. Іоаннъ немедленно согласился и пошелъ за нимъ. Послѣ того, какъ они, вошедши въ домъ, приняли пищи, жена Филона, услышавъ проповѣдь Іоанна, попросила его крестить ее. Женщина эта одержима была проказою, имѣла кожу, бѣлую какъ снѣгъ. Принявъ крещеніе, она совершенно выздоровѣла отъ проказы своей и вся очистилась. Филонъ, прежде непреклонный и спорливый, видя, что жена его исцѣлилась отъ проказы, сдѣлался смиреннымъ и скромнымъ, палъ къ ногамъ апостола и сказалъ: „добрый учитель! ради того Бога, котораго проповѣдуешь, будь милостивъ ко мнѣ и не гнѣвайся на раба своего за то, что я много наговорилъ въ уничиженіе проповѣди твоей, о чемъ стыжусь теперь говорить; прошу тебя, дай мнѣ печать этой жизни“. Іоаннъ, огласивъ и укрѣпивъ его въ вѣрѣ, крестилъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

XXXIII. *Жрецъ Аполлоновъ наказанъ за богохульство.* На слѣдующій день мы весьма рано вышли изъ

дома Филонова. Къ намъ собрались многія толпы послушать ученіе Іоанново. Пришли также и жрецы Аполлоновы, собравшіеся прежде съ цѣлію погубить Іоанна за ниспроверженіе имъ храма Аполлонова. Они стали предъ Іоанномъ, чтобы увидать какія-либо дѣйствія его, которыя могли бы укорить. Одинъ изъ нихъ началъ искушать Іоанна, говоря: „учитель! у меня есть сынъ, хромой на обѣ ноги; сдѣлай его здоровымъ и я увѣрую въ Распятаго, проповѣдуемаго тобою“. Іоаннъ отвѣчалъ: „если увѣруешь; то выздоровѣетъ сынъ твой“. Тотъ отвѣчалъ: „сначала исцѣли его и тогда я увѣрую“. Іоаннъ сказалъ: „не произноси безразсудныхъ рѣчей; я знаю, что ты искуситель и покушаешься на богохульства: поэтому о имени Распятаго да будешь хромъ на обѣ ноги“. Онъ тотчасъ сдѣлался хромъ на обѣ ноги, такъ что не могъ ходить. Іоаннъ сказалъ одному человѣку, чтобы позвалъ меня. Я тотчасъ подошелъ къ нему, а онъ сказалъ мнѣ: „сынъ Прохоръ! иди къ сыну жреца Аполлопова и скажи ему: „учитель мой Іоаннъ сказалъ: о имени Сына Божія, распятаго при игемонѣ Понтіи Пилатѣ, иди ко мнѣ“. Я пошелъ къ сыну жреца и сказалъ ему слова, которыя велѣлъ мнѣ сказать ему Іоаннъ. Тотъ немедленно всталъ здоровымъ и невредимымъ и пошелъ за мною. Когда пришелъ я къ Іоанну, выздоровѣвшій, повергшись къ ногамъ его, благодарилъ его. Отецъ, видя, что сынъ его выздоровѣлъ, воскликнулъ громкимъ голосомъ: „сжалься надо мною, апостолъ благословеннаго Бога“! Іоаннъ тотчасъ сжалился надъ нимъ и знаменовалъ его крестнымъ знаменіемъ, повелѣвая, чтобы всталъ. Тотъ

немедленно всталъ и, повергшись къ ногамъ апостола, просилъ, чтобы крестилъ его. Іоаннъ крестилъ его, а онъ ввелъ насъ въ домъ свой, гдѣ и пробыли мы день тотъ.

XXXIV. *Страждущій водяною болѣзнію исцѣляется по письму Іоанна и принимаетъ крещеніе.* На другой день мы пришли въ галлерею, называвшуюся Домиціановою. И туда собрались многія толпы къ Іоанну. Тамъ былъ одинъ человѣкъ, страждущій водяною болѣзнію; онъ семнадцать лѣтъ сидѣлъ съ своею болѣзнію, не могши ни двигаться, ни говорить. Попросивъ знакомъ чернилъ и бумаги, онъ написалъ Іоанну: „Апостоль Христовъ Іоаннъ! я, несчастнѣйшій, прошу тебя сжалиться надо мною въ столь крайней моей немощи". Іоаннъ, получивъ и прочитавъ это письмо, обрадовался вѣрѣ мужа и написалъ ему: „Человѣку, страждущему водяною болѣзнію, Іоаннъ, рабъ и апостолъ Христовъ, желаетъ здоровья. Ты просишь меня помочь тебѣ въ твоей немощи. Итакъ, именемъ Отца и Сына и Святаго Духа ты освобождаешься отъ немощи своей и будь здоровъ". Когда страдавшій получилъ и прочиталъ письмо Іоанново, то всталъ здоровымъ, не ощущая въ себѣ никакого вреда отъ болѣзни. Толпы, видя это знаменіе, сдѣланное Іоанномъ надъ страдавшимъ водяною болѣзнію, пришли въ удивленіе и тѣмъ болѣе воспламенились желаніемъ слушать его проповѣдь, а выздоровѣвшій палъ къ ногамъ Іоанна и просилъ его дать ему печать Христову. Іоаннъ крестилъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

XXXV. *Домъ игемона получаетъ благословеніе, а жена игемона благополучно разрѣшается отъ бремени и принимаетъ крещеніе.* Когда мы ушли съ того мѣста, съ нами встрѣтился одинъ посланецъ игемона и сказалъ Іоанну: „Апостолъ Христа, Сына Божія! поспѣши придти въ домъ игемона, ибо беременная жена игемона, когда пришло время родить, мучилась родами и не могла родить“. Іоаннъ отправился, и, когда входилъ въ домъ игемона, жена его легко родила. Іоаннъ сказалъ игемону: „почему приказалъ ты позвать меня“? Игемонъ сказалъ: „чтобы ты благословилъ домъ мой“. Іоаннъ сказалъ: „если вѣруешь во Іисуса Христа, Сына Божія: то будутъ благословенны и ты и домъ твой“. Игемонъ, радуясь о благополучномъ разрѣшеніи жены съ приходомъ Іоанна, сказалъ: „я увѣровалъ и вѣрую въ Бога, пославшаго тебя для спасенія нашего“. Іоаннъ, научивъ его, какъ должно вѣровать въ Отца и Сына и Святаго Духа, крестилъ его. Просила у него крещенія и жена игемона; но Іоаннъ не соизволилъ крестить ее, доколѣ не пройдутъ сорокъ дней очищенія. Игемонъ принесъ Іоанну много денегъ и просилъ его взять ихъ, чтобы благословенъ былъ домъ его. Но Іоаннъ сказалъ ему: „не можетъ быть благословенъ домъ твой за эти деньги; но иди и раздай ихъ о имени Христовѣ бѣднымъ и будетъ благословенъ домъ твой“. И пробыли мы въ домѣ игемона три дня, а вышедши оттуда пошли въ домъ Мурона, гдѣ собрались многія толпы, желавшія слушать Іоанна.

XXXVI. *Божественный Іоаннъ изгоняетъ бѣса, называвшаго себя богомъ-волкомъ, и освобождаетъ людей,*

приготовленныхъ для принесенія ему въ жертву. Пробывъ въ областномъ городѣ три года, мы пошли потомъ въ другой городъ, отстоящій на пятьдесятъ поприщъ. Городъ этотъ былъ многолюдный, полный множества идоловъ, имѣлъ капище, въ которомъ бывали обольщенія, называвшіяся у гражданъ обманами боговъ, а вокругъ города протекала рѣка. Когда мы вошли въ городъ, никто не узналъ насъ. Когда же мы входили въ городъ, то нашли одного общественнаго мужа, у котораго было двѣнадцать взрослыхъ городскихъ отроковъ. Іоаннъ спросилъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, почему отроки эти связаны. Тѣ отвѣчали: „потому что въ новолуніе каждаго мѣсяца задерживаются двѣнадцать отроковъ, зарѣзываются и приносятся въ жертву богу-волку“. Іоаннъ сказалъ: „желалъ бы я знать, что это за богъ-волкъ“? Упомянутый мужъ отвѣчалъ: „около четвертаго часа дня придутъ жрецы, сопровождаемые большою толпою, принести жертвы; если захочешь идти за ними, то увидишь и волка и то, что они приносятъ въ жертву“. Іоаннъ сказалъ: „вижу, что ты человѣкъ добрый; но я пришлецъ и потому прошу тебя показать мнѣ волка, ибо я весьма желаю этого; и если ты покажешь его мнѣ, я дамъ тебѣ такой драгоцѣнный бисеръ, имѣющійся у меня, который не имѣетъ себѣ цѣны“. Слыша это, мужъ немедленно повелъ насъ на то мѣсто, гдѣ жилъ волкъ, и сказалъ: „вотъ мы пришли на мѣсто, дай мнѣ бисеръ, и я покажу тебѣ волка“. Іоаннъ сказалъ ему: „повѣрь только мнѣ: если покажешь мнѣ волка, то получишь бисеръ, обѣщанный мною тебѣ“. Спустя немного, изъ рѣки вы-

шелъ волкъ Іоаннъ сказалъ ему: „заклинаю тебя, нечистый духъ: скажи, сколько лѣтъ живешь ты въ этомъ мѣстѣ“? Бѣсъ отвѣчалъ: „семьдесятъ лѣтъ“. Іоаннъ сказалъ: „повелѣваю тебѣ именемъ Отца и Сына Святаго Духа уйти съ этого острова“. Невидимый нечистый духъ тотчасъ же изчезъ. Упомянутый мужъ, увидѣвъ это, немедленно палъ ницъ къ ногамъ апостола и сказалъ: „помилуй меня, святой человѣкъ; скажи мнѣ, прошу, кто ты и откуда ты, совершающій такія чудныя дѣла, предписывающій волю свою богамъ и заставляющій ихъ повиноваться тебѣ съ трепетомъ“? Іоаннъ отвѣчалъ: „я апостолъ и рабъ Іисуса Христа, Сына Божія, а объ этомъ волкѣ, котораго ты почитаешь богомъ, говорю тебѣ поистинѣ, что онъ—злой духъ, погубившій множество душъ человѣческихъ; поэтому и послалъ меня Богъ мой Іисусъ Христосъ на островъ этотъ, чтобы я прогналъ съ него и преслѣдовалъ всѣхъ нечистыхъ духовъ и благовѣствовалъ людямъ этой области истину“. Слыша это, мужъ снова палъ на лицо свое, говоря: „апостолъ Христовъ! сдѣлай милость со мною, чтобы и я сподобился быть рабомъ Сына Божія“. Іоаннъ, начавъ изъяснять божественное Писаніе, научилъ его, какъ должно вѣровать въ Отца и Сына и Святаго Духа, а на слѣдующій день крестилъ его и сказалъ ему: „вотъ ты получилъ драгоцѣннѣйшій бисеръ“. Когда онъ сказалъ это, пришли на мѣсто жрецы съ двѣнадцатью связанными отроками, имѣя въ рукахъ своихъ мечи, чтобы умертвить отроковъ для принесенія въ жертву богу своему волку, и съ радостію ожидали прихода бѣса, котораго почитали богомъ. Послѣ того, какъ они долго

ожидали его, Іоаннъ подошелъ къ нимъ и сказалъ: „О несвѣдущіе мужи, не знающіе пути истины! Волкъ, котораго вы дожидаетесь здѣсь и котораго почитаете за бога, есть бѣсъ и злой духъ. Я именемъ Господа Іисуса Христа, Сына Божія, прогналъ его изъ этой страны и вы напрасно дожидаетесь его здѣсь: онъ уже не придетъ; итакъ, развяжите этихъ отроковъ и вѣруйте въ Господа Іисуса Христа, истиннаго Бога и истиннаго человѣка, распятаго за спасеніе всего міра, и оставьте непотребнаго духа, обольщающаго васъ, вопреки спасенію душъ вашихъ и отроковъ вашихъ“. Слыша это и видя, что Іоаннъ говоритъ съ увѣренностію, жрецы весьма смутились, не осмѣлились ни отвѣчать ему въ тотъ часъ, ни говорить другъ съ другомъ, но проникліись боязнію, какъ бы не пришелъ волкъ и не подвигъ на нихъ волны рѣки, если повѣрятъ чужестранцу. Іоаннъ снова сказалъ имъ: „развяжите, какъ сказалъ я вамъ, отроковъ и предоставьте имъ идти свободными, и не бойтесь бѣса и не дожидайтесь его, потому что я по повелѣнію Господа Іисуса Христа выгналъ его отсюда“. Такъ какъ никто изъ жрецовъ не отвѣчалъ; то Іоаннъ подошелъ къ отрокамъ, развязалъ ихъ и сказалъ имъ: „идите въ городъ къ своимъ отцамъ, матерямъ, братьямъ“; ибо никто изъ близкихъ къ нимъ не пошелъ за ними. Потомъ Іоаннъ подошелъ къ жрецамъ и взялъ изъ рукъ ихъ мечи. Всѣ пришли въ ужасъ, но никто не дерзнулъ сказать Іоанну дурное слово; ибо его охранялъ и защищалъ Господь, чтобы не коснулись его или не нанесли ему какой-нибудь обиды. Наконецъ всѣ вошли въ городъ. Іоаннъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ находи-

лась малая галлерея. Къ нему собрались многія толпы послушать слово его. Онъ началъ учить ихъ изъ священныхъ книгъ тому, что предвозвѣщено было о Сынѣ Божіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ повѣрили ему, а нѣкоторые не повѣрили; большая же часть ихъ однако слушали его съ охотою и благодарили его за освобожденіе отроковъ отъ смерти. Только жрецы ненавидѣли его и не хотѣли ни креститься отъ него, ни повиноваться слову его.

XXXVII. *Апостолъ воскрешаетъ сына жреца, задушеннаго въ банѣ бѣсомъ, и крститъ его.* Была въ томъ городѣ баня, въ которой бѣсъ задушилъ одного изъ сыновей жреческихъ. Бѣсъ этотъ былъ тотъ самый, котораго Іоаннъ выгналъ изъ Ефеса и которой задушилъ сына Діоскоридова (1). Жрецъ, получивъ извѣстіе, что сынъ его задушенъ, побѣжалъ къ банѣ и, когда увидалъ, что сынъ его лежитъ на землѣ мертвымъ, ушелъ со скорбію и печалію, пришелъ къ Іоанну и сказалъ ему: „теперь пора увѣровать въ Того, кто послалъ тебя и о комъ ты же проповѣдуешь; ибо сынъ мой погибъ, бывъ задушенъ въ банѣ: я знаю, что ты можешь, если захочешь, возвратить его мнѣ живымъ“. Іоаннъ сказалъ: „и возвратится онъ тебѣ“. Потомъ Іоаннъ взялъ жреца за руку; жрецъ повелъ его къ тому мѣсту, гдѣ находился задушенный; послѣдовали и мы за ними. Когда мы пришли туда, принесли мертваго отрока и положили его къ ногамъ Іоанна. Жрецъ сказалъ Іоанну: „ради Бога, котораго ты чтишь и проповѣдуешь, воскреси его“. Іо-

(1) Смотр. выше п. III (стр. 304—310).

аннъ тотчасъ взялъ руку юноши и сказалъ: „о имени Господа Іисуса Христа, Сына Божія, встань“. Отрокъ немедленно всталъ живой. Іоаннъ сказалъ отроку: „что случилось съ тобою, сынъ“? Отрокъ отвѣчалъ: „когда я мылся въ банѣ, вышелъ изъ воды какой-то ефіопъ и тотчасъ задушилъ меня“. Іоаннъ узналъ, что то былъ бѣсъ, и вошелъ въ баню. Бѣсъ началъ кричать ужаснымъ голосомъ: „Іоаннъ, апостолъ Христа и любимый Имъ! прошу тебя Господомъ и Учителемъ твоимъ: не выгоняй меня отсюда“. Іоаннъ сказалъ: „сколько лѣтъ живешь ты здѣсь“? Бѣсъ отвѣчалъ: „только шесть; ибо я тотъ самый, который жилъ въ Ефесѣ въ банѣ Діоскорида, а съ того времени, какъ ты выгналъ меня оттуда, живу здѣсь“. Іоаннъ сказалъ: „повелѣваю тебѣ, нечистый духъ, именемъ Іисуса Христа: уйди изъ этого мѣста и съ этого острова и впредь никому изъ людей не вреди, но иди въ необитаемыя мѣста“. Нечистый духъ тотчасъ удалился. Жрецъ, видя все, сдѣланное Іоанномъ, преклонивъ колѣна, попросилъ его, говоря: „господинъ! вотъ я и сынъ мой и весь домъ мой въ твоей волѣ и все предоставляется твоему изволенію; что только прикажешь, то и сдѣлаемъ, и будемъ повиноваться тебѣ во всемъ“. Іоаннъ сказалъ: „вѣруй въ Распятаго, Іисуса Христа, Сына Божія, и спасешься ты и домъ твой“. Жрецъ отвѣчалъ: „вѣрую чрезъ тебя, апостола и ученика Іисуса Христа, Сына Божія“. И повелъ онъ насъ въ домъ свой, гдѣ преклонилъ колѣна и просилъ Іоанна, говоря: „дай мнѣ и сыну моему, и всему дому моему крещеніе“. Іоаннъ научилъ и наставилъ ихъ въ истинной вѣрѣ, какъ они должны вѣровать въ Отца и Сына

и Святаго Духа, и крестилъ ихъ со всѣми, бывшими въ домѣ. И пробыли мы въ домѣ семъ три дня радуясь и веселясь обо всемъ, что̀ сдѣлалъ Господь чрезъ апостола своего Іоанна.

XXXVIII. *Въ Флаго получаетъ исцѣленіе бѣсноватый и вмѣстѣ съ матерію и домашними принимаетъ крещеніе.* На четвертый день, идя изъ дома жреца, мы пришли на одно мѣсто, называвшееся Флаго, гдѣ собрался почти весь народъ послушать изъ устъ Іоанна слово Божіе. И вотъ одна женщина, повергшись къ ногамъ Іоанна, сказала: „заклинаю тебя Богомъ, котораго проповѣдуешь: сжалься надо мною“. Іоаннъ сказалъ: „чего хочешь, жена, чтобы я сдѣлалъ для тебя“? Та сказала: „мужъ мой оставилъ мнѣ сына, когда онъ былъ еще младенцемъ, трехъ лѣтъ; я съ большимъ трудомъ воспитала его, пока онъ сдѣлался взрослымъ; но на него напалъ злой духъ: я все богатство свое истратила на людей-волхвовъ, а они не могли освободить его отъ духа; поэтому тебя прошу, апостолъ Христовъ, чтобы исцѣлился сынъ мой“. Іоаннъ отвѣчалъ: „приведи его ко мнѣ; Христосъ исцѣлитъ его“. Женщина тотчасъ пошла, сопровождаемая шестью лицами, чтобы привести его. Когда она взяла отрока и сказала ему: „иди къ Іоанну, апостолу Христову, чтобы изгналъ изъ тебя нечистаго духа“, нечистый духъ тотчасъ отбѣжалъ отъ него, прежде нежели привели отрока къ Іоанну. Женщина, взявъ сына своего, уже здороваго, повела его къ Іоанну и, повергшись къ ногамъ его, просила его, говоря: „дай, господинъ, мнѣ и сыну моему крещеніе Христово“. Іоаннъ укрѣпилъ ее и всѣхъ домашнихъ ея и крестилъ ихъ. Мы пробыли у нея три дня.

XXXIX. *Храмъ Бахуса-отца задавилъ двѣнадцать жрецовъ во время своего разрушенія.* Потомъ мы вышли изъ дома женщины; за нами слѣдовала большая толпа, которую поучалъ Іоаннъ. Пришли мы на одно мѣсто, гдѣ находился храмъ, называвшійся храмомъ Бахуса-отца, о которомъ говорили, что онъ—богъ. Въ этотъ скверный храмъ пришло множество народа, неся съ собою множество вина и множество съѣстнаго. Былъ обычай: въ одинъ установленный торжественный день приходили туда мужчины и женщины, безъ отроковъ, пили и ѣли тамъ, а послѣ пьянства устремлялись другъ на друга подобно неистовствующимъ лошадямъ и съ наглою похотію лежали другъ съ другомъ, мужчины съ женщинами. Случилось, что Іоаннъ проповѣдывалъ въ тотъ самый день, когда нѣкоторые совершали непотребное торжество. Собравшіеся на оное, чтобы дополнить свое бездѣльничество, говорили Іоанну: „пора уже удовольствоваться тебѣ тѣмъ, что доселѣ сѣялъ дурныя сѣмена между людьми несмысленными; ступай теперь изъ этого мѣста, ибо нынѣ торжественный день великаго Бахуса-отца, празднуемый нами: ступай поскорѣе, чтобы Бахусъ-отецъ не наказалъ тебя злою смертію". Іоаннъ, не обращая вниманія ни на ихъ торжество, ни на заявленныя ими угрозы, не уходилъ, но всегда поучалъ тѣхъ, которые съ охотою слушаютъ слово истины. Въ скверномъ храмѣ томъ было двѣнадцать беззаконнѣйшихъ жрецовъ. Видя, что Іоаннъ ни проповѣдывать не перестаетъ, ни съ мѣста того не уходитъ, они наложили на него насильственныя руки, нечестиво и жестоко нанесли ему множество ударовъ,

прогнали его съ мѣста того, связали и оставили его лежащимъ на землѣ, а сами ушли въ храмъ. Іоаннъ, зная, что они пришли туда съ народомъ для исполненія мерзкаго своего обычая, горько заплакалъ и воскликнулъ ко Господу, говоря: „Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго! да разрушится капище Бахуса-отца“. Капище тотчасъ обрушилось и умертвило двѣнадцать жрецовъ тѣхъ. Народъ, увидѣвъ, что храмъ обрушился и жрецы погибли, пришелъ въ большой страхъ и сказалъ другъ другу: „пойдемъ къ Іоанну просить его, чтобы помолился о насъ и не гнѣвался на насъ, дабы по молитвамъ его не сошелъ съ неба огонь и не истребилъ насъ“. И тотчасъ пришли они къ Іоанну, освободили его отъ узъ и предложили ему сказанную просьбу. Іоаннъ немедленно всталъ и началъ проповѣдывать народу.

XL. *Нукіанъ волхвъ, представлявшій себя въ воскрешеніи двѣнадцати жрецовъ отъ смерти высшимъ апостола, поражается слѣпотою.* Былъ въ томъ городѣ одинъ человѣкъ, по имени Нукіанъ, а имя жены его Флора. Онъ имѣлъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшему родомъ было имя Поликарпъ. Нукіанъ былъ обученъ многимъ дурнымъ искусствамъ, напоенъ многими злодѣйствами и имѣлъ въ своемъ домѣ множество книгъ для волхвованія по мертвымъ. Когда онъ увидѣлъ, что храмъ упалъ и двѣнадцать жрецовъ убито; то пришелъ къ Іоанну и сказалъ ему: „учитель! тогда всѣ полюбятъ тебя, когда сдѣлаешь, что двѣнадцать умершихъ жрецовъ воскреснутъ“. Іоаннъ отвѣчалъ: „если бы они были достойны получить освященіе отъ Бога, то ни-

когда не умерли бы въ храмѣ". Нукіанъ сказалъ: „а я славу твою уменьшу, ибо воскрешу ихъ, а тебя казнятъ, потому что ты отнялъ у людей жизнь ихъ; если же воскресишь ихъ, я увѣрую въ Распятаго, котораго ты проповѣдуешь". Сказавъ это, Нукіанъ ушелъ и, обходя развалины храма, бѣсовскимъ искусствомъ сдѣлалъ то, что предъ него предстали двѣнадцать бѣсовъ въ образѣ двѣнадцати жрецовъ. И сказалъ онъ имъ: „идите за мною; я сдѣлаю то, что вы умертвите Іоанна". Бѣсы отвѣчали: „мы не можемъ находиться на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нога Іоаннова; но вотъ мы будемъ стоять здѣсь, а ты приведи на это мѣсто народъ, чтобы онъ видѣлъ, что мы воскрешены, и такимъ образомъ повѣрилъ бы этому и пошелъ и побилъ Іоанна камнями". Нукіанъ согласился съ такими словами, пошелъ къ Іоанну и началъ взывать къ стоявшей около толпѣ громкимъ голосомъ: „О мужи! зачѣмъ допустили вы, что эти люди и ихъ чарованія обольстили васъ? Они говорятъ вамъ нелѣпыя слова и ничего не могутъ сдѣлать. Такъ и я, пришедши къ Іоанну, сказалъ ему: „воскреси умершихъ, и я увѣрую въ Того, котораго проповѣдуешь ты распятымъ; въ противномъ случаѣ я воскрешу ихъ, а ты погибнешь злою смертію, ибо ты виновникъ того, что они погибли незаслуженно". Но Іоаннъ отвѣчалъ мнѣ, что они недостойны воскресенія и жизни. Теперь я воскресилъ ихъ, а потомъ въ виду вашемъ возставлю храмъ цѣлымъ. Идите за мною всѣ, чтобы видѣть жрецовъ живыми, а потомъ погубить Іоанна злою смертію; что же касается Іоанна, то я желаю, чтобы ни онъ, ни ученикъ его не шелъ туда,

по пусть остаются они на этомъ мѣстѣ". Когда толпа услышала отъ Нукіана слово, что жрецы воскрешены, то оставила Іоанна и пошла за Нукіаномъ; и помышляли толпы, какимъ бы образомъ погубить Іоанна злою смертію. Я и Іоаннъ пришли къ развалинамъ храма особо отъ толпы. Бѣсы, увидѣвъ Іоанна, прежде нежели мы подошли близко, немедленно изчезли и скрылись отъ очей нашихъ, а мы спрятались подлѣ развалинъ храма въ одной ямѣ. Пришелъ Нукіанъ, сопровождаемый всею толпою, къ разрушенному храму и началъ волшебными заклинаніями призывать тѣхъ бѣсовъ, которыхъ выдавалъ за жрецовъ; но они не отвѣчали ему и, вопреки прежнему, не являлись. Прошелъ цѣлый день, съ утра до десятаго часа, и Нукіанъ не получилъ никакого успѣха отъ своихъ вызываній. Разгнѣванный народъ рѣшился убить Нукіана, говоря: „злодѣй! зачѣмъ довелъ ты насъ до того, что мы оставили своего учителя и добраго наставника, чтобы повѣрить твоимъ лживымъ словамъ"? Нѣкоторые хотѣли уже сдѣлать на него нападеніе, но другіе воспрепятствовали тому, говоря: „не будемъ убивать его, но отведемъ его къ Іоанну, и что̀ Іоаннъ прикажетъ, то и сдѣлаемъ безъ промедленія". Тогда Іоаннъ сказалъ мнѣ: „сынъ Прохоръ! возвратимся на то мѣсто, откуда ушла толпа". Толпа пришла и привела Нукіана къ Іоанну, говоря: „мы удостовѣрились опытомъ, что это лжецъ и хочетъ уничтожить путь истины: мы рѣшились убить его, точно также, какъ онъ умышлялъ убить тебя, и теперь привели его къ тебѣ, чтобы погубить его по твоему приговору". Іоаннъ отвѣчалъ: „предоставьте тмѣ идти во тму, а са-

ми пребывайте во свѣтѣ истины, чтобы тма не объяла васъ, и поистинѣ спасетесь". И не позволилъ онъ имъ умертвить Нукіана. Тогда многіе изъ толпы просили апостола, чтобы крестилъ ихъ. Онъ сказалъ имъ: „идите за мною къ рѣкѣ; тамъ я крещу васъ". Онъ училъ ихъ, какъ они должны вѣровать въ Отца и Сына и Святаго Духа, и привелъ ихъ къ рѣкѣ. Между тѣмъ Нукіанъ зловреднымъ искусствомъ сдѣлалъ то, что вся вода представлялась кровавою. Всѣ ужаснулись. Блаженный апостолъ помолился ко Господу, говоря: „Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, назначивший чистыя естества и весь родъ животныхъ въ пользу человѣка! возврати воду рѣки этой въ то естество и состояніе, которое вначалѣ далъ Ты ей, и порази Нукіана слѣпотою, чтобы онъ, старавшійся обмануть другихъ, не зналъ даже пути возвратиться въ домъ свой". По слову Іоанна вода тотчасъ сдѣлалась чистою и получила прежнее естество, а Нукіанъ на томъ же мѣстѣ остался слѣпой. Послѣ того апостолъ Іоаннъ крестилъ всѣхъ, просившихъ крещенія; ихъ крещено было въ тотъ день двѣсти мужей. Нукіанъ, лишенный отрады видѣть, воскликнулъ громкимъ голосомъ, говоря: „апостолъ благословеннаго Сына Божія! сжалься надо мною, дай мнѣ печать Христову и исцѣли меня и возврати мнѣ зрѣніе очей и тѣла моего". Іоаннъ, подвигшись состраданіемъ, взялъ руку Нукіана, привелъ его къ рѣкѣ, уча его, чтобы уповалъ на Господа Іисуса Христа, и крестилъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Глаза его тотчасъ отверзлись: онъ сталъ видѣть по прежнему и привелъ насъ, радуясь, въ домъ свой.

XLI. *Домашніе Нукіана и Фавста іудея принимаютъ крещеніе.* Въ домѣ Нукіана были идолы. Когда вошелъ сюда Іоаннъ, они попадали, совершенно разрушились и обратились въ прахъ. Видя это, Нукіанъ еще болѣе увѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа и сильнѣе окрѣпъ въ вѣрѣ своей. Равнымъ образомъ и жена его и сыновья его и всѣ домашніе его, видя то, увѣровали въ Бога и получили крещеніе отъ апостола, прославляя величія Божіи. Мы пробыли у Нукіана десять дней. По прошествіи ихъ, мы вышли изъ города того и пришли въ другой, отстоящій на тридцать миль. Съ нами встрѣтился Фавстъ, іудей, весьма умный и благодѣтельный. Онъ привелъ насъ въ домъ свой и, выслушавъ проповѣдь Іоанна, увѣровалъ въ Господа Іисуса Христа со всѣми находившимися въ домѣ его. Всѣ они были крещены.

XLII. *Апостолъ открываетъ Сосипатру, что причинила ему мать своею безстыдною любовію.* Въ городѣ томъ была одна богатая женщина, по имени Прокліана (1), весьма красивая и вдовая. У нея былъ единственный сынъ Сосипатръ, достигшій двадцать четвертаго года своего возраста, весьма красивый между людьми, но любитель цѣломудрія и подражатель воздержанію Іосифа. Его мать Прокліана, подстрекаемая діаволомъ, пылала къ сыну гнусною похотію и говорила ему: „сынъ мой Сосипатръ! у насъ большое и почти несчетное имѣніе; будемъ ѣсть, пить и жить весело; я не имѣю въ виду иного мужчины, кромѣ тебя, и не желаю, чтобы ты имѣлъ иную женщину, кромѣ меня: я

(1) Таково имя ея у св. Димитрія ростовскаго, а въ нашемъ подлинникѣ она—Prodiana.

еще молоденькая и пригожая; буду тебѣ вмѣсто жены, а ты будь мнѣ вмѣсто мужа; и ты не позволяй иному мужчинѣ входить ко мнѣ, и я не позволю иной женщинѣ входить къ тебѣ". Сосипатръ понялъ лукавство матери своей и пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ Іоаннъ бесѣдовалъ къ народу, послушать слово Божіе. Когда онъ увидѣлъ, что нѣкоторые поносили Іоанна и говорили, что онъ—человѣкъ лукавый; то отошелъ отъ нихъ и поближе подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ проповѣдывалъ Іоаннъ. Іоаннъ, окончивъ проповѣдь, подошелъ къ Сосипатру; ибо духомъ узналъ злобу діавола, которую умыслилъ онъ противъ юноши, и то, какъ онъ подстрекалъ мать его къ уничтоженію цѣломудрія его,—и сильно огорчился. Смотря на него, онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ такого рода: „Въ нѣкоторомъ городѣ была одна женщина; у нея былъ единственный сынъ, красивый юноша; имя женщины было обольстительница, а имя сына—подлежащій обольщенію; оба они были весьма богаты. Злодѣй вселилъ въ сердце матери, чтобы обольстила сына. Обольстительница начала стараться обольстить обольщаемаго; но обольщаемый противился и не поддавался обольщенію. Спустя нѣсколько времени мать-обольстительница сильно вознегодовала на обольщаемаго сына, такъ что рѣшилась предать его смерти, и обвинила его предъ судьею, какъ обольстившагося, тогда какъ сама только обольстилась. Судья приказалъ схватить его и умертвить въ отмщеніе за преступленіе обольщенія, взнесенное на него матерію; но Богъ, верховный судія, видя, что онъ чистъ и невиненъ, и его освободилъ отъ неправеднаго судьи и отъ матери-обольстительницы, и виновныхъ наказалъ достойною казнію.

Итакъ, Сосипатръ. кто достоинъ похвалы: мать или сынъ"? Сосипатръ, точь въ точь какъ жаждущая вода принимаетъ дождь, отдавая обильный плодъ, принялъ слово Іоанна со всею искренностію и сказалъ: „добрый учитель! похвалы достоинъ сынъ, а мать достойна обвиненія". Іоаннъ сказалъ ему: „правильно отвѣчалъ ты; иди же, сынъ мой, въ домъ свой безопасно и почитай мать свою, какъ мать, а не какъ обольстительницу; тебя освободитъ месть верховнаго Судіи". Сосипатръ, понимая, кому Іоаннъ сказалъ рѣчь эту, повергшись къ ногамъ его, поклонился ему и сказалъ: „господинъ! если я заслуживаю, иди за рабомъ своимъ въ домъ его; я, рабъ твой, предложу тебѣ хлѣбъ и воду; ты поешь и напьешься, и будетъ домъ раба твоего благословенъ ради прихода твоего". Іоаннъ пошелъ за Сосипатромъ и вошелъ въ домъ его. Прокліана, увидѣвъ это, исполнилась большаго гнѣва и сказала Сосипатру: „развѣ я не говорила тебѣ, сынъ мой, чтобы ты не позволялъ входить ко мнѣ иному мужчинѣ, и что я не позволю иной женщинѣ входить къ тебѣ? зачѣмъ же ты привелъ двухъ мужчинъ? посмѣяться надъ домомъ нашимъ"? Сосипатръ сказалъ ей: „не подозрѣвай этого, мать, относительно этихъ людей; ибо не для того они вошли въ домъ этотъ, но для того, чтобы я предложилъ имъ хлѣбъ и воду; когда они немного поѣдятъ и напьются, тотчасъ же уйдутъ". Прокліана сказала: „отнюдь не будутъ они ѣсть и пить; я съ оскорбленіемъ выгоню ихъ изъ дома своего, чтобы они не перемѣнили сердца твоего и мысли твоей и не сдѣлали того, что ты возненавидишь меня, мать свою, и такимъ образомъ заставятъ умереть

меня изъ-за любви къ тебѣ". Сосипатръ сказалъ: „отнюдь не будетъ такъ, мать; ибо въ мірѣ нѣтъ человѣка, который могъ бы заставить меня ненавидѣть тебя". Слыша это, Прокліана согласились съ Сосипатромъ, чтобы сдѣлалъ чужестранцамъ, что̀ ему угодно; чрезъ это она надѣялась еще болѣе привлечь его къ пожеланію своему. Сосипатръ предложилъ трапезу и одинъ служилъ намъ и ѣлъ съ нами, а Прокліана сидѣла невдалекѣ, внимательно прислушиваясь, чтобы услышать слова Іоанна къ ея сыну, дабы имѣть возможность укорить его въ чемъ нибудь, если бы онъ сказалъ что-нибудь такое, что не понравилось бы ей. Но Іоаннъ, зная непотребство женщины, молчалъ и не сказалъ ни одного слова. Послѣ того, какъ мы поѣли, Іоаннъ сказалъ Сосипатру: „выйди, сынъ, изъ дома своего и иди съ нами". Сосипатръ немедленно всталъ и пошелъ за нами. Когда мы пришли къ крайней двери, Сосипатръ захотѣлъ идти за апостоломъ, чтобы слушать слово Божіе, тѣмъ болѣе, что, когда мы ѣли, онъ ничего не слышалъ отъ него. Понимая это, Прокліана подошла и укорила сына своего Сосипатра, говоря ему: „иди, сынъ мой, въ домъ свой". Сосипатръ сказалъ ей: „позволь мнѣ, мать, пойти за этими людьми на малое время; я возвращусь къ тебѣ не медля". Мать сказала: „возвратишься и исполнишь желаніе мое"? И позволила она ему идти. Сосипатръ возвратился. Его мать захотѣла отвести его въ тайное мѣсто дома своего, чтобы исполнилъ желаніе ея и часто докучала ему; но Богъ сохранилъ его отъ смертоноснаго яда злой воли матери его. Сосипатръ, видя бѣшенство матери

своей и приготовленное для него ею злое хотѣніе ея, попытался отклонить мысль матери своей любезными словами и сказалъ ей: „мать! войди въ домъ свой, и я скоро пойду за тобою“. Но она схватила его и не хотѣла пустить отъ себя. Сосипатръ уже самъ ушелъ отъ нея и изъ-за нея не захотѣлъ возвратиться въ домъ свой. На четвертый день разъярившаяся Прокліана, вышедши изъ дома для отысканія сына своего, пришла на то мѣсто, гдѣ проповѣдывалъ Іоаннъ. Обозрѣвъ толпу, она не увидала сына; ибо его тамъ не было. Не увидавъ сына, она ушла, а когда отошла недалеко отъ мѣста того, ей показался на встрѣчу Сосипатръ. Она приблизилась къ нему, ухватилась за одежду его и крѣпко держала его. Онъ сказалъ ей: „только пусти меня, мать, и я сдѣлаю то, что есть у тебя на умѣ“; но она не позволила ему уйти.

XLIII. *Мать, обвинившая сына своего въ кровосмѣшеніи, и судья, осудившій его, наказываются судьею апостоломъ.* Въ то время сдѣланъ былъ проконсуломъ города того нѣкто по имени Грекъ, человѣкъ жестокій и немилосердый, преслѣдовавшій ненавистію и Христа и христіанъ. Онъ пришелъ на мѣсто, чтобы выгнать насъ изъ города, и, когда проходилъ по городу, случилось ему идти тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Прокліана держала сына своего за одежды. Прокліана, увидѣвъ проконсула, закричалъ громкимъ голосомъ: „проконсулъ! помоги мнѣ“, и, снявъ съ головы своей покрывало, отъ досады, которую питала противъ сына своего, щипала волосы и проливала большія слезы. Начальникъ сказалъ ей: „что съ тобою? чего хочешь? и какая причина та-

кой скорби"? Тогда Прокліана сказала: „я вдовая женщина, а это сынъ мой; по смерти мужа я воспитала его съ четырехъ лѣтъ до настоящаго возраста; теперь десятый уже день, какъ онъ не перестаетъ докучать мнѣ и хочетъ насильно лежать вмѣстѣ со мною". Проконсулъ, слыша это, велѣлъ взять Сосипатра и приказалъ...(1) быка своего и набросать туда смертоносныхъ звѣрей, змѣй, ехидиъ, аспидовъ и бросить къ нимъ Сосипатра, чтобы бѣдственно умертвили его. Когда изготовлены были мѣхи и звѣри для погубленія Сосипатра, прибѣжалъ мужественнѣйшій борецъ Іоаннъ, крича громкимъ голосомъ: „проконсулъ! несправедливый произносишь ты судъ противъ цѣломудреннаго и невиннаго юноши; при какихъ свидѣтеляхъ осудилъ ты невиннаго"? Тогда Прокліана схватила Іоанна и закричала громкимъ голосомъ: „проконсулъ! помоги мнѣ; сынъ мой нанесъ мнѣ обиду по наущенію этого человѣка; ибо сынъ, не смотря на мое несогласіе, привелъ его въ домъ мой ѣсть и пить, а онъ, по окончаніи ѣды, возстановилъ сына моего противъ меня и научилъ его причинить мнѣ настоящую скорбь". Слыша это, проконсулъ приказалъ задержать Іоанна и приготовить большіе и обширнѣйшіе мѣхи, велѣлъ побольше впустить туда смертоносныхъ звѣрей и приказалъ умертвить Іоанна вмѣстѣ съ Сосипатромъ, чтобы подвергнуть ихъ одной и той же смерти. Но апостолъ, смотря на небо, со вздохомъ сказалъ: „Господи Іисусе Христе, неизмѣнный по естеству и непобѣдимый по силѣ! Молю безмѣр-

(1) Въ подлинникѣ здѣсь пропущено что-то, какъ видно слѣдующее: сдѣлать мѣхи изъ кожи.

ное милосердіе твое, чтобы вся мѣстность, ради неосновательнаго и несправедливаго суда проконсулова, была не тверда и не спокойна, доколѣ верховная мощь твоя удостоитъ поправить это". Когда Іоаннъ окончилъ молитву, тотчасъ послѣдовало большое землятресеніе и всѣ отъ страха попадали на землю. И поелику проконсулъ несправедливо поднялъ руку на Іоанна, то его рука усохла, а у Прокліаны обѣ мышцы, за то, что она схватила Іоанна и сына своего, перевернулись, одна внизъ, а другая вверхъ, и глаза въ головѣ ея выворотились, и всѣ уязвлены были змѣями и смертоносными звѣрями; только Іоаннъ, Сосипатръ и я остались нимало не уязвленными. Проконсулъ, уразумѣвъ, что это есть мученіе, причиненное Богомъ, съ огорченнымъ сердцемъ сказалъ: „апостолъ Христовъ, рабъ благословенный Бога! возврати мнѣ мышцу и руку на свои мѣста здоровыми и я твердо увѣрую въ Того, о комъ ты проповѣдуешь". Іоаннъ, какъ человѣкъ кротчайшій, подвигшись милосердіемъ, взирая на небо, со вздохомъ помолился Господу, говоря: „Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, показавшій на этомъ мѣстѣ силу свою въ наученіе предстоящихъ! множество милостей твоихъ да загладитъ преступленія людей сихъ, чтобы всѣ были здоровы и невредимы, а земля да останется по прежнему спокойною". Когда апостолъ окончилъ слово, землетрясеніе прекратилось, проконсулу возвратилось здоровье, Прокліана сдѣлалась здоровою, и всѣ, кто только уязвленъ былъ змѣями или обмеръ отъ боязни землетрясенія, сдѣлались невредимыми.

XLIV. *Проконсулъ и Прокліана, сдѣлавшись здоровыми, принимаютъ крещеніе.* Проконсулъ повелъ насъ въ домъ свой и, когда предложены были трапезы, мы поѣли. На другой день онъ попросилъ Іоанна, чтобы далъ ему печать Христову. Іоаннъ наставилъ его, какъ онъ долженъ вѣровать, и крестилъ его. Жена прокопсула, видя, что мужъ ея крестился, взяла сына своего и повергласъ къ погамъ апостола, говоря: „апостолъ Христовъ! сдѣлай меня и сына моего участниками въ этой славѣ“: И возрадовался проконсулъ со всѣмъ домомъ своимъ, который крестилъ Іоаннъ. Когда мы вышли изъ дома проконсула. Іоаннъ сказалъ Сосипатру: „пойдемъ, сынъ, къ Прокліанѣ въ домъ твой“. Сосипатръ сказалъ: „учитель! я пойду за тобою, куда бы ты ни пошелъ; но въ домъ свой не возвращусь: ибо я все оставилъ, чтобы наслаждаться словами и медоточивымъ ученіемъ твоимъ“. Іоаннъ сказалъ: „сынъ Сосипатръ! забудь прежнія несчастія, которыя по злому наущенію замыслила противъ тебя мать твоя, и не вспоминай о словахъ ея; ибо мать твоя, по благости предваряющей благодати Божіей, оставила всѣ наущенія діавола и впредь будетъ помышлять о томъ, что̀ Христово, и какъ бы угодить ей Богу; ты уже не услышишь отъ нея подобнаго прежнему; она покается во всемъ, что̀ сказала и сдѣлала дурно“. Тотчасъ, какъ приказалъ Іоаннъ, всѣ мы вошли съ Сосипатромъ въ домъ его. Прокліана, услышавъ насъ, поторопилась, повергласъ къ погамъ Іоанна съ плачемъ и, обливаясь слезами, попросила прощенія въ злыхъ дѣйствіяхъ, которыя осуществила и высказала, говоря: „Апостолъ Христовъ! я согрѣшила

противъ тебя и противъ Бога, почитаемаго тобою. Прежде всего прошу тебя: не гнѣвайся на рабу свою за тѣ бѣдствія, которыя она причинила тебѣ, и за всѣ злыя дѣла, которыя совершала она противъ тебя и противъ сына своего; признаюсь тебѣ, какъ хорошему врачу, могущему исцѣлять души и неизлѣчимыя раны смертныхъ. Я, по наущенію діавола, въ продолженіи многихъ дней пылала дурнымъ желаніемъ развратить сына своего Сосипатра и часто покушалась склонить его къ злому своему желанію, но онъ не хотѣлъ согласиться на злое мое хотѣніе; поэтому злое заблужденіе подвигло меня противъ него, чтобы я обвинила его предъ проконсуломъ въ ложномъ преступленіи, дабы онъ погубилъ его злою смертію; но чрезъ тебя всемогущій Богъ освободилъ невиннаго отъ смерти и погасилъ во мнѣ болѣзненную ярость мою и освободилъ меня отъ великаго непотребства и отъ неугомоннаго зла. Теперь прошу тебя помолиться обо мнѣ Богу, чтобы не мстилъ золъ непотребной воли моей, которыя умыслила я противъ васъ, и воздалъ мнѣ справедливое наказаніе, сообразное тому, что̀ я заслужила“. Тогда Іоаннъ постарался успокоить ее кроткими словами и наставилъ ее изъ Писаній вѣровать въ Отца и Сына и Святаго Духа, каяться въ содѣланныхъ злыхъ дѣлахъ и вести впредь цѣломудренную жизнь предъ Богомъ, и крестилъ ее, ея сына Сосипатра и всѣхъ домашнихъ ея. Прокліана принесла Іоанну множество денегъ, чтобы роздалъ бѣднымъ и нуждающимся. Іоаннъ спросилъ, есть ли у нея еще деньги. „Есть, господинъ, отвѣчала она; ибо у меня весьма большое богатство“. Іоаннъ сказалъ:

„возьми же его на пользу нуждающихся и сама раздай его бѣднымъ, и уготовится тебѣ сокровище на небѣ". Прокліана съ набожностію исполнила повелѣніе апостола и каждодневно раздавала бѣднымъ, сколько кому нужно было. Мы пробыли въ домѣ ея и Сосипатра много дней и видѣли въ нихъ добрый плодъ покаянія,— какъ они постами, молитвами и милостынями исправляли и искупали прошлыя злыя дѣла.

XLV. *Апостолъ, возвращенный изъ ссылки, идетъ въ Ефесъ.* Такъ какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ давалъ благодать апостолу своему Іоанну въ изобиліи; то почти всѣ обитавшіе на островѣ Патмосѣ увѣровали въ Бога чрезъ проповѣдь Іоанна. По смерти Домиціана, преемникъ его (1) не преслѣдовалъ христіанъ. Когда онъ услышалъ о добротѣ и святости Іоанна и о томъ, что его предшественникъ несправедливо сослалъ Іоанна въ ссылку; то письменно возвратилъ насъ изъ ссылки. Іоаннъ, видя, что весь островъ Патмосъ принялъ слово Божіе и увѣровалъ въ Господа Іисуса Христа, расположился возвратиться въ Ефесъ. Всѣ братія, узнавъ объ этомъ, сильно опечалились и, собравшись, пришли къ Іоанну, прося не уходить, но оставаться у нихъ до конца жизни. Іоаннъ, любимецъ Господа, утѣшалъ ихъ, говоря: „Что вы дѣлаете, дѣтушки мои, плачущіе и сѣтующіе объ отшествіи моемъ? зачѣмъ причиняете мнѣ скорбь? развѣ я могу противиться волѣ Божіей? Знайте, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пославшій меня на островъ этотъ, явился мнѣ

(1) Императоръ Нерва.

въ откровеніи и повелѣлъ мнѣ возвратиться въ Ефесъ; потому что между находящимися тамъ братіями возникли заблужденія". Всѣ, видя, что Іоаннъ не соизволяетъ на ихъ желаніе, поверглись на землю къ ногамъ его, говоря со слезами: „добрый учитель! ты рѣшаешься оставить насъ несовершенныхъ въ вѣдѣніи и слабыхъ въ вѣрѣ; не оставляй же насъ совершенно, но оставь намъ на письмѣ знаменія, видѣнныя тобою у Сына Божія, и слова, слышанныя тобою изъ устъ Его, дабы мы пребыли въ ученіи Господа твердыми и неизмѣнными и не уклонились въ ненавистныя сѣти діавола, которыхъ избѣжали чрезъ тебя". Іоаннъ отвѣчалъ имъ, говоря: „Всѣ вы, возлюбленнѣйшія дѣти, слышали изъ устъ моихъ всѣ знаменія, сдѣланныя Сыномъ Божіимъ въ то время, когда я видѣлъ Его; и слова, которыя говорилъ Онъ мнѣ, я сообщилъ вамъ. Итакъ, служите Богу; для васъ достаточно будетъ того, что я возвѣстилъ вамъ о Немъ, и непрестанно помышляйте о томъ, и будете имѣть жизнь вѣчную. Откровеніе, которое сподобилъ открыть мнѣ Господь Іисусъ, который есть начало и конецъ, я открылъ вамъ, и знаменія, которыя совершилъ чрезъ меня Господь, научившій меня словамъ вѣчной жизни, вы видѣли". Но они твердо стояли въ просьбахъ своихъ, говоря: „Учитель и истиннѣйшій наставникъ и великій утѣшитель! выслушай теперь просьбы наши и исполни желаніе наше. Изложи намъ на письмѣ о Христѣ Іисусѣ, Сынѣ Божіемъ, и о томъ, что видѣлъ и что слышалъ ты изъ устъ Его". Тогда Іоаннъ, сжалившись надъ ними, сказалъ: „идите теперь каждый въ домъ свой и молите Господа, что-

бы сподобилъ меня исполнить желаніе ваше; ибо если будетъ воля Господа, Онъ повелитъ и чрезъ меня или чрезъ другаго исполнитъ просьбу вашу и удовлетворитъ желанію вашему". И пошли они каждый въ домъ свой.

XLVI. *Блаженный Іоаннъ пересказываетъ евангеліе писцу Прохору.* Послѣ этого Іоаннъ повелъ меня на одно уединенное мѣсто, отстоявшее отъ города на одну милю, гдѣ была крутая гора. Мы были тамъ три дня. Іоаннъ во все это время пребывалъ въ молитвѣ, постясь и прося Бога, чтобы исполнилъ прошеніе братій, которое они предложили. На третій день онъ позвалъ меня и сказалъ: „сынъ мой Прохоръ! иди въ городъ и принеси мнѣ сюда чернилъ и бумаги; но братіямъ отнюдь не указывай мѣста, куда я ушелъ". Я пошелъ въ городъ и исполнилъ приказаніе Іоанна, принесши бумаги и чернилъ. Іоаннъ сказалъ мнѣ: „оставь здѣсь бумагу и чернила и возвратись въ городъ, а на третій день опять приди ко мнѣ". Я такъ и сдѣлалъ. На третій день я возвратился къ Іоанну и нашелъ его молящимся. Окончивъ молитву, онъ сказалъ мнѣ: „возьми бумагу и чернила и сядь по правую сторону меня". Я такъ и поступилъ. Тотчасъ сдѣлалась огромная молнія и великій громъ. Вся гора потряслась, а я, устрашенный отъ чрезмѣрной боязни, палъ ницъ на лицо, сдѣлался бездыханенъ и долгое время оставался какъ-бы мертвымъ. Іоаннъ поднялъ меня своими руками и сказалъ: „сынъ Прохоръ! пиши на бумагѣ со тщаніемъ, что̀ услышишь изъ устъ моихъ". Потомъ Іоаннъ, стоя съ возведенными на небо очами, отверзъ уста свои и,

начиная святое Евангеліе, изрекъ: „въ началѣ было Слово“ и, стоя же съ возведенными на небо очами, высказалъ доселѣ: „и тма не объяла его“ (Іоан. 1, 1—5). За тѣмъ, помедливъ немного, онъ, стоя же, продолжилъ послѣдующія слова. Я писалъ сидя. Мы пробыли тамъ два дня и шесть часовъ: Іоаннъ говорилъ, а я писалъ. Когда онъ окончилъ божественныя рѣчи, мы сошли съ мѣста и пошли въ домъ Сосипатра и матери его Прокліаны и пробыли у нихъ ночь ту. Іоаннъ сказалъ Сосипатру: „сынъ Сосипатръ! найди самый лучшій пергаментъ для написанія на немъ святаго Евангелія, которое Богъ сподобилъ открыть намъ“. Сосипатръ исполнилъ это. Іоаннъ приказалъ, чтобы я сидѣлъ въ домѣ томъ и со тщаніемъ переписалъ святое Евангеліе: я, при помощи благодати Господа нашего Іисуса Христа, исполнилъ это со тщаніемъ.

XLVII. *Божественный Іоаннъ пожелалъ, чтобы Евангеліе его было одобрено Церковію.* Въ то время, какъ я переписывалъ Евангеліе, Іоаннъ благовѣствовалъ народу по всему острову, поставляя въ устроенныхъ имъ церквахъ епископовъ, пресвитеровъ и прочихъ служителей церковныхъ. Когда я окончилъ письмо, Іоаннъ повелѣлъ, чтобы всѣ братія собрались въ церковь Божію, а когда всѣ они собрались, велѣлъ мнѣ читать святое Евангеліе Божіе въ слухъ всего собранія ихъ. Я прочиталъ его въ слухъ всѣхъ: всѣ весьма обрадовались, прославляя Бога и восхваляя величія Его. И сказалъ Іоаннъ всѣмъ братіямъ, чтобы взяли святое Евангеліе и, списавъ, положили его во всѣхъ

церквахъ: они и исполнили это [1]. Іоаннъ опять сказалъ имъ: „написанное на этомъ островѣ на козьихъ кожахъ [2] храните, а написанное на бумагѣ мы должны взять съ собою въ городъ Ефесъ". Послѣ этого Іоаннъ, обошедши села и города съ благовѣствованіемъ въ продолженіи семи мѣсяцевъ, оставилъ островъ, на которомъ по откровенію Божію предварительно написалъ и Апокалипсисъ.

XLVIII. *Блаженный Іоаннъ исцѣлилъ слѣпаго сына Зевсова жреца и, наставивъ его въ вѣрѣ, крестилъ его.* Азійскіе епископы и народъ вмѣстѣ съ Гаіемъ и Аристархомъ, учениками апостола Іоанна, желая, чтобы Іоаннъ освобожденъ былъ изъ ссылки, написали письма къ римскому сенату. Сенатъ, узнавъ объ этомъ желаніи, составилъ собраніе, чтобы уничтожить сдѣланное Домиціаномъ и освободить Іоанна изъ ссылки, а тѣ вышли къ Іоанну на встрѣчу и съ честію ввели его въ Ефесъ. Между тѣмъ Іоаннъ, вошедши въ одинъ городъ острова, проповѣдывалъ тамъ. При этомъ находился сынъ Евхариса, жреца Зевсова, слѣпой. Онъ съ охотою слушалъ проповѣдующаго апостола и воскликнулъ громкимъ голосомъ, говоря: „учитель"! Іоаннъ отвѣчалъ: „чего тебѣ хочется, сынъ"? Слѣпой юноша сказалъ: „Помощію того Бога, котораго ты проповѣдуешь, я съ охотою слушаю тебя; но у меня одного не достаетъ: я не могу видѣть тебя и не въ состояніи созерцать

---

(1) По другимъ, св. ап. Іоаннъ только написалъ свое Евангеліе на островѣ Патмосѣ, а обнародовалъ его уже въ Ефесѣ, по возвращеніи съ Патмоса.

(2) Т. е. на пергаменѣ.

вождѣленное лицо твое. Помолись Богу своему, чтобы далъ мнѣ зрѣніе, дабы я могъ видѣть тебя точно также, какъ могу слушать тебя съ удовольствіемъ; тогда радость моя будетъ полная и совершенная". Кроткій отъ природы Іоаннъ, слыша это, тронулся бѣдствіемъ и несчастіемъ юноши, пожалѣлъ о немъ и, сильно сострадая ему, подошелъ къ нему и сказалъ: „во имя Господа нашего Іисуса Христа прозри, сынъ". Глаза юноши немедленно открылись: онъ сталъ видѣть и хвалить и величать Бога. Отецъ его Евхаристъ, видя такое событіе, повергся къ ногамъ Іоанна, прося его, чтобы далъ ему и сыну его печать Христову. Іоаннъ вошелъ въ домъ его и крестилъ ихъ. Потомъ, когда Іоаннъ вышелъ изъ дома Евхариса, къ нему собрались всѣ братія, іудеи и еллины, и многія женщины. Онъ говорилъ имъ изъ святыхъ Писаній слово Божіе, а въ концѣ присовокупилъ: „дѣтушки мои! помните слова мои и храните преданія, которыя получили изъ устъ моихъ, и заповѣди Христовы, переданныя вамъ чрезъ святое Евангеліе Его, чтобы быть дѣтьми послушными, и въ васъ воцарится Христосъ; ибо я, сказалъ онъ, долженъ возвратиться въ Ефесъ для посѣщенія находящихся тамъ братій, а васъ поручаю святому охраненію и покрову Господа нашего Іисуса Христа, чтобы сохранилъ васъ во вѣки и далъ вамъ благословеніе свое". И пошли мы отъ нихъ. Они же подняли большой плачъ, мольбами и слезами желали удержать Іоанна на островѣ; но Іоаннъ не соизволилъ согласиться на это. И пришли мы на морской берегъ, нашли корабль, отправлявшійся въ Азію, взошли въ него и на десятый день прибыли въ

Ефесъ. Здѣсь встрѣтили насъ съ великою радостію, восклицая и говоря: „благословенъ грядый во имя Господне“!

II.

Климента, пресвитера († 220 г.) александрійскаго (1).

Выслушай притчу; но это не притча, а истинное повѣствованіе, переданное объ апостолѣ Іоаннѣ и сохранившееся въ памяти. Когда тиранъ (Домиціанъ) умеръ, апостолъ Іоаннъ возвратился съ острова Патмоса въ Ефесъ, и, по приглашенію, посѣтилъ ближайшія области язычниковъ—частію для поставленія епископовъ, частію для устроенія цѣлыхъ церквей, а частію для принятія въ клиръ нѣкоторыхъ лицъ, указанныхъ Святымъ Духомъ. Пришедши въ одинъ, недалеко отстоящій отъ Ефеса городъ, который называютъ и по имени (2), и, утѣшивъ братій, онъ замѣтилъ между прочими юношу, виднаго тѣломъ, пріятнаго лицомъ, чувствительнаго сердцемъ, и, обратившись къ поставленному надъ всѣми епископу, сказалъ: „этого я ввѣряю тебѣ съ особенною заботливостію, свидѣтельствуясь предъ Церковію и Христомъ“. Когда же епископъ принялъ его и все обѣщалъ, Іоаннъ опять подтвердилъ и засвидѣтельствовалъ тоже самое. Послѣ сего онъ воз-

---

(1) Lib. quis dives salvetur: opp. tom. II pag. 648—649. Paris. 1857.

(2) Писатель александрійской Хроники разумѣетъ здѣсь Смирну. Полагаютъ, что Климентъ не наименовалъ городъ потому, чтобы не положить пятна на память св. Поликарпа, епископа смирнскаго, о юношеской жизни котораго идетъ здѣсь рѣчь.

вратился въ Ефесъ, а пресвитеръ, взявъ ввѣреннаго себѣ юношу домой, питалъ его, содержалъ, блюлъ и наконецъ просвѣтилъ крещеніемъ. Но затѣмъ уже ослабилъ и заболтивость и наблюденіе надъ нимъ; потому что сообщилъ ему совершеннаго хранителя—печать Господню. Воспользовавшись раннимъ послабленіемъ, юноша попалъ въ общество лѣнивыхъ, развратныхъ и привыкшихъ ко всякому злу сверстниковъ. Они сперва увлекали его роскошными обѣдами, потомъ уводили съ собою, отправлялись ночью на грабительство, а наконецъ располагали его и къ большему. Юноша понемногу привыкалъ. Имѣя великую природу, онъ, подобно дикому и сильному коню, рванулся съ прямаго пути и, закусивъ удила, быстро помчался въ бездну. Отказавшись совершенно отъ спасенія въ Богѣ, онъ уже замышлялъ не что нибудь малое, но, видя, что ему одинъ разъ погибать, рѣшился по крайней мѣрѣ за какія-нибудь большія преступленія подвергнуться равной участи съ товарищами. Итакъ, собравъ ихъ и составивъ разбойническую шайку, слѣлался ея начальникомъ, и насиліемъ, кровожадностію и жестокостію превосходилъ всѣхъ. Между тѣмъ временемъ случилась какая-то надобность, и Іоанна снова пригласили. Апостолъ устроилъ все, для чего пришелъ, и потомъ говоритъ: „ну-ка, епископъ, возврати намъ залогъ, который я и Спаситель ввѣрили тебѣ при свидѣтельствѣ церкви, управляемой тобою“. Епископъ сперва изумился, думая, что оклеветанъ въ похищеніи денегъ, которыхъ не бралъ. Онъ и не могъ вѣрить Іоанну въ томъ, чего не было, и не смѣлъ не вѣрить. „Требую отъ тебя юноши и души

брата", сказалъ апостолъ. Тутъ, глубоко вздохнувъ, старецъ заплакалъ и отвѣчалъ: „онъ умеръ"! „Какъ и какою смертію"?—„Умеръ для Бога", примолвилъ онъ: сдѣлался злымъ и погибшимъ человѣкомъ, главою разбоя, и теперь вмѣсто церкви занимаетъ съ своею шайкою гору". Тогда апостолъ разорвалъ свою одежду и съ великою скорбію ударивъ себя по головѣ, сказалъ: „прекраснаго же стража братской души оставилъ я въ тебѣ! Поспѣшите приготовить мнѣ лошадь и дать кого-нибудь въ проводники". Іоаннъ оставилъ церковь и поѣхалъ, какъ могъ, скорѣе, на гору. Пріѣхавъ въ указанное мѣсто, онъ былъ взятъ передовою стражею разбойниковъ и не старался ни бѣжать, ни упрашивать, а только взывалъ: „я для того и пришелъ; ведите меня къ своему начальнику". Начальникъ какъ былъ вооруженъ, такъ и ожидалъ. Но только что Іоаннъ подошелъ, онъ узналъ его и отъ стыда обратился въ бѣгство. Апостолъ погнался за нимъ, какъ могъ скорѣе, забывъ свою старость. „Зачѣмъ, сынъ, бѣжишь отъ меня, отца своего, человѣка безоружнаго и стараго"? взывалъ онъ. „Будь милостивъ ко мнѣ, дитя мое, не бойся. Есть еще надежда жизни; я берусь отвѣчать за тебя предъ Христомъ, и, если потребуется, понесу твою смерть, какъ Господь понесъ папу; за твою душу я отдамъ свою. Остановись, вѣруй; Христосъ послалъ меня". Услышавъ это, онъ сперва остановился и потупилъ глаза, потомъ бросилъ оружіе, потомъ затрясся и залился слезами. Старецъ подошелъ; а тотъ, обнявъ его, съ выраженіями величайшей скорби началъ умолять его и вторично крестился—въ слезахъ, только пряталъ правую свою

руку [1]. Но апостолъ ручался и клялся, что онъ испросилъ ему прощеніе у Спасителя, умолялъ его, палъ предъ нимъ на колѣна и, облобызавъ правую его руку, какъ уже очищенную покаяніемъ, увлекъ его снова въ церковь. Здѣсь же вознося за него частыя молитвы, вводя его съ собою въ подвиги непрерывнаго поста и питая его мысли различными трогательными наставленіями, Іоаннъ, говорятъ, оставилъ его только тогда, когда онъ совершенно возвращенъ былъ Церкви, и тѣмъ подалъ великій примѣръ истиннаго покаянія, великое доказательство возрожденія и трофей ожидаемаго воскресенія, когда, при кончинѣ вѣка, истинно кающихся примутъ въ небесныя селенія ангелы, отверзая для нихъ небеса съ радостнымъ торжествомъ и пѣніемъ.

III.

Евсевія епископа (+ 340 г.) кесарійскаго [2].

Святые апостолы и ученики Спасителя нашего разсѣялись по всей вселенной... Іоанну, какъ говоритъ преданіе, выпалъ жребій идти въ Азію, гдѣ онъ жилъ и умеръ въ Ефесѣ... Есть преданіе, что во время этого гоненія (Домиціанова) апостолъ и вмѣстѣ евангелистъ Іоаннъ, находившійся еще въ живыхъ, за свое свидѣтельство о божественномъ Словѣ осужденъ былъ

---

(1) Правую руку даютъ обыкновенно въ знакъ вѣрности.

(2) Истор. церк. кн. III, гл. 1. 18. 20. 23. 31. кн. IV, гл. 14. кн. V гл. 18. стр. 112. 141—142. 145. 146—150. 206. 299. 164—165. Спб. 1858.

жить на островѣ Патмосѣ.. Послѣ пятнадцати-лѣтняго царствованія Домиціанова принялъ власть Нерва, и, по опредѣленію римскаго сената, какъ повѣствуютъ тогдашніе историки, почести, назначенныя Домиціану, были отмѣнены, а несправедливо сосланные имъ возвращены въ мѣсто ихъ жительства и введены во владѣніе имуществомъ. Въ это же время, по древнему преданію, и апостолъ Іоаннъ, оставивъ островъ, куда былъ сосланъ, снова сталъ жить въ Ефесѣ... Въ то время (въ 98 г. при Траянѣ) въ Азіи находился еще въ живыхъ возлюбленный Іисусомъ апостолъ и вмѣстѣ евангелистъ Іоаннъ, по смерти Домиціана возвратившійся изъ ссылки съ острова (Патмоса) и управлявшій азійскими церквами. А что онъ дѣйствительно дожилъ до того времени,, довольно привести слова двухъ свидѣтелей. Эти свидѣтели достойны вѣроятія; потому что они были охранителями церковнаго православія,—разумѣю Иринея и Климента александрійскаго. Первый изъ нихъ во второй книгѣ *противъ ересей* слово въ слово говоритъ такъ: „утверждаютъ всѣ пресвитеры, обращавшіеся съ Іоанномъ, ученикомъ Господа, что Іоаннъ передалъ это; ибо онъ жилъ съ ними до временъ Траяна“. И въ третьей книгѣ упомянутаго сочиненія повѣствуетъ тоже самое въ слѣдующихъ словахъ: „да и ефесская церковь, которая основана Павломъ, и въ которой жилъ Іоаннъ до временъ Траяна, есть истинная свидѣтельница апостольскаго преданія“. А Климентъ въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *какой богачъ спасется?*, означая тоже самое время, прибавляетъ еще сказаніе, весьма нужное для людей, желающихъ

слышать прекрасное и полезное. Возми и читай его сочиненіе; въ немъ говорится такъ: „выслушай притчу; но это не притча, а истинное повѣствованіе, переданное объ апостолѣ Іоаннѣ и сохранившееся въ памяти. Когда тиранъ умеръ“ и проч. (1). Еще и теперь есть нѣкоторые, слышавшіе отъ Поликарпа, епископа смирнскаго, какъ Іоаннъ, ученикъ Господа, пришедши однажды въ Ефесѣ мыться и увидѣвъ въ банѣ Керинѳа, выбѣжалъ вонъ не мывшись и сказалъ: „убѣжимъ отсюда, какъ бы баня не обрушилась, когда въ ней Керинѳъ, врагъ истины“. Аполлоній приводитъ свидѣтельства изъ откровенія Іоаннова и повѣствуетъ, что въ Ефесѣ Іоаннъ божественною силою воскресилъ мертваго.. Поликархъ, бывшій епископомъ ефесской церкви, въ посланіи къ Виктору, епископу римскому, упоминаетъ и объ Іоаннѣ слѣдующимъ образомъ: „да и въ Азіи погребены великіе началовожди, имѣющіе воскреснуть въ послѣдній день пришествія Господня, когда облеченный славою Господь пріидетъ съ неба и взыщетъ святыхъ...: Іоанна, который возлежалъ на персяхъ Господа, былъ священникомъ и носилъ дщицу (πεταλον), былъ исповѣдникомъ и учителемъ, и погребенъ въ Ефесѣ“.

IV.

Преп. Іеронима, пресвитера († 419 г.) стридонскаго (2).

Апостолъ Іоаннъ, котораго особенно возлюбилъ

(1) За симъ слѣдуетъ у Евсевія приведенное нами выше (стр. 398) повѣствованіе Климента александрійскаго о св. ап. Іоаннѣ.

(2) Пр. *Іерон.* De viris. illustr. cap. IX: opp. t. II. p. 624. 626. Paris. 1845.

Іисусъ, былъ сынъ Зеведея и братъ Іакова, обезглавленнаго послѣ крестной смерти Господа Іродомъ. По просьбѣ азійскихъ епископовъ онъ послѣ всѣхъ написалъ евангеліе противъ Кериѳа и другихъ еретиковъ, особенно же противъ возникшаго въ то время ученія евіонитовъ, которые утверждали, что до рожденія отъ Маріи Христосъ не существовалъ. Поэтому-то онъ и убѣждаетъ неповѣдывать Его божественное рожденіе. Говорятъ и о другой причинѣ къ написанію евангелія. Прочитавъ писанія Матѳея, Марка и Луки, Іоаннъ, съ одной стороны, одобрилъ повѣствованія ихъ и утвердилъ, говорятъ, ихъ истинность, а съ другой—дополнилъ повѣствованіе однимъ годомъ, когда Іоаннъ (предтеча), послѣ заключенія въ темницу, скончался мученически. Поэтому-то, опустивъ годъ тотъ, событія котораго изложены тремя (первыми евангелистами), онъ повѣствуетъ о событіяхъ, начиная ранѣе, еще до заключенія Іоанна въ темницу, что̀ можетъ видѣть каждый, когда внимательно будетъ читать четыре евангелія. Этимъ объясняется и кажущееся разногласіе Іоанна съ прочими евангелистами. Онъ написалъ также одно посланіе, которое начинается такъ: „о томъ, что̀ было отъ начала, что̀ мы слышали, что̀ видѣли своими очами, что̀ разсматривали, и что̀ осязали руки наши, о Словѣ жизни“ (1 Іоан. 1. 1), и которое признаваемо было всѣми церковными и учеными мужами. Остальныя два посланія, изъ которыхъ одно начинается такъ: „старецъ избранной госпожѣ и дѣтямъ ея“ (2 Іоан. 1, 1), а другое такъ: „старецъ возлюбленному Гаію, котораго я люблю по-истинѣ“ (3 Іоан. 1, 1), усвояютъ стар-

цу Іоанну, гробница котораго доселѣ находится въ Ефесѣ (¹), и нѣкоторые думаютъ, что были двѣ гробницы евангелиста Іоанна, о чемъ скажемъ, когда по порядку дойдемъ до ученика его Папія. Въ четырнадцатый годъ, во второе послѣ Нерона гоненіе, воздвигнутое Домиціаномъ, Іоаннъ сосланъ былъ на островъ Патмосъ и здѣсь написалъ Апокалипсисъ, на который писали объясненіе Іустинъ мученикъ и Ириней. Когда Домиціанъ былъ убитъ и его жестокія распоряженія были отмѣнены сенатомъ, Іоаннъ въ царствованіе Нервы возвратился въ Ефесъ, и, пребывая здѣсь то воцаренія Траяна, основалъ и устроилъ въ Азіи цѣлыя церкви и скончался въ глубокой старости, на шестьде-

---

(¹) Поводомъ къ тому, что въ древности нѣкоторые не усвоялп втораго и третьяго посланія Іоаннова св. ап. Іоанну богослову, было то, что Папій, епископъ іерапольскій, упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ о двухъ Іоаннахъ—объ Іоаннѣ богословѣ и объ Іоаннѣ старцѣ (*πρεσβύτερος*). *Евсев.* Истор. церк. кн. III. гл. 39. стр. 179. Спб. 1848 г. Вслѣдствіе этого-то нѣкоторые и усвоили второе и третье посланіе св. ап. Іоанна Іоанну старцу. Но знаменитѣйшіе св. отцы и писатели церковные, каковы: св. Ириней, Климентъ александрійскій, Тертулліанъ, св. Аѳанасій великій, св. Амвросій медіоланскій, св. Кириллъ іерусалимскій, св. Григорій богословъ, соборъ лаодикійскій, бл. Августинъ и проч., усвоили посланія тѣ св. ап. Іоанну богослову. Такъ и думать должно; потому что стиль посланій тѣхъ совершенно такой же, какой и перваго посланія Іоанна и евангелія отъ Іоанна. Самъ пр. Іеронимъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ: «звенитъ труба евангельская, сынъ громовъ, котораго преимущественно любилъ Іисусъ и который пилъ потоки ученій изъ груди его (Іоан. 21, 20): *старецъ избранныя госпожѣ и чадомъ ея, ихже азъ люблю воистину* (2 Іоан. 1, 1). И въ другомъ посланіи: *старецъ Гаіевѣ возлюбленному, егоже азъ люблю воистину* (3 Іоан. 1, 1). Пр. *Іерон.* Epist. CXLVI: opp. t. I. p. 1193—1194. Paris. Что касается имени «старецъ» (*πρεσβύτερος*), то и оно, хотя бы не означало въ настоящемъ случаѣ священнослужительскаго сана, вполнѣ приличествуетъ св. ап. Іоанну богослову: ибо онъ и послания свои писалъ въ старческихъ лѣтахъ.

сятъ осьмомъ году, считая отъ страданій Господа. Онъ погребенъ близъ Ефеса.

V.

Григорія, епископа († 594 г.) турскаго (¹).

Іоаннъ, апостолъ и благовѣстникъ Божій, по совершеніи истиннаго подвига и спасительнѣйшаго проповѣдничества, живой сошелъ въ могилу и повелѣлъ зарыть себя землею. Могила его донынѣ испускаетъ манну, на подобіе муки, чрезъ которую блаженные останки, разносимые по всему міру, доставляютъ больнымъ здоровье. Это тотъ Іоаннъ, котораго Господь возлюбилъ болѣе, нежели прочихъ апостоловъ, котораго почтилъ Онъ такою благодатною любовію, что онъ почерпалъ тайны небесныхъ таинствъ, возлежа у самыхъ персей святаго тѣла Его. Ему, нѣкоторымъ образомъ какъ-бы особенно близкому ученику, въ самый часъ страданія, вися на крестѣ за спасеніе міра, Господь нашъ поручилъ даже славную Богоматерь. Да и по воскресеніи Онъ сказалъ о немъ: „хочу, чтобы онъ пребылъ, пока приду“ (Іоан. 21, 22). Въ Ефесѣ находится мѣсто, гдѣ этотъ апостолъ написалъ евангеліе, которое читается въ церкви отъ его имени. На вершинѣ горы этого мѣста находятся четыре стѣны безъ кровли. Въ нихъ онъ, постоянно ходатайствуя предъ Господомъ за грѣхи міра, проводилъ время въ непрестанной молитвѣ,

---

(¹) Объ апостолѣ и евангелистѣ Іоаннѣ. Patrolog. curs. compl. tom. LXXI. p. 730. Paris. 1849.

и испросилъ, чтобы въ этомъ мѣстѣ не шелъ дождь, пока онъ напишетъ евангеліе. Но и до сихъ поръ онъ такъ превознесится Господомъ, что тамъ никогда не бываетъ дождя и никогда не случается сильнаго проливня.

VI.

Св. Софронія, патріарха (+ 641 г.) іерусалимскаго (¹).

Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ своими руками крестилъ святаго Петра, а Петръ крестилъ Андрея, Андрей крестилъ Іакова и Іоанна, Іоаннъ же и Іаковъ крестили всѣхъ прочихъ апостоловъ. Пренепорочную Владычицу нашу Богородицу и Матерь жизни нашей крестили Петръ и Іоаннъ богословъ. Сей Іоаннъ былъ двоюроднымъ братомъ Спасителя нашего Іисуса Христа по плоти. Ибо Іосифъ, обручникъ Дѣвы, имѣлъ отъ истинной жены своей четырехъ сыновей: Іакова, Симона, Іуду и Іосію, и трехъ дочерей: Есѳирь, Ѳамарь и третью, одноименную матери, Саломію. Послѣднюю Іосифъ выдалъ въ замужество за Зеведея, а Зеведей родилъ съ нею Іакова и Іоанна евангелиста, который имѣлъ на землѣ трехъ матерей: первую—Саломію, отъ которой родился по плоти, другую— громъ, потому что въ нѣкоторомъ особенномъ смыслѣ названъ былъ отъ Господа сыномъ грома (Мар. 13, 17), и третью наконецъ — духовную, т. е. святую Богородицу, потому что Христосъ сказалъ богослову со креста: „се,

(¹) Patrolog. curs. compl. t. LXXXVII p. 3371. Paris. 1860.

мати твоя“, и, опять, къ Дѣвѣ: „жено! се. сынъ твой“ (Іоан. 19, 27. 26).

VII.

Никиты пафлагонскаго (IX в.) (1).

Кто склоняетъ къ православію великаго сына громова (2), тотъ, по моему мнѣнію, увѣнчеваетъ къ прославленію самого великаго Духа Божія, руководимый и вдохновляемый которымъ сынъ громовъ привлекъ къ своему вѣнцанію вселенную. А это настолько превосходитъ силу нашего слова, насколько превышаетъ и человѣческое пониманіе. Ибо если нелегко обнять умомъ этотъ, удобопріемлемый сердцемъ, голосъ, то кто и какъ постигнетъ духовное, превышающее всякое тѣлесное чувство? И если мы не въ состояніи точнымъ словомъ выразить понятіе о громѣ естественномъ, происходящемъ въ облакахъ отъ движенія вѣтра, то какъ осмѣлимся воспѣвать громъ сверхъестественный и однимъ Господомъ воздвигнутый или порожденный? Кто такъ много свѣдущъ въ дѣлахъ божественныхъ? У кого такъ глубоко сердце? Кто такъ возвысился надъ земнымъ и вознесся на такую высоту вмѣстѣ съ небожителями? Кто настолько отрѣшился и заключился въ Богѣ, чтобы осмѣлиться открыть уста и привести въ движеніе языкъ

---

(1) Слово на святаго и всехвальнаго апостола и евангелиста Іоанна богослова. Patrolog. curs. comp'. t. CV. p. 100—128. Paris. 1863.

(2) Такъ назвалъ Іоанна богослова Господь при избраніи 12 апостоловъ (Марк. 3, 17).

на похвалу учениковъ Божіихъ? Кто въ состояніи достойно вообразить въ умѣ и выразить словомъ величіе не только всѣхъ вмѣстѣ, но и одного изъ нихъ? Какой умъ, скажу кратко, какое слово въ состояніи исчерпать въ похвалахъ достоинства дарованій Іоанна, особенно же достоинство его богоподобной души и разума, если самъ онъ, сошедши съ небесныхъ жилищъ и по богоподобной любви приблизившись къ земнородным и какъ-бы приноровивши богословствующія уста къ слуху нашему, не провозгласитъ намъ, насколько это возможно для насъ, похвалу свою въ славу Отца? Итакъ приди, божественный богословъ и евангелистъ, небесная труба Слова, труба благозвучная, стройная, издающая пріятные, какъ медъ, звуки истины, заставляющая молчать всякое еллинское суемудріе, усыпляющая многозвучные органы риторовъ и философовъ, привлекающая къ себѣ всякую душу, достойную Слова, и увлекающая не только слухъ людей, но даже, осмѣлюсь сказать, чудный слухъ самыхъ небесныхъ силъ.

Достойнѣйшій сказатель и писецъ Отца свѣтовъ, уста Христовы, языкъ Духа! Приди ко мнѣ духомъ, самъ сый божественный духъ, ибо рожденъ отъ Бога Духа. Вотъ я представляю тебѣ сердце кроткое и спокойное, и, какъ-бы мысленный и таинственный виноградъ, душу нижайшую и чуждую неровностей. *Востани сѣвере, и гряди юже, и повѣй въ виноградѣ моемъ и да потекутъ ароматы моя* (Пѣсн. п. 4, 16). Пусть говоритъ тебѣ даже Соломонъ. Ибо ты и сѣверъ, потому что чистѣйшими звуками богословія освѣжаешь какъ-бы свѣтлымъ и живоноснымъ вѣяніемъ, уничтожа-

ешь удушливость многобожія и жаръ ересей, и оживляешь и возсоздаешь погрязшія въ нихъ сердца. Ты и югъ, потому что согрѣваешь словами любви и тѣхъ, кои по безчувственности и грубости ума лишены божественнаго дождя и потому безплодны и безжизненны, отогрѣваешь и оживотворяешь, сообщая имъ жизненную влагу и дѣлая ихъ плодоносными.

Блаженный! Вѣя на насъ всегда такими духовеніями и въ такомъ обиліи, приготовь насъ къ признанію тебѣ словесной похвалы, какъ благоуханія какого, составленнаго изъ разныхъ прекрасныхъ ароматовъ. Несомнѣнно, что для восхваленія перваго между богословами намъ нѣтъ нужды въ обширномъ словѣ. Какъ божество всегда во всемъ, тѣмъ болѣе въ словахъ, любитъ живость и краткость, что̀ пріятно и тѣмъ, кто умѣетъ богословствовать о Немъ: такъ, думаю, и нынѣ восхваляемому должны мы принести слово возможнократкое и умѣренное. Поэтому прославимъ небеснаго мужа не за внѣшнія и земныя его достоинства, т. е. не за родъ, отечество или за какое-либо счастіе жизни. Такая похвала не только для славнѣйшаго благовѣстника истины излишня, но и святымъ, далеко отстоящимъ отъ него по добродѣтели, несвойственна и неугодна. Похвалы земныя предоставимъ тѣмъ, кто пристрастенъ къ землѣ, а тѣмъ, кои родились ни отъ крови, ни отъ хотѣнія мужа (Іоан. 1, 13), но прежде вѣковъ предузнаны и во времени избраны Отцемъ небеснымъ, какъ подобные образу Единороднаго (Рим. 8, 29), и усыновлены Богу Духомъ Святымъ, почившимъ на святыхъ и родившимъ въ нихъ словомъ истины новаго

богоподобнаго человѣка (Iак. 1, 18), должно воздавать похвалы и удивляться, какъ хвалящимся душею, по слову Писанія, о Господѣ (Псал. 33, 3) и прославляемымъ вмѣстѣ съ Отцемъ небеснымъ.

Всѣмъ святымъ прилична похвала, какъ рожденнымъ отъ одного Отца свѣтовъ, но особенно главнымъ и древнѣйшимъ богословамъ Слова. Изъ нихъ Петръ долженъ быть предпочтенъ какъ камень и несокрушимое основаніе божественной вѣры, а Iаковъ какъ первый между апостолами общникъ Христа въ чашѣ страданій и въ крещеніи ими и основаніе святой надежды для святыхъ. Ты же, блаженный, какъ возлюбившій величайшую изъ добродѣтелей, т. е. любовь, болѣе, нежели всѣ причастные ей, вожделѣвшій ее чрезмѣрно, выполнившій ее въ совершенствѣ и чрезъ нее сроднившійся съ истинно возлюбленнымъ Богомъ Словомъ и Единороднымъ Божіимъ, овладѣлъ самою верхнею ступенію апостольскаго величія. Это для тебя было началомъ стремленія къ Богу и восхожденія къ Богу. А вотъ и превосходный и отличительнѣйшій признакъ твоего блаженства, преимущественное похваленіе твое, какъ свойственное тебѣ болѣе, нежели всѣмъ прочихъ святымъ: разумѣю любовь Іисуса, чрезъ которую показывается избытокъ умственной твоей красоты и богоподобія. Ибо какъ невозможно даже въ мысли представить что-либо, красивѣйшее Прекраснѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ (Псал. 44, 3); такъ и тотъ, кого Онъ особенно возлюбилъ, принесетъ, разумѣется, лучшіе приносимыхъ другими дары духовнаго убранства. Ибо онъ не былъ бы такъ возлюбленъ, чтобы эта почти

одна любовь стала его отличительнымъ признакомъ. если бы не былъ сроденъ любящему по обилію благости и подражанія Богу и не привнесъ бы взаимно отъ себя любовь; ибо премудрость Божія ясно возвѣщаетъ, что она любитъ тѣхъ, которые ее любятъ (Притч. 8, 17).

Итакъ, всякое божественное дѣйствіе и всякое высшее созерцаніе выростаетъ, какъ-бы изъ корня, изъ обитающей въ немъ любви Христовой, и все, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, ни говорилъ, есть плодъ любви, по которой онъ, возникая изъ нея всецѣло и постоянно погружаясь въ ней, всегда созерцалъ въ ней Бога, и, достигши крайняго совершенства въ ней своимъ совершеннѣйшимъ безпристрастіемъ и чистѣйшимъ умомъ, видѣлъ въ ней исполненіе закона Божія (Рим. 13, 10) и признавалъ ее Богомъ (1 Іоан. 4, 8) и содѣлывающею богоподобнымъ.

Но мы посмотримъ, чѣмъ онъ былъ возбужденъ и по какому направлялся и слѣдовалъ пути, когда достигъ такой высоты совершенства. Когда явился великій и истинный Свѣтъ для сидѣвшихъ во тмѣ (Иса. 9, 2), когда Отецъ славы возвѣстилъ съ неба, что крещаемый есть возлюбленный Сынъ Его (Мато. 3, 17), когда крестившій на землѣ засвидѣтельствовалъ, что Онъ—Агнецъ Божій (Іоан. 1, 29), и когда сошелъ въ видѣ голубя Духъ и подтвердилъ свидѣтельство обоихъ (Мато. 3. 16), тогда, въ числѣ прочихъ таинниковъ Слова, и на сыновее Заведеевыхъ палъ какъ-бы блескъ какой солнца, и они, озарившись какъ-бы некрою какою познанія о свидѣтельствуемомъ, послѣ то-

го, какъ спустя немного предсталъ предъ ними и призвалъ ихъ Богоначальнѣйшій, ни на минуту не воспротивились призванію и не удержались узами общенія ни съ своими, ни съ друзьями, ни съ товарищами, ни любовію и привязанностію къ роднымъ, но оставили все достояніе и домъ отцовскій, даже самого отца съ кораблемъ и рыбачьимъ ремесломъ, и слѣдуютъ (о вѣра!) за Іисусомъ, соединившись съ Нимъ истинною и неподѣльною сердечною любовію.

Они освѣщались лучами исходящихъ изъ богоначальныхъ устъ словъ благодати по уму, преобразовывались въ новаго и богоподобнаго человѣка, укрѣплялись въ вѣрѣ чудесными дѣлами, усиливали въ себѣ день ото дня пламень любви. Еще: какъ благороднѣйшія и нѣжнѣйшія растенія, посаженныя на тучной и прекрасной почвѣ и достаточно взлелѣянныя садовникомъ, быстрѣе растутъ въ высоту и, пустивъ глубоко корни, скоро утолщаются и приносятъ, какъ слѣдуетъ, обильный плодъ: такъ и достойнѣйшіе одобренія ученики Слова, обладая прекраснымъ и добрымъ настроеніемъ ума, углублялись въ тѣ священныя тайны мудрости, въ которыя были посвящены, и, созерцая въ нихъ величіе дѣлъ Христовыхъ, возвышались умомъ до небесной высоты вѣры и приносили наилучшій и зрѣлый плодъ любви. Поэтому они, показавъ себя вѣрными въ меньшемъ, могли почитаться вѣрными въ большемъ и, полагая въ основаніе совершенства въ вѣрѣ свѣтъ дѣлъ Іисусовыхъ, явились достойными сверхъестественнаго Божества, насколько можетъ вмѣстить природа человѣческая; ибо Вышній, ясно видящій тайны сердца

каждаго, не многимъ вѣрилъ Себя (Іоан. 2, 24), даже ученикамъ не всѣмъ вѣрилъ Себя вдругъ, но, взявъ изъ нихъ такихъ, о которыхъ зналъ, какъ о достойнѣйшихъ и болѣе прочихъ вѣрныхъ, привелъ ихъ на Оаворъ и показалъ имъ только отчасти славу свою во время преображенія (Матѳ. 17, 1—5. Марк. 9, 2—8. Лук. 9, 28—35).

Впрочемъ, это было видимымъ свидѣтельствомъ вѣры не одного Іоанна, но и Іакова и Петра. Доказательствомъ же собственно Іоаннова совершенства въ любви было то, что богословъ на тайной вечери возлежалъ у животоначальнѣйшей груди. Когда Господь сказалъ, что одинъ изъ сидящихъ на вечери предастъ Его, сердца учениковъ, какъ слѣдовало ожидать, исполнились безпокойства, страха и печали; но никто не осмѣлился свободно спросить Его о семъ. Только особенно усовершившійся въ священной любви, сидѣвшій подлѣ Учителя, приподнявшись и со всякимъ благоговѣніемъ припадши грудью къ груди Владыки и обративъ свои уста къ Его устамъ (о блаженное и любезнѣйшее Богу дерзновеніе!), спрашиваетъ у Него, кто предатель Его, и узнаетъ о немъ по условному знаку, —по обмоченному хлѣбу (Іоан. 13, 21—26).

Еще яснѣе особенность или совершенство божественной любви Іоанновой показалъ Іисусъ, единый виновникъ таинствъ, на крестѣ, поручивъ возлюбленнаго ученика Матери, какъ сына, а ему вѣривъ относящееся до тѣла попеченіе о Матери, какъ сыну, и такимъ образомъ, вручивъ его вмѣсто Себя Богородицѣ, сдѣлалъ его по-истинѣ братомъ своимъ (Іоан. 19, 26. 27).

Предъ этимъ временемъ всѣ прочіе ученики (избави Богъ, что бы я имѣлъ въ мысли сказать что-нибудь оскорбительное) обратились въ бѣгство, не выдержавъ напора темной власти, кроваваго нападенія Іуды, ярости и жестокости іудеевъ и дерзости ихъ противъ Спасителя. Ты одинъ изъ всѣхъ, какъ человѣкъ твердаго и самаго сносливаго духа, влекомый великою и самою сильною любовію къ Учителю, сопутствуя Ему во всѣхъ Его спасительныхъ страданіяхъ, страдалъ почти больше, чѣмъ Онъ; поражаемый до внутренностей какъ-бы остръйшими стрѣлами и терзаемый изъ за Него сильнѣйшею скорбію, ты соболѣзновалъ Ему, когда Его бичевали, сострадалъ Ему, когда Его заушали, и одинъ вмѣстѣ съ Матерію Его предстоя предъ Нимъ, когда распинали Его, нѣкоторымъ образомъ сраспинался Ему, перенося въ сердцѣ раны гвоздинныя и прободеніе копьемъ, какъ смертельныя стрѣлы. И не напрасно переносилъ ты сіи тяжелыя скорби. Прославивъ истиннаго друга своего дѣлами, ты явился вторымъ Имъ. Вотъ воздаяніе за даръ истинной дружбы, вотъ неоцѣненная награда за священные подвиги: ты наидостойнѣйшимъ образомъ вступилъ въ высочайшую дружбу или, лучше, въ братство съ Словомъ; ибо истинная дружба выказываетъ обыкновенно неподдѣльную любовь къ другу не въ счастливыхъ тѣлесныхъ наслажденіяхъ и роскоши, но въ безутѣшной скорби и искушеніяхъ.

Итакъ, испытанная вѣра и испробованное расположеніе апостоловъ къ Тому, кто добровольно пострадалъ за насъ, возвысились надъ всякимъ преткновеніемъ и пребыли неуязвимыми при искушеніяхъ Госпо-

да. Поэтому-то и удостоиваются они нѣкоторыхъ богоприличныхъ наградъ, достойныхъ истинной дружбы и вѣры. Какія же это награды? Во-первыхъ, апостолы созерцаютъ самого Христа, чрезъ три дня воскресшаго изъ мертвыхъ, и знаками страданій удостовѣряются въ тайнѣ воскресенія. Далѣе, сначала отчасти дуновеніемъ Воскресшаго (Іоан. 20, 22), а потомъ, по вознесеніи Его отъ земли, совершеннѣе принимаютъ Духа Святаго, сошедшаго на нихъ съ неба въ сильномъ вѣтрѣ и огненныхъ языкахъ (Дѣян. 2. 2. 3), даровавшаго имъ власть надъ всѣми народами и поставившаго ихъ князьями по всей землѣ (Псал. 44. 17). Получивъ, каждый, свою часть вселенной для апостольскаго начальствованія, они разошлись по этимъ частямъ. Великій громъ Слова Божія, полная высшаго богословія чаша, око апостольское, славный Іоаннъ, какъ мужъ, сильный словомъ и мощный дѣломъ, получилъ въ жребій Азію,—страну, весьма наполненную городами и притомъ могущественными, и населенную народами, весьма грубыми и нечестивыми и въ тоже время весьма богатыми и гордящимися суетными ученіями, величающимися, правда, еллинскою мудростію, но твердо держащимися заблужденія о богахъ.

Когда великій апостолъ пришелъ къ нимъ и увидѣлъ всѣ сердца всѣхъ людей погрязшими во мракѣ суевѣрія и уразумѣлъ духомъ, что души ихъ плѣнены діаволомъ и подчинены его волѣ, то не отложилъ повелѣнія Духа Святаго, не упалъ духомъ предъ трудностію предпріятія и не впалъ въ нерѣшительность, но, обративъ взоръ свой къ пребывающему въ немъ Хри-

сту, облекся въ духовное всеоружіе Духа не противъ людей, но противъ бѣсовъ, не противъ плѣненныхъ, но прежде всего противъ самого тиранна. Онъ рѣшился сначала, по примѣру Христа (Мато. 12, 29) и Его силою связать тиранна и такимъ образомъ отнять у него всѣ оружія и чрезъ то взять въ плѣнъ плѣненныхъ и отдать добычу красотѣ дома Господня (Псал. 25, 4), т. е. Церкви. Скажетъ иной: онъ задумалъ такъ достойнымъ Христа образомъ, но сразился съ врагомъ очень не удачно? или: вступилъ въ бой храбро, т. е. по духу Евангелія, но сраженіе оставилъ не оконченнымъ? или: хотя и окончилъ его, но не такъ, чтобы совершенно уподобиться Іисусу? Отнюдь нѣтъ. Но какъ Христа принялъ онъ въ себя не отчасти, но всецѣло, и какъ вслѣдствіе этого охраняемъ и ободряемъ былъ всѣми безъ исключенія силами божественнаго Духа, такъ и дѣло спасительнаго служенія представилъ Богу чрезъ совершенное подраженіе Христу, совершеннымъ. Съ другой стороны, самъ верховный Царь небесный соизволилъ покорить начальника злобы не однимъ превосходствомъ силы, но и мудростію и справедливостію, ибо Онъ все вмѣстѣ: и всемогущъ, и справедливъ и мудръ, лучше же сказать—есть самая мудрость, справедливость и сила, и, чтобы доставить себѣ блистательную побѣду, а противнику блистательное и прочное паденіе, принявъ подлинный образъ несправедливо обиженныхъ и обитая между людьми въ премудрости и справедливости, напрасно преслѣдуется злобою лукаваго и по его ковамъ приговаривается къ смерти по-

чему лукавый даже отъ тѣхъ, на кого нападалъ несправедливо, справедливо подвергнутъ многимъ скорбямъ, обличенъ въ дѣлахъ рукъ своихъ, пойманъ и осужденъ и такимъ образомъ рукою Божіею лишенъ своего тиранническаго владычества. Такъ и возлюбленный Богословъ Слова, пришедши въ Азію для спасенія тѣхъ, которые желали принять его, и, вступивъ въ одну изъ первыхъ ея митрополій, т. е. въ знаменитый Ефесъ, не тотчасъ же смутилъ городъ своимъ появленіемъ, не тотчасъ же привелъ въ смятеніе умы гражданъ торжественною проповѣдію Евангелія, но, мудро обращаясь съ внѣшними и дорожа временемъ, которое лукаво (Ефес. 5, 16), добротою нрава, скромною наружностію и кроткою рѣчью всѣмъ являлся доступнымъ и пріятнымъ, а по образу жизни и по разнообразію и высотѣ добродѣтелей казался недоступнымъ и удивительнымъ.

Да, онъ служилъ Богу строгимъ воздержаніемъ, постояннымъ терпѣніемъ, безпрестанною молитвою, съ спокойнымъ умомъ и чистымъ духомъ. Но начальникъ злобы, видя его по внѣшности человѣкомъ, а по духу ангеломъ, плотію легко касающимся долу земли, а умомъ проникающимъ вверху небеса, прогоняющимъ всѣхъ боговъ и бѣсовъ и кротко предлагающимъ приходящимъ къ нему ученіе Іисуса, тотчасъ воспылалъ жестокою ревностію, ибо предвидѣлъ изъ сказаннаго собственную погибель. Разжегшись завистію, будто огненными стрѣлами, онъ возбуждаетъ противъ ученика Христова различныя искушенія; распаляетъ противъ него сперва одну ревнивую и дерзкую женщину, почитавшуюся въ упомянутомъ городѣ первою, а потомъ самыхъ злыхъ

какъ изъ народа, такъ и изъ начальниковъ ефесскихъ. Изощренными какъ лезвіе и коварными языками онъ думалъ возмутить и устрашить его; поражалъ и удручалъ его ранами, заключеніями и побоями, чтобы, если возможно, лишить его самой жизни, а если это не удастся, изгнать его изъ своихъ обиталищъ.

Но беззаконникъ, начавъ оскорблять праведника, вооружилъ наконецъ его противъ самого себя. Скажу болѣе: онъ, несчастный, самъ поднялъ на свою голову могущественнѣйшую руку и самъ же изгоняетъ себя, совершенно справедливо лишается тиранской власти и связанный узами адскаго мрака низвергается къ отцу своему (2 Петр. 2, 4), вслѣдствіе чего праведникъ восхваляется, Богъ праведныхъ возвышается, мракъ отъ душъ человѣческихъ прогоняется, а великій свѣтъ, возсіявшій въ Іоаннѣ, привлекаетъ всякую прямую душу.

Такъ низвергнутъ замысливший погибель народа, бывъ пораженъ не только силою Божіею, но и мудростію и праведностію апостола. Тѣ, которыми онъ недавно предводительствовалъ, одинъ за другимъ, будто увлекаемые сильными волнами, обращаются къ Сыну великаго Свѣта, очищаются и оглашаются ученіемъ истины, слагаютъ съ себя мракъ суевѣрія и заблужденія и чрезъ баню возрожденія (Тит. 3, 5) облекаются въ великій Свѣтъ истиннаго знанія, а предъ ними стоитъ проповѣдникъ, издавая народамъ продолжительный и спасительный громъ. Онъ говоритъ: „Мужи, чьихъ только сердецъ коснулся Духъ святый! Идите ко мнѣ и созерцайте дѣла Божіи и дѣла истины и озарите

очи ума своего. Послушайте словъ истинной мудрости и просвѣтите слухъ, уразумѣйте и познайте Того, кто есть истинный Богъ. Познайте Бога Отца вседержителя, Творца всѣхъ невидимыхъ и видимыхъ тварей. Познайте Бога Слово, неизреченно прежде вѣковъ рожденнаго отъ Него, чрезъ котораго Онъ сотворилъ все. Познайте Духа Святаго, прежде вѣковъ и нераздѣльно исходящаго отъ Отца, вмѣстѣ съ Сыномъ сотворившаго все и существенно наполняющаго все. Уразумѣйте, что Три сіи — единъ Богъ, едино естество, сила и царство, и покланяйтесь въ трехъ лицахъ равнаго достоинства единому Господу. Уразумѣйте, и, оставивъ полученное отъ отцевъ заблужденіе, придите къ истинному свѣту. Приступите и просвѣтитесь, и лица ваши не постыдятся (Псал. 33, 6). Смотрите: Слово стало плотію и обитало съ нами (Іоан. 1, 14). Единородный Сынъ, сущій всегда въ нѣдрѣ Отчемъ (Іоан. 1, 18), ради людей раждается отъ святой и непискусобрачной Маріи истиннымъ человѣкомъ и дѣлается подобнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, и, даровавъ намъ чрезъ крещеніе отпущеніе грѣховъ, а чрезъ крестъ и воскресеніе избавивъ насъ отъ смерти и тлѣнія, примирилъ насъ съ Отцемъ. Онъ и теперь, давъ намъ слово примиренія (2 Кор. 5, 19), которое есть Его собственное дѣло, послалъ насъ благовѣствовать вамъ объ этомъ спасеніи. Итакъ, оставьте всякую бѣсовскую суету, отбросьте гибельную преданность ко всякому идолослуженію, ко всякой злобѣ и беззакопію. Когда же станете жить по закону вѣры, которая во Христѣ Іисусѣ, по закопу духа святыни Его (Рим. 1,

4), то освободитесь отъ гнѣва, грядущаго съ неба на нечестивыхъ, и удостоитесь нетлѣнной славы и вѣчной жизни. А чтобы вы не подумали, что мы обольщаемъ васъ пустыми словами, приведите ко мнѣ находящихся между вами поврежденныхъ чѣмъ либо и нуждающихся въ исцѣленіи, чтобы стало видно вамъ, что царство Божіе приближается къ вамъ не въ словѣ только, но еще болѣе въ силѣ".

И тотчасъ можно было видѣть тамъ, что по одному слову Богослова бѣсы бѣгутъ изъ одержимыхъ ими, хромые выправляются, слѣпые прозрѣваютъ, глухіе слышатъ и заики начинаютъ говорить раздѣльно. Можно было видѣть, что силою молитвы его воскресаютъ мертвые, очищаются прокаженные, однимъ прикосновеніемъ святой руки исцѣляется всякая болѣзнь и всякій недугъ тѣлесный, и обитающею въ немъ силою Христовою упраздняется всякая хитрость волхвовъ и маговъ и всякое коварство и злоухищреніе бѣсовъ, а въ сердцахъ вѣрующихъ начинаютъ всецѣло дѣйствовать просвѣщающее и освящающее тайноводство и посвящающія въ тайны и боготворящія благодать и познаніе. Ибо славнѣйшій домостроитель Духа, вполнѣ облекшись во Христа чрезъ Духа Господа, отовсюду подготовлялъ для врага неприступныя и непроходимыя препятствія, а всякую правую и благообразную душу силою Духа призывалъ и пріобщалъ къ проповѣдуемой имъ истинѣ.

Такъ великое солнце евангелія, дѣйствуя сказаннымъ образомъ, обошло не только главный городъ Азіи, но и всю дальнѣйшую страну и всякій городъ, и упразд-

нило всякую жертву и служеніе бѣсамъ, а поставляя пастырей и священниковъ, воздвигало по мѣстамъ церкви Христу. Служа такъ отлично и пречудно Святому Духу, какъ великою мудростію слова, такъ еще болѣе силою дѣлъ. Іоаннъ въ продолженіе многихъ лѣтъ просвѣщалъ Христомъ всю Азію и всю восточную страну. И сколь многимъ и страшнымъ скорбямъ подвергался онъ ради евангелія? Онъ перенесъ также несчетное множество коварствъ отъ защитниковъ лжи, а сверхъ того осужденъ былъ неправедными царями въ ссылку на островъ Патмосъ. Когда блаженнѣйшій увидѣлъ себя заключеннымъ и провидѣлъ, что приближается для него время отойти ко Господу, и притомъ зналъ, что время самое страшная сила въ томъ отношеніи, что все доброе погружаетъ въ бездну забвенія; то, будучи зеркаломъ самой благости, благостію же побуждается къ написанію священнаго евангелія, и какъ обитавшимъ въ немъ Богомъ Словомъ, такъ и неотступными просьбами преуспѣвшихъ въ вѣрѣ членовъ Церкви воспламеняется любовію къ сверхъестественному богословію.

Ознакомившись съ тремя евангеліями, написанными прежде его, и увидѣвъ, что въ нихъ повѣствуется болѣе о тѣлесной природѣ Христовой, онъ устремляется къ высшему и божественнѣйшему повѣствованію, и, опустивъ всю видимую тварь, остротою чистѣйшаго ума досягаетъ, при помощи Духа, природы духовной и премірной, и, оставивъ херувимовъ и обойдя серафимовъ, прямо и непосредственно приближается къ самому Возлюбленному, и, мысленно и лучше прежняго склонивъ тамъ мысленную грудь къ груди богоначальнѣйшей и

приложивъ внимательное ухо къ устамъ самой мудрости, разверзаетъ оттуда какъ бы живой какой источникъ возвышеннаго и божественнаго богословія.

Сначала онъ богословствуетъ о доначальномъ и предѣчномъ сверхъестественномъ сосуществованіи Слова у Отца. Богословствуетъ онъ и о воплощеніи Его, возвышенно и величественно какъ бы съ неба протрубивъ въ немногихъ богозвучныхъ словахъ божественную проповѣдь о Немъ. Упоминаетъ онъ еще, при содѣйствіи Духа, о тѣхъ возвышеннѣйшихъ и славнѣйшихъ словахъ и дѣлахъ Христовыхъ, какія опустили писавшіе до него евангелисты. Все онъ облекъ въ божественныя слова и совершилъ все Божіими глаголами и сократилъ, какъ говоритъ Исаія, правдою (Ис. 10, 23). Такимъ евангеліемъ своимъ онъ прогремѣлъ до предѣловъ земли, пустивъ молнію, истребляющую и сожигающую всякую, уже явившуюся и имѣющую явиться, ересь, и, установивъ истинный предѣлъ и совершеннѣйшее всякаго боговѣдѣнія и богословія, передалъ всей Церкви Христовой новый завѣтъ, написанный изъ устъ Христовыхъ, настолько достоуважительнѣйшій и богоприличнѣйшій написаннаго въ древности Моисеемъ на скрижаляхъ, насколько новый завѣтъ превосходнѣе древняго и законъ духа и истины превосходнѣе закона письмени. Но объ этомъ довольно.

Когда онъ совершилъ служеніе Духу и священнодѣйствіе благовѣствованія, т. е. дѣло высокаго апостольства, какъ истинно вѣрный и мудрый домостроитель, и достигъ уже великой старости: то пожелалъ разрѣшенія (Фил. 1, 23), лучше же сказать—перемѣ-

ия тлѣннаго тѣла на нетлѣнное, ибо, всегда бывъ соединенъ въ небѣ со Христомъ умомъ и мыслію, онъ только тѣломъ и внѣшностію былъ на землѣ.

Когда приблизился день кончины, блаженный беретъ вѣрнѣйшихъ изъ учениковъ, уходитъ не въ дальнее отъ Ефеса мѣсто, восходитъ на одинъ холмъ и приказываетъ копать мѣсто для погребенія, а самъ, поднявъ очи ко Господу и руки къ небу, приходитъ весь въ состояніе восхищенія и въ такомъ состояніи молится Богу. Окончивъ молитву, онъ обратился къ присутствовавшимъ, успокоилъ ихъ объясненіемъ божественныхъ таинъ и прекрасными увѣщаніями и убѣжденіями и тотчасъ вошелъ въ вырытую яму и наклонился въ ней, а присутствовавшіе закрыли мѣсто погребенія камнями. На другой день послѣдніе, исполняя бывшее имъ повелѣніе, пришли сюда, отвалили камни и (о чудо!) не нашли блаженнаго, очевидно потому, что онъ переселился къ Богу, но въ доказательство его переселенія, или лучше, его воскресенія нашли его одежды.

Нельзя конечно предполагать, что онъ, подобно Иліѣ, остается живымъ въ смертномъ тѣлѣ; ибо Христосъ, говорится, не сказалъ ему, что онъ не умретъ (1оан. 21, 23). Нельзя сказать и того, что онъ ожидаетъ послѣдняго дня подобно прочимъ усопшимъ. Переселяясь къ Пренебесному, онъ только оставилъ свою дѣвственную и святую скинію такъ, какъ нужно было для того, чтобы испытать ему смерть, и, тотчасъ вступивъ въ истинную жизнь о Христѣ, получилъ въ даръ и какъ-бы въ особенное какое воздаяніе за свою безмѣрную любовь то, что и тѣломъ сталъ жить не-

тлѣнною жизнію и обитать въ веселіи въ небесномъ раю вмѣстѣ съ Богородицею, какъ-бы съ матерію. Итакъ, полагаю, слѣдуетъ вѣрить, что онъ, по евангельскому изреченію, пребываетъ, пока придетъ Господь (Іоан. 21, 23).

Доведши слово до этого, мы поражаемся недосягаемою высотою Іоанновой божественности и величественности, изумляемся ни съ чѣмъ несравнимому превосходству его святости и вынужденными находимся замолчать, не въ состояніи будучи составить достойные его гимны. Поэтому, окончимъ слово, сдѣлаемъ небольшое обращеніе къ его возлюбленной Богу и досточестной душѣ.

Радуйся, истинно возлюбленный Возлюбленнаго! Радуйся, весьма сдружившійся съ источникомъ и верхомъ красоты Христомъ; ибо ты всѣхъ возлюбленныхъ Его превосходишь красотою духа и благолѣпіемъ и правотою ума и мысли.

Радуйся, неприкосновенная и мысленная, небесная и таинственная, недосягаемая и преестественная красота! Радуйся, дѣвственникъ по тѣлу, ибо ты никогда не запятналъ себя нечистотою плотскаго пожеланія, — дѣвственникъ по душѣ, ибо ты никогда даже въ мысли не мечталъ о тѣлесной красотѣ,—дѣвственникъ по духу, ибо ты чистъ чистымъ сердцемъ, потому что, подобно непорочной невѣстѣ, подлинно узналъ небеснаго Жениха и непорочно возлюбилъ Его и соединился съ Нимъ, какъ сказано: „соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ“ (1 Кор. 6, 17).

Радуйся, истинный и вѣрный таинникъ, любитель и служитель Бога Слова: Онъ, когда придетъ отъ Отца,

поистинѣ сотворитъ обитель у тебя; ибо ты, соблюдая заповѣди Его, пребылъ въ Немъ и имѣешь Его въ себѣ пребывающимъ во вѣки и открыто являющимъ тебѣ богоначальную славу.

Радуйся, сынъ и наслѣдникъ Божій, также братъ и сонаслѣдникъ Божій; посвященный во всѣ тайны царства Божія и по откровенію ясно видѣвшій все будущее и сообщивший о томъ въ письмени церквамъ.

Радуйся, одинъ вмѣстѣ съ Матеріею Богородицею обитающій нынѣ съ тѣломъ въ раю и оттуда созерцающій духомъ всю землю!

Призри на насъ, преблаженный богословъ и евангелистъ, милостиво, вразуми насъ посланіями своими, утверди насъ богословіемъ своимъ, исправь насъ заповѣдями своими, упаси насъ, возвысь и представь насъ Богу въ вѣчность, въ славу Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки. Аминь.

VIII.

Симеона Метафраста († ок. 910 г.) (¹)

Какъ немного отстоитъ человѣкъ отъ ангеловъ (Псал. 8, 6) и что онъ можетъ имѣть общеніе съ ними и уподобляться имъ, можетъ даже подражать Богу (Матѳ. 5, 48), и, что гораздо болѣе, сдѣлаться сыномъ Его по благодати (Гал. 4, 6. 7), это преимущественно предъ всѣми другими показываетъ сей великій евангелистъ и апостолъ усыновленный Матери Дѣвѣ (Іоан.

(¹) Воспоминаніе о святомъ апостолѣ, евангелистѣ и богословѣ Іоаннѣ. *Симеон. метафр.* Opp. t. III p. 684—705. Paris. 1864.

16. 26. 27), удостоившійся назваться братомъ Христовымъ и бывшій участникомъ въ Его тайнахъ. О такомъ величіи Божіемъ, проявленномъ въ Іоаннѣ, громогласно возвѣщаетъ само божественное Писаніе; но яснѣе покажетъ намъ настоящее повѣствованіе.

Этотъ гласъ Слова, сынъ грома, огласившій проповѣдію всю вселенную, и, что всего важнѣе и одно само по себѣ достаточно, возлюбленный самому Христу моему, имѣлъ отечествомъ не городъ какой нибудь: онъ родился въ одномъ незначительномъ селѣ презрѣнной области. Рѣчь эту подтверждаютъ книжники, говоря, что изъ Галилеи не приходилъ пророкъ (Іоан. 7. 52); подтверждаетъ ее и подлинный израильтянинъ, предъявляя, что изъ Назарета не можетъ быть ничего добраго (Іоан. 1. 46). Вотъ изъ какой страны произросъ, какъ нѣкая вѣтвь, такой священникъ; отецъ его также соотвѣтствовалъ отечеству, былъ незнатенъ и неуважаемъ, рыбакъ и бѣднякъ. Когда Іоаннъ вышелъ изъ отроческаго возраста, отецъ назначаетъ сыну тоже занятіе: онъ передалъ ему въ наслѣдство рыболовное искусство. Такимъ образомъ сынъ сталъ товарищемъ отца въ промыслѣ, и оба они жили въ крайней бѣдности; ибо можно ли указать что нибудь бѣднѣе и вмѣстѣ уничиженнѣе рыбаковъ? Но одинъ изъ нихъ, именно Іоаннъ сталъ проповѣдникомъ и учителемъ истины. Притомъ, что еще болѣе служитъ доказательствомъ его уничиженнаго состоянія, онъ ловилъ рыбу не въ морѣ, но въ одномъ небольшомъ озерѣ вмѣстѣ съ отцемъ и братомъ Іаковомъ, чинилъ вмѣстѣ съ ними же порвавшіяся сѣти, что̀ также было признакомъ

крайней бѣдности, трудомъ рукъ вознаграждая недостатокъ необходимаго для жизни. Онъ не получилъ еллинскаго образованія даже въ малой степени. Объ этомъ свидѣтельствуетъ божественный Лука, называя его некнижнымъ и простымъ (Дѣян. 4, 13). Одно только имѣлъ онъ отличіе, по которому былъ извѣстенъ: это—драгоцѣнное сокровище, наслѣдованное отъ предковъ,—благочестіе. Когда облака сѣни начали разсѣеваться и образы переходить въ истину, Ты, Господи, создавшій на единѣ сердца наши (Псал. 32, 15), не разорилъ завѣта Своего съ нами (Дан. 3, 34), но видя видѣлъ бѣдствіе Израиля. Не переставая быть Богомъ, Ты ради насъ сталъ тѣмъ же, что и мы, кромѣ грѣха, и, не оставляя престола Отца, ради меня вселился въ Дѣву, чтобы переселился на небо я, возванный изъ прежняго паденія, освобожденный отъ грѣха и получившій прежнее усыновленіе (Гал. 4, 5). При этомъ надлежало, чтобы были и ученики, которые служили бы таинству домостроительства. Тогда призываются Андрей и Петръ; призывается также и Іоаннъ, находившійся около рыбъ, сѣтей и озера. Услышавъ отъ гласа Слова повелѣніе сдѣлаться ловцемъ человѣковъ (Мат. 4, 19), онъ тотчасъ оставляетъ отца, брата и лодку, присоединяется къ Звавшему его (Мат. 4, 18—22), совлекается земнаго человѣка ради небеснаго, обучается ловлѣ разумныхъ душъ, и, слѣдуя по стопамъ Учителя, любитъ враговъ, благословляетъ гонящихъ (Мат. 5, 44). Однимъ словомъ, онъ въ точности усвояетъ Его законъ и являетъ плоды обученія, достойные такого Учителя, такъ что, постепенно усовершаясь, дѣлается

самымъ близкимъ Его ученикомъ и проповѣдникомъ—богословомъ по преимуществу. Онъ образуетъ всѣ чувства, всецѣло посвящаетъ себя дѣвству, а пищу вкушаетъ въ самомъ умѣренномъ количествѣ, чтобы только поддерживать свое святое тѣло; почему украшается еще названіемъ дѣвственника, становится другомъ Имѣющаго власть (Мато. 7. 29), даже имѣетъ Его говорящимъ въ себѣ, слышитъ отъ Него то, что Онъ слышалъ отъ Отца (Іоан. 15, 15). Когда Христосъ пошелъ на гору, и онъ вмѣстѣ съ Нимъ взошелъ туда и удостоился чуднаго и неизреченнаго видѣнія: созерцалъ обнаженнымъ самое божество Слова и слышалъ небесный голосъ, коимъ Отецъ назвалъ Сына возлюбленнымъ и отдалъ евангелію преимущество предъ ветхимъ завѣтомъ (Матѳ. 17, 5). Наступаетъ прекрасная вечеря: Іоаннъ и теперь не отлучается. Потомъ, когда Петръ рѣшился узнать, кто замышлялъ страшное предательство, то не осмѣлился спросить самъ, хотя былъ первымъ въ сонмѣ учениковъ (Матѳ. 10. 2), но предоставилъ это Іоанну; потому что зналъ, что чѣмъ былъ Христосъ у него, тѣмъ Іоаннъ былъ у Христа, что онъ былъ любящимъ Христа, а самъ былъ возлюбленнымъ Его. И смотри, какая предоставлена была ему свобода говорить. Онъ спрашиваетъ не обычнымъ образомъ и не показывая вида, что приступаетъ ко Христу со страхомъ, но обращается къ Учителю съ сознаніемъ, какъ Онъ любитъ его, и, приклонясь къ груди Его, говоритъ: „Господи! кто предастъ Тебя“ (Іоан. 21, 20)? Спаситель съ благосклонностію принимаетъ поступокъ Іоанна, милостиво встрѣчаетъ смѣлое слово его какбы высказанное во

время, немедленно разрѣшаетъ вопросъ его и посредствомъ хлѣба указываетъ предателя (Іоан. 13, 23—26), показывая этимъ, что для Него неприскорбно такое дерзновеніе. Отсюда видно также, что Іоаннъ вмѣстѣ съ братомъ просилъ престола какъ можно ближе ко Христу не изъ стремленія къ славѣ (Мар. 10, 35—37), но изъ любви ко Христу и вслѣдствіе нежеланія, чтобы другой кто-нибудь былъ ближе къ Тому, кого онъ такъ любилъ. Іисуса судятъ: при этомъ находится и Іоаннъ, вмѣстѣ съ Нимъ, какъ знакомый первосвященнику, входитъ во дворъ первосвященническій, говоритъ съ привратницею и вводитъ Петра, стоявшаго за дверями (Іоан. 18, 15. 16). Наступаетъ время спасительнаго страданія и Слово готово уже отойти ко Отцу: Іоаннъ вмѣстѣ съ Матерію Его стоитъ при крестѣ, и Матерь слышитъ отъ Сына и Творца своего: „вотъ сынъ твой возлюбленный“, а онъ: „вотъ матерь твоя“ (Іоан. 19, 25—27). Съ этаго времени дѣвственникъ по душѣ и по тѣлу беретъ къ себѣ Матерь и Дѣву (Іоан. 19, 27). Немного спустя, онъ видитъ воскреснаго Христа, и, увидѣвъ, узнаетъ Его (Іоан. 21, 7). Онъ вмѣстѣ съ Петромъ бѣжитъ ко гробу, приходитъ къ нему первый и видитъ пелены (Іоан. 20, 4. 5). Онъ принимаетъ вдуновеніе Духа Святаго, въ обиліи получаетъ дары Его и божественными руками посвящается въ апостола всего міра (Іоан. 20, 21—23).

Учитель говорилъ, что „у Него есть и другія овцы, которыя хотя не сего двора, но и тѣхъ надлежитъ Ему привесть“, что онѣ должны быть пасены единымъ пастыремъ, что должно быть одно стадо и одинъ Па-

стырь, что онѣ должны слѣдовать за Нимъ прямо и добровольно и что онѣ не должны быть расхищены, разгнаны и растлѣны чужою свирѣлью (Іоан. 10, 16. 12). Іоаннъ и печется объ этихъ овцахъ какъ должно, отправляется въ путь собрать разсѣянныхъ во едино, призвать заблудшихъ свирѣлью истины и образовать одно стадо подъ однимъ истиннымъ Пастыремъ, а жестокихъ и непоатливыхъ сердцемъ сдѣлать посредствомъ божественнаго огня мягкими и удобопреклонными. Поэтому, оставивъ Палестину, онъ отправился въ Азію, и, устроивъ въ ней все надлежащимъ образомъ, избираетъ мѣстомъ своей проповѣди Іонію и приходитъ въ Ефесъ, гдѣ было множество хищныхъ звѣрей и много такого, что было гораздо мучительнѣе всякой пытки. Сначала онъ одною молитвою ниспровергаетъ храмъ амазонокъ, посвященный идоламъ, и этимъ какъ бы счищаетъ грязь съ улицы. Потомъ выводитъ изъ заблужденія жрецовъ, получившихъ названіе это отъ совершаемыхъ ими жертвоприношеній,—однихъ словами, а другихъ—знаменіями, обличеніями и доведеніемъ до крайности; такими многочисленными способами онъ дѣлаетъ то, что они начали обучаться благочестію, и даже сами сдѣлались наконецъ вождями и учителями истины для другихъ. Такимъ образомъ, то обличая, то убѣждая исполнять обязанности и будучи для всѣхъ всѣмъ (1 Кор. 9, 22), онъ вводитъ всѣхъ въ удѣлъ спасаемыхъ, такъ что изъ этого случая понятны слова Павла: „гдѣ умножился грѣхъ, тамъ стала преизобиловать благодать“ (Рим. 5, 20).

Но это не давало покоя лукавому. Съ завистію усматривая, что такимъ образомъ усиливается благочестіе и зная причину этого, онъ вооружается противъ Іоанна всевозможными средствами. Что же предпринимаетъ онъ? Входитъ въ сына Веспасіанова Домиціана, царствовавшаго послѣ Тита, и вмѣстѣ съ нимъ вооружается противъ благочестія. И прежде всего старается умертвить Іоанна, бывшаго опорою всѣхъ. Онъ повелѣваетъ немедленно представить его изъ Азіи въ Европу и оттуда отправляетъ его въ ссылку, какъ покажетъ слѣдующій расказъ.

Когда Іоаннъ предсталъ предъ лице царя, то прежде всего былъ спрошенъ, кто онъ, откуда родомъ, какую исповѣдуетъ вѣру, и о комъ говоритъ онъ, какъ объ имѣющемъ придти. Іоаннъ отвѣчаетъ, что онъ называется Іоанномъ, родомъ изъ земли іудейской, принадлежитъ къ обществу христіанъ, и что имѣющій придти, о которомъ проповѣдуетъ онъ, есть Тотъ, чей престолъ какъ луна, совершенная во вѣкъ (Псал. 88, 38). За тѣмъ царь сказалъ: „чѣмъ же ты можешь доказать это? словъ твоихъ недостаточно для того, чтобы повѣрить тому, на что нѣтъ очевиднаго доказательства“. Тогда (о неизрѣченная сила Твоя, Владыко!) немедленно исцѣляются болѣзни, прогоняются легіоны бѣсовъ, оживаютъ мертвые, повинуясь приказанію скорѣе, чѣмъ живые. При этомъ Іоаннъ, говорятъ, сказалъ: „не сомнѣвайся, царь! но отъ видимаго заключай къ тому, что еще не открыто. Что же касается разсказовъ о Кроносѣ, Зевсѣ и прочихъ богахъ вашихъ; то, если недостаточно сказаннаго о нихъ предшественниками на-

ними, я легко могу сказать, что они ничего не значатъ и что напротивъ они полны крайняго безчинства, смѣха и безумія. Отвергни горечь заблужденія и насыщайся изъ здороваго и сладчайшаго источника". Царемъ, говорятъ, овладѣли изумленіе и вмѣстѣ гнѣвъ: изумленіе—по причинѣ чудесъ, совершенныхъ Іоанномъ, а гнѣвъ потому, что Іоаннъ поносилъ боговъ его. Но свѣтъ слова не проникъ въ сердце царя, одержимое густымъ мракомъ. А что онъ не умертвилъ Іоанна, этому воспрепятствовали слова, сказанныя Петру: „если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока приду, что тебѣ до того" (Іоан. 21, 22)? Онъ только осудилъ его на вѣчную ссылку на одинъ изъ спорадскихъ острововъ, называемый Патмосомъ: каковое наказаніе съ давнихъ временъ почиталось у римлянъ равнымъ смерти. Итакъ великаго апостола отправили въ мѣсто ссылки, и онъ поселился на островѣ. Спустя немного времени, островитяне признаютъ сына громова охранителемъ и покровителемъ острова, начинаютъ наблюдать правду и обращаются къ благочестію.

Въ то время, когда апостолъ находился здѣсь, чудный Діонисій, имѣвшій уже около девяноста лѣтъ, писалъ ему изъ Аѳинъ слѣдующее: „Привѣтствую, возлюбленный, священную душу твою, и это привѣтствіе будетъ моимъ преимуществомъ предъ многими. Здравствуй, истинно возлюбленный Христу". Потомъ прибавляетъ: „что удивительнаго, если Христосъ говоритъ истину? если нечестивые выгоняютъ учениковъ Его изъ городовъ, сами приготовляютъ себѣ должное воздаяніе и сами, беззаконные, отдѣляютъ и отлучаютъ себя отъ

святыхъ“? Потомъ въ самомъ концѣ письма вотъ что еще пишетъ о будущемъ: „Я совершенно достоинъ вѣроятія, потому что я отъ Бога узналъ, чему предопредѣлено быть съ тобою, и говорю, что ты будешь освобожденъ изъ заточенія въ Патмосѣ, возвратишься въ азіатскую страну, будешь дѣйствовать здѣсь, какъ истинный подражатель благаго Бога и оставишь тѣмъ, которые послѣдуютъ за тобою, преданія Его“. Все это въ свое время случилось, и пророчество исполнилось въ то время, когда, какъ покажетъ далѣе въ повѣствованіи своемъ, Діонисій окончилъ свою жизнь при Домиціанѣ, мученичествомъ за Христа.

Что же случилось послѣ этого? Домиціана умерщвляютъ; ему наслѣдуетъ въ правленіи Нерва и, какъ человѣколюбивый, даетъ осужденнымъ въ ссылку свободу возвратиться. Спустя немного времени, скипетръ римскаго царства получаетъ Траянъ и тоже подтверждаетъ человѣколюбивый указъ, позволяя бывшимъ въ ссылкѣ возвратиться. Указы царскіе достигли и Патмоса; достигло позволеніе возвратиться и Іоанну. Онъ рѣшился отправиться на кораблѣ въ Ефесъ; но жители острова просили, чтобы онъ не уходилъ, но оставался у нихъ, ибо они не въ состояніи перенести потерю нѣжнолюбящаго ихъ отца. За тѣмъ слѣдуютъ плачъ, сѣтованія и слезы. „Кто, говорили, займетъ у насъ мѣсто твое? гдѣ такой, какъ ты, отецъ и пастырь, которому мы подчинились бы? чѣмъ вознаградимъ любовь, пламенное расположеніе твое“? Когда не успѣли уговорить Іоанна, чтобы остался у нихъ, послѣдовала другая мольба. Стали просить его, чтобы не

совершенно удалялся отъ нихъ и не повергалъ ихъ въ крайнюю скорбь, но оставилъ у нихъ хотя тѣнь вмѣсто предмета, т. е. вмѣсто себя—свои рѣчи, и описалъ таинство всего домостроительства Христова о насъ. Іоаннъ уступаетъ ихъ просьбѣ, или, лучше сказать, уступаетъ своей отеческой любви, которую питалъ къ нимъ, особенно послѣ того, какъ верховный Промыслъ такъ устроилъ счастіе многихъ и проповѣдь Евангелія. Прежде всего онъ налагаетъ постъ на самого себя и постится почти до истощанія тѣла; тоже самое и вмѣстѣ воздержаніе отъ зла предписываетъ онъ и другимъ. Водворивъ между ними такое спокойствіе, онъ оставляетъ ихъ, а одному изъ семи діаконовъ (Дѣян. 6, 5) велитъ слѣдовать за собою, чтобы онъ записывалъ то, что услышитъ отъ него, а самъ онъ—отъ Бога; то былъ Прохоръ. Потомъ онъ удаляется на вершину горы и здѣсь становится, какъ Самуилъ, прямо воздѣваетъ руки, какъ Моисей (Исх. 17, 11. 12), и, отвлекши умъ отъ всѣхъ чувствъ, всецѣло устремляетъ его на то, что составляло предметъ его пламеннаго желанія. Что же послѣдовало за этимъ? Раздались страшные громы и ужасы, засверкали постоянныя, внезапно возникшія молніи. Нисколько не погрѣшилъ бы противъ истины тотъ, кто сказалъ бы, что это было подобіе того, что происходило гораздо прежде при Моисеѣ, когда онъ предстоялъ предъ Богомъ и получалъ отъ Него скрижали Завѣта (Исх. гл. 19. 20). Прохоръ падаетъ на землю, какъ бездыханный, не снося такого зрѣлища, а Іоаннъ стоитъ безъ всякаго трепета: такъ далеко отогнала любовь страхъ (1 Іоан. 4, 18)! Наконецъ громъ какбы превращается въ голосъ и ясно зву-

литъ: „въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“ (Іоан. 1, 1). Прохоръ, находившійся, по устроенію Божію, вблизи, хотя видитъ свѣтъ съ трепетомъ, но никого не слышитъ, подобно тому, какъ и бывшіе нѣкогда съ Павломъ и Моисеемъ не слышали тѣхъ, кто сообщалъ имъ тайны. Языкъ грома богословствуетъ, а его таинникъ, мало по малу преодолѣвая страхъ, дрожащею рукою начертываетъ богословствуемое, доколѣ не было окончено все евангеліе. Наконецъ ужасы исчезаютъ и находящимся на землѣ открывается небесное. Іоаннъ сходитъ съ горы, неся въ рукахъ данный ему новый законъ, какъ нѣкогда боговидецъ Моисей—скрижали, и принесши отдаетъ его просившимъ. Такимъ образомъ вручивъ имъ новый полученный имъ законъ, онъ, вопреки желанію и изволенію, отплываетъ въ Ефесъ. Какъ тѣ, которые долго страдаютъ слѣпотою глазъ и потомъ какъ-нибудь освобождаются отъ этой болѣзни, смотрятъ на солнце съ большимъ наслажденіемъ, чѣмъ до болѣзни: такъ и ефесяне, увидѣвъ у себя возлюбленнаго Христова, нѣкоторымъ образомъ оказываютъ къ нему болѣе расположенія, чѣмъ прежде. А онъ что? Хотя онъ сильно и часто изнемогалъ, однако не давалъ сна глазамъ и вѣждямъ дреманія и искамъ покоя (Псал. 131, 4), но поучалъ народъ и показалъ большее рвеніе относительно невѣровавшихъ. Впадшихъ въ заблужденіе онъ возвращалъ къ истинѣ, а звѣрей, въ отсутствіе его нагло вторгшихся во дворъ овчій, прогонялъ, и опять созывалъ стадо. Такимъ образомъ, приведя все въ Ефесѣ въ порядокъ, онъ отправляется къ сосѣднимъ

народамъ, чтобы въ однихъ мѣстахъ поставить епископовъ, а въ другихъ—наставить и запечатлѣть (муропомазать) Духомъ даже цѣлыя церкви.

Слово наше простерлось уже далеко, а между тѣмъ мнѣ должно сказать еще о добротѣ души Іоанна и о томъ, какъ велико было его человѣколюбіе. По этому возвращусь нѣсколько назадъ и разскажу то, что разсказываетъ въ сочиненіи: „какой богачъ спасется“,—Климентъ, пресвитеръ александрійской церкви, мужъ, достойный удивленія и въ другихъ отношеніяхъ и извѣстный своимъ краснорѣчіемъ. Возвратившись съ острова Патмоса, Іоаннъ пришелъ въ одинъ городъ неподалеку отъ Ефеса (нѣкоторые знаютъ и названіе его), гдѣ, благовременно преподавъ утѣшеніе находившейся въ немъ братіи, нашелъ одного юношу, виднаго тѣломъ, пріятнаго лицемъ. Замѣтивъ въ немъ проницательною силою Духа благородство души и кротость права, онъ преподаетъ ему благословеніе и достаточно укрѣпляетъ и поощряетъ его къ добродѣтели. А такъ какъ онъ намѣренъ былъ удалиться и отправиться въ другія мѣста, чтобы огласить проповѣдію и землю и море и острова; то поручаетъ юношу епископу города въ церкви, призвавъ въ свидѣтели самого Христа; причемъ далъ много наставленій относительно обученія и воспитанія его. Епископъ охотно принялъ юношу въ свое попеченіе и обѣщалъ приложить о немъ все стараніе. Потомъ Іоаннъ отправился въ Ефесъ, и епископъ, взявъ юношу къ себѣ въ домъ, воспитывалъ его, училъ его, заботился о немъ, и наконецъ крестилъ его. Но послѣ того, какъ сообщилъ ему

совершеннаго хранителя—печать Господню, менѣе уже сталъ наблюдать за нимъ. Юноша, воспользовавшись раннимъ послабленіемъ, подружился съ нѣкоторыми, однихъ съ нимъ лѣтъ, необузданными и неукротимыми въ страстяхъ людьми, которые увлекли его, удобопреклоннаго къ порокамъ, сперва роскошными пирами и обѣдами. Чтоже послѣдовало за этимъ? Легокъ и гладокъ путь, ведущій къ порокамъ (Мато. 7, 13), и кто сдѣлаетъ на немъ первый шагъ, тотъ, по причинѣ ровности его, очень удобно можетъ быстро пройти и къ самому краю его. Идя по этому пути, они отправились въ одну ночь на грабительство и взяли съ собою юношу. Юноша, ослѣпленный любовію къ разбойничеству и распаляя свою страсть жаждою богатства, не ограничился первыми опытами преступленія, имѣя отъ природы отличныя дарованія, но составилъ изъ бывшихъ съ нимъ шайку разбойниковъ, сталъ начальствовать надъ нею и всѣхъ превзошелъ звѣрствомъ. Послѣ этого Іоаннъ опять приходитъ въ городъ этотъ и устроивъ, какъ должно, все, для чего пришелъ, обратился къ епископу и сказалъ: „возврати намъ залогъ, который я и Христосъ ввѣрили тебѣ при свидѣтельствѣ церкви“. Епископъ сначала изумился, думая, что у него спрашиваютъ деньги, тогда какъ собственное сознаніе увѣряло его, что онъ не бралъ никакихъ денегъ. Онъ былъ въ недоумѣніи, какъ потребуютъ съ него то, чего не давали ему; но, съ другой стороны, не смѣлъ и не вѣрить Іоанну. Апостолъ сказалъ: „требую отъ тебя юношу и душу брата. Тутъ старецъ тяжело вздохнулъ изъ глубины смущенной души и со слезами сожалѣнія ска-

залъ: „онъ умеръ“. Потомъ на вопросъ, какъ и какою смертію, отвѣчалъ: „умеръ для Бога; ибо сдѣлался разбойникомъ, оставилъ церковь, поселился на горѣ и нашей заботѣ и попеченію о немъ предпочелъ сообщество съ злодѣями“. Тогда апостолъ, глубоко огорченный, сказалъ епископу: „прекраснаго же стража братской души оставилъ я въ тебѣ! поспѣшите приготовить мнѣ лошадь и дать кого-нибудь въ проводники“. И тотчасъ, сѣвъ на лошадь, понесся во весь опоръ, считая быстроту лошади не соотвѣтствующею своей поспѣшности. Едва только взъѣхалъ онъ на гору, былъ взятъ передовою стражею разбойниковъ, и не старался ни упрашивать ни бѣжать. „Я для того и пришелъ, говорилъ онъ; ведите меня къ своему начальнику“. Послѣдній, лишь только узналъ, что это Іоаннъ, со стыда обратился въ бѣгство. Іоаннъ, забывъ свою старость и всякую умѣренность въ ходьбѣ, погнался за нимъ. Наконецъ, воскликнувъ сильнымъ и громкимъ голосомъ, сказалъ: „зачѣмъ, сынъ мой, ты бѣжишь отъ меня, своего отца? уважь сѣдины мои и сжалься надъ цвѣтущимъ возрастомъ своимъ. Есть еще надежда жизни; я берусь отвѣчать за тебя. Остановись, сынъ мой! Христосъ послалъ меня къ тебѣ“. Юнона, услышавъ это, сперва остановился и смотрѣлъ въ землю, не смѣя отъ стыда поднять глаза вверхъ, потомъ, бросивъ оружіе на землю, жалостно и съ сильною скорбію зарыдалъ, и наконецъ, когда подошелъ къ нему старецъ, обнялъ его съ выраженіями величайшей скорби, показывавшими, что онъ, не смотря на свои стоны, не достоинъ никакихъ вздоховъ, и, не смотря на свои слезы, не досто-

инъ никакого сожалѣнія; но при этомъ старался спрятать свою правую руку, потому что опасался подать ему ее, оскверненную столькими злодѣяніями и разбоями. Но Іоаннъ, какъ отецъ, движимый сильною любовію, обѣщаетъ юношѣ прощеніе, увѣряетъ, что милостивъ будетъ Судія, цѣлуетъ правую руку юноши и опять приводитъ его въ церковь. Потомъ Іоаннъ началъ усердно молиться за него Богу, вмѣстѣ съ нимъ содержалъ продолжительные посты, успокоивалъ душу его разными назидательными бесѣдами, какъ бы какими мастями, и не прежде удалился, какъ возвратилъ юношѣ прежнее здравіе. Такъ апостолъ открылъ образецъ покаянія для живущихъ на землѣ, и образецъ этотъ именно таковъ, что не должно умалчивать о немъ.

А вотъ другое дѣло Іоанново, гораздо важнѣйшее, удивительнѣйшее и показывающее сострадательность и могущество человѣколюбивой души его. Повѣствуютъ, что нѣкто изъ тогдашнихъ вѣрующихъ сначала имѣлъ все, необходимое для жизни, и ни въ чемъ не терпѣлъ нужды, но потомъ впалъ въ крайнюю бѣдность, такъ что вошелъ въ большіе долги и сталъ подозрительнымъ для многочисленныхъ заимодавцевъ. Они зорко слѣдили за нимъ, какъ за какою-нибудь добычею, а онъ дошелъ уже до того, что сталъ терпѣть недостатокъ въ самомъ необходимомъ для жизни. Отъ тяжкаго стыда, который онъ испытывалъ отъ требовательныхъ заимодавцевъ, также будучи уже не въ состояніи переносить крайней бѣдности, человѣкъ этотъ рѣшился прибѣгнуть къ смерти. Онъ пожелалъ какъ можно скорѣе умереть, чтобы избавиться и отъ бѣдности и отъ множества дол-

говъ. Но такъ какъ смерть сама не приходила, то онъ нашелъ короткій къ ней путь: отправился къ искуснѣйшему приготовителю ядовъ и волшебнику, по вѣрѣ еврею, открылъ ему свое намѣреніе и просилъ его помочь ему въ томъ, что̀ онъ задумалъ, и быть участникомъ въ его смерти. Еврей тотчасъ же является готовымъ къ услугамъ, даетъ ему ядъ и совѣтуетъ ему прекратить жизнь. Несчастный, взявъ ядъ, возвращается домой. Онъ борется съ разнообразными мыслями и сильно колеблется въ выборѣ одного изъ двухъ: съ одной стороны его привлекали наслажденія настоящею жизнію, а съ другой—ему представлялись множество заимодавцевъ и несчастія, происходящія отъ бѣдности; все это приводило его въ крайнее недоумѣніе. Когда взиралъ онъ на пріятный сей свѣтъ, то отвращался отъ яда; но когда оглядывался на окружающую его со всѣхъ сторонъ бѣдность и бралъ во вниманіе душевныя муки, то склонялся къ самоубійству. Наконецъ нужда преодолѣла. Чтобы избавиться отъ бѣдствій, онъ рѣшился избавиться отъ самой жизни. Онъ выливаетъ ядъ въ чашу и беретъ ее краями пальцевъ; потому что душа не лежала къ яду, но находилась въ сильномъ страхѣ, а сердце билось непрестанно. Наконецъ онъ изображаетъ надъ чашею обычное христіанамъ знаменіе креста и тотчасъ, закрывъ глаза, выпиваетъ ядъ; но (о великое и чудное всемогущество твое, Христе!) остается невредимымъ: крестъ уничтожилъ силу яда. Послѣ этого его опять преслѣдуетъ таже нужда и осаждаютъ тѣ же заимодавцы; онъ по прежнему терзается въ душѣ отъ бѣдности и изыскиваетъ всякіе способы къ избавленію

себя отъ настоящихъ бѣдствій; но принимать другой ядъ медлитъ и прибѣгнуть къ смерти не рѣшается. Между тѣмъ отъ несчастій онъ не освобождался, а ихъ онъ почиталъ тягчайшими самой смерти. Посему, желая уврачевать зло зломъ, поспѣшно идетъ къ составителю ядовъ и снова проситъ у него другаго яда, предъявляя, что прежній ядъ вовсе не годился на то, на что былъ взятъ, какъ будто былъ пересиленъ его природою; ибо онъ, неразумный, говорилъ, что въ этомъ заключалось препятствіе силѣ яда, не догадываясь, что смерть была предотвращена крестомъ, который еще прежде убилъ змія, гораздо опаснѣйшаго этого яда. Волшебникъ и составитель ядовъ, соглашаясь съ нимъ, даетъ ему другой ядъ, сильнѣйшій прежняго. Когда взявшій ядъ пришелъ домой и хотѣлъ пить его; то въ немъ снова началась борьба съ прежнимъ страхомъ и съ прежними душевными муками и тѣми двумя влеченіями, при чемъ онъ обливался потомъ и дрожалъ. Потомъ онъ опять назнаменовалъ чашу обычнымъ знаменіемъ креста, и, выпивъ, опять остался невредимымъ. Тутъ онъ и самъ изумился, потому что не могъ угадать причины произшедшаго, и былъ пораженъ крайнимъ недоумѣніемъ, ибо еще не могъ понять, что силу яда уничтожала сила креста. Погруженный въ море печали и страданій и не въ состояніи будучи ни придти въ здравый умъ, ни узнать того, что, по пословицѣ, было у него подъ ногами, онъ опять идетъ къ еврею и разсказываетъ ему тоже самое, что и въ первый разъ. Тотъ также пришелъ въ смущеніе и долгое время находился въ сильномъ недоумѣніи. Потомъ, желая узнать причину, почему онъ ошибся отно-

сительно яда (ибо онъ былъ волшебникъ и мастеръ своего дѣла), подробно распрашивалъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ тотъ принималъ ядъ, возвратившись домой. Тотъ сказалъ: „пришедши домой, я ничего не дѣлаю, кромѣ того только, что выливаю ядъ въ чашу, потомъ послѣ непродолжительнаго колебанія, при сердечныхъ мукахъ, съ боязнію знаменую чашу крестомъ, обычнымъ знаменіемъ христіанъ, и, закрывъ глаза, выпиваю ядъ“. Еврей, услышавъ слово „крестъ“, тотчасъ догадался, въ чемъ было дѣло, т. е. что силу яда уничтожалъ крестъ. Но что бы дѣло не основывалось на одной простой догадкѣ, онъ хочетъ еще какъ-нибудь увѣриться: даетъ ядъ одной собакѣ, и она тотчасъ же издыхаетъ. Еврей, не доискиваясь большихъ доказательствъ, отрекается отъ отеческой ереси и обращается къ истинѣ. И прежде всего оставляетъ занятіе обольщеніемъ въ свою пользу, и ядъ, бывшій для пользовавшагося имъ другимъ образомъ истинно смертоноснымъ орудіемъ прежняго волшебства его, сдѣлался вѣрнымъ изображеніемъ его перемѣны. Онъ приходитъ къ ученику Христову, руководителю заблудшихъ, открываетъ многозвучной трубѣ Духа свой замыселъ, обличаетъ свое безуміе, открыто объявляетъ преступную тайну и исповѣдуетъ несостоятельность своего прежняго заблужденія. Іоаннъ принимаетъ пришедшаго, похваляетъ его раскаяніе и ограждаетъ его наставленіями и совѣтами, а потомъ возраждаетъ его крещеніемъ и усвояетъ Владыкѣ всего. Но раздаятель общаго спасенія не презрѣлъ и того, кто доставилъ еврею поводъ къ обращенію и кто находился въ такомъ жалкомъ по-

ложеніи. Узнавъ причину, которая довела его до такой опасности и по которой онъ хотѣлъ жалкимъ образомъ лишиться самой жизни, онъ оживотворяетъ его отеческими бесѣдами, ободряетъ унывшую его душу и отгоняетъ отъ него печаль и отчаяніе. Потомъ, какъ сильный сдѣлать и это, доставляетъ ему утѣшеніе самымъ дѣломъ. Ибо что̀ онъ дѣлаетъ, когда увидѣлъ, что бѣднаго должника мучатъ и требованіе долговъ и недостатокъ необходимаго для жизни? Замѣтьте теперь, какими онъ надѣленъ былъ дарованіями. Какъ нѣкогда Петръ, шедшій съ нимъ въ храмъ въ часъ молитвы девятый, поступилъ, какъ повѣствуетъ Лука, съ хромымъ, сидѣвшимъ при красныхъ дверяхъ храма и просившимъ милостыни, сказавъ: „серебра и золота нѣтъ у меня“ и далъ ему то, что имѣлъ, и исцѣлилъ ноги его (Дѣян. 3, 1—7): такъ точно поступаетъ въ настоящемъ случаѣ Іоаннъ. Такъ какъ у него нисколько не было ни золота ни серебра, чтобы помочь человѣку, находившемуся въ крайней бѣдности; то онъ повелѣваетъ ему взять столько сѣна, сколько можно захватить обѣими руками. Тотъ, не зная причины этого и того, что хочетъ сдѣлать этимъ апостолъ, взялъ сѣна въ руки столько, сколько можно было. Іоаннъ одною молитвою и крестнымъ знаменіемъ превратилъ взятое сѣно въ самое чистое золото и тотчасъ повелѣлъ взять его съ тѣмъ, чтобы онъ устранилъ крайнюю бѣдность, заплатилъ долги, заготовилъ запасъ на послѣдующее время жизни, и употребилъ также часть на принесеніе благодарности Богу. Что можетъ сравниться съ этимъ чудомъ? Быть можетъ, и при входѣ въ храмъ Іоаннъ

имѣлъ какое-нибудь участіе въ чудѣ, совершенномъ Петромъ; но оба они требовали обильнѣйшей благодати Духа. Отсюда же можно видѣть могущество только Іоанна и то, какую стяжалъ онъ близость къ Богу. Такимъ образомъ Іоаннъ, находясь еще на землѣ, прогонялъ заблужденія, разсѣвалъ проповѣдь благочестія и насаждалъ истину. Когда же онъ привелъ къ Богу всѣхъ, ввѣренныхъ ему; то, сдѣлавъ мѣстомъ дѣйствія небо, а зрѣлищемъ вселенную, зрителями же ангеловъ, изумлявшихся величію его добродѣтели и разуму (ибо божественныя словеса ученія его вожделѣннѣе золота и множества дорогихъ камней, и слаще меда, текущаго изъ сота: Псал. 18, 11), вышелъ изъ города, повелѣвъ ученикамъ нести съ собою заступъ и мотыку. Взойдя на одну гору, гдѣ теперь построенъ храмъ его, превосходный по обширности и великолѣпію, и, ставъ на ней, сказалъ: „копайте, дѣти, здѣсь“. Потомъ, ознаменовавъ всего себя крестнымъ знаменіемъ и воззвавъ: „Ты, Господи Іисусе Христе, будь со мною“, а къ предстоящимъ сказавъ: „миръ вамъ, братія“, опустилъ въ яму плащъ и самъ сошелъ въ нее, наслѣдовавъ тѣломъ среднюю Азію, гдѣ распространяли нѣкогда философію члены еллинскихъ обществъ. Ученики его рвали на себѣ волосы, ударяли себя въ щеки и жалостно оплакивали свое сиротство, взывая къ пастырю, руководителю и охранителю, вообще къ тому, кто былъ для всѣхъ всѣмъ (1 Кор. 9, 22). Потомъ, возвратившись въ городъ, разсказали о случившемся своимъ согражданамъ. Когда наступилъ день, собираются къ могилѣ, желая узнать, не живъ ли еще учитель: стадо пришло, а па-

стыря не было; лежали одне сандаліи, а оставившій ихъ скрылся. Подобно бывшимъ съ Елиссеемъ, ходятъ туда и сюда, высматриваютъ, ищутъ; но трудъ ихъ остается безуспѣшнымъ. Потомъ, когда вспомнили слова: „если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока приду; что тебѣ до того“ (Іоан. 21, 23)?, тотчасъ ободряются духомъ. Іоаннъ присоединился къ Еноху и Иліи оевиттянину; а тѣ, прекративъ плачъ, восхвалили Бога всего, такъ возвеличившаго возлюбленнаго своего.

Въ тотъ день, когда совершилось это, въ Ефесѣ составляется въ честь этого богослова торжественное собраніе изъ людей всякаго званія и возраста,—собраніе, по великолѣпію своему подобное блеску звѣздъ. Кромѣ того, въ томъ священномъ мѣстѣ, куда онъ опустился съ своимъ плащемъ, выходитъ, на подобіе источника, нѣкоторая мелкая пыль, которая и раздается, и всякому приходящему подаетъ врачество отъ всякой болѣзни. Даже за всенощнымъ богослуженіемъ этого праздника священнослужители раздаютъ ее всѣмъ, собирающимся на это богослуженіе, и она нисколько не истощается, но чѣмъ больше черпаютъ ее, тѣмъ она больше течетъ, какъ какое-нибудь неистощимое сокровище, которое и принимающихъ его обогощаетъ и само постоянно увеличивается по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

IX.

Никифора, монаха (XIV в.), Каллиста (1).

Остается у насъ возлюбленный и возлежавшій у персей Господа ученикъ. Подробное повѣствованіе о его путешествіяхъ, о совершенныхъ имъ во время ихъ божественныхъ знаменіяхъ и сверхъестественныхъ дѣяніяхъ и о его чудныхъ и таинственныхъ рѣчахъ о Богѣ, кромѣ того, что превышаетъ силы наши, не входитъ, полагаю, въ планъ того упражненія и занятія, которое у насъ подъ руками. Повѣствуютъ, что божественнѣйшій сей евангелистъ, по вознесеніи Іисуса на небо, жилъ съ Матеріею Божіею въ своемъ домѣ близь Сіона до самаго переселенія его ко Господу. Потомъ онъ благовѣствовалъ Христа въ Азіи и здѣсь сравнялъ съ землею храмъ Артемиды. Во время гоненія Домиціанова, въ четырнадцатый годъ его правленія, онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ на островъ Патмосъ. Здѣсь онъ, вдохновенный Духомъ Святымъ, громко прогремѣлъ свое Евангеліе и священный и богодухновенный свой Апокалипсисъ.

Когда Домиціанъ умеръ, Іоаннъ возвратился въ азійскій городъ Ефесъ и заботился о тамошнихъ церквахъ: устроялъ храмы, поучалъ весь клиръ и приводилъ въ порядокъ, при помощи Духа, священство. Бывши въ одномъ городѣ, онъ увидѣлъ юношу, пріятнаго лицемъ и чувствительнаго душею; и, обратившись къ епископу, сказалъ: „этого я ввѣряю тебѣ, какъ залогъ, съ особенною заботливостію, при свидѣтелѣ Христѣ и Его Церкви“. Епископъ принялъ его и обѣщался сдѣ-

(1) Ecclesiast. histor. lib. II. cap. 42: opp. t. II. p. 869—873. Paris. 1865.

лать все, что только нужно для его воспитанія, а Іоаннъ возвратился въ Ефесъ. Взявъ юношу, епископъ содержалъ, питалъ и блюлъ его дома и привелъ его къ свѣту вѣдѣнія, но по времени ослабилъ тщательную заботливость о немъ, потому что сообщилъ ему совершенную печать о Христѣ. Воспользовавшись столь раннимъ послабленіемъ, юноша попалъ въ общество лѣнивыхъ, развратныхъ и привыкшихъ и руководившихъ ко всякому злу сверстниковъ. Они сперва увлекаютъ его непристойными обѣдами, а потомъ располагали его неоднократно къ совершенію вмѣстѣ съ ними зла. Тотъ съ теченіемъ времени по немногу привыкалъ къ дурнымъ дѣламъ, подобно тому, какъ сильный конь, закусивъ удила, мчится въ бездну. Наконецъ, отпавъ отъ наилучшей надежды и отчаявшись въ своемъ спасеніи, онъ составилъ разбойническую шайку, самъ дѣлается начальникомъ этаго злаго сборища и, превосходя всѣхъ кровожадностію и жестокостію, отличается внезапнымъ свирѣпымъ нападеніемъ на путешествующихъ. Проходитъ нѣсколько времени, и апостолъ снова является тамъ. „Вотъ, говоритъ онъ епископу, возврати залогъ, который я ввѣрилъ тебѣ при свидѣтелѣ Христѣ“. Епископъ изумился, думая, что оклеветанъ въ похищеніи денегъ, которыхъ не бралъ. Онъ не смѣлъ не вѣрить Іоанну, но и не могъ вѣрить тому, чего, по его сознанію, не было. Когда же Іоаннъ сказалъ, что говоритъ о юношѣ и душѣ брата, то глубоко вздохнулъ, заплакалъ и сказалъ: „онъ давно умеръ; ибо сдѣлался погибшимъ и совершенно злымъ человѣкомъ и, скажу тебѣ, главою злыхъ,

разбойникомъ, потому что оставилъ Церковь, занялъ одну гору и предводительствуетъ разбойническимъ обществомъ". Тогда апостолъ, разорвавъ свою одежду и съ великою скорбію ударивъ себя по головѣ, сказалъ: „прекраснаго же стража братской души оставилъ я въ тебѣ! Поспѣшите приготовить мнѣ лошадь и дать кого-нибудь въ проводники". Іоаннъ оставилъ церковь и поѣхалъ, какъ могъ скорѣе. Пріѣхалъ въ указанное мѣсто, онъ былъ взятъ соглядатаями разбойниковъ и не старался ни бѣжать ни упрашивать, а сказалъ, что онъ для того и пришелъ, и просилъ чтобы отвели его къ своему начальнику. Начальникъ какъ былъ вооруженъ, такъ и стоялъ при дорогѣ; но только что Іоаннъ подошелъ, узналъ его и какъ можно скорѣе побѣжалъ. Іоаннъ погнался вслѣдъ за нимъ, забывъ свою старость и все прочее, и громко и пронзительно взывалъ: „зачѣмъ, сынъ, бѣжишь отъ меня старика, отца своего, человѣка неодѣтаго и безоружнаго? Не бойся. Есть еще для тебя надежда жизни; я берусь отвѣчать за тебя предъ Христомъ, и, если потребуется, тотчасъ отдамъ душу свою за твою душу. Остановись и вѣруй. Христосъ послалъ меня". Услышавъ это, онъ сперва остановился и потупилъ глаза, потомъ бросилъ оружіе, затѣмъ весьма затрясся и залился слезами. Апостолъ подошелъ, а тотъ обнялъ его, слезами умолялъ, какъ могъ, о прощеніи и палъ на колѣна, только пряталъ свою правую руку. Но Іоаннъ съ клятвою обѣщалъ ему спасеніе и прощеніе отъ Спасителя и, облобызавъ его правую руку, какъ уже очищенную покаяніемъ, увлекъ его снова въ Церковь. Здѣсь же вознося за него частыя мо-

литвы, упражнялся съ нимъ въ постоянномъ постѣ и врачуя опухоль души его сладостію словъ, будто пѣніемъ сирены, оставилъ его только тогда, когда онъ совершенно возвращенъ былъ Церкви, и тѣмъ подалъ церквамъ великій примѣръ покаянія, прекрасное доказательство возрожденія и видимый трофей воскресенія прежде общаго воскресенія. Такъ записалъ на память потомству Климентъ, писатель „стромать", въ сочиненіи: „Какой богачъ спасется"? Я же, договорившись до сего, почелъ нужнымъ разсказать и о священномъ преставленіи этого апостола. Когда онъ предузналъ о своемъ отшествіи къ Богу и о днѣ и о часѣ онаго, то взявъ съ собою священниковъ и служителей Церкви, также всѣхъ, пламенныхъ вѣрою, братій, выходитъ за городъ ефесянъ, всходитъ съ ними на одинъ близлежащій холмъ, куда хаживалъ обыкновенно упражняться въ молитвѣ, и, прилежно помолившись здѣсь, поручаетъ церкви Богу и приказываетъ копать себѣ могилу заступами и мотыками. Потомъ, преподавъ присутствовавшимъ таинственное ученіе о Богѣ и отличныя наставленія о вѣрѣ, надеждѣ и особенно о любви, ибо самъ былъ возлюбленнымъ, и утвердивъ сердца ихъ, поручаетъ ихъ Спасителю Слову. Наконецъ, преподавъ имъ послѣднее цѣлованіе о Господѣ, знаменуетъ себя печатію креста и въ виду всѣхъ входитъ въ могилу, приказавъ имъ положить на нее надгробный камень и по крѣпче утвердить его, а самимъ придти на другой день, открыть могилу и тщательно осмотрѣть ее. Когда онъ, одѣтый въ погребальныя одежды, сошелъ такимъ образомъ въ яму и приготовилъ себя къ смерти, то немедленно почилъ

сномъ, приличнымъ праведникамъ, достигши глубокой старости, именно — шестьдесятъ осьмаго года послѣ страданій Христа Спасителя. Ибо мы должны вѣрить ему, особенно же Христу и мудрому Златоусту, приводящему, во свидѣтельство о смерти его, слова: „не сказалъ ему Іисусъ, что не умретъ; но: если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока приду (т. е. разрушить Іерусалимъ, ибо Іоаннъ прожилъ до этого времени и даже нѣсколько долѣе, до временъ Траяна); что тебѣ до этого“ (Іоан. 21, 23)? Такъ Іоаннъ окончилъ жизнь свою, а неизрѣченная слава Божія, возсіявъ въ тотъ часъ, который извѣстенъ одному Богу, преобразила (о чудо!) тлѣнное и земное тѣло его въ безсмертное и нетлѣнное и приняло его въ божественный рай со всепѣтою Богородицею, какъ бывшею матерію его по благодати; ибо прилично было, чтобы тихо сдѣлался причастнымъ нетлѣнія тотъ, кто имѣлъ матерію приснодѣву и непорочную, чрезвычайно былъ любимъ Христомъ и былъ братомъ сокровищницы безсмертія. На слѣдующій день получившіе сказанное приказаніе пришли, согласно приказанію, къ могилѣ и, снявъ покрышку, не нашли тамъ ничего, кромѣ погребальныхъ одеждъ.

—

СКАЗАНІЯ

О СВЯТОЙ МУРОНОСИЦѢ И РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ МАРІИ МАГДАЛИНѢ.

Память ея—22 іюля.

Никифора монаха (XIV в.), Каллиста (¹).

Во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни мужескаго пола, ни

(¹) Ecclesiast. histor. lib. I cap. 33 p. 729—733. Paris. 1865.

женскаго, ни раба, ни свободнаго (Гал. 3. 28), но одинъ въ достойныхъ и во всѣхъ Господь, одна также вѣра и одинъ Духъ Святый, совершающій все по своей волѣ и по своему хотѣнію. Поэтому и приняты были Христомъ какъ справедливые, достойные принятія и вѣрные мужчины, чрезъ которыхъ и міръ весь уловленъ былъ евангелическою сѣтію, а за ними и другіе, занимающіе второе мѣсто въ вѣрѣ и познаніи истины, такъ и весьма многія женщины, увѣровавшія во Христа и служившія Ему въ необходимомъ. Между послѣдними самая знаменитая есть Марія родомъ изъ Магдалы. Она сначала одержима была семью духами, а потомъ, получивъ отъ Іисуса освобожденіе отъ скопища ихъ, рѣшилась впредь пребывать и проводить жизнь съ своимъ Исцѣлителемъ. Поэтому вступивъ въ общеніе съ Матерію Божіею, съ Саломіею, съ другою Маріею, дочерію Іосифа обручника, рожденною отъ жены Клеопы, брата его, умершаго бездѣтнымъ, и съ прочими, не переставала служить и услуживать Христу и ученикамъ Его. Нѣкоторые выдали эту Магдалину за дочь Хананеянки (Матѳ. 15, 22). Съ тѣми же, о которыхъ мы сказали, была другая Марія, жена Іуды, сына Іосифова, одного изъ двѣнадцати учениковъ, была также, повѣствуютъ (Марк. 15, 40), мать Іакова меньшаго и Іосіи, и Іоанна, мать сыновей Зеведеевыхъ, т. е. Іакова и Іоанна. Онѣ, какъ вѣрныя Матери Іисуса и Ему самому, и многія другія, весьма способныя къ устроенію одеждъ и къ прочимъ служеніямъ, слѣдовали за Нимъ изъ Галилеи. Пылая любовію къ учителю и въ тоже время боясь

гонителей, онѣ вынуждены были остановиться въ субботу, какъ слѣдовало, въ покоѣ. Когда же прошли субботы, т. е. всѣ субботы (субботами называли обыкновенно евреи самые семь дней недѣли), когда т. е. прошла вся недѣля и когда прошла полночь одной изъ субботъ, т. е. когда начался первый день недѣли, Марія Магдалина и другая Марія (священныя книги говорятъ намъ, что это Богородица), какъ пламенѣйшія и пораженныя сильнѣйшею скорбію, запасшись нѣкоторыми благовонными мастями, пришли помазать, по обычаю іудеевъ, Іисуса, поплакать съ ранняго утра и слезами утолить душевную скорбь. Но вотъ онѣ видятъ камень отваленнымъ отъ двери гроба и сидящаго на немъ ослѣпляющаго глаза свѣтомъ, какъ молніею, ангела, и слышатъ отъ него повелѣніе не бояться, но идти поскорѣе и возвѣстить ташникамъ о воскресеніи Іисуса. Когда онѣ возвращались назадъ, ихъ встрѣтилъ Христосъ, сказалъ имъ: „радуйтесь“ и повелѣлъ возвѣстить Петру и ученикамъ, чтобы немедленно шли въ Галилею, гдѣ и увидятъ Его. Тѣ, пораженныя большимъ удивленіемъ, пошли. Это первое явленіе послѣ воскресенія двумъ Маріямъ, о которомъ повѣствуютъ Матоей и Маркъ. Маріи сіи, какъ сказалъ я, пошли, и, объятыя страхомъ, ничего не сказали изъ того, что видѣли. Магдалина же, какъ пишетъ Іоаннъ, подстрекаемая любовію, снова приходитъ ко гробу, опять видитъ, что камень отваленъ отъ гроба (ибо почитала сновидѣніемъ то, что видѣла прежде), немедленно бѣжитъ и возвѣщаетъ Петру и Іоанну, пламенѣйшимъ ученикамъ, что Іисуса унесли изъ гроба, но

гдѣ положили Его, она не знаетъ. Петръ и Іоаннъ, соревнуя между собою, тотчасъ же прибѣжали ко гробу, входятъ внутрь, видятъ сложенныя въ порядкѣ пелены, и вѣруютъ воскресенію, и припоминаютъ слова, которыя Воскресшій говорилъ имъ прежде, но изъ боязни опять возвращаются къ себѣ. Между тѣмъ Марія стояла у гроба, плакала и предавалась догадкамъ, гдѣ положили умершаго. Тогда два свѣтовидные ангела, изъ коихъ одинъ сидѣлъ тамъ, гдѣ была глава, а другой въ нижней части, спрашиваютъ ее о причинѣ ея плача. Она отвѣчаетъ, что плачетъ отъ того, что въ томъ мѣстѣ нѣтъ Господа, а гдѣ положили его, она не знаетъ. Когда она сказала это, ей предсталъ сзади Спаситель. Ангелы, увидѣвъ Его, тотчасъ встали, а она, пришедши въ ужасъ отъ того, что ангелы встали, обратилась назадъ и увидѣла Іисуса стоящаго, и, думая, что это садовникъ (ибо гробъ былъ въ саду), на вопросъ его откликнулась маловѣрнымъ отвѣтомъ, говоря: „если ты, взявъ Его отсюда, вынесъ Его куда-либо, скажи мнѣ, гдѣ это мѣсто, и я возьму Его“. Но Господь исправляетъ ея неразуміе и невѣріе однимъ именованіемъ ея. Тогда Марія, немедленно узнавъ обычный и сладостный голосъ, отъ обильной радости называетъ Его учителемъ и, увѣровавъ въ тайну, спѣшитъ прикоснуться къ живоначальнымъ ногамъ. Но Іисусъ, такъ какъ умъ ея былъ еще грубъ, запрещаетъ прикасаться къ Нему, пока Онъ не взойдетъ опять ко Отцу: „тогда, сказалъ Онъ, могутъ прикасаться ко Мнѣ тѣ, кои могутъ привязаться ко мнѣ духомъ“. Такимъ образомъ, Магдалина трижды приходила ко

гробу и дважды видѣла Христа: въ первый разъ съ Богородицею, какъ повѣствуетъ блаженный Матеей, а въ другой и въ третій разъ—одна, какъ пишетъ божественный Іоаннъ. Приходила она и въ четвертый разъ, а были съ нею Марія Іаковлева и Іоанна и Саломія и многія другія женщины, сопедшіяся вмѣстѣ изъ Галилеи, какъ только возсіяло солнце. Имъ, какъ повѣствуетъ божественный Лука, одѣтые въ блестящія одежды и свѣтовидные ангелы сказали, что живаго не должно искать между мертвыми, ибо Онъ воскресъ и нѣтъ Его во гробѣ, потомъ напомнили слова Его и велѣли идти и возвѣстить это ученикамъ. И возвратились онѣ съ пламенѣйшею Магдалиною и возвѣстили видѣнное одиннадцати ученикамъ и всѣмъ прочимъ; но сіи почли слова ихъ пустыми и не повѣрили имъ. Когда же слухъ о томъ, что Іисусъ воскресъ изъ мертвыхъ, съ самаго дня воскресенія Его усилился и повсюду распространился, первосвященники и имѣвшіе въ синедріонѣ какой-либо вѣсъ и значеніе, сдѣлавъ совѣщаніе, дали воинамъ довольно денегъ, дабы старались убѣдить всѣхъ, что, когда они погружены были въ глубокій сонъ, ученики украли тѣло умершаго Учителя; и прошелось, говоритъ евангелистъ, слово сіе между іудеями до сего дня.

(*)

Скажемъ о томъ, какъ и откуда и изъ какого рода происходила Магдалина, и изобразимъ, какъ она

(*) Изъ слова Никифора каллиста о святой и равноапостольной мироносицѣ Маріи магдалинѣ: *Никифор. калл.* Opp. t. III p. 541—576. Paris. 1865.

приблизилась ко Христу и какъ сдѣлалась послѣдовательницею и провозвѣстницею евангелія.

Описывать теперь подробно отечество и родословную блаженной я нахожу совершенно неумѣстнымъ и несогласнымъ съ предположенною мною цѣлію. Извѣстно, что для проведшихъ жизнь по Богѣ отечествомъ служитъ безсмертное и блаженное мѣсто—рай, а предки ихъ суть патріархи и пророки; друзья же—апостолы и сонмъ праведниковъ и все, что только есть святаго и драгоцѣннаго въ горнемъ Іерусалимѣ. Правда, можно бы прославлять Магдалину и со стороны ея отечества и рода; но я почитаю совершенно неумѣстнымъ и какъ нельзя болѣе несвоевременнымъ составлять похвалу для нея изъ такихъ малыхъ вещей, которыя, какъ ничего незначащія, она оставила для тѣхъ, которые пристрастны къ нимъ. Только для человѣка, страшно привязаннаго къ землѣ и пристрастнаго къ земнымъ благамъ, прилично изслѣдовать: превосходитъ ли отечество его другія обиліемъ пажитей, хорошо ли оно по положенію, ограждено ли оно стѣнами и надѣлено ли прочими выгодами, близко ли оно находится къ морю, чтобы, съ одной стороны, заимствовать все славное у другихъ, а съ другой—не подвергаться бѣдствіямъ отъ моря, что̀ бываетъ, если оно отстоитъ отъ него недалеко, но и не близко. Нашей же блаженной, вмѣсто всего этого, заблагоразсудилось стяжать иное блаженное счастіе, презрѣть все, пріобрѣсти Христа, сдѣлать отечествомъ своимъ небесный Іерусалимъ, стать выше всего земнаго, быть или лучше соединиться съ Богомъ, ни во что ставить находящееся на землѣ и прослав-

ляемое недостойно. Намъ, говорю, можно бы было, если-бы мы захотѣли, поговорить объ отечествѣ ея, потому что̀ бы и сколько бы ни говорилъ кто славнаго и отличнаго о другихъ городахъ, ея отечество, болѣе нежели другія изобилуя замѣчательностями, превосходитъ ихъ и съ этой стороны, а особенныя преимущества его, которыхъ было много и притомъ такихъ, о которыхъ стоитъ говорить, не позволяли другимъ отечествамъ пріобрѣсти ихъ столько же; но я отнюдь не желаю быть другимъ въ тягость. Впрочемъ, чтобы не показалось нѣкоторымъ, что мы скрываемъ недостатки отечества Магдалины изъ желанія превознести его и дѣлаемъ это потому, что не имѣемъ сказать о немъ что-нибудь хорошее, покажемъ, какъ говорятъ, на первомъ планѣ, къ какому отечеству она принадлежала; ибо ея отечество не менѣе украшало ее, чѣмъ и само украшено было ею.

Итакъ, отечествомъ блаженной ученицы Слова Магдалины была та земля, которую Богъ обѣщалъ великому патріарху Аврааму и его потомкамъ, та обѣтованная земля, которая дана была въ наслѣдіе Израилю по освобожденіи его изъ египетскаго рабства. По моему мнѣнію, изобразить красоты этой земли, которая въ тѣсной связи съ древностію и которой придано лишь новое имя, нужно предоставить священному Писанію; ибо въ какихъ словахъ изобразилъ бы кто хотя кратко окружающую ее славу? Молчаніемъ, говорю, можно воспѣть ее лучше, нежели рѣшиться говорить и оказаться безсильнымъ, подвергнуться осмѣянію и напрасно потратить время. Таково отечество блаженной Магдалины.

Но, имѣя счастіе принадлежать такому отечеству, она не менѣе принадлежала къ знатному роду, и притомъ имѣла такихъ родителей, которые въ состояніи были не чувствовать сравнительно съ другими никакого недостатка и не отставать отъ другихъ ни по первенству въ отечествѣ ни по богатству. Ея предки издавна безъ перерыва наслаждались счастіемъ принадлежать къ хорошему роду, а происходя изъ солнечныхъ странъ востока, они были красивы по тѣлу и еще красивѣе по душѣ. Дверь у нихъ, по примѣру Іова, была отворена для всякаго бѣднаго, кто бы онъ ни былъ, и не отгоняла ихъ отъ себя. Они были для хромыхъ ногами, для лишенныхъ зрѣнія—глазами, а помогая особенно вдовамъ и усыновляя дѣтей давно уже умершихъ родителей, они весьма многимъ изъ сиротъ не давали чувствовать ихъ сиротства; потому что заботы объ этихъ дѣтяхъ не ставили ихъ въ столкновеніе съ несчастіями, происходящими отъ сиротства. Не думай, однако, чтобы они, являясь добрыми по внѣшнимъ дѣйствіямъ, дома вели жизнь легкомысленную и проводили время въ роскоши и возможной изнѣженности. Нѣтъ. Постояннымъ занятіемъ ихъ было упражненіе въ пѣстунѣ – законѣ; ибо на немъ, хотя уже крайне непрочно, держалась сѣнь и общеніе съ божествомъ посредствомъ крови и дыма. Они-то родили сію блаженную Марію въ срединѣ царствованія кесаря Октавія, который иначе называется Августомъ. Полагаю, что для нихъ послужило въ честь то, что они слыли родителями такой дочери. Ибо если нужно было, чтобы такая женщина, такъ много сдѣлавшая въ жизни добра, превосходящая

умъ и слово, дарована была міру, какъ одно изъ величайшихъ древнихъ благъ; то нужно было, чтобы она виновниками появленія своего въ свѣтъ имѣла не другихъ родителей, какъ только тѣхъ, отъ которыхъ произошла, и чтобы они явились родителями этой именно, а не другой дочери. Когда она отнята была отъ молока и грудей и начала ходить на своихъ ногахъ; то ее не отдали, скажу словами Соломона, учиться упражнять руки на веретенѣ, не принуждали прясть шерсть, или приготовлять ткани изъ шелка, и вышивать и испещрять ихъ, для красоты, предпочитаемымъ всему золотомъ; но заставили ходить въ домъ учителя. Такъ какъ ея любовь къ наукѣ была факеломъ въ огнѣ и, по пословицѣ, лошадью въ полѣ; то она въ короткій промежутокъ времени изучила все, что написано боговидцемъ Моисеемъ, что содержится въ прочихъ священныхъ книгахъ, и что находится у пророковъ и въ псалмахъ. Впрочемъ, она болѣе всего любила псалмы, занималась ими днемъ и ночью, и постоянно читала въ нихъ тѣ пророческія мѣста, которыя весьма ясно говорятъ о Христѣ или объ имѣющемъ придти Мессіи.

Когда умерли ея родители, она, при всей возможности жить безпечно, не переставала учиться. Она ни роскошью не увлеклась, ни тѣла не изнѣжила, ни прочимъ удовольствіямъ не предалась, и это тогда, когда была уже въ совершенномъ возрастѣ, когда обладала богатствомъ, и когда наступало время естественныхъ страстей. Постояннымъ упражненіемъ ея были постъ, молитва, умерщвленіе плоти, стремленіе и приближеніе къ Богу, исполненіе закона, чтеніе Писанія, а сверхъ

того она обѣими руками и со всею охотою раздавала свое имущество нуждающимся, и притомъ съ большею поспѣшностію, чѣмъ они брали, и дѣлала по возможности запасы, отлагая текущее богатство въ сокровищницы свои съ благороднымъ намѣреніемъ для тѣхъ, кому въ жизни приходилось нуждаться. Не жалѣла также блаженная рукъ своихъ, чтобы обмывать раны у людей съ больнымъ и истерзаннымъ тѣломъ и намазывать ихъ цѣлебными лѣкарствами, и всякими средствами помогать таковымъ въ ихъ болѣзни. Еще: блаженная еще до благодати обращала заботливое вниманіе свое на дѣла благодати. Она вела такую чистую жизнь и такъ строго соблюдала цѣломудріе, что избѣгала праздествъ, отворачивалась отъ похвалъ, и всячески удалялась отъ общенія съ родственниками и отъ встрѣчи лицомъ къ лицу съ мужчинами. Посвятивъ себя дѣвству, она осуждала все неприличное и рѣшилась не только не касаться желаемаго самымъ дѣломъ посредствомъ чувствъ, но и осязать его издали какъ бы нетѣлеснымъ какимъ осязаніемъ, и что̀ считала неприличнымъ совершать тѣлесно, того рѣшилась не дѣлать даже мысленно чрезъ страстное пожеланіе ума, рѣшилась даже не смотрѣть на образы тѣхъ предметовъ, которыхъ касалась, такъ что посвятившіе себя нынѣ дѣвственному житію могутъ многому научиться отъ нея. Сверхъ сего она воздерживалась отъ неумѣреннаго смѣха, избѣгала особенно развязности и, услаждаясь молчаніемъ, постоянно находилась въ общеніи съ Богомъ, въ чистотѣ ума предаваясь постоянному чтенію Писанія, не оставляя безъ вниманія и другихъ добродѣтелей, болѣе же всего дѣв-

ства и чистоты, доходившихъ до пренебреженія собою.

Когда блаженная жила такъ, ведя посвященную Богу и высокую жизнь, отецъ зависти не могъ быть спокойнымъ. Какъ начало всякаго зла, всегда строющій ковы праведнымъ и запинающій, какъ говоритъ Писаніе, пяту на пути, онъ пристаетъ и къ ней съ злѣйшими духами, всѣми способами осаждаетъ жилище чистоты и разбойническими нападеніями сильно потрясаетъ твердыню дѣвства: овладѣвши же такимъ образомъ ею какъ-бы крѣпостью какою, завладѣваетъ всѣмъ городомъ и, опустошивъ его, сдѣлавъ весь своимъ, уничтожаетъ въ немъ все святое и высокое. Онъ разграбляетъ бывшее у Магдалины сокровище добродѣтели, пріобрѣтенное подвигомъ и долговременнымъ трудомъ, и, обнаживъ ее, прежде украшенную многими преимуществами, уходитъ, приставивъ семь бѣсовъ стеречь ее, какъ я думаю, по попущенію Бога, быть можетъ, издалека подготовлявшаго зачатки великихъ дѣлъ. Ибо изобрѣтатель зла, побѣдившій прародителей, сдѣлавшій Каина братоубійцею, доведшій до потопа весь родъ человѣческій, подвергшій содомлянъ огню, поработившій, наконецъ, идолослуженію и другимъ заблужденіямъ родъ человѣческій, почиталъ страшнымъ и бѣдственнымъ для себя оказаться побѣжденнымъ женщиною. Если же вѣрить таинственнымъ словамъ, дошедшимъ до насъ отъ древнихъ, относительно нападенія семи бѣсовъ на блаженную; то причина этого заключается въ томъ, что на сатану напалъ страхъ по поводу слышанныхъ имъ словъ: *се дѣва во чревѣ прі-*

имѣть (Иса. 7, 14), и потому онъ напалъ на нее, лишилъ ее дѣвства изъ опасенія, чтобы черезъ нее не совершилось таинство домостроительства, какъ прежде онъ безумно думалъ увлечь въ свои сѣти, по поводу обрученія Іосифу, сопменную ей блаженную и непорочную Дѣву. Но тщетны были козни твои, лукавый! Слово Божіе, совѣчное Отцу, безначальное и непостижимое, уловило и тебя, изобрѣтательнаго на зло, твоею же хитростію. Болѣзнуя, по своему благоутробію, что ты растлилъ созданіе Его до такой степени, и не снося этого, Оно, по благоволенію безначальнаго Отца и при содѣйствіи единосущнаго и равночестнаго Ему Духа, тайно отъ тебя, начальника тмы, увлекшаго насъ обманомъ, неизмѣнно пребывая тамъ, гдѣ было, тихо нисходитъ, преклонивъ небеса, и вселяется во утробу чистой и непорочной Дѣвы. Вотъ Оно раждается. Но ко времени ли говорить мнѣ обо всемъ, относившемся къ этому рожденію, чтобы разрушить твое обиталище: о Виѳлеемѣ, яслихъ, пеленахъ, о произшествіяхъ до и послѣ крещенія и о прочемъ, посредствомъ чего совершено было таинство моего спасенія? Нужно возвратиться къ начатому и вести рѣчь по порядку. Когда Богъ Слово обращался на землѣ, неизрѣченно домостроительствовалъ наше спасеніе, и, дѣлая все благовременно, долженъ былъ явить свои божественныя свойства посредствомъ сверхъестественныхъ знаменій, тогда, именно тогда и чудная Магдалина, одержимая, какъ сказано, семью бѣсами, предстала предъ взоры Его, сдѣлалась причастницею Его божественныхъ Словъ и немедленно освободилась отъ страданій. Когда она прожи-

вала во Іерусалимѣ, Спаситель прибылъ въ области Сиріи съ учениками своими, проповѣдывавшими всѣмъ евангеліе царствія. Возвѣстивъ слово спасенія въ предѣлахъ Тира и Сидона, прошедши Кесарію Филиппову, Онъ переправился на другую сторону озера геннисаретскаго. Здѣсь Онъ напиталъ семью хлѣбами четыре тысячи народа, какъ говоритъ святое Евангеліе: „ѣвшихъ же было четыре тысячи человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей (Мато. 15, 38). Потомъ, отпустивъ народъ, онъ вошелъ въ лодку и прибылъ въ предѣлы магдалинскіе (Мато. 15, 39), которые другой евангелистъ называетъ странами далманоескими (Марк. 8, 10) — именемъ, означающимъ, на греческомъ языкѣ, величіе. Совершено было много чудесъ; ибо Евангеліе говоритъ: „и приступило къ Нему множество народа, имѣя съ собою хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ, и Онъ исцѣлилъ ихъ“ (Мато. 15, 30). Слухъ объ этихъ чудесахъ дошелъ до родственниковъ Магдалины, которые сами были свидѣтелями нѣкоторыхъ изъ нихъ. Они приводятъ ее къ Нему бросающуюся во всѣ стороны, скрежещую зубами и источающую устами пѣну. Приблизившись къ Іисусу, они умоляли, неотступно просили Его, разсказывали прежнюю жизнь ея и просили освободить ее отъ страданія. „Сжалься, Владыка, говорили они, надъ женщиною, не имѣющею мужа съ давняго времени, пребывающею въ сиротствѣ, весьма близкою къ совершенной погибели и нисколько не понимающею того, что дѣлаетъ“..

Что же сострадательный и милостивый Господь? Онъ съ непзрѣченною быстротою освобождаетъ ее отъ

бѣсовъ и посылаетъ ихъ въ горы. Она же, пришедши въ сознаніе и узнавши объ оказанномъ ей благодѣяніи, не стала колебаться, но, распростившись со всѣмъ, попла по стопамъ ногъ Учителя и Спасителя и возлюбила ноги Его, презрѣвъ свой полъ и все земное. Видя же хромыхъ скачущими подобно оленю, слѣпыхъ отложившими свою временную тму и радостно обратившими изумленныя очи на сладчайшее Солнце, легіонъ духовъ наказанными и быстро разсѣянными подобно дыму, узы сухон руки разрѣшаемыми и разторгаемыми подобно паутинѣ, она какъ изъ всего этого, такъ и изъ Писанія познала, что Онъ есть ожидаемый освободитель Израиля. Поразмысливъ, она ясно поняла, что хотя и другіе совершали подобное, но не съ такимъ самовластіемъ и не съ такимъ обиліемъ силы, а производили все подобно рабамъ и съ молитвою. А слова: „тебѣ говорю“ и: „хочу, очистись“, произносимыя съ великимъ самовластіемъ и мгновенно сопровождавшіяся дѣломъ, обнаруживали въ Немъ нѣчто большее, чѣмъ тѣ власть и господство, какія были въ другихъ чудотворцахъ. Онъ свободно и легко ходитъ по морю, не омочивъ ногъ, съ удивительною силою запрещаетъ духамъ, воскрешаетъ мертвыхъ, кои оставляли смерть какъ сонъ, и совершаетъ съ великою властію другія дѣла, приличныя божественному могуществу.

Руководясь всѣмъ этимъ и познавъ, что Онъ воистину Сынъ Божій, она не оставила Его, но всегда находилась при Немъ, служа Ему, внимая Его бесѣдамъ, слушая Его наставленія, съ радостію выслушивая упреки, мгновенно исполняя приказанія. Вслѣд-

ствіе этого она познакомилась и соединилась узами величайшей дружбы съ Матерію Христовою и Ея родственниками, и не только съ ними, но и съ учениками Христовыми и съ тѣми, кои сопровождали Его и обыкновенно находились при Немъ, также съ семействомъ Симона фарисея, съ домашними Лазаря. Завязать дружбу съ этими лицами и съ сестрами Лазаря, любимыми Христомъ, какъ говоритъ божественный Іоаннъ: „Іисусъ любилъ Марѳу и сестру ея и Лазаря“ (Іоан. 11, 5), было для нея не трудно: она жила въ ихъ селеніи и домѣ, пользуясь отъ нихъ всѣмъ, потому что сама не имѣла ни дома ни мѣста, гдѣ приклонить голову, тогда какъ лисицы имѣютъ нору и птицы небесныя гнѣзда. Это можно бы подтвердить многими свидѣтельствами, но всего лучше можно узнать изъ слѣдующаго: Іисусъ, говоритъ Евангеліе, „пришелъ въ одно селеніе (должно разумѣть Виѳанію, потому что она была отечествомъ Лазаря и сестеръ его). Здѣсь женщина, именемъ Марѳа, приняла Его въ домъ свой. У нея была сестра, именемъ Марія“ и прочее (Лук. 10, 38 и слѣд.). Ибо послѣ словъ Христа: „Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у нея“ (—ст. 42), Евангеліе присовокупляетъ: „одна женщина, возвысивъ голосъ изъ народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, питавшіе Тебя“ (Лук. 11, 27). Священныя книги ясно передали намъ, что женщина эта была блаженная Магдалина, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго. Чудный Лука, разсказавъ о Марѳѣ и Маріи, потомъ о возвышеніи голоса женщиною, также объ имѣвшемъ нѣмаго бѣса и обвиненіи фарисеевъ, будто

Христосъ изгоняетъ бѣсовъ силою вельзевула, приводитъ, въ опроверженіе ихъ мнѣнія. Его собственныя слова: „всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ“ (Лук. 11. 17), потомъ: „если Я изгоняю бѣсовъ силою вельзевула, то сыны ваши чьею силою изгоняютъ ихъ“ (—ст. 19)? И спустя немного: „когда нечистый духъ выходитъ изъ человѣка, тогда ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находя говоритъ: возвращусь въ домъ мой, изъ котораго вышелъ. И пришедши находитъ его выметеннымъ и убраннымъ. Тогда идетъ и беретъ съ собою другихъ семь духовъ, злѣйшихъ себя, и живутъ тамъ. И бываетъ для того человѣка послѣднее хуже перваго“ (—ст. 24—26). И присовокупляетъ по порядку повѣствованія: „когда же Онъ говорилъ сіе, одна женщина, возвысивъ голосъ изъ народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы питавшіе Тебя“. Очевидно, женщина эта была не иная, а Магдалина, услышавшая о семи бѣсахъ и вспомнившая о страданіяхъ, отъ которыхъ освободилъ ее Христосъ, будучи въ Магдалахъ, какъ повѣствуетъ святое Евангеліе.

Такъ какъ таинство относительно насъ должно было совершаться силою креста, то оно должно было совершиться не иначе, какъ по совершеніи чуда надъ Лазаремъ. Ибо только послѣ сего адъ узналъ, до какой степени ничтожна сила его; только послѣ этого развилась у евреевъ зависть, и совершились дѣла, превышающія всякое слово. Была здѣсь и чудная Магдалина, какъ потому, что она слѣдовала за Христомъ, такъ и потому, что она могла утѣшить сестеръ Лазаря, какъ

требовалъ того обычай. Когда она услышала слова: „гдѣ вы положили его“ (Лазаря), и увидѣла Іисуса плачущимъ надъ гробомъ друга и повелѣвающимъ отнять камень, то устрашилась и желала знать, что Онъ хочетъ сдѣлать. Когда она услышала громкое: „Лазарь! иди вонъ“, и увидѣла четверодневнаго мгновенно стряхшимъ смерть какъ сонъ, то, пораженная необычайнымъ чудомъ, долго стояла безгласною подобно статуѣ, но какъ только пришла въ себя и поняла совершившееся, начала по прежнему удивляться величіямъ Божіимъ.

Зависть не могла снести этого. Распылавшись высоко, она соединяетъ книжниковъ и фарисеевъ, собираетъ противъ Христа сунедріонъ и составляетъ смертный приговоръ. На этомъ сунедріонѣ, сѣдалищѣ губителей, какъ сказалъ пророчески божественный Давидъ, присутствовалъ и ученикъ, учившійся у этого благаго Учителя, но добровольно предавшійся сребролюбію и предпочетшій деньги всему. Изъ своего ученія у этого Учителя онъ извлекъ только ту пользу, что пріобрѣлъ тридцать сребренниковъ, за которые продалъ Его, тогда какъ самъ поистинѣ стоилъ не больше этого. Отсюда ночь, зажженные свѣтильники, колья въ рукахъ, обнаженные мечи и ножи, и нечестивый ученикъ подъ видомъ дружбы предаетъ благаго Учителя. Такъ совершилось предательство, и дворъ архіерейскій заключилъ великаго Архіерея въ узы. Какъ ты думаешь, что̀ выстрадала въ это время блаженная, ходя туда и сюда, притворяясь невнимательною, подходя къ дверямъ, наблюдая за входящими и выходящими, при-

слушиваясь къ рѣчамъ всѣхъ, узнавая, кто сочувствовалъ приговору о Немъ и кто порицалъ Его, обсуживая по сему дѣло и сообщая обо всемъ, что̀ узнавала, Матери, не менѣе которой терзалась утробою, и выходя изъ себя при заботливости узнать, чѣмъ кончится дѣло? Изъ этого можно понять, въ какомъ состояніи была она, видя совершеніе надъ Нимъ того, что трудно даже словами выразить, видя лжесвидѣтелей, поруганія и даже бичеванія, унизительное, дерзкое обращеніе, удары, заушенія, облеченія въ мнимую багряницу, возложеніе терноваго вѣнца, и все, что Ты, незлобивое Слово, по великому долготерпѣнію дозволилъ дѣлать злодѣямъ. Не зная, что дѣлаютъ, они привлекли Его наконецъ на лобное мѣсто, дыша преніемъ, бросая убійственные и яростные взоры. Воздвигнутъ уже крестъ, и Онъ, прибитый гвоздями, виситъ подобно змію въ пустынѣ и сдѣлался позорищемъ для всѣхъ. Въ это время Магдалина, вооружившись мужествомъ, по всей вѣроятности, была вмѣстѣ съ Матерію и ученикомъ подлѣ Него, находившагося по плоти въ такомъ состояніи, касалась пречистыхъ ногъ Его, лобызала устами раны, смѣшивала слезы свои съ кровью и къ слезамъ присоединяла такія слова: „что это, Владыко и Боже? Какъ безпредѣльно море благоутробія Твоего! Вотъ чѣмъ воздаютъ Тебѣ получившіе отъ Тебя множество благъ за благодѣяніе Твое! Въ одежду поруганія одѣли Тебя тѣ, кого Ты облекъ въ ризу нетлѣнія, и, какъ орелъ, распустивъ крылья, взялъ на рамена свои. Вѣнецъ поруганія возложили на Тебя тѣ, кого Ты вѣнчалъ славою и честію. Заушенія дали Тебѣ, ос-

вободившему ихъ отъ рабства египетскаго. Тростію ударяли по чистой головѣ Твоей тѣ, для кого разступилось море, ударенное жезломъ. Желчь съ отцтомъ смѣшали для Тебя, почувствовавшаго жажду, тѣ, кому Ты одождилъ манну въ пустынѣ и ударомъ жезла извлекъ источникъ живой воды изъ камня. Боли отъ гвоздей подвергли Тебя тѣ, кого Ты провелъ по пустынѣ невредимыми. Скажи что-нибудь намъ, предстоящимъ здѣсь въ такой печали. Утѣшь прощальными словами стоящую здѣсь Матерь свою. Много значитъ для Матери воспоминаніе о прощальномъ словѣ и притомъ словѣ единственнаго и такого Сына, послѣ Его кончины. Кому оставляешь Ты ее отходя? Хотя она и безболѣзненно родила Тебя, но при видѣ Тебя въ такомъ состояніи душа ея уязвляется оружіемъ. Скажи ученику и Матери слово, которое было бы для нихъ утѣшеніемъ".

Видя ихъ въ такой печали, Онъ благоволилъ сказать нѣчто, и Матерь удостоившее утѣшенія и для ученика бывшее великою честію, именно: „жено! се сынъ твой"; „се, матерь твоя" (Іоан. 19, 26. 27). Что Магдалина находилась при этомъ и знала объ этомъ, подтверждаетъ самъ любимый ученикъ и, можно сказать, братъ, говоря: „при крестѣ Іисуса стояли матерь Его и сестра матери Его, Марія Клеопова, и Марія Магдалина. Но какъ тогда была пятница, какъ повѣствуетъ священное евангеліе, то іудеи, дабы не оставить тѣлъ на крестѣ въ субботу, просили Пилата, чтобы перебить у нихъ голени и снять ихъ. Итакъ пришли воины, и у перваго перебили голени и у другаго, распятаго съ Нимъ, но пришедши къ Іисусу какъ увидѣли Его уже

умершимъ, не перебили у Него голеней; но одинъ изъ воиновъ копьемъ пронзилъ Ему ребра, и тотчасъ истекла кровь и вода“ (Іоан. 19, 25. 31—34). Какъ, надо думать, страдала тогда эта пламенная женщина? Еще бы не много, и она растерзала бы воина, если бы не была стѣснена женскою слабостію и не была принуждена думать по женски; но, имѣя мужественную душу, она говоритъ: „удержи руку, дерзкій воинъ, чтобы не сопелъ на тебя посланный отъ Бога мечъ“. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, должна была терзаться душа ея при видѣ этого? Мечемъ уязвлены были сердца сихъ женъ въ то время, когда прободались ребра Его. Какъ должны были терзаться онѣ, когда увидѣли Его умершимъ? Не должны ли были онѣ упасть духомъ и разодрать одежды, когда увидѣли, что камни разсѣлись, солнце облеклось во тму и луна померкла, какъ-бы сочувствуя страждущему Творцу? Но и храмъ не могъ устоять на своемъ мѣстѣ. И онъ, какъ-бы сдѣлавшись разумнымъ, узнавъ, что Законодатель виситъ на древѣ обнаженнымъ, пораженъ былъ справедливымъ страхомъ и разорвалъ завѣсу, какъ передъ тѣмъ архіерей разорвалъ свою одежду.

Когда все это совершилось такъ сверхъ ожиданія, Магдалина не сочла нужнымъ медлить, но, всецѣло предавшись попеченію о погребеніи, пришла къ Іосифу аримаѳейскому. Она знала, что у него есть новый гробъ, не принимавшій еще въ себя ни одного тѣла. Мѣсто, гдѣ былъ гробъ этотъ, весьма красивое, находилось среди благорастворенаго воздуха, въ прекрасномъ саду. Пришедши къ Іосифу, она пробуждаетъ въ немъ столь-

ко же мужества, сколько было въ самой, и заставляетъ его, слѣдовавшаго прежде за проломами и обрывами, сбросить трусость. „Онъ, говорится, осмѣлился войти къ Пилату, и просилъ тѣла Іисусова“ (Марк. 15, 43).

Когда Іосифъ и Никодимъ готовились снять божественное тѣло со креста и нужны были, для извлеченія гвоздей, орудія—щипцы, молоть и прочее, употребляемое въ подобныхъ случаяхъ, Магдалина безпокоится, опасаясь, чтобы какъ-нибудь не сокрушили костей Владыки, и находится возлѣ Никодима, усердно предостерегая его, лобызаетъ гвозди, разсматриваетъ обломки ихъ, касается истинно прекрасныхъ ногъ, возвѣстившихъ всѣмъ миръ, и рукъ, сотворившихъ весь міръ и высшее всѣхъ твореніе—человѣка, обнимаетъ все тѣло и охватываетъ ноги, но отъ прикосновенія къ лицу удерживается изъ благоговѣнія и предоставляя это Матери, которая имѣла на это право, какъ родительница Его. Она начала рыдать, распустила волосы, терзала свои ланиты ногтями, но въ тоже время приводила въ себя Матерь Его, протягивала къ ней истерзавшія все лице руки, поддерживала ее въ то время, какъ она, отягченная невыносимою скорбію, склоняла голову, и нѣжными словами смягчала ея печаль. Но изъ страха гонителей онѣ не могли, при всемъ желаніи, пѣть исходныхъ и надгробныхъ пѣсней. Безъ сомнѣнія Магдалина сказала Матери, что теперь не время для этого, и побудила Іосифа и Никодима какъ можно скорѣе обвить тѣло плащаницею, богочестно помазать его смирною, и, какъ сокровище какое, положить въ гробъ. Вручая Іосифу плащаницу и смирну, она сказа-

ла: „позаботься объ остальномъ—о обвитіи Его, о положеніи Его во гробъ и обо всемъ, потребномъ для погребенія“. Въ послѣднемъ она участвовала вмѣстѣ съ Матерію Его, не уступая Ей ни въ скорби ни въ послѣднемъ попеченіи. Затѣмъ, когда Онъ надлежащимъ образомъ приготовленъ былъ къ погребенію, лежалъ распростертымъ, и оставалось уже только отнести Его въ гробъ, кто въ состояніи передать всю силу горя и печали, какія испытывала блаженная? И я съ своей стороны считаю за лучшее обойти это молчаніемъ, нежели сообщать объ этомъ; ибо гдѣ взять словъ, которыя соотвѣтствовали бы этой печали? Итакъ, Дающій жизнь всему полагается въ живоносномъ гробѣ.

Такимъ образомъ Богъ всего, совершивъ дѣло домостроительства, почилъ въ седьмой день во гробѣ, субботствуя въ полномъ смыслѣ окончательное успокоеніе отъ дѣлъ. Но обрати теперь вниманіе вмѣстѣ со мною на ревность и нѣжную любовь блаженной. Въ то время, когда всѣ друзья и ближніе, какъ провидѣлъ пророкъ, изъ страха стояли вдали, а нѣкоторые даже предались бѣгству, она, не смотря на всѣ препятствія, презрѣвъ всякій страхъ и ни во что вмѣнивъ все прочее, воодушевившись мужествомъ, одна осмѣлилась сдѣлать то, чего не сдѣлали многіе вмѣстѣ. Но я предоставлю священнымъ евангелистамъ достойно повѣствовать о ея дѣлахъ.

Какъ, думаешь, восхваляютъ ее евангелисты? Они сказали о ней не однажды и не такъ, чтобы одинъ сказалъ, а другой нѣтъ, но упомянули о ней всѣ четверо. Имъ и необходимо было упомянуть о ней, потому что она явля-

лась помощницею въ самыя тяжелыя минуты. Она является четыре раза приходившею ко гробу и наслаждавшеюся божественными видѣніями: въ первый разъ—одна, во второй—съ другою Маріею, которую Маркъ и Матѳей называютъ матерію Іосіи и Іакова; въ третій—вмѣстѣ и въ одно время съ Петромъ и Іоанномъ, какъ говоритъ Іоаннъ, въ четвертый—вмѣстѣ съ Саломіею и другою Маріею, при восходѣ солнца, какъ говоритъ Маркъ. И дѣйствительно все относящееся къ ней достойно упоминанія. Послѣ погребенія тѣла она и другая Марія не ушли, но, какъ говоритъ божественный Маркъ, сидя напротивъ, смотрѣли, гдѣ Его полагали. Затѣмъ нужно было идти домой, какъ по причинѣ субботы, такъ и изъ страха предъ богоубійцами.

По прошествіи же субботы, около времени пѣнія пѣтуховъ (замѣть, какъ евангелистъ старается быть точнымъ) на разсвѣтѣ въ одну изъ субботъ, т. е. въ первый день недѣли, въ воскресенье, пришла Марія Магдалина и другая Марія посмотрѣть гробъ. Эта другая Марія у Марка и Луки называется матерію Іакова и Іосіи, а подъ этимъ именемъ очевидно разумѣется Богородица. „И вотъ, говорится, сдѣлалось великое землетрясеніе; ибо ангелъ Господень, сошедшій съ небесъ, приступивъ, отвалилъ камень отъ двери гроба и сидѣлъ на немъ“, и такъ далѣе (Матѳ. 28, 1. 2). Вотъ первое посѣщеніе гроба Магдалиною! Во время пути имъ встрѣтился Христосъ, говоря: „радуйтесь“. Ибо тотъ полъ, который нѣкогда услышалъ слова: „въ болѣзняхъ родишь дѣтей“ (Быт. 3, 16), первый долженъ былъ услышать и возвѣщеніе радости. Подъ вліяніемъ силь-

наго чувства онѣ поступаютъ дерзновеннѣе, нежели какъ слѣдовало, приступаютъ къ Нему, хватаются за ноги Его и кланяются Ему, а Онъ повелѣваетъ имъ не бояться, но идти возвѣстить благую вѣсть о воскресеніи апостоламъ (Матѳ. 28, 9. 10), желая такимъ образомъ, чтобы женщина, бывшая причиною печали Адама, была вѣстницею радости мужчинамъ. И онѣ возвѣщаютъ апостоламъ благую вѣсть. „Петръ же, говоритъ евангеліе, первый, вставъ, когда было еще темно, побѣжалъ ко гробу, и наклонясь увидѣлъ только пелены лежащія, и пошелъ назадъ, дивяся самъ въ себѣ произшедшему“ (Лук. 24, 12). Когда Магдалина увидѣла, что Петръ, при всей своей горячности, ничего не могъ достигнуть, то сочла видѣнное ею загадочнымъ, даже подумала, что то былъ обманъ чувствъ. Поэтому она опять идетъ, чтобы увѣриться въ видѣнномъ, и утромъ, когда возсіялъ день, во второй уже разъ приходитъ на гробъ, видитъ камень отваленнымъ отъ гроба; размысливъ же съ собою, что ученики опять не повѣрятъ ей, бѣжитъ, говоритъ евангеліе, и приходитъ къ Симону Петру и къ другому ученику, котораго любилъ Іисусъ (Іоан. 20, 1. 2), потому что они были самые пламенные ученики, первый какъ сильно любящій, а второй какъ любимый. Замѣть же мудрость блаженной жены: опасаясь, что ей опять не повѣрятъ, она не говоритъ, что Онъ воскресъ, а говоритъ: не знаю, правда это или нѣтъ, знаю только, что тѣла нѣтъ во гробѣ: „унесли Господа изъ гроба, и не знаю, гдѣ положили Его“ (Іоан. 20, 2). Этимъ она тотчасъ же возбуждаетъ учениковъ и бѣжитъ вмѣстѣ съ ними, чтобы узнать исходъ ихъ изслѣдованія.

Петръ входитъ во гробъ, входитъ туда и другой ученикъ, пришедшій прежде, и видятъ лежащія пелены и платъ свитый на другомъ мѣстѣ: „и увидѣли, говорится, и увѣровали“ не тому, что воскресъ, а тому, что взятъ. „Ибо они, говоритъ Іоаннъ, еще не знали Писанія, что Ему надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ. Итакъ ученики опять возвратились къ себѣ“ (Іоан. 20, 9. 10).

Конечно, все это и блаженную жену сію повергло въ сомнѣніе, такъ что ей показалось дѣло обманомъ чувствъ. Ей, какъ и всякому человѣку, свойственно было не довѣрять себѣ, тѣмъ болѣе, что быстро распространилась молва, будто ученики, пришедши ночью, украли Его. Но и находясь въ такомъ сомнѣніи, она не оставила гроба; напротивъ, когда ученики ушли, „Марія, говоритъ евангеліе, стояла у гроба, и плакала“, какъ отъ того, что потеряла всякую надежду, такъ и отъ того, что не могла узнать, украденъ ли Онъ, какъ говорила молва, или перенесенъ въ другое мѣсто. И „когда плакала, опять наклонилась во гробъ, и видитъ двухъ ангеловъ въ бѣломъ одѣяніи сидящихъ, одного у главы и другаго у ногъ, гдѣ лѣжало тѣло Іисуса. И они говорятъ ей: „жена! что ты плачешь? кого ищешь?“ Въ словахъ: „жена! что ты плачешь“ послѣ такого видѣнія, заключается упрекъ. Ужели ты все еще малодушествуешь и не можешь помыслить ничего великаго? Кого ты ищешь? Того ли, кого ты видѣла? Чьихъ ногъ ты коснулась? Кто говорилъ съ тобою? Она говоритъ: „унесли Господа моего изъ гроба, и не знаю, гдѣ положили Его“ (Іоан. 20, 13). Затѣмъ, когда ангелы быстро встали и явился сюда Спаситель, она, обратив-

шись назадъ, увидѣла Іисуса стоящаго, однако не узнала, что это Іисусъ, потому ли, что по воскресеніи Онъ былъ въ безсмертномъ тѣлѣ и не былъ видимъ всегда и для всѣхъ, а только тогда и для тѣхъ, для кого хотѣлъ, или потому, что съ глазами, полными слезъ, она не могла ясно видѣть, или же наконецъ потому, что такъ устроилъ Христосъ. „Іисусъ говоритъ ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она же, говоритъ евангеліе, думая, что это садовникъ, говоритъ ему: господинъ! если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его“ (Іоан. 20, 15). Какъ бы такъ говорила она: если ты былъ въ числѣ взявшихъ Его, то скажи мнѣ, и я возьму Его. Какая истинно женская любовь! Какое пламенное расположеніе! По истинѣ нѣтъ ничего блаженнѣе истинной любви! Какъ же пришло ей на мысль счесть Его за садовника? Очевидно—потому, что гробъ находился въ саду. Притомъ, и не неприлично принять за садовника Того, кто есть истинный и первый дѣлатель рая.

Но въ то время, какъ Марія хлопотала такимъ образомъ объ отысканіи тѣла, обращаясь туда и сюда, до нея достигло, среди такого безпокойства, слово Спасителя, проникшее до сердца и мозговъ ея, и одинъ голосъ Его прояснилъ ея взоръ къ познанію истины. Разумѣю голосъ, назвавшій ее по имени: „Марія!“ Услышавъ сладкій и знакомый голосъ и обратившись съ неизрѣченною быстротою, она сказала: „Раввуни! что̀ значитъ учитель“, и опять хотѣла коснуться Его прекрасныхъ ногъ.

Когда она, узнавъ Его по виду и голосу, хотѣла убѣдиться чрезъ прикосновеніе, Онъ говоритъ ей: „не прикасайся ко Мнѣ“! Евангелистъ умалчиваетъ о ея желаніи прикоснуться ко Господу; но для чего бы Господь сказалъ объ этомъ, если бы не замѣтилъ стремленія ея прикоснуться къ Нему? „Не прикасайся ко Мнѣ“! Такъ какъ ты вмѣстѣ съ другою Маріею прикасалась ко Мнѣ и, удостоившись такого дара, ничего великаго не подумала обо Мнѣ, а продолжала относиться ко Мнѣ по прежнему и искала Меня во гробѣ, какъ человѣка, Меня, сѣдящаго со Отцемъ; то стань вдали отъ Меня, не прикасайся ко Мнѣ; потому что, по твоему мнѣнію, Я еще не возшелъ къ Отцу. Съ другой стороны, Онъ возвышаетъ ея умъ, чтобы она не почитала уже Его человѣкомъ, какъ прежде, а почитала бы и Богомъ; для этого-то Онъ и употребилъ слово „возшелъ“, т. е. на небо, гдѣ преимущественно обитаетъ Отецъ Его. Но „иди къ братіямъ моимъ и скажи имъ, что ты узнала“. Марія идетъ уже въ третій разъ и не говоритъ, какъ въ первый, что Онъ воскресъ, или, какъ во второй, что Господа взяли изъ гроба, но, говорится, „Марія Магдалина идетъ и возвѣщаетъ ученикамъ, что видѣла Господа и что Онъ это сказалъ ей“ (Іоан. 20, 18). Вотъ и третій ея приходъ ко гробу утромъ, когда было еще темно. О четвертомъ же пусть разскажетъ чудный Маркъ. „По прошествіи, говоритъ онъ, субботы, Марія Магдалина и Марія Іаковлева и Саломія купили ароматы, чтобы идти, помазать Іисуса. И весьма рано, въ первый день недѣли, приходятъ ко гробу, при восходѣ солнца, и

говорятъ между собою: „кто отвалитъ намъ камень отъ двери гроба“? и прочее (Марк. 16, 1—3). Здѣсь мнѣ предстоитъ рѣшить, какимъ образомъ Магдалина, уже убѣдившаяся въ третій приходъ, опять идетъ вмѣстѣ съ другими ко гробу и говоритъ: „кто отвалитъ намъ камень“? Очевидно, она пошла не потому, чтобы не увѣровала, но для того, чтобы руководить упомянутыхъ женъ, разсказать имъ случившееся и на пути собраться съ духомъ. Ясно также, что не она сказала: „кто отвалитъ намъ камень“?, но Саломія, еще не бывшая у гроба, а только слышавшая, что къ двери гроба привалень былъ камень. Ибо, по повѣствованію Марка, „воскресши рано въ первый день недѣли, Іисусъ явился сперва Маріи Магдалинѣ, изъ которой изгналъ семь бѣсовъ“ (Марк. 16, 9), а по повѣствованію Матѳея она первая замѣтила землетрясеніе, отваленіе камня отъ гроба и ангела сидящаго на немъ (Мато. 28, 1. 2); по повѣствованію же Іоанна: „въ первый день недѣли Марія Магдалина приходитъ ко гробу рано, когда было еще темно, и видитъ, что камень отваленъ отъ гроба“ (Іоан. 20, 1). Если же мы не предположимъ, что вышеупомянутыя слова сказала Саломія, то впадемъ въ бездну противорѣчія, что̀ не согласно съ разумомъ.

Итакъ, увидѣвъ камень отваленнымъ отъ гроба (ибо онъ былъ весьма великъ), вошедши внутрь гроба (ибо у іудеевъ гробы большіе), онѣ не нашли тѣла Іисусова и пришли въ недоумѣніе. Тогда онѣ увидѣли стоящими предъ собою мужей въ блистающихъ одеждахъ и услышали громкія слова: „Іисуса ищете назарянина, распятаго? Онъ воскресъ; Его нѣтъ здѣсь“

(Марк. 16, 6). „И возвратясь, говорится, возвѣстили все сіе одиннадцати и всѣмъ прочимъ“ (Лук. 24, 9).

Такъ какъ онѣ были смущены, то заподозрѣны были множествомъ вѣрующихъ: „показались, говорится, слова ихъ пустыми“ (Лук. 24, 11). Другіе евангелисты говорятъ, что тогда Петръ одинъ всталъ тихо, безъ шума, и побѣжалъ ко гробу. Маркъ же говоритъ: „и вышедши быстро Маріи съ Іоанною и Саломіею, побѣжали отъ гроба и никому ничего не сказали, потому что боялись“ (Марк. 16, 8). Такимъ образомъ выходитъ, что первая Марія, узнавъ о воскресеніи, первая же и возвѣстила о Немъ апостоламъ и исполнила дѣло, приличное Евѣ, возвѣстивъ радость міру. Вотъ что повѣствуется въ похвалу Магдалинѣ во святыхъ Евангеліяхъ!

Чтоже по воскресеніи? Спаситель различно является возлюбленнымъ ученикамъ и обѣщаетъ пришествіе Духа, а блаженная въ женахъ возлюбила неразлучное пребываніе съ Матерію Слова. Когда же исполнилось дѣло домостроительства и наступило время, въ которое неразлучно пребывающій со Отцемъ долженъ былъ снова возсѣсть на престолѣ Отца; то чтобы это не причинило скорби Матери и ученикамъ, Онъ ведетъ ихъ на гору Елеонъ и заставляетъ предстать предъ ними ангеловъ, которые показали Его вознесеніе на небеса. Нѣтъ сомнѣнія, что была здѣсь и Магдалина, непрестанно пребывавшая съ Матерію Слова и не желавшая нигдѣ и въ другихъ случаяхъ лишиться участія въ славнѣйшихъ событіяхъ.

Послѣ этого онѣ пребывали вмѣстѣ съ апостолами въ горницѣ и проводили время въ молитвѣ. Объ

этомъ свидѣтельствуетъ божественный Лука, который, исчисливъ имена апостоловъ, говоритъ въ книгѣ Дѣяній слѣдующее: „всѣ они единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи, съ нѣкоторыми женами и Маріею, матерію Іисуса, и съ братьями Его“ (Дѣян. 1, 14). А чтобы евангелисты упоминали объ иной какой-либо женщинѣ безъ Магдалины, объ этомъ нечего говорить. И это въ столь многихъ мѣстахъ. Ибо, послѣ повѣствованія о страданіяхъ, гдѣ случается имъ упоминать о женщинахъ, они называютъ Магдалину по имени, какъ извѣстную имъ, а о прочихъ, за исключеніемъ не многихъ, упоминаютъ подъ общимъ именемъ женъ. Доказательство этому даетъ святый Матѳей: „тамъ были также, говоритъ онъ, и смотрѣли издали многія женщины, которыя слѣдовали за Іисусомъ изъ Галилеи, служа Ему. Между ними была Марія Магдалина“, и прочее (Мато. 27, 55. 56). Тоже самое говоритъ и Маркъ: „были тутъ и женщины, которыя смотрѣли издали: между ними была и Марія Магдалина“ (Марк. 15, 40), и Лука, если угодно, говоритъ точно также: „послѣдовали также и женщины, пришедшія съ Іисусомъ изъ Галилеи, и смотрѣли гробъ, и какъ полагалось тѣло Его“ (Лук. 23, 55), и далѣе: „Магдалина Марія и Іоанна и Саломія“ (— 24, 10). Многознаменательны и слова сына громова, который упомянулъ только о ней съ матерію (Іисуса) и другою Маріею: „при крестѣ Іисуса, говоритъ онъ, стояли матерь Его и сестра матери Его, Марія Клеопова, и Марія Магдалина“ (Іоан. 19, 25). Я не сдѣлаю ошибки, если скажу, что Магдалина, бывъ съ Матерію и апостолами въ горницѣ,

получила даръ Утѣшителя, если не огненный языкъ, то по крайней мѣрѣ дарованія.

Съ того времени она жила съ пескусомужною Дѣвою въ сіонскомъ домѣ, въ жилищѣ возлюбленнаго ученика, какъ повѣствуетъ божественное евангеліе. Но послѣ того, какъ апостолы раздѣлили по жребію вселенную, посланы были въ разныя страны и ученіе вѣры возвѣщено уже было въ подсолнечной. Магдалина, пылая гнѣвомъ противъ убійцъ и полная ревности, ушла, послѣ кратковременнаго спокойнаго пребыванія съ Дѣвою, съ которою одною и съ возлежавшимъ на персяхъ была связана. Она рѣшилась отправиться въ Римъ, искать наказанія у кесаря за наложеніе безумцами рукъ на Учителя. По-истинѣ она съ великимъ дерзновеніемъ пустилась въ путь, не обращая вниманія на свою женскую слабость: какая пламенная ревность и настойчивость! Она совершила путь, не имѣя при себѣ ни сумы, ни кошелька, ни другаго чего, но подъемля апостольскій образъ жизни. Конечно она не оставляла и ученія, но предлагала его всѣмъ, возбуждая вѣру къ своей проповѣди и словами и дѣлами своими; потому что ей самой первой случилось созерцать таинственное и потомъ быть для другихъ вождемъ въ столь великомъ проповѣданіи. И кто въ состояніи передать, какія трудности встрѣтились ей на пути, и какъ много людей уловила она мрежею евангелія? Это знаютъ тѣ, кои внимательно читаютъ книги италійцевъ; въ нихъ доселѣ сохранилось преданіе о великихъ дарахъ, данныхъ ей отъ Бога. Представъ предъ лице Тиверія кесаря, она успѣшно исполнила свое намѣреніе и сверхъ всякаго

ожиданія достигла цѣли. Дерзкіе преступники, т. е. Анна, Каіафа и Пилатъ понтійскій потерпѣли то, что должны были потерпѣть, какъ это можно узнать отъ повѣствователей, весьма уважающихъ истину. Наконецъ, внушивъ находившимся здѣсь вѣрующимъ тщательно хранить вѣру, она оставила Римъ, прошла по всей Италіи и смежнымъ съ нею областямъ Галліи, потомъ, побывавъ у жителей земли, оплодотворяемой Ниломъ, проникла въ Финикію, Сирію и Памфилію, возвѣщая всѣмъ слово вѣры; послѣ долгаго отсутствія опять прибыла въ Палестину, и, поживъ короткое время съ Дѣвою Богородицею, пошла въ Асію; потому что тамъ поселилась Дѣва и возлежавшій на персяхъ ученикъ, по жребію пріявшій проповѣданіе здѣсь Евангелія. Она принесла ему безцѣнный подарокъ—красный камень, на которомъ, по преданію, послѣ снятія съ божественнаго древа распростертъ былъ приготовленный къ погребенію жизнодавецъ Христосъ и обвитъ благообразнымъ Іосифомъ плащаницею. Чудное зрѣлище представляетъ этотъ камень. На немъ по всей поверхности неизгладимо остались, представляя подобіе застывшихъ каплей, слезы Богоматери, падавшія у нея при оплакиваніи Сына. Капли эти измѣняютъ и цвѣтъ камня въ зеленоватый, а самый камень впослѣдствіи перенесенъ былъ оттуда на плечахъ благочестивыхъ царей въ Константинополь. Поживъ довольно времени съ Іоанномъ, бывъ для многихъ вождемъ въ познаніи истины, прекрасно, какъ и слѣдовало, сохранивъ вѣру, совершивъ теченіе (2 Тим. 4, 8) и возбудивъ великую похвалу къ себѣ въ душахъ всѣхъ, она постигнута была легкою болѣзнію и

переселилась въ нестарѣющуюся и блаженную жизнь. Она предала душу въ руки Божіи, а тѣло оставила для почитанія возлежавшему на персяхъ и самымъ ангеламъ, то тѣло, въ которомъ она совершила пламенные подвиги ради Христа и пылала горячею любовію къ Нему. Достигшее честной кончины по закону природы, тѣло это, одѣтое съ подобающею честію блаженною Дѣвою и богословомъ, погребается въ нѣкоторой сокровенной пещерѣ близь города Ефеса, какъ многоцѣнное сокровище, поистинѣ достойное небесныхъ чертоговъ.

Для мудраго Соломона казалось весьма труднымъ отыскать мужественную женщину, а намъ, послѣ того, какъ мы узнали Магдалину, не нужно большаго труда для этого. Мы видѣли, что она одна изъ всѣхъ женщинъ совершила подвиги, свойственные мужчинамъ, и притомъ въ такой степени, что въ силѣ духа нисколько не уступаетъ самымъ мужественнымъ и усерднымъ подвижникамъ. Если же нужно сравнить ее съ совершившими, какъ повѣствуетъ, что-либо особенно великое, мы покажемъ, во сколько она превосходила ихъ мужествомъ и прочими мужескими добродѣтелями. Такъ, если бы я вознамѣрился сдѣлать грубое сопоставленіе ея съ Евою; то могъ бы разсказать, какъ Ева, согрѣшивъ, не только не сохранила заповѣди, но еще, убѣжденная коварнымъ совѣтомъ змія, соблазнила мужа, и потомъ сообщить обо всемъ прочемъ, находящемся въ связи съ этимъ первымъ преступленіемъ. Но изъу важенія къ праматери я прохожу это молчаніемъ и удовлетворяюсь только однимъ примѣромъ, показывая изъ

него превосходство Магдалины. Ева, узнавъ Бога, подъ вечеръ ходившаго въ раю, скрылась, стыдясь наготы, а Магдалина, ходя въ саду передъ разсвѣтомъ, спросила Господа, котораго сочла садовникомъ, коснулась Его прекрасныхъ ногъ и, услышавъ голосъ, подошла ближе. Не говорю уже о томъ, что она, какъ услышавшая „радуйтесь“, столь противоположное печали, вознаградила нанесенный Евою вредъ. Сарру и Ревекку дѣлаетъ великими ихъ сожительство съ патріархами. Какое же превосходство предъ ними имѣетъ Магдалина, проводившая жизнь съ Тѣмъ самымъ, въ кого тѣ только вѣровали, и до конца пребывшая Его ученицею? Знаменита и сестра Моисея Маріамъ, которая по переходѣ черезъ чермное море плясала, ударяла въ тимпанъ и воспѣвала съ отроковицами Бога подъ звуки органовъ. Но Магдалина гораздо знаменитѣе ея; ибо она на самомъ дѣлѣ видѣла то, что та видѣла только образно, и вмѣстѣ съ другими женами, подобно тимпану, возгласила слово о воскресеніи апостоламъ и всему міру. Чудную Девору дѣлаютъ славною управленіе іудейскимъ народомъ, побѣда надъ врагами и славное предводительство войскомъ. Во сколько же славнѣе Магдалина, которая предводительствовала Христоименитымъ воинствомъ и одержала рѣшительную побѣду надъ невидимыми врагами. Объ Аннѣ написано, что за сильную печаль о томъ, что у нея не было дѣтей, она родила семерыхъ, а Магдалина за свою пламенную ревность и любовь къ Жениху своему не только освободилась отъ семи духовъ, но и въ страхѣ Божіемъ зачала въ духовномъ чревѣ и родила, то, что противополагаетъ

имъ Исаія, что всего удивительнѣе, себя саму посвятила Богу. Она весьма много подражала и царицѣ южной; ибо изъ любви къ истинѣ и первой мудрости пришла къ тихому и кроткому Соломону—Христу и удивлялась увеличивавшейся или, лучше, по естеству находящейся въ Немъ мудрости и благодати. Ты восхваляешь гостепріимство, оказанное святымъ мужамъ сарептскою вдовицею и сумантянынею, скромную трапезу и неумалившійся сосудъ елея? Восхвали же жизнь Магдалины, посвященную на служеніе ближнимъ, и муро, принесенное ею Святому святыхъ, успувшему животворнымъ сномъ, досель повсюду со славою изливаемое и текущее. Она превзошла ревностію Іаиль и Іудиѳь. Первая пронзила коломъ шею Сисары, Іудиѳь сняла голову съ ассиріанина Олоферпа, а Магдалина унизила и явила замыслившими тщетное убійство не одного только Пилата, Каіафу и Анну, коварствовавшихъ противъ Христа и умерщвленныхъ по повелѣнію касаря, но и содѣйствовавшихъ имъ, разумѣю—книжниковъ и фарисеевъ. Нужно ли перечислять прочихъ: Сусанну, Есѳирь, Саломонію? Магдалина всѣхъ неизмѣримо превзошла здравомысліемъ, защитою народа и терпѣніемъ чрезъ Христа и ради Христа. Она превзошла благодатію и всѣхъ украшенныхъ вѣнцемъ мученичества и проводившихъ подвижническую жизнь женщинъ; ибо созерцала, видѣла Христа, истиннаго ихъ жениха и возлюбленнаго, и служила Ему. Скажу короче: что̀ апостолы между всѣми святыми мужчинами, тоже самое Магдалина между посвятившими себя Богу женщинами; однимъ она соревновала, другихъ превзошла. для всѣхъ же явилась образцемъ жизни.

Проведши такъ равно-ангельную жизнь и явившись достойною почитанія для самыхъ ангеловъ, она преставилась и погребена была, какъ я сказалъ выше, въ пещерѣ. Спустя почти тысячу лѣтъ послѣ того, Левъ, славный между царями, сынъ Василія македонянина, по прозванію мудрый, вслѣдствіе божественнаго явленія ему блаженной (на яву, а не во снѣ) перенесъ оттуда съ братомъ своимъ Александромъ честные останки ея на плечахъ, и торжественно и благоговѣйно положилъ ихъ, покрывъ всю гробницу серебрянымъ покровомъ, на лѣвой сторонѣ въ храмѣ, воздвигнутомъ имъ въ Византіи въ честь друга Христова Лазаря четвородневнаго. Но какъ я могу умолчать о такомъ зданіи, нисколько не уступающемъ самымъ великимъ? Храмъ этотъ до такой степени прекрасенъ, что я не въ состояніи сообщить о его великолѣпіи и представить все изящное устройство его. Скажу вообще: мудрѣйшій царь, посвящая его другу Христову, построилъ его такъ, что онъ превосходитъ всѣ храмы благообразіемъ и не многимъ уступаетъ въ величіи: онъ приличенъ царю Льву и достоинъ друга Христова. Въ него онъ перенесъ изъ Кипра мощи Лазаря и торжественно положилъ ихъ на право отъ входа въ храмъ, а на лѣвой сторонѣ у передней стѣны святилища, какъ я сказалъ выше, положилъ блаженную Магдалину. Теперь они неусыпные стражи города, спасители и раздаятели всякихъ дарованій приступающимъ къ нимъ съ любовію и самые надежные ходатаи предъ Богомъ; ибо кто ближе ко Христу, какъ не ученикъ и другъ Его?

СКАЗАНІЕ

О СВЯТОМЪ АПОСТОЛѢ ТИТѢ.

Память его—25 августа.

Св. Андрея, архіепископа († 690 г.) критскаго (1).

Титъ, презрѣвши родъ, богатство и всякій блескъ и отвергши все, что̀ только почиталось въ его время славнымъ у еллиновъ и у идолослужителей, сильно желалъ той одной чести, чтобы оставить всякое многобожіе отцевъ и суевѣрное бѣсовское обольщеніе, ведушно усвоить богомудріе о насъ Іисусово, всецѣло предаться Всевозлюбленному и быть христіаниномъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Богъ призвалъ его, а всеосвѣщающій Духъ разровнялъ для него стези истины къ евангельской проповѣди. Затѣмъ онъ становится союзникомъ, товарищемъ и спутникомъ свѣтозарнаго свѣтила апостольскаго сонма, т. е. Павла, живущаго подъ закономъ по закону, а подъ благодатію согласно съ благодатію, и, подражая его ревности по вѣрѣ равною ревностію, является и самъ ревнителемъ. Отвергшись отмѣненнаго закона отцевъ и отрекшись суетнаго богопочитанія по языческому мудрованію, онъ все помышленіе и жизнь перенесъ на небо. Нельзя обойти молчаніемъ и того, что едва не ускользнуло отъ меня. Эта преславная жемчужина Христова, этотъ камень, драгоцѣнный не менѣе Заровавелева камня, съ семью очами (Зах. 3, 9),

---

(1) Изъ слова его на святаго, блаженнаго и всехвальнаго апостола Христова Тита. Patrolog. Curs. compl. t XCVII p. 1145—1169. Paris. 1860.

украшавшаго вѣнецъ красотъ, находился въ родствѣ съ тогдашнимъ проконсуломъ страны и былъ близокъ по роду къ тѣмъ, кои имѣли прародителями Миноса и Радаманта, дѣтей Зевса.

Положившись на власть родственника и не убоявшись, еслибы пришлось подвергнуться чему-нибудь, онъ самъ приготовилъ себѣ прекрасную ступень къ вѣрѣ во Христа изъ законоположенія, находящагося въ Писаніи. Нашедши книги Моисеевы и все Писаніе еврейское, онъ самымъ тщательнымъ образомъ занялъ ими умъ, всецѣло пропикся ими и въ короткое время столько успѣлъ въ знаніи еврейскаго языка, что всѣ, знавшіе его прежде, думали, что это не тотъ, котораго они встрѣчали за день накапунѣ, но похожій на него другой еврей, знаменитый между евреями. Онъ имѣлъ умъ острый, въ изобиліи обладалъ внѣшнимъ образованіемъ, былъ совершенъ въ силѣ слова и умѣлъ прекрасно говорить и быстро понимать. Такимъ образомъ онъ былъ великъ и вмѣстѣ удивителенъ и обращалъ на себя взоры всѣхъ. Что же онъ дѣлаетъ и что предпринимаетъ? Онъ приходитъ къ родственнику своему и посредствомъ дѣльныхъ рѣчей доводитъ его до того, что тотъ благосклонно позволяетъ ему предпринять путешествіе въ Іерусалимъ будто бы для приращенія мудрости, чтобы набраться ея тамъ чрезъ прилежное поученіе у тѣхъ, кои стояли во главѣ занимавшихся іудейскимъ писаніемъ. Что же случилось съ этимъ благороднымъ человѣкомъ и любителемъ истиннаго знанія? Онъ весьма скоро прибылъ въ Іудею, когда только что началась проповѣдь Евангелія, или, сказать точнѣе,

за нѣсколько времени предъ тѣмъ, какъ благодать божественнаго Духа опочила на ученикахъ Христовыхъ въ видѣ огненныхъ языковъ и сообщила имъ даръ говорить къ язычникамъ ихъ собственными языками, а не своимъ отечественнымъ, такъ что весь вообще городъ смутился и повергся въ изумленіе, увидѣвъ новое зрѣлище и необычайное чудо. Вотъ когда и, можно сказать, въ этотъ именно часъ прибылъ въ Іерусалимъ великій мужъ этотъ и человѣкъ Божій, и присоединился къ тому множеству собравшихся, о которыхъ говоритъ книга Дѣяній: „было же собраніе человѣкъ около ста двадцати“ (Дѣян. 1, 16), и всѣ устремили мысли свои ко Господу.

Наученный Духомъ Святымъ, онъ становится однимъ и первымъ изъ увѣровавшихъ въ то время, сдѣлавъ себя началомъ евангельской проповѣди, началомъ усвоенныхъ Христу чрезъ крещеніе. Затѣмъ, немедленно вошедши въ общеніе съ учениками Христовыми и благовременно получивъ наставленіе въ таинственномъ ученіи, онъ и самъ дѣлается ученикомъ, равнопочтеннымъ какъ по достоинству, такъ и по ревности. Спустя немного обратился и Павелъ, великій учитель Церкви, тотъ Павелъ, который обошелъ съ проповѣдію всю вселенную отъ Іерусалима даже до Иллирика. Онъ, еще не приблизившись къ свѣту, совершая путь въ Дамаскъ, въ самый полдень поражается небеснымъ свѣтомъ, слышитъ голосъ свыше, проникающій въ душу его, удостоивается богоявленія Іисуса, до крещенія научается тайнамъ крещенія, до усыновленія и возложенія рукъ получаетъ благодать апостольскаго до-

стоинства, называется избраннымъ сосудомъ (Дѣян. 9, 15) и чрезъ славнаго Ананію получаетъ отъ Духа Святаго предсказаніе, что возвѣститъ имя Господне предъ народами и царями, сдѣлавшись изъ гонителя учителемъ и изъ хулителя проповѣдникомъ. Чудный Титъ, воззрѣвъ на него проницательнымъ духовнымъ окомъ и узрѣвъ изліянное на него блистаніе божественной благодати, весь предается Призвавшему и какъ бы ради него явившемуся къ проповѣднику (1) и тотчасъ, оставивъ все и разставшись со всѣмъ, что стѣсняетъ чувство, приходитъ къ нему со многими спутниками, дѣлается сначала однимъ изъ близкихъ и знакомыхъ, а спустя немного и сотрапезникомъ и сожителемъ его. А что случилось послѣ того, какъ этотъ чудный мужъ, преуспѣвая болѣе, былъ понятъ тѣмъ, кого предъузналъ Богъ и сравнилъ съ чрезвычайными апостолами чистымъ божественнымъ свѣтомъ? Онъ становится наконецъ товарищемъ и спутникомъ его въ проповѣданіи евангелія. Что за симъ послѣдовало, того нельзя высказать; ибо это превышаетъ разумѣніе и едва ли не превосходнѣе, нежели какимъ почитали то многіе. Поэтому я обращу рѣчь къ тому, о чемъ могу говорить. Павелъ столько заботился о Титѣ, что повсюду водилъ и такъ сказать носилъ его съ собою, какъ пріятнѣйшую и богатѣйшую добычу, а Титъ съ молодости имѣлъ все, что обыкновенно украшаетъ человѣка, живущаго добродѣтельно и по Богѣ: былъ скроменъ, довѣрчивъ, доступенъ, послушенъ, способенъ къ апостольству, благопотребенъ къ служенію,

(1) Т. е. къ ап. Павлу.

благоуспѣшенъ въ умиротвореніи, искусенъ въ наставленіи изнемогающихъ и въ защищеніи труждающихся ради Христа, скоръ на всякое доброе дѣло. Но за чѣмъ говорить мнѣ далѣе отъ себя, когда довольно привести слова Павловы, чтобы разительнѣе представить вамъ того, кто изображенъ въ Писаніи, какъ бы на картинѣ? Павелъ, пиша нѣкогда къ коринѳянамъ и повѣствуя о благодати, данной ему для проповѣди, дошедши до одного мѣста въ рѣчи, восхваляетъ священнаго Тита слѣдующими словами: „хотя мнѣ и отверста была дверь Господомъ для благовѣствованія о Христѣ, я не имѣлъ покоя духу моему, потому что не нашелъ тамъ брата моего Тита“ (2 Кор. 2, 12. 13).

Видишь ли, сколь велика и обильна была благодать Духа, излившаяся на Тита съ самаго начала вѣры? Онъ названъ и братомъ и утѣшеніемъ и прохладою души Павла. „Я, говоритъ, не имѣлъ покоя духу моему, потому что не нашелъ тамъ брата моего Тита“. Хочешь ли, я приведу тебѣ и другое свидѣтельство о немъ великаго апостола? „Я, говоритъ онъ, исполненъ утѣшеніемъ, преизобилую радостію“ (2 Кор. 7, 4). Скажи, какъ и какимъ образомъ? „Утѣшающій, говоритъ, смиренныхъ утѣшилъ насъ прибытіемъ Тита, и не только прибытіемъ его, но и утѣшеніемъ, которымъ онъ утѣшился о васъ“ (2 Кор. 7, 6. 7). Видалъ ли ты такое обиліе любви, такой союзъ единодушія? Павелъ назвалъ утѣшеніе Тита собственнымъ и его радость почелъ своею. Послушай, что̀ опять говоритъ онъ, пиша къ тѣмъ же коринѳянамъ: „а еще болѣе обрадованы мы радостію Тита, что всѣ успокоили духъ его. Та-

кимъ образомъ я не остался въ стыдѣ, если чѣмъ-либо похвалился о васъ предъ нимъ; но какъ вамъ мы говорили все истину, такъ и предъ Титомъ похвала наша оказалась истиною. „И сердце его весьма расположено къ вамъ“ (2 Кор. 7, 13—15). И спустя немного говоритъ: „благодареніе Богу, вложившему въ сердце Титово такое усердіе къ вамъ. Ибо хотя и я просилъ его; впрочемъ онъ, будучи очень усерденъ, пошелъ къ вамъ добровольно“ (2 Кор. 8, 16. 17). Видишь ли, какъ повсюду увѣряетъ о его ревности? Видишь ли, какъ и выше и ниже, говоря о немъ, осыпаетъ его похвалами и превозноситъ его? Выше, когда говоритъ: „я не остался въ стыдѣ, если чѣмъ либо о васъ похвалился предъ нимъ“, и: „предъ Титомъ похвала наша оказалась истиною“, а ниже, повѣствуя, какова была ревность его къ служенію увѣровавшимъ во Христа, сказалъ язычникамъ: „онъ, будучи очень усерденъ, пошелъ къ вамъ добровольно“.

Подожди, я покажу, что Титъ и товарищъ Павла и сотрудникъ и слава Христова и апостоль церквей. Самъ же Павелъ, уста Христовы, пусть восполнитъ слово мое. Сравнивая съ Титомъ одного изъ тѣхъ, которыхъ послалъ съ нимъ на порученное служеніе, онъ говоритъ: „что касается до Тита, это мой товарищъ и сотрудникъ у васъ; а что до братьевъ нашихъ, это посланники церквей, слава Христова“ (2 Кор. 8, 23). Видишь ли равенство вѣры? Не кажется ли тебѣ удивительнымъ, что позднѣйшій Павла помѣщенъ рядомъ съ нимъ и есть и именуется его товарищемъ и сотрудникомъ. Какого Павла? Того, который возлетѣлъ до

третьяго неба, гдѣ слышалъ то, чего никто не можетъ высказать, и прежде смерти восхищенъ былъ въ рай несравненно лучшимъ, нежели какъ можемъ мы понять, образомъ. Вотъ кому Титъ и товарищъ и сотрудникъ и сопутникъ. Но онъ не то еще. Онъ и слава Христова и апостолъ церквей. Посмотри, какъ онъ дѣйствовалъ въ одномъ духѣ съ Павломъ и получилъ свидѣтельство о томъ, что велъ нестяжательную жизнь. Выслушай подлинныя слова Павла. „Положимъ, говоритъ онъ, что самъ я не обременялъ васъ; но, будучи хитръ, лукавствомъ бралъ съ васъ "(2 Кор.12, 16). Что ты говоришь? Будучи хитръ, ты бралъ лукавствомъ съ тѣхъ, кого уловилъ дляХриста? Да, говоритъ, я слукавилъ доброе лукавство, подражая Христу, который хитростію уловилъ врага; ибо, приманивъ его покровомъ плоти, уловилъ его удицею и силою Божества, почему слово „хитръ" мы принимаемъ вмѣсто „мудръ". Положимъ, говоритъ Павелъ, что самъ я не обременялъ васъ; но, будучи хитръ, лукавствомъ бралъ съ васъ. Не попользовался ли чѣмъ нибудь отъ васъ кто-либо изъ тѣхъ, кого я послалъ къ вамъ? Я упросилъ Тита, и послалъ съ нимъ одного изъ братьевъ: Титъ воспользовался ли чѣмъ отъ васъ? Не въ одномъ ли духѣ мы дѣйствовали? Не однимъ ли путемъ ходили (2 Кор. 12, 16 –18)? Хвала истинѣ! Еще болѣе хвалы Духу, приведшему въ такое согласіе обоихъ провозвѣстниковъ Христовыхъ! Такъ самъ Павелъ, слава Титова, нарочно со всѣмъ тщаніемъ составилъ Титу хвалу: сопоставляя дѣянія его своимъ дѣяніямъ, онъ какъ бы на картинѣ превосходно изобразилъ его отличными красками.

Блаженный отче, великое похваленіе и украшеніе Крита, изъяснитель истинной скиніи и вышняго тайнослуженія и истолкователь божественныхъ предметовъ! Прими отъ насъ хвалебное слово, и, какъ чадолюбивый, благопріятно приклони ухо свое къ желающему лепетать, къ моимъ словамъ. Отцамъ нравится лепетаніе дѣтей когда они изливаютъ безхитростное слово отъ простоты сердца. Я же, неимѣющій ничего благопотребнаго къ составленію искуснаго и сильнаго слова, какое могу принести слово, если кто не придетъ къ моей немощи на помощь? Къ тому же, какое слово и притомъ достойно можетъ восхвалить тебя, получившаго хвалу свыше отъ Господа, какъ мы слышимъ Его, ясно возвѣщающаго въ одномъ мѣстѣ: „вы соль земли“ (Мато. 5, 13), „вы свѣтъ міра“ (ст. 14), „вамъ дано знать тайны царствія Божія“ (Матѳ. 13, 11), а въ другомъ: „ваши блаженны очи, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ. Ибо, говорю вамъ, что многіе пророки и цари сильно желали видѣть, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали“ (Матѳ. 13, 16. 17). Какой, говорю, вѣнецъ сплетемъ мы тебѣ? Или какіе соберемъ цвѣты словъ и возложимъ на священнѣйшую главу твою? Кто столь несмысленъ, что дерзнетъ ставить свои слова на мѣсто Господнихъ, изъ коихъ даже одно реченіе достаточно для полнаго восхваленія тебя по достоинству? Что же это за реченіе? То, коимъ вы наречены свѣтомъ міра, какъ наученные первымъ Свѣтомъ; ибо таковыми должно почитать тѣхъ, кои, подобно солнечному теченію, обошли съ евангеліемъ вокругъ міра. Вы—соль Церкви, сдѣлавшая

сладкими горькія и соленыя воды невѣрія, далеко отогнавшіе безчадіе плодоносіемъ и негодное для питія пріятностію. Вы—твердыня догматовъ церковныхъ, поставленная на верху горы. Ты великое дѣло изъ дѣяній Павловыхъ, прекрасная жатва, преславное украшеніе похваленій его, изящное завершеніе трудовъ его. Ты—первое приношеніе Богу отъ воспитавшаго тебя отечества, ты священная благопріятная жертва изъ незакалаемыхъ овецъ Христовыхъ (1), досточтимое украшеніе Церкви, богоглаголивый языкъ, немолчныя уста богословія, духовная труба апостоловъ, богописанная книга небесныхъ ученій, голосъ, возвѣщающій божественное. Ты, поднесши уста свои къ чашѣ вышней премудрости, привлекъ Духа божественнаго и почерпнулъ благодать чудотвореній. Ты, принявъ оттуда животворящаго питія, таинственнѣйше вкусилъ отъ чаши спасенія (Псал. 15, 4), растворенной божественнымъ освященіемъ. Ты невѣстоводитель церкви, принесшій ей чадъ Крита, какъ брачные дары жениха невѣстѣ и приданое невѣсты. Ты первый архипастырь и предстоятель принесенной Христу критской церкви, то духовною свирѣлью созывающій словесныхъ овецъ Христовыхъ, то водящій и переводящій ихъ съ пажити на пажить, чтобы привести ихъ къ мысленному питію божественныхъ истинъ. Ты свѣча горящая и немогущая скрываться подъ сосудомъ (Матѳ. 5, 15. Марк. 4, 21),—ибо несправедливо, чтобы вашъ свѣтъ измѣрялся толь-

(1) Т. е. жертва, знаменитѣйшая между тѣми, которыя живыми приносятся Богу чрезъ одно духовное заколеніе; ибо св. ап. Титъ скончался не мученическою смертію.

ко сосудомъ,—но долженствующая быть поставленною на высокомъ блестящемъ золотомъ подсвѣчникѣ, разумѣю—Церкви, чтобы вы сіяли въ мірѣ, какъ свѣтила, содержа слово жизни (Филип. 2, 15. 16). Ты неповрежденное зеркало добродѣтелей, сіяніе апостольское, начало учителей, отличный между іереями, пастырь пастырей, преслѣдователь волковъ и защитникъ овецъ Христовыхъ. Ты богонасажденная лоза мысленнаго винограда Церкви, произращающая мысленныя ягоды проповѣданія. Ты первовоздѣланное поле насажденія Павлова, плодоносная нива земледѣланія его, страна, орошенная таинственными каплями божественныхъ словъ.

Но какая обработанная рѣчь можетъ насытить меня, возлюбленные? Или, какими словами увѣнчаю я главу, для меня священную и увѣнчанную Богомъ, а для всѣхъ досточестную? У меня ничего нѣтъ, что̀ могъ бы я принести достойно для прославленія ея: ни силы въ словѣ, ни опытности въ искуствѣ, ни изобрѣтательности въ мысляхъ, ни свойствъ софистической опытности въ убѣжденіи, ни другаго чего-либо, ни малаго, ни великаго, изъ чего можно было бы составить достойное его похвальное слово. Позволь однако мнѣ, сонмъ іереевъ и богозапечатлѣнное священною рукою Тита собраніе, еще возвратиться къ нему словомъ своимъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что и вы послѣдуете за мною и возрадуетесь со мною; ибо „когда хвалятъ праведнаго, говоритъ премудрый Соломонъ, возвеселятся народы“ (Притч. 29, 2). Поэтому справедливымъ почитаю усвоить себѣ голосъ всѣхъ и одинъ изъ среды всѣхъ и за всѣхъ словомъ поставить предъ вами въ словѣ, какъ

бы на колоннѣ, Тита, мысленный столпъ словъ и преславнаго учителя церквей, находящихся во вселенной.

Великій Титъ есть спутникъ избраннаго сосуда (Дѣян. 9, 15) и горячій общникъ его въ проповѣданіи Евангелія. Титъ—первый противникъ суетнаго идолослуженія и поборникъ богомудрія Христова. Онъ для покланяющихся камнямъ лежитъ камнемъ претыканія и подложилъ имъ камень, положенный во главу угла Церви—Христа. Титъ — крѣпчайшее основаніе и камень вѣры, незыблемо утверждающій на камнѣ—Христѣ тѣхъ, у кого сердце твердо какъ камень. Титъ—богосозданная крѣпость церкви критской, несомнѣнная защита приходящихъ къ нему несомнѣнно, благоприличное начало божественнаго промышленія о насъ, чрезъ которое мы познали истину, получили жизнь, пріобрѣли вѣдѣніе, озарились свѣтомъ. Титъ—первопрестольникъ здѣшнихъ двѣнадцати престоловъ, божественно блистающее для нашей слѣпоты небо, свѣтлое солнце тверди церковной, свѣтло свѣтящая одушевленнымъ свѣтиламъ звѣзда, непогрѣшимо приведшая блуждающія во лжи звѣзды къ неложнымъ путямъ вѣры и блистаніями истины, какъ огнемъ, освѣщающая вселенную. Титъ—херувимское око, серафимскія уста, неусыпный стражъ, несмежающаяся во время таинственной нощной стражи на полѣ зѣница. Титъ—непобѣдимое оружіе, изощренный противъ враговъ мечъ, защитникъ своихъ чадъ, помощникъ бѣднымъ, питатель алчущихъ, покровъ неимѣющимъ крова, прекрасное одѣяніе нагихъ, пристань для находящихся въ яростныхъ волнахъ, пламень благочестія, блистающая искра божественныхъ догматовъ,

одушевленный свѣтильникъ Церкви, столпъ добродѣтелей, живой образецъ славныхъ дѣяній, благогласная лира догматовъ, пріятный пѣвецъ священныхъ пѣсней, неумолкаемая цитра, успокоивающая страсти душевныя смычкомъ священныхъ ударовъ, таинственное зерцало вѣры, поражающее зрачки противниковъ отражающимся блескомъ лучей. Титъ—великій вождь живущихъ благочестиво, всеоружіе вѣрныхъ, всегубительство враговъ, исправленіе мудрствующихъ несовсѣмъ право, твердая палинодія обращающихся, врачъ больныхъ, успокоеніе утомленныхъ, разрѣшеніе узниковъ, оживленіе находящихся въ нуждахъ, воздвиженіе находящихся въ бѣдствіяхъ, отецъ сиротъ, защитникъ вдовицъ, освободитель плѣнныхъ, страннопріимецъ странствующихъ, посѣтитель находящихся въ темницахъ, покровитель подвергшихся искушеніямъ. Титъ, будучи для всѣхъ всѣмъ, благоприступенъ для приходящихъ, благопослушливъ къ просящимъ, предъ всѣми смиренъ, дружественъ, почтителенъ, общителенъ, общежителенъ, благосклоненъ, кротокъ, душелюбивъ, пріятенъ, скроменъ, учителенъ, милостивъ, мудръ, истиненъ. Справедливо Павелъ, украшая истиннаго іерея Христова, прилично прославляетъ его, называя его святымъ, непорочнымъ и исполненнымъ всякой добродѣтели.

Вотъ какимъ представляетъ намъ себя достоуважаемый Титъ. Собравъ въ себѣ цѣлый сонмъ божественныхъ добродѣтелей, онъ весь всецѣло сталъ духовнымъ, отвергши плоть, почему и слово спасительное изливается отъ него наподобіе источника, и мудрость преизобилуетъ въ немъ паче песка морскаго.....

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

перваго тома

СКАЗАНІЙ О СВЯТЫХЪ.

стран.

Предисловіе . . . . . 3.

Сказанія о святыхъ праведныхъ богоотцахъ Іоакимѣ и Аннѣ . . . . . 59.

Сказаніе о женѣ грѣшницѣ, помазавшей Господа мѵромъ . . . . . 264.

Сказанія о святомъ апостолѣ и евангелистѣ Лукѣ . . . . . 280.

Сказанія о святомъ апостолѣ и евангелистѣ Іоаннѣ богословѣ . . . . . 293.

Сказанія о святой мѵроносицѣ и равноапостольной Маріи Магдалинѣ . . . . . 451.

Сказаніе о святомъ апостолѣ Титѣ . . . 487.

20070665176